

Российская академия наук
Институт лингвистических исследований

С . А . М Ы З Н И К О В

РУССКИЕ ГОВОРЫ ОБОНЕЖЬЯ

АРЕАЛЬНО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКИ
ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Электронная версия

Бумажная версия вышла в Санкт-Петербурге в издательстве «Наука» в
2003 году тиражом 500 экз.

© Сергей Алексеевич Мызников

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Теоретические проблемы анализа лексики прибалтийско-финского происхождения	16
Лексическое заимствование	16
Субстрат и заимствование	17
Вариантность и заимствованная лексика	18
История изучения русских говоров Обонежья	22
Говоры Обонежья в макроструктуре русских говоров	22
Микроареальное членение говоров Обонежья	30
История изучения лексики прибалтийско-финского происхождения в севернорусских говорах	43
Ареально-этимологический анализ лексики тематических групп	66
Названия растений и их частей	67
Наименования птиц	125
Наименования животных, частей их тел, форм их жизнедеятельности	144
Наименования рыб, частей их тел	152
Названия насекомых, земноводных, пресмыкающихся, червей	203
Лексика ландшафта	216
Метеорологическая лексика	311
Сельскохозяйственная лексика	355
Рыболовецкая и охотничья лексика	382
Наименования построек и их частей	405

Наименование средств передвижения по воде	407
Наименования болезней	411
Выводы	413
Динамика слов прибалтийско-финского происхождения в Обонежье	415
Проблема фонетической субституции	419
Лексические варианты	421
Лексические ареалы	426
Заключение	432
Материалы и источники	434
Список сокращений	448
Перечень районов, приводимых в работе	457
Литература	460
Алфавитный индекс материалов	503

ВВЕДЕНИЕ

Прибалтийско-финские лексические заимствования изучаются уже около ста пятидесяти лет, но работ, посвященных монографическому исследованию какого-либо региона с ареально-этимологических позиций, основанных на полевых материалах, до настоящего времени не существовало, и данное исследование является первой попыткой изучения лексики прибалтийско-финского происхождения в этом плане.

Русские говоры Обонежья занимают особое место среди диалектных группировок Северо-Запада по ряду своих особенностей, которые выделяют их в севернорусском континууме.

1. Этот регион является зоной межъязыковых контактов в настоящее время, и именно поэтому только здесь можно зафиксировать проникновения и адстратные единицы.
2. В Обонежье имеются ареалы, где отмечается субстратное воздействие, указывающее на доминирующее прибалтийско-финское прошлое региона.
3. Только в Обонежье, где совмещается субстратное и адстратное прибалтийско-финское языковое влияние, можно как на модели изучать такого рода взаимодействие с тем, чтобы проецировать на другие ареалы Северо-Запада.

В отношении бытования лексики прибалтийско-финского происхождения в говорах Обонежья отмечаются следующие особенности:

1. Среди всех русских говоров Северо-Запада наибольший удельный вес неисконной лексики приходится на эти говоры.

2. Если какая-либо единица представляет собой слово прибалтийско-финского происхождения, то в большинстве случаев она фиксируется в говорах Обонежья.
3. Говоры Обонежья представляют самый западный ареал дистрибуции лексики прибалтийско-финского происхождения с возможностью его распространения на восток.
4. Если какая-либо лексема представляет собой единицу прибалтийско-финского происхождения без фиксации ее в Обонежье, а на территории русских говоров Северо-Запада, то чаще всего в этом случае речь идет о репрезентации единицы действительно субстратной природы.
5. Только для говоров Обонежья характерно также и выравнивающее адстратное влияние смежных прибалтийско-финских языков, и поэтому именно здесь русские единицы ближе всего к этимонам по форме и семантике.
6. В настоящее время часть слов находится на периферии языкового сознания и активно заменяется соответствующими русскими синонимами, но этот процесс происходит по-разному в зависимости от того или иного ареала в исследуемом регионе.

Основные лексические материалы были собраны во время диалектологических экспедиций автора, начиная с 1990 г. по 2002 г. Были обследованы следующие р-ны (по административному делению): Подпорожский: Заозерье, Корба, Курпово, Пидьма, Ульино, Усланка, Шеменичи, Шустручей, Юксовичи, Яндеба (10 н.п.) Ленин-

градской области; Вытегорский: Андома, Казаково, Мегра, Ошта, Палтога (5 н. п.) Вологодской области; в Карелии — Прионежский: Заозерье, Ладва, Машезеро, Педасельга, Суйсарь, Ялгуба район (6 н. п.), Кондопожский: Гангозеро, Кулмуksа, Лижма, Новинка, Тулгуба, Чеболакша (6 н. п.); Медвежьегорский: Великая Губа, Великая Нива, Вырозеро, Загубье, Кижы, Космозеро, Кузаранда, Ламбасручей, Лонгасы, Палтега, Петры, Сенная Губа, Таммичозеро, Толвуя, Челмужи, Шильтя, Шуньга (17 н. п.), Пудожский: Авдеево, Гакукса, Каршево, Куганаволок, Песчаное, Пяльма, Римское, Чуяла (8 н. п.), Сегежский: Валдай, Вожма Гора, Дуброво (3 н. п.). Всего было обследовано 55 н. п., опрошено около 150 информантов.

Кроме основных данных, полученных в ходе диалектологических экспедиций, значительные по объему материалы были почерпнуты из картотеки «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей». Для анализа материала на общерусском фоне использовалась картотека «Словаря русских народных говоров» Института лингвистических исследований РАН. Основной задачей являлось выделение ареалообразующих автохтонных лексем прибалтийско-финского происхождения, а также уточнение номенклатуры анализируемой лексики, т. е. определение общего числа слов. Однако в ходе диалектологических экспедиций и просмотра картотечных материалов удалось зафиксировать ряд слов, ранее не представленных в лексикографических и исследовательских работах. Как видно из перечня населенных пунктов, наиболее обследованным оказался Медвежьегорский р-н (Заонежье). В Прионежском р-не сбор диалектных данных затруднялся тем, что рядом находится город Петрозаводск и многие деревни превратились в дачные поселки. В Кондопожском р-не русские поселения находятся только в южной

его части, поэтому полевое обследование ограничилось только этими населенными пунктами. Сбор лексического материала осложнялся тем, что фиксации и анализу подлежали прежде всего заимствованные слова, что сопряжено с рядом трудностей. Выяснилось, что в настоящее время часть неисконной лексики находится на периферии языкового сознания и активно заменяется соответствующими русскими синонимами, часть лексики уходит в разряд малоупотребительных архаизмов в силу смены уклада жизни.

Достоверность любой работы, посвященной проблемам ареального и лингвогеографического анализа языковых единиц, зависит в первую очередь от качественного вопросника или программы по сбору материала (хотя лингвогеографическое обследование всегда предполагает в качестве его завершающего этапа картографическую репрезентацию собранных материалов, в данной работе его результаты используются для этимологического анализа). Здесь мы исходим из того, что значительная часть лексики прибалтийско-финского происхождения уже описывалась в научной литературе, и в отношении этого круга слов поиск должен вестись в отношении уточнения ареала бытования, выявления вариантов, семантического и деривационного развития. Частично для этой цели использовались материалы «Словника-вопросника по изучению заимствованных карельских, вепсских, финских и областных слов в русских говорах КАССР» В. И. Алатырева [Алатырев 1948]. Понимая, что работа по сбору такого рода данных проводилась, нужно было учесть и то, что часть заимствованной лексики просто могла не иметь фиксаций в словарях и другой научной литературе, но реально существовать в говорах. Поэтому совершенно естественно, что после систематизации имеющегося в нашем распоряжении лексическо-

го материала (см. перечень источников) была составлена программа-вопросник. Так как в собираемом материале доминировала лексика природы, то она была разбита на ряд тематических групп: 1. растительный мир; 2. животный мир, включающий в себя подгруппы: а) животные, б) птицы, в) пресмыкающиеся, насекомые, г) рыбы и части их тела; 3. метеорологическая лексика; 4. лексика ландшафта. Проводился также сбор сельскохозяйственной лексики, рыболовецкой и охотничьей терминологии и по другим тематическим группам, материалы которых не оказались значительными.

Основной задачей при сборе материала было выявление заимствованной лексики, но при этом попутно собиралась исконная лексика, в особенности если она являлась дублетом (синонимом) к заимствованному слову. Так же как и П. Н. Лизанец [Лизанец 1975а: 177–182], мы старались собрать, кроме неисконной лексики, и все другие традиционные названия обозначаемых реалий, то есть проследить весь круг лексических манифестаций концепта. Кроме того, мы старались, если представлялась такая возможность, выявить форму, этимологически близкую к тому или иному диалекту прибалтийско-финских языков; была также предпринята попытка выяснить, на какой территории употребляется только заимствованная лексика, а где используются исконные синонимы. Практически каждый вопрос в программе-вопроснике дается в двух планах: от значения к слову и от слова к значению, что облегчало сбор материала. Первый вариант Программы насчитывал около тысячи вопросов. Однако в дальнейшем полевые исследования показали относительную лексическую уникальность Обонежья и позволили сократить число вопросов.

Вторым важным моментом в достоверности материала является методика его сбора. В лингвистической литературе имеется немало работ, посвященных вопросам

методики. А. Доза, вслед за Ж. Жильероном, например, полагал, что сбор материала можно доверить только человеку, не имеющему специального образования, чтобы не было влияния на транскрипцию этимологических или других источников, чтобы не было попытки давления на информатора, ретуши его ответов [Dauzat 1922: 8].

Можно заметить, что эти опасения в ряде случаев подтверждались в нашей работе. Например, широко распространенное слово **макса** ‘рыбья печень’ в н. п. Ладва имеет значение ‘молозиво’, что было первоначально принято за ошибку информанта и только опрос нескольких лиц внес ясность в данный вопрос и подтвердил реальность существования сомнительного на первый взгляд значения. Большинство современных лингвогеографических исследований показало, что наиболее достоверный материал можно получить путем опроса 3–5 человек разного пола и возрастов. Некоторые исследователи намеренно ограничивают возрастные рамки информанта 70 — 75 годами, другие предпочитают работать без возрастных ограничений. Но все-таки многие склоняются к мысли, что превышение возраста информанта свыше 80-ти лет вряд ли допустимо [Kurath 1939: 41]. Мы не ставили заранее перед собой никаких ограничений, связанных с возрастом информанта и его культурно-образовательным уровнем, а рассматривали в каждом конкретном случае возможность получения от диалектоносителя качественного материала. Естественно, при этом учитывалось, чтобы информантами были коренные жители, языковое сознание которых складывалось в месте постоянного проживания, и чтобы они не проживали долгое время вне своего диалектного окружения. Для части населенных пунктов последнее условие довольно часто не выполнялось, так как в годы Великой Отечественной войны западная часть Обонежья, включая нынешние Подпорож-

ский, Прионежский, Кондопожский, Медвежьегорский р-ны, а также западная часть нынешнего Вытегорского р-на были оккупированы финнами и местные жители были либо в эвакуации, либо в плену. Причем значительная часть населения оккупированных территорий была вывезена в другие части Карелии для проведения каких-либо работ. Многие из них после войны вернулись на прежнее место жительства. В большинстве своем это люди от 70 до 75 лет и, как показывает практика сбора материала, именно люди этого возраста являются самыми квалифицированными информантами.

Еще одним определяющим моментом качества и достоверности лингвогеографических данных является выбор сетки обследования населенных пунктов. Известны случаи, когда для небольшой территории планировалось обследование всех населенных пунктов, но даже при наилучших условиях сбора материала дело ограничивалось 10% из общего числа всех пунктов [Kalman 1959: 69]. Исходя из того, что ошибки и просчеты, которые могут быть вызваны лакунами при редкой сетке, должны, в принципе, исключаться, было решено произвести обследование возможно большего числа населенных пунктов.

Так как общее число лексем прибалтийско-финского происхождения, зафиксированных в Обонежье и прилегающих р-нах превышает 1 тысячу слов, то для того, чтобы работа по проверке, уточнению и анализу их ареальной дистрибуции могла пройти в обозримый временной период, решено было ограничиться уже собранными материалами и не пытаться представить полный свод материалов прибалтийско-финского происхождения в обследуемом регионе, поскольку издаваемые новые источники и каждая диалектологическая экспедиция в Обонежье дают пополнение перечне таких лексем.

Дополнительные материалы и источники. Кроме основных данных, полученных во время диалектологических экспедиций, значительные по объему материалы были получены из картотеки «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» [СРГК, вып. 1–5], находящейся на кафедре русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Она насчитывает 3 млн. карточек цитат. Поскольку для нашего исследования точная локализация зафиксированного слова имеет большое значение в плане верификации этимологической версии, а словарь оперирует такой минимально значимой единицей, как район, то материалы СРГК используются в работе как вспомогательные. Для анализа материала на общерусском фоне использовалась также картотека «Словаря русских народных говоров» Института лингвистических исследований РАН и «Словарь русских народных говоров» (вып. 1–36, 1965–2002). Важным источником также были «Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. И. Куликовского и «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвысоцкого. В гораздо меньшем объеме использовались современные областные словари и другие источники (см. перечень материалов и источников).

Основной целью исследования является ареально-этимологический анализ слов прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья, а также уточнение номенклатуры анализируемой лексики.

Кроме того, в данную работу входят следующие задачи: определение географии каждого слова анализируемой группы и его вариантов; рассмотрение лексики Обонежья в макроструктуре севернорусских говоров; выделение типов лексических ареалов; уточнение этимологии слов прибалтийско-финского происхождения; определе-

ние места лексики прибалтийско-финского происхождения в говорах, динамика ее бытования; уточнение статуса исследуемой лексики (заимствованная или субстратная); определение типов лексических субстратов.

В данной работе впервые предпринята попытка на основе ареального анализа неисконной лексики Обонежья уточнить ее этимологию, представить более полный реестр анализируемых слов, чем это было сделано в предыдущих исследованиях, определить типы лексического субстрата.

Кроме того, основной упор был сделан на определение лексических ареалов, показывающих субстратную неоднородность русских говоров Обонежья и выявление неизвестных ранее слов прибалтийско-финского происхождения. Результаты работы могут быть использованы при решении некоторых вопросов этногенеза русских говоров Северо-Запада России.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В нашей работе не ставится задача подробного рассмотрения понятий «лексическое заимствование», «субстрат», варианты заимствования и т. п., однако некоторые аспекты упомянутых выше терминов, важных для теоретического обоснования данной работы, рассматриваются ниже.

Лексическое заимствование

В лингвистике нет однозначного определения лексического заимствования, но многие исследователи отмечают преобладание среди заимствований номинативной лексики как на материале литературных языков, так и диалектов [Смирницкий 1956; Ефремов 1959; Крысин 1968: 59; Матвеева 1984: 71]. Многие лингвисты считают одним из главных условий, при которых происходит заимствование — это билингвизм [Sulan 1963: 14; Weinreich 1953; Крысин 1968; Райст 1966]. Разграничивается процесс заимствования и его результат — собственно лексическое заимствование [Крысин 1968: 32–32], причем в динамике заимствования подчеркивается важность грамматического оформления заимствования языком реципиентом, а также его фонетическая и семантическая переработка [Майоров 1967: 202–213; Ефремов 1959; Марузо 1960: 103; Лизанец 1975б: 143].

Типология лексического заимствования у разных исследователей базируется на различных основаниях. Одни ученые рассматривают лексическое заимствование с точки зрения его освоенности языком-реципиентом [Сорокин 1965: 62–63; Лизанец 1975б: 143], другие обращают внимание на слова, которые не адаптируются до конца воспринимающим языком [Barczi 1958: 45; Будагов 1965]. Для нас лексическое заимствование — это слово, пришедшее из инородного языкового континуума, получившее фонетическое и грамматическое оформление средствами языка-реципиента, как результат тесных языковых контактов, без массового перехода населения на другой язык (часто язык завоевателей, государственный язык, с более высоким социальным статусом, более массовый язык). Лексика, оставшаяся в языке населения, перешедшего на другой язык, оценивается нами как реликтовая, субстратная лексика (см. ниже).

Субстрат и заимствование

Главное, на наш взгляд, отличие субстрата от заимствования в следующем:

1. субстрат связан с переходом с одного языка на другой, часто в результате длительного двуязычия [Абаев 1956: 59];
2. различие субстрата и заимствования связано с различием в типах ареалов, для заимствования характерно маргинальное контактирование [Серебренников 1956: 36];
3. главное для выявления субстратных включений — единый ареал слов со сходными чертами [Востриков 1990: 77];

4. наличие лексической избыточности, т. е. большого числа синонимов, дескриптивных глаголов [Рут 1984: 37].

Присутствие в Обонежье и прилегающих к нему р-нах живых прибалтийско-финских языков подразумевает их абстрактное языковое влияние, в результате которого анализируемая лексика, адаптированная языковой системой говоров, более всего соответствует этимону по форме и семантике. Причем взаимодействие прибалтийско-финских языков и русских говоров предлагается трактовать как субстратно-адстратное.

Вариантность и заимствованная лексика

Вариантность слова — неременное условие любого языка, тем более, что речь идет о диалектном слове, не имеющем закреплённости письменностью и передающемся от человека к человеку, от поколения к поколению устным путем.

На материале русского литературного языка данная проблема впервые была поднята В. В. Виноградовым, который отмечал, что понятие формы слова основано на сознании тождества слова, а сознание тождества слова покоится на понимании его семантического единства в многообразии мыслимых видоизменений, которые выражаются как в морфологическом облике слова, так и в различиях его синтаксических связей и функций. Тождество слова при наличии дифференциальных признаков его употребления организуется прежде всего его лексико-семантическим стержнем [Виноградов 1944: 42]. Позднее А. А. Смирницкий под вариантами слова понимает «глоссы одного и того же слова» [Смирницкий 1954: 22]. Глоссами одного и того же слова он считает однокорен-

ные образования типа — *лиса* — *лисица*. Также широко понимает вариантность О. С. Ахманова, выделяющая фонетические, грамматические и словообразовательные варианты слова. Главное для О. С. Ахмановой — «отсутствие семантических различий, связанных с различием аффиксальных морфем» [Ахманова 1956: 54]. Для нее такие слова, как *грязнуля* — *грязнуха*, *сводня* — *сводница*, являются словообразовательными вариантами. Однако О. С. Ахманова указывает, что существование вариантов может рассматриваться при синхронном изучении языка. К сторонникам широкого понятия вариантности слова принадлежит О. И. Блинова [Блинова 1975: 1984]. М. А. Ильина [Ильина 1971], которая, анализируя английские прилагательные на *-ic*, *-ical*, рассматривает их как морфологические варианты слова. Только на диалектном материале сторонниками широкого подхода к проблеме вариантности слова являются О. Ю. Галуза [Галуза 1982], Н. К. Жученко [Жученко 1987: 63–70], С. А. Мартынюк [Мартынюк 1992]. Эти авторы в сфере лексико-морфологического варьирования выделяют морфологические и словообразовательные варианты слова. Так, например, С. А. Мартынюк замечает, что к «области варьирования следует отнести семантически тождественные лексемы, различающиеся вариантными аффиксами... широко по говорам распространена вариативность названий лесных ягод: *голубика* — *голубица* — *голубиха*; *черника* — *черница* — *чернига* и т. п.» [Мартынюк 1992: 38].

Узкая трактовка лексико-морфологической вариативности впервые была представлена в работе Ф. П. Филина «О слове и вариантах слова». Он, выделяя фонематические, акцентологические, грамматические варианты слова, утверждает, что «лексическая функция словообразовательных морфем, несмотря на то, что эти морфемы од-

новременно несут и грамматическую нагрузку, совершенно очевидна. . . образования типа *лиса* — *лисица*, несмотря на их лексико-семантическое тождество и наличие общей корневой морфемы, принципиально невозможно приравнивать к формам типа *ноль* — *нуль* . . . нельзя считать вариантами одного того же слова. Это самостоятельные, отдельные слова» [Филин 1963: 132–133]. Н. М. Шанский также не выделяет в предлагаемой им классификации вариантов слова словообразовательных вариантов, он полагает, что «вариантами слова можно считать образования, имеющие тождественный морфемный состав, различия между которыми являются настолько незначительными, что не нарушают единства лексической единицы» [Шанский 1959: 36; 1964: 61]. Р. П. Рогожникова, рассматривая варианты слова как «видоизменения слова со стороны фонетической и морфологической» [Рогожникова 1966: 12], полагает, что существенным признаком вариантов является отсутствие семантических и наличие стилистических (не обязательных) различий. Словообразовательные варианты она трактует как однокоренные слова, соотносящиеся в значениях. В. Д. Апресян, анализируя однокоренные параллели типа *менять* — *разменивать*, *всюду* — *повсюду* и т. п., также их классифицирует как лексические синонимы [Апресян 1969]. К. С. Горбачевич выделяет «четыре основных вида формального варьирования в пределах тождества слова; акцентное, фонетическое, фонематическое и морфологическое» [Горбачевич 1978: 16], выделяя следующие условия идентификации вариантов слова: 1. совпадение лексического значения; 2. совпадение грамматического значения; 3. утрата различительных функций у фонем и у словесного ударения; 4. тождество морфологической структуры, и отвергая понятие «словообразовательные варианты слова» [Горбачевич 1978: 16].

В монографии Ф. П. Сорокалетова и О. Д. Кузнецовой «Очерки по русской диалектной лексикографии» выделяются довольно подробно «отличия, образующие диалектные варианты. . . различными фонетическими явлениями и процессами, протекающими в говорах» [Сороколетов, Кузнецова 1987: 181]. Среди них она отмечает: различия в твердости — мягкости согласных, различия диалектных слов в ударных гласных фонемах [e] — [o] после мягких согласных, различия в ударных гласных фонемах [e] — [и], а также различия в неударных гласных фонемах: [a] — [o], [e] — [и], [o] — [y]. При изучении материальной вариантности для авторов важно разграничение основного и подчиненного вариантов, для этой цели может служить учёт частотности вариантов, а кроме того их ареал. Наиболее важным, по мнению авторов, «является близость варианта к исходной этимологической форме» [Сороколетов, Кузнецова 1987: 184]. Однако они считают, что этимологический критерий неприменим в случаях, когда речь идет о вариантах заимствованных слов. Рассматривая их вариантность с точки зрения подачи таких слов в СРНГ, они видят возможность показа больших фонетических отличий, чем у исконных слов [Сороколетов, Кузнецова 1987: 7].

В нашей работе под вариантами слова понимаются слова, восходящие к одному этимону, причем среди них часто выделяется основной вариант, который в языковом отношении наиболее близок к слову-источнику. Дериваты с корневой морфемой прибалтийско-финского происхождения рассматриваются в работе как словообразовательные варианты. Выделяются также фонетические варианты, фонематические, акцентологические, морфологические варианты.

Проблемы ареальной лингвистики рассматриваются нами в традиционном ключе; выделяется центр ареала, маргинальная область, зоны вибрации. Ядро ареала характеризуется устойчивостью и значительной частотностью фиксаций, слабой фонетической вариантностью, низкой деривационной активностью неисконной лексики. Этимологический анализ основывался на следующих принципах:

- 1) принцип самобытности, подразумевающий, что независимое развитие языка, определенное присущими ему закономерностями, более нормальное явление, чем воздействие других языков;
- 2) принцип конечного источника, из которого следует, что в смежных языках наблюдается наличие общих, но этимологически изолированных слов, судить о направлении распространения слов можно лишь по выяснению конечного источника;
- 3) принцип неединичности источника. При определении этимона при общем фонетическом сходстве другими определяющими моментами являются семантическое соответствие и территориальная смежность с языком-источником.

История изучения русских говоров Обонежья

Говоры Обонежья в макроструктуре русских говоров

Для современной российской лингвистики (и ранее для советской) при выделении диалектных границ характерен учет всей совокупности языковых явлений. Так, например, в книге «Вопросы теории лингвистической географии» под редакцией Р. И. Аванесова авторы предлагают

рассматривать звуковые диалектные различия, различия в формах словоизменения, словообразования, синтаксические различия [Аванесов 1962: 233–234]. На этой же основе проделан анализ группировок русских говоров в ряде крупных работ: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» [ОСВРН], «Русская диалектология» [Русская диалектология 1964], «Диалектное членение русского языка» [Захарова, Орлова 1970]. Авторы исходят из понимания говоров как территориальных единиц, проводят диалектное членение на основе анализе закономерностей лингвистического ландшафта русского языка, то есть выясняют все случаи совмещения ареалов языковых; осуществляют основные типы членения территории языка на основе наиболее значительных сочетаний ареалов и по характеру расположения выделяющихся частей по отношению друг к другу [ОСВРН: 9].

В рассматриваемых выше работах группировки русских говоров имеют следующую градацию: наречия, группы говоров, говоры; специально выделялись межзональные говоры, для которых характерно «сочетание ареалов разных зон или групп» [Захарова, Орлова 1970: 116], а также диалектные зоны «на основе таких сочетаний ареалов и пучков изоглосс, которые, находясь в основной своей части в пределах того или другого из наречий, пересекают, как правило, их границы» [Русская диалектология 1964: 229].

Следует отметить, что принципы установления диалектного членения в последнее время варьируются и имеются разработки о возможности типологического, структурного, генетического, статистического, вероятностно-статистического, таксономического [Ивић 1960; Пиотровский 1963; Пшеничнова 1977, 1979, 1983]. В книге Н. Н. Пшеничновой «Типология русских говоров» [Пше-

ничнова 1996] автор пытается, на наш взгляд, совместить несовместимое. Так, разрешая проблемы типологии русских говоров, проводится идея презентации их новой (на базе типологии) классификации с применением ареальных и лингвогеографических методов [Пшеничнова 1996: 4–5]. Однако типологическое изучение какого-либо лингвистического объекта осуществляется часто для его типологической классификации, ср., например, типологическую и генеалогическую классификации языков, выполняющие разные цели и задачи. Так среди генетически родственных славянских языков типологически можно выделить флективные и аналитические (болгарский, македонский). Общеизвестно, что один и тот же лингвистический объект можно рассматривать по трем аспектам: типологическому, сравнительно-историческому и ареально-лингвистическому. И такого рода разноаспектный анализ сосуществует сравнительно изолированно, нередко, практически не влияя друг на друга. Поэтому, на наш взгляд, типология русских говоров, каким образом она ни была бы осуществлена, может оказать минимальное влияние на выработку новой классификации русских говоров, поскольку типологически разные языковые явления могут фиксироваться в генетически сходных говорах.

Возрос интерес к настоящему времени к чисто лексической стороне языка при анализе говоров и более точной установке границ. В работах, посвященных изучению этой стороны диалектов, можно выделить две тенденции: сравнительно-историческую и описательную.

Первая разрабатывается уже довольно давно в трудах А. С. Герда [Герд 1972: 108–117; Герд 1975: 187–192; Герд 1989: 146–171; Герд 2001: 31–34], предполагается, «что изучение собственно лексических связей тех или иных говоров с другими диалектами целесообразно про-

водить не на уровне целостных диалектных группировок и тем более языков . . . а дифференцированно от одной конкретной диалектной микрзоны к другой конкретной зоне, от одного локального узла к другому. То есть проводить сравнения материалов, не сопоставляя, например, все архангельские диалекты в целом сразу со всеми другими русскими и славянскими диалектами. . . а отбирая отдельные локальные центры, изученные лучше других. Такой же анализ поможет глубже выявить сам характер взаимосвязей между различными центрами и узлами» [Герд 1975: 187–188].

Этот метод заслуживает внимания, так как он реально подводит к истории образования говоров, к возможности проследить миграции населения, которые ведут к смешению говоров, что крайне важно для диалектологии.

Описательное ареальное изучение лексики в основном связано с ее картографированием, причем часто исследователь не может быть удовлетворен результатами лингвогеографического обследования, так как часто лексические изоглоссы имеют совершенно независимую дистрибуцию и «точно провести границу между отдельными диалектами невозможно, так как она растягивается иногда на десятки километров» [Комягина 1969: 229].

Таким образом, для выделения каких-либо диалектных группировок, важны не только принципы, на которых такое членение строится, а выбранные параметры, составляющие ядро, на основе анализа которого и будет строиться диалектное членение любого рода (в макроструктуре или внутрдиалектное). Для разработки диалектных группировок главное — это выбор соответствующих этому членению параметров. Говоры Обонежья по-разному рассматривались в макроструктуре русских диалектов. Так, например, В. И. Даль в статье «О наречиях

русского языка» [Даль 1852] выделяет наряду с другими Северное наречие, включающее в себя говоры Новгородской, Олонецкой, Архангельской губерний. Характеристика этого наречия у В. И. Даля достаточно полная, но отсутствует дифференциация и описание говоров Обонежья. Первое включение говоров этого региона в научную систему диалектов русского языка было сделано в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе», вышедшей в свет в 1915 году. Работы по выявлению диалектных объединений русского языка были начаты в начале XX века под руководством А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушакова. МДК [МДК 1915] подготовила анкеты, адресованные, в основном, сельской интеллигенции, которые после соответствующей обработки и контрольных экспедиций стали основой для составления карты. Диалектное членение авторы осуществили по собственно языковым признакам, такой подход отличался от предыдущего, который, по словам авторов, обуславливался «скорее совокупностью общих этнографических отличий соответствующей народности, чем отличиями именно в языке их» [МДК 1915: 3]. По данным карты МДК говоры Обонежья были отнесены к северновеликорусскому наречию к Олонецкой группы. Северная граница проходила по широте города Повенца от северной оконечности Онежского озера до среднего течения реки Онеги, восточная — по реке Онеге, несколько восточнее озера Лача, затем сворачивала на юг к реке Вытегре южнее Белого озера. Южная граница Олонецкой группы отличалась небольшой протяженностью — от реки Вытегры до среднего течения реки Свири. Западная граница продолжалась от северной оконечности Повенецкого залива до среднего течения реки Свири, а затем по Свири к ее истоку из Онежского озера. Эта группировка охва-

тивала территория большей части Олонецкой губернии, кроме северной части Повенецкого и Пудожского уездов, восточных частей Каргопольского и Вытегорского уездов и всего Лодейнопольского уезда [МДК 1915: 21]. Авторы «Опыта диалектологической карты...» при выделении диалектных группировок опирались на особенности фонетических систем говоров, а что касается севернорусских говоров, то «при делении с.-в.-р. наречия на более мелкие диалектные группы мы основу деления принимали различия в судьбе старого звука [ять]» [МДК 1915: 19]. При характеристике Олонецкой группы говоров авторами выделялись следующие характеристики: [а] между мягкими согласными в некоторых говорах (подчеркивается, что не везде) сохранилось в отличие от поморских говоров, без перехода в [е]; твердое [л] на конце слога перешло в [ў]; во флексии род. пад. -оуо согласный звук произносится как фрикативный. Кроме того, выделялись фонетические особенности, характерные для части олонецких говоров: [г] между согласными из смычного превращался в фрикативный [у]; флексия -эй в род. и дат. пад. прилагательного женск. рода; в третьем лице наст. времени глаголов — [т']. Некоторые фонетические явления давались через сравнения с поморскими говорами, например, поморским [ш:] и [ж:] долгим твердым могут соответствовать сочетания [шч], [ждж], [шт], [жд] с мягкими [ч'], [дж'], [т'], и [д'].

Особое внимание уделялось судьбе фонемы [ять], отмечалось, что на территории Олонецких говоров старое [ять] произносится по-разному: как [е] обычно закрытое; как [е] с призвуком [и] (по терминологии авторов — «склонное к и»); перед мягким твердым согласным как [и]; как [е] с призвуком [и] перед мягкими согласными. Отмечалось также, что в безударной позиции рефлекс

[ять] не переходит в [о]. В характеристике олонецких говоров указывалось на влияние карельского языка: перенос ударения на первый слог, дифтонгичность произношения [о] и [е] с ударением на второй части дифтонга.

Резюмируя, подчеркивалось, что за «недостаточностью сведений» [МДК 1915: 2] в данной классификации не выделялись более мелкие диалектные объединения, но даже за отмеченными особенностями проглядывает неоднородность исследуемых говоров. Значение «Опыта диалектологической карты. . .» очень велико, он впервые показал неоднородность севернорусских говоров, указал крупные диалектные группировки, и все последующие членения русских говоров в той или иной мере основывались на территориальных разновидностях русского языка, представленных в «Опыте».

Несколько отлична группировка русских говоров, представленная Е. Ф. Карским [Карский 1928: 35]. В ней говоры Обонежье не входят в цельное объединение, северная часть отнесена к Карельской или Олонецкой группе говоров, то есть к территории «южной половины Карельской ССР», южная входит в Западную или Новгородскую группу, состоящую из ряда территорий Новгородской, Ленинградской областей и западной части Череповецкой. Членение всего массива русских говоров основано на фонетических различиях. Для Карельской группы выделяются следующие особенности: [и] на месте [ять]; [ў] неслоговое в конце слова вместо [л]; во флексии *-ого* в род. пад. прилагательных употребляется фриктивный звук. В Новгородской группе — наряду с тем же рефлексом [ять] — бытует также закрытое [э], отсутствует 'цоканье'; твердые губные в конце слова, также совпадает твор. мн. существительных с дат. падежом (*с рукам, к горы*).

Новое диалектное членение говоров русского языка и соответственно новое включение говоров Обонежья в их систему представлены в работах «Русская диалектология» и «Диалектное членение русского языка». Обосновывая необходимость этой работы, авторы полагают, что «вопрос о диалектном членении... или классификации говоров может не один раз подниматься в истории диалектологии данного языка, так как принципы и методы членения диалектов самым непосредственным образом связаны с уровнем разработки диалектных данных» [Захарова, Орлова 1970: 7]. Авторы сочли целесообразным установить основное диалектное членение применительно к территории, на которой первоначально, еще до XV века складывались русские говоры. С севера карта ограничена примерно 68° северной широты, и поэтому часть Обонежья не попала в данный анализ. По мнению Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой и К. В. Захаровой южная часть Обонежья входит в Онежскую группу межзональных говоров северного наречия. Специфика ее определяется следующим: наличием небольшого количества только для нее характерных черт, распространением на ее территории явлений западной зоны, наличием отдельной северо-восточной зоны, распространением определенных черт Вологодской группы, распространением некоторых явлений, в основном характерных для говоров юго-западной зоны [Захарова, Орлова 1970: 117]. Из двадцати выделяемых диалектных явлений десять черт фонетических, десять грамматических; отдельно подчеркивается распространение в этой группе семи слов: **палица** 'валик для выколачивания белья', **омеши** 'сошники', **ботать** 'бодать', **мукать**, **муряндать** 'мычать (о корове)', **загоска** 'кукушка', **порато** 'очень'. К Онежской диалектной подгруппе в современном административном делении отно-

сятся Прионежский район КАССР, Подпорожский район Ленинградской области, Вытегорский район Вологодской области, юго-западная часть Пудожского района КАССР.

Микроареальное членение говоров Обонежья

Н. А. Мещерский выделяет «в истории изучения диалектной русской речи на территории КАССР три основных периода, первый, начальный, примерно до 80-х годов XIX века; второй — охватывающий последние десятилетия XIX века и начала XX века, третий период представляет собой советскую эпоху в развитии русской диалектологии» [Мещерский 1963: 119].

Первый этап изучения говоров Обонежья главным образом связан со сбором фольклорных материалов и их анализом. Это прежде всего работы П. Н. Рыбникова, И. В. Барсова, А. Ф. Гильфердинга, Л. Н. Майкова [Рыбников 1864: 1–24; Барсов 1872; Гильфердинг 1873; Майков 1885: 44–60]. Шагом вперед в осмыслении и классификации фольклорного и диалектного материала были работы М. А. Колосова [Колосов 1874: 1878]. Наиболее ценный вклад в изучение языка говоров Обонежья внес его труд «Заметки о языке и народной поэзии в области севернорусского наречия» [Колосов 1877: 1–343], в котором он, опираясь на данные собственных наблюдений довольно подробно описал фонетические особенности говоров Вытегорского и Каргопольского уездов Олонецкой губернии.

Н. А. Мещерский высоко оценил труды М. А. Колосова: «Начальный этап в развитии русской диалектологии завершается трудами М. А. Колосова. . . М. А. Колосову не удалось дать целостного описания какого-либо отдельного говора или группы говоров. . . Однако, несмотря на перечисленные недостатки, труды М. А. Колосова и до

наших дней представляют историческую ценность» [Мещерский 1963: 114].

Первая попытка дать анализ особенностей онежских говоров в связи с их внутренним диалектным членением была предпринята в работе А. Ф. Гильфердинга «Олоонецкая губерния и ее рапсоды». Автор, исходя из особенностей былин, выделяет две территории с различными типическими признаками: Прионежскую и Северо-Восточную. Причем Прионежскую «народ делит... по какому-то старинному преданию на три части: Кижы, Толвуй, Шуньгу. Имя Киж обнимает юго-восточную часть Заонежья, то есть погосты Сенногубский, Кижский, Великогубский, Яндомозерский, Космозерский; Толвуй есть общее названия для восточной полосы Заонежья, то есть погостов Типеницкого, Кузарандского, Выгозерского, Толвуйского, Фоймогубского; наконец Шуньгой называется северо-западный угол Заонежья» [Гильфердинг 1949: 60].

Следующий период в изучении говоров Обонежья Н. А. Мещерский называет «шахматовским». Он характеризуется возросшим интересом к словарным материалам и стремлением описать особенности языка онежских говоров. Среди работ этого периода следует отметить статью Н. Волкова «Особенности языка Олонецких былин» [Волков 1893: 129–133], где анализируются фонетические особенности речи И. Т. Рябинина — крестьянина Олонецкого уезда. В конце XIX — начале XX века выделяются описания Олонецких говоров разных уездов. В небольшой по объему статье А. Мельницкого «Говор жителей северо-восточной части Вытегорского уезда Олонецкой губернии» [Мельницкий 1893] отмечаются фонетические особенности, которые автор характеризует как сходные с вологодскими говорами. В работе

приводятся также этнографические сведения, указывается на прибалтийско-финское языковое влияние, которое, по мнению А. Мельницкого, «было случайное и весьма слабое» [Мельницкий 1893: 388]. Две работы посвящены исследованию говоров Пудожского уезда. В статье В. Мансикки «О говоре северо-западной части Пудожского уезда» [Мансикка 1915] выделяется две разновидности пудожских говоров: «... западная и северо-восточная. Территорию первой занимает область, центром которой является город Пудож и которая простирается от Онежского озера и до деревни Кривец, находящейся в верстах двадцати по направлению к востоку. северная часть Онежского побережья (Песчаная Гора) примыкает по своему говору к соседнему Повенецкому уезду, между тем как на юге черты Пудожского говора (западной группы) известны ближайшим соседям в Вытегорском уезде. На севере Водлозеро диалектологически принадлежит уже к северо-восточной группе говоров» [Мансикка 1915: 143]. Различия между западной и северо-восточной группами В. Мансикка показывает на фонетическом уровне: наличие на востоке (отсутствие на западе) перехода [a] между мягкими согласными в [e]; отсутствие перехода [e] в [o] в глаголах во 2-м и 3-м лице ед. числа в северо-восточных говорах. В статье Н. С. Шайжина «Особенности Пудожского говора» [Шайжин 1903] даются характерные черты фонетической системы говора Негижемской волости.

Весьма интересна работа Н. С. Шайжина «Говоры Прионежья» [Шайжин 1922], где автор предпринял попытку проанализировать диалектную ситуацию в Обонежье. В статье рассматриваются говоры Заонежья, каргопольские и вытегорские говоры, выделяются их фонетические, морфологические и лексические особенности. В говорах Заонежья отмечаются следующие особенности: перенос уда-

рения на первый слог, переход [в], [г], [л], в [ў] неслоговое в ряде позиций; смешение [з] и [ж]; в каргопольско-вытегорских говорах выделяются особо такие характерные черты: смешение [ц] и [т] (*вити* — *вици*), правильная постановка ударения, произношение *-ого* во флексии муж. и сред. рода дат. пад. прилагательных. Н. С. Шайжин выделяет ареально ограниченную особенность одной лексемы: «В Вытегорском крае ‘максу’ (печень щуки) называют ‘майкой’ (что сохранилось до наших дней по данным ПЛГО) и замечают, что если головной конец **май-ки** толще, то будет хороший урожай ярового» [Шайжин 1922: 22].

Работы А. А. Шахматова, посвященные олонецким говорам, но оставшиеся неопубликованными, анализируются в статье Н. П. Гринковой «К изучению олонецких диалектов» [Гринкова 1947]. В 1884 и 1886 гг. А. А. Шахматов предпринял поездку в Заонежье, часть собранных во время путешествия материалов он передал Г. И. Куликовскому, который включил их в свой словарь, однако основной корпус сведений остался мало известным. Во время поездки в 1884 г. А. А. Шахматов посетил северо-западную часть Олонецкой губернии — бывшую Кондопожскую волость и Заонежье в Петрозаводском уезде. Им были выявлены два говора, сильно отличающихся друг от друга; один из них распространен в Великогубской волости Петрозаводского уезда. Шахматов называет его Кижешуньгским. Другой преобладает в Толвуйской волости Петрозаводского уезда. «Нужно заметить, что, по-видимому, между этими двумя народностями — Кижешуньгской и Толвуйской лежит очень существенное различие», — писал А. А. Шахматов [Гринкова 1947: 368]. В 1886 г. он посетил 4 уезда Олонецкой губернии:

Повенецкий, Пудожский, Вытегорский, Петрозаводский. В отчете об этой поездке он отмечал: «Поразительное разнообразие, вряд ли находящее что-либо подобное себе в другой части России, делает Олонецкую губернию неистощимой хранильницей в высшей степени драгоценного научного материала» [Гринкова 1947: 369]. Характеризуя Кижешуньгскую группу, он называет ее «ляпающей». «Ляпаньем называется выговор на [я]. Ляпающих называют ляпсаками. Явление состоит в следующем: перенос ударения на соседний с [о] или [е] влияет на переход последних в [а] или [я]» [Гринкова 1947: 369]. Н. П. Гринкова добавляет, что указанный переход наблюдается и в безударных случаях: *прощайтя, будя, бяда*. На основании пометок А. А. Шахматова около примеров устанавливается район распространения ляпанья в говорах следующих населенных пунктов: Илемсельга, Лижма, Пурга Великогубской волости, Шуньга, Кефтеницы, Шуньгский Бор, Яндомозеро, Палтозеро, Кондозеро, Андомозеро, Лопская Деревня, Падмозеро, Пергуба, Фомогуба, Подпорожье, Багирово, Отовозеро, Кижы, Типиницы, Залесье, Юлмаки, Осмина, Кажма, Щеп, Кяппесельга, Алексеева, Мелентьева, Рындозеро [Гринкова 1947: 370]. Кроме того, на основании данных А. А. Шахматова Н. П. Гринкова устанавливает ареалы ряда фонетических явлений, характерных для говоров Обонежья, например, территория распространения флексий род. пад. ед. числа местоимений и прилагательных с [ү] фрикативным — это Заонежье, нынешний Кондопожский, Медвежьегорский р-ны, северная часть Пудожского р-на; распространение флексий с [г] смычным — это восточная и южная часть нынешнего Пудожского р-на, а также Вытегорский р-н.

Наряду с грамматическим изучением говоров Обонежья шел активный сбор и лексических данных, среди них следует отметить труды Г. И. Куликовского, К. Ф. Филип-

пова, П. Певина, И. С. Полякова, Пономарева [Куликовский 1886, 1887, 1898, 1899; Филиппов 1891; Певин 1896; Поляков 1873; Пономарев 1898]. Наиболее важны из перечисленных выше лексикографические работы Г. И. Куликовского, и его «Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении», который и в настоящее время является одним из важнейших источников по лексике говоров Обонежья и прилегающих к нему районов. В 1901 г. он был выдвинут на присуждение Ломоносовской премии, и несмотря на негативное мнение, высказанное А. И. Соболевским, Г. И. Куликовский получил заслуженную награду [Соболевский 1903]. Совершенно неоправданно А. И. Соболевский упрекал автора словаря в неиспользовании печатных фольклорных материалов. Г. И. Куликовский собирал образцы живой разговорной речи, а лексика фольклора (особенно былин) часто характеризуется спецификой и уникальностью. Упреки в неточности толкований слов в большинстве своем также несправедливы. Например, А. И. Соболевский отвергает семантику слова **пинда** 'нижний слой древесины, преимущественно сосновых деревьев, лежащий непосредственно под корой' на том основании, что в Новгородской губернии это слово функционирует в другом значении. Однако, толкование, приведенное Куликовским, подтверждается данными КСРГК и ПЛГО.

Наиболее активно изучение русских говоров Обонежья началось в 50-е годы. Интенсивнее всего обследовались говоры на территории Карелии. Их грамматическим особенностям посвящены работы Т. Г. Доля [Доля 1958, 1962а, 1962б, 1962в, 1963], Н. И. Скуратовой [Скуратова 1962, 1979].

Изучению глагольной системы пудожских говоров посвящены работы О. И. Соколовой [Соколова 1969а, 1969б, 1969в]. Пудожские говоры анализируются также в ра-

ботах Р. И. Аванесова и П. С. Кузнецова [Аванесов 1949; Кузнецов 1949].

Говоры Прионежского р-на анализируются в ряде работ С. В. Бромлей, Л. Н. Булатовой [Бромлей, Булатова 1972; Булатова 1975]. Следует отметить статью В. И. Трубинского «Об особенностях системы глагольных времен в русских говорах Карелии» [Трубинский 1969]. Интересен ряд работ Н. В. Марковой, в которых рассматриваются вопросы грамматики онежских говоров, частью в сопоставительном аспекте с прибалтийско-финскими языками [Маркова 1985, 1987, 1991]. В нескольких статьях дается анализ фонетических особенностей говоров Обонежья [Колесов 1975; Тер-Аванесова 1991].

Очень важны для нас работы, посвященные истории и внутреннему диалектному членению онежских говоров. Г. Ф. Нефедов в статье «Севернорусские говоры как материал для истории» [Нефедов 1939] впервые по-новому взглянул на происхождение говоров Заонежья. Традиционно они рассматривались как говоры новгородских выходцев, заселивших Север [см. Зеленин 1954]. Г. Ф. Нефедов, обследовав Заонежский р-н и смежные территории с запада и с северо-востока и проанализировав такие фонетические особенности как «аканье», «иканье», фрикативный [ʏ], редукцию гласного в безударном слоге, шепелявое произношение [с] и [з], широкое распространение второго полногласия делает вывод о псковской основе части заонежских говоров. Причем Г. Ф. Нефедов считает, что к югу от Петрозаводска и с юго-востока (бывший Каргопольский уезд), с севера и с северо-востока говоры значительно отличаются от заонежских, к тому же «имеют выход на восток» [Нефедов 1930: 254]. Решению этих же вопросов посвящена работа Б. П. Ардентова [Ардентов 1955: 73–90]. Он вслед за А. А. Шахматовым и

Н. П. Гринковой также выделяет в Заонежье два говора — *якающий* / *акающий* и *ёкающий* / *окающий*. «*Якающий* говор распространен на южном Пабережье Заонежья, включая и бассейн Яндомозера, проходит узкой полосой по западному берегу и выходит западнее Шуньги к северным берегам полуострова. *Ёкающий* говор занимает все северо-восточное Пабережье полуострова, а также его центр. По полуострову граница между говорами идет с востока на северо-запад по деревням Типиницы — Холмы — Поля — Пургино (названные селения — *якающие*), выходит на южный край губы Святухи (залива Онежского озера, вдающегося в полуостров с севера); восточный берег губы занят *окающим* говором, а западный *якающим*». Говоря о заселении Заонежья русским населением, Б. П. Ардентов замечает, что носители *ёкающего* говора, по всей вероятности, являются потомками древних новгородцев, а *якающие* жители Заонежья, возможно, выходцы из древнего Пскова; что не исключает появления населения из разных мест России. В небольших количествах оно вкраплялось в основные массивы *якающего* и *окающего* населения полуострова, ассимилировалось им и растворялось в нем [Ардентов 1955: 74–75]. На сходной с Ардентовым позиции стоит Н. А. Мещерский, он также предполагает, что «действительно носители *якающего* говора могли прийти из районов, где был распространен один из типов ассимилятивно-диссимилятивного *яканья*. . . Если так, то во взаимодействии между *якающими* и *ёкающими* говорами Заонежья мы имеем право видеть процесс слияния воедино северновеликорусских и южновеликорусских говоров» [Мещерский 1963: 121]. Важными для понимания истории говоров Обонежья и их современных группировок являются статьи А. С. Герда «К истории образования говоров Заонежья», «К истории образования

говоров Посвирья» и «К истории диалектных границ вокруг Онежского озера» [Герд 1979, 1984, 1991]. В первой на основе лексического материала показываются связи говоров Заонежья с единым новгородско-псковским диалектом, а сформировались эти говоры в результате двух основных процессов: «С одной стороны сильная миграция восточных славян с юга, а с другой — появление постепенно, скорее всего на базе прибалтийско-финского населения и смешанных браков, особого рода билингов, которые, однако, со временем, в силу преобладания элемента восточнославянского уже довольно рано перешли на восточнославянский тип речи» [Герд 1979: 212]. Во второй статье показано микроареальное членение говоров бассейна р. Свирь на «северо-западную и юго-восточную часть... Говоры Посвирья ниже Усланки — Свирстроя, Яндебы до устья Свири ближе по своему типу к остальным говорам ладого-тихвинской группы, чем к говорам верховьев Свири. Напротив, именно говоры среднего и верхнего Посвирья в Подпорожском р-не содержат наибольшее число лексических соответствий онежским диалектам» (Герд, 1984, 176). Причины членения говоров в р-не Усланка — Яндеба автор связывает с неоднородным прибалтийско-финским субстратом. В статье, посвященной микроареальному членению говоров Обонежья, выделяется 20 микрозон, на основе которых автор выделяет 8 дифференцированных ареалов. [Герд 1984: 54–59]. В статье «Русские говоры в бассейне реки Оять» А. С. Герд на основании анализа лексических данных установил участие в формировании говоров Заонежья оятских говоров. А также и русские в Заонежье, Пудожье, Вытегре — представляют собой результат скрещивания двух этнолингвистических групп: восточнославянской (новгородской) и прибалтийско-финской (вепсской), постепенно

перешедших в течение веков на русскую речь [Герд 1975: 193–194] Действительно, из 29 слов, предлагаемых в качестве доказательства внутрирегиональных связей приводится 16 слов вепского происхождения. Комплексный анализ диалектных зон представлен в работе А. С. Герда «Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук» [Герд 2001: 409–416].

Заканчивая рассмотрение диалектных группировок в Обонежье, резюмируем вышеизложенное. Большинство исследователей выделяют в онежских говорах Заонежье с восточной границей приблизительно в п. Челмужи, с западной границей на Побережье Онежского озера севернее Петрозаводска и населенных пунктов Лижма, Тулгуба. Заонежские говоры неоднородны, они образуют две группировки — акающую и ёкающую с довольно расплывчатыми, на наш взгляд, границами. Пудожские говоры также неоднородны — северная часть примыкает к заонежским, восточная — к каргопольским, южная — к вытегорским. Выделяется как самостоятельная группировка говоры южного Прионежья — часть Подпорожского и Вытегорского районов. Нами, однако, замечено, что при различных наборах дистинктивных признаков для определения группировок говоров изоглоссы располагаются иногда без видимой четкой концентрации. На наш взгляд, для того, чтобы выявить в данный момент приблизительно границы микроговоров в Обонежье, нужно остановиться на анализе ряда особенностей в фонетической и лексических областях, так как отличия в грамматике в настоящее время сглажены. В области фонетики следует рассмотреть явления:

1. наличие — отсутствие перетяжки ударения на первый слог;
2. наличие — отсутствие фрикативного [χ];
3. характер произношения аффрикат [ц], [ч];
4. наличие — отсутствие замены [j] на [г].

1. Что касается перетяжки ударения на первый слог, то говоры Заонежья имеют это явление на всей своей территории, при отсутствии таковой на других территориях Обонежья.

2. В настоящее время фрикативный [χ] распространен также на территории Заонежья, но это явление уходящее и в речи молодежи фактически не встречающееся. Границы его бытования устанавливаются примерно от н. п. Авдеево Пудожского района до д. Суйсарь Прионежского района, где [χ] фрикативный был зафиксирован в произношении микротопонима **Хебойгуба**. А. А. Шахматов считал [χ] фрикативный древним явлением [Шахматов 1915], З. К. Плотников определила эту особенность как более позднее явление. Она различает две группы говоров: говоры с вполне определенным взрывным [г], говоры с ослабленным взрывным [г]. К первой группе относятся говоры нынешнего Вытегорского района, ко второй — говоры нынешнего Медвежьегорского района, «затем говоры сел, расположенных по реке Свири и ее левым притокам: Плотичное, Остречины, Гак-ручей, Ивановково, Муромля (к северо-западу от Гак-ручья в десяти верстах на речке Муромля, Ивановково и Ладва)» [Плотникова 1922], то есть говоры Прионежского и Подпорожского районов. Ослабленное [г], по мнению З. К. Плотниковой, дает различные рефлексy в произношении: в род. пад.: фрикативный [χ], выпадение [г] — [oo]. Автор считает, что «в

заонежских говорах последовательное проведение фрикативного [ɣ] наблюдается главным образом у молодого поколения, а наиболее последовательное сохранение взрывного [г] представлено старшим поколением... Спирантное [ɣ] здесь позднейшего происхождения» [Плотникова 1922: 293]. Н. А. Мещерский считал, что распространение *-ого* ([ɣ] фрикативное) в род. пад. ед. числа обусловлено языковыми связями, объединившими говоры древнего Обонежья с говорами Новгородской и Псковской земли, а также со смоленскими и брянскими говорами» [Мещерский 1963: 124]. Н. П. Гринкова, опровергая предположение З. К. Плотниковой, указывает на разный характер произношения [ɣ] фрикативного в южнорусских говорах и в Заонежье и справедливо полагает, что здесь вероятней всего воздействие финских или карельских диалектов [Гринкова 1947: 387]. Действительно, произношение в вепсском языке [h], где это ларингальный твердый щелевой согласный [Зайцева 1981: 34], соответствует качеству произношения русского фрикативного [ɣ].

3. В настоящее время только в речи информантов старшего поколения можно услышать мягкое «цоканье», распространенное в Медвежьегорском, Пудожском, Кондожском р-нах. В Вытегорском и Подпорожском р-нах [ц] и [ч] различаются.

4. Протетический [г] распространен в прибрежных населенных пунктах Медвежьегорского района, западной части Вытегорского, исключая территорию Пудожского района и часть Вытегорского района севернее и восточнее районного центра.

В настоящее время имеется значительное число лексикологических работ по онежским говорам, в которых рассматриваются вопросы народной терминологии, синонимии, исследуются функционирование общенародных

слов в говоре, проблемы словообразования [Воронова, Шапиро 1979; Фадеев 1979; Карамышева 1989; Новикова 1979, 1984, 1989].

Единственной работой, где используются методы лингвистической географии при анализе русских говоров района Онежского озера, является статья Л. Н. Алекиной «Из материалов для регионального атласа русских говоров Карелии» [Алекина 1975]. Автор, используя лексический вопросник по различным тематическим группам, обследовала говоры Обонежья. Она выделяет следующие противопоставленные группы говоров: заонежские (южная часть Медвежьегорского р-на), пудожские (Пудожский р-н), южноприонежские (Вытегорский и Подпорожский р-н до реки Свирь) и северноприонежские (от реки Свирь на север до Уницы и не восточнее озера Ладмозеро). Полученные данные Л. Н. Алекиной в основном совпадают с результатами нашего обследования говоров Обонежья на материале заимствованной лексики.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что говоры Обонежья сложились «под сильным прибалтийско-финским влиянием, причем в Посвирье, в Прионежье, Заонежье и Обонежье, где климат был мягче, несомненно издавна более высокой была и плотность населения, как прибалтийско-финского, так и новгородского. . . Именно здесь активно шли процессы этнического и языкового смешения, сильно проявляли себя тенденции к билингвизму» [Герд 1984: 178]. Кроме того, особенности говоров Заонежья обусловлены «во-первых, двумя основными волнами миграций южноруссов в XIII–XIV вв., во-вторых, миграцией выходцев из псковско-гдовских мест уже позднее, по-видимому, в XIV–XVI вв.» [Герд 1969: 227].

Таким образом, предварительно можно утверждать, что различные типы субстрата и неоднородность сла-

вянского населения Обонежья обеспечили своеобразие и внутреннюю членимость русских говоров этого ареала.

Следует подчеркнуть, что русские говоры Обонежья занимают особое место на диалектной карте Северо-Запада. Этот регион является зоной межъязыковых контактов в настоящее время, и именно поэтому только здесь можно зафиксировать проникновения и адстратные единицы. В Обонежье имеются ареалы, где отмечается субстратное воздействие, указывающее на доминирующее прибалтийско-финское прошлое региона.

Только в Обонежье, где совмещается субстратное и адстратное прибалтийско-финское языковое влияние, можно как на модели изучать такого рода взаимодействие, с тем, чтобы проецировать его на другие ареалы Северо-Запада.

История изучения лексики прибалтийско-финского происхождения в севернорусских говорах

В историческом плане изучение прибалтийско-финских лексических заимствований можно разбить на два этапа. 1. Накопление материала и первые попытки связать его с прибалтийско-финскими этимонами. Он продолжался в 40-х гг. до 90-х гг. XIX в. 2. Второй этап характеризуется тем, что авторы, оперируя значительным количеством материала, выходят на теоретические высоты как в деле анализа материала, так и в сфере обобщений, связанных с представлениями о месте прибалтийско-финско-славянских связей в этногенезе русских Северо-запада. К авторам этого периода относятся М. Веске [Веске 1890], Й. Миккола [Mikkola 1894], А. П. Погодин [Погодин 1904], Я. Калима [Kalima 1915]. Книга Я. Калимы стала трудом, завершающим второй этап. 3. Третий этап изучения прибалтийско-финских заимствований, характеризующийся

новым всплеском интереса к данной теме после относительного затишья, начинается в 1940-е гг.

В теоретическом плане проблема прибалтийско-финских заимствований имеет несколько аспектов: 1) вхождение и освоение заимствований в русском языке; 2) первые контакты и заимствования, а также датировка заимствований; 3) происхождение русских говоров Севера России в связи с этногенетическим и языковым воздействием финно-угорских народов и языков.

Обратимся теперь непосредственно к трудам первого этапа, они в основном связаны с лексическим анализом. Самая первая работа, небольшой по объему труд П. Буткова «О финских словах в русском языке и о словах русских и финских, имеющих одинаковое значение» [Бутков 1842], страдала от неточностей при определении направления заимствования, ложных этимонов и т. п. Однако, он впервые представил как финские заимствования слова: **верга**, **кулига**, **лайбина** (озеро), **мерда**, **селга**, **шелгун**. Во второй части работы автор приводит слова «употребляемые в языках русском и финском в одинаковом значении» [Бутков 1842: 55–56]. Довольно значительные материалы по этимологии русских диалектных слов в связи с их прибалтийско-финским происхождением представлены в работе А. М. Шёгрена «Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных» [Шёгрена 1854: 145–166]. Наряду со словами с неподтвердившейся прибалтийско-финской этимологией, автор дает большое число этимонов для русских диалектных слов: **веньгать** ‘визжать’, ‘выть’, **ворга**, **галубать**, **гарьюга** ‘хариус’, **гигна** ‘ремень’, **гирвас** ‘олень’, **жиглуха** ‘ящерица’, **калайдать** ‘греметь, стучать’, **калтак** ‘льдина’, **канабра** ‘вереск’, **кенда** ‘возвышенное бесплодное место’, **кехтать**

‘хотеть’, **кирза** ‘мороз или лед на земле, когда она еще замерзлая, также осенняя ледяная гора’, **кобра** ‘горсть’, **конга** ‘крупная сосна’, **куйпога** ‘сухое дно’, **лузик** ‘ложка’, **мянда** ‘сосна’. Достоинство этого труда в том, что он вводил в научный обиход русскую диалектную лексику, как результат языковых контактов прибалтийских финнов и славян.

Заметный вклад внес в изучение прибалтийско-финских заимствований в русских говорах Я. К. Грот. В работе «Областные великорусские слова финского происхождения» [Грот 1854: 66–67] он делает замечание о территориальной дистрибуции заимствований: «Большая часть финских слов собрана в северных губерниях; замечательно, однако ж, что некоторые подслушаны и в средних великороссийских». В материалах Грота несколько меньше слов и в списке до буквы «н» они практически повторяют перечень Шёгрена, который на этом остановился. При этимологизировании Грот также опирался на материалы финского языка, но для некоторых заимствований достоверного этимона, по его мнению, обнаружить не удалось, и он заключает, что к ним «ключ можно отыскать вероятно только в местных финских наречиях» [Грот 1854: 66]. С небольшими изменениями и исправлениями эта работа была напечатана в 1-м томе «Филологических разысканий» [Грот 1876: 470–474] под заглавием «Слова областного словаря, сходные с финскими».

Труды второго этапа довольно многообразны. Одной из наиболее значительных работ XIX века по финно-славянским языковым контактам является монография М. Веске «Славяно-финские культурные отношения по данным языка» [Веске 1890]. Автор один из немногих, кто осмелился осветить в одном исследовании две стороны одной проблемы: 1-я часть посвящена анализу фин-

ских слов в русском языке; 2-ая славянским, русским и литовским словам в финских «наречиях». Проанализировав некоторые топонимические наименования, а также язык севернорусских говоров, М. Веске делает вывод о значительном влиянии языка прибалтийских финнов на говоры Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерний, что не расходится и с современными научными данными. М. Веске использовал только материалы словарей Подвысоцкого, Даля и Опыт. Словарь Куликовского вышел в свет восемь лет спустя, Несмотря на значительный временной период, прошедший после опубликования труда М. Веске, многие его этимологии до сих пор сохраняют свое значение, но в силу его языкового опыта они сводятся в основном к финско-эстонской лексике, тогда как современные исследователи показывают преобладание карельско-вепсского влияния. И все-таки обширная работа М. Веске не утратила своего научного значения, хотя, по словам Я. Калимы: «Автору не удалось несколько прояснить или нарисовать правдоподобную картину финско-славянских или финско-балтийских контактов на историческом фоне» [Kalima 1952: 8].

Весьма продуктивной оказалась мысль М. Веске о древних контактах прибалтийских финнов и славян. Он, например, категорически утверждал, что «фин. *ies*, эст. *ike* может быть заимствовано из славянской основы *igos*» [Веске 1896: 303]. Деятельность М. Веске получила высокую оценку у Д. В. Бубриха, который признавал «за Веске чрезвычайно важные заслуги. . . . Особенное значение имеют его занятия по русско-финским языковым отношениям, отразившиеся в книге “Славяно-финские культурные отношения по данным языка”» [Бубрих 1928: 108]. П. А. Аристе считал, что М. Веске является одним из создателей сравнительно-исторического метода в финно-угорском языкознании [Ariste 1969: 699].

Довольно значительным был вклад в изучение прибалтийско-финских лексических заимствований в русских говорах Н. Ф. Лескова. В 1892 г. он опубликовал статью «О влиянии карельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии» [Лесков 1892]. По объему представленного материала и по качеству этимологий данная работа была шагом вперед в изучении этой проблемы. Впервые исследователь заговорил о карельском влиянии на русский язык. Статья состоит из серии этимологических этюдов, включающих в себя 114 анализируемых заимствований. Некоторые из них являются первой фиксацией: кар. *suurus* ‘крупинка’, **шуня** ‘пристройка у двери’ — кар. *sunä* ‘ящик’.

Калима, разбирая эту работу, указывал на ошибки в этимологизировании: в направлении заимствований — **лалаки** ‘десна’, **нетина** и т. п., отмечал, что большинство соответствий несомненно правильны [Kalima 1915: 9]. Кроме того, недостатком работы является и то, что часть приведенных заимствований, подаваемых как карельские, являются вепскими, вепс. *habuk* ‘ястреб’ — **габук**.

В 1903 вышла небольшая статья Н. Шайжина «Зависимость областного Олонецкого наречия от наречий и говоров прибалтийских, прикамских и приволжских финнов в лексическом отношении» [Шайжин 1903]. Н. Шайжин приводит 51 лексическое соответствие. Большинство его этимологий имеют значение и до настоящего времени. Автор подчеркивает, что «финское влияние и до сих пор мощно сказывается не только в повседневных названиях местностей, рек, озер, сел и деревень, но и в названиях различных предметов и явлений» [Шайжин 1903: 3–4].

Опубликованная в 1904 г. книга А. П. Погодина «Севернорусские словарные заимствования из финского языка» [Погодин 1904] стала важным этапом в деле изуче-

ния прибалтийско-финских лексических заимствований в севернорусских говорах. Она богата представленным материалом (281 слово). Автор первым обратил внимание на своеобразие заимствованных глаголов, посвятив их анализу отдельные главы: «Глаголы на *-айдать*», «Глаголы на *-андать*».

Работой, которая суммировала весь предыдущий опыт исследования данной проблемы, стала книга Я. Калимы «Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen», опубликованная в 1915 г. с подзаголовком «Akademische Abhandlung» (Академическое исследование), представленная к публичной защите в качестве магистерской диссертации философским факультетом Гельсингфорского университета и защищенная 28 мая 1915 года, она является образцом этимологических исследований для неисконной лексики. Она была напечатана в типографии Финского литературного общества в 1915 году [Kalima 1915], а затем перепечатана в «Memoires de la Societe Finno-Ougrienne» в 1919 году [Kalima 1919]. Этот фундаментальный труд и по сей день входит в число наиболее полных работ по прибалтийско-финским лексическим заимствованиям. В нем представлены разработки 520 этимологических гнезд. Я. Калима использовал все источники (преимущественно диалектные), имеющиеся к тому времени, основные среди них — словари В. Даля (причем, 1-е издание и 3-е издание под редакцией Бодуэна-де-Куртене), А. Подвысоцкого и Г. Куликовского. Данные словаря В. Даля использовались при выработке 196 этимологий, при том, что ссылки на словарь Г. Куликовского насчитывают 195 единиц, на словарь А. Подвысоцкого — 45. Кроме того, в ней автор рассмотрел историю вопроса, проблемы фонетической субституции, выявил тематические группы, репрезентирующие лексику прибалтийско-финского происхождения. Эта книга явилась последней

в ряду крупных работ, посвященным прибалтийско-финским лексическим заимствованиям в русском языке. Вопрос о начале языковых контактов между прибалтийскими финнами и славянами, поднятый в конце XIX в., до сих пор не получил окончательного разрешения, он имеет две точки зрения. Сторонники одной из них полагали, что первые контакты и заимствования, возможно, существовали еще в праславянский период. В. Томсен, рассматривая данную проблему, пришел к выводу, что в первые века нашей эры прибалтийские финны не могли иметь контактов со славянами, поскольку между ними непреодолимой стеной стояли их балтийские соседи [Thomsen 1890]. Так, Миккола аргументировал свою приверженность праславянской гипотезе тем, что в эстонском и финском языках имеются заимствования, которые сохранили носовой звук в словах, вошедших из славянского языка, еще не утратившего носовые [ɛ̃], [ɔ̃]. Кроме того, Миккола полагает, что финская форма *paltina* – рус. *полотно* имеет праславянскую неполногласную форму, а также название города Турку соотносится с древнерусским словом [Mikkola 1938: 19]. Той же точки зрения придерживался А. А. Шахматов: «Вопреки утверждению некоторых исследователей, в языке прибалтийских финнов оказываются слова, заимствованные из общеславянского праязыка» [Шахматов 1911: 708]. Кроме слова *вица*, достаточно спорного (Миккола, например, дает другое направление заимствования) он возводит к праславянскому те финские слова, которые оканчиваются на *-as*: *piiras*, *piirakas* — из общеслав. **pirogos*. Кроме того, доказательством ранних языковых контактов славян и прибалтийских финнов служит еще свыше двадцати слов, которые, по мнению А. А. Шахматова, имеют в качестве этимона праславянскую форму: *arti* ‘ссора’ — ста-

росл. **рать**, общесл. **ortъ*; **ies-iehen*–**ikehen* ‘иго’, общесл. **igese*; *kaatio* ‘штанина’ — старосл. **гашти**, общесл. **gatja*; *kalsu* ‘лохмотья’ — общесл. **kolsa*; *karsta* ‘чесотка’ — общесл. **korsta*; *taltta* — общесл. **dolto*; *värttinä* ‘веретено’ — общесл. **verteno*; *varpu* ‘воробей’ — общесл. **vorb*. А. А. Шахматов находит также ряд слов в финском языке, заимствованных из общеславянского, которые сохранили древнее произношение [ъ]/[у], вот несколько из них: *tuska* ‘тоска’ — **tъska*; *turku* ‘торг’ — **tъrgъ*; *lisiikka* ‘ложка’ — **lъžъka*; *vihuri* ‘вихрь’ — **vihъrъ*; *velho* ‘волхв’ — *вльхвъ*.

О возможностях ранних контактов и заимствованиях, начиная со второй половины 1-ого тысячелетия, говорил и Д. В. Бубрих [Бубрих 1931: 1]. А. И. Соболевский полагал, что «данные русского языка указывают на очень древнее знакомство славян с финскими племенами» [Соболевский 1904: 5]. К таким данным А. И. Соболевский относит в первую очередь названия «финских племен»: Ижера, Ямь, Весь, заимствование из которых «совершилось в общеславянском языке». Кроме того, он полагал, что в финском языке имеется немало слов, «заимствованных у славян, из них некоторые сохраняют такие группы звуков, которые были только в общеславянском языке и которых нет в русском языке» [Соболевский 1904: 6]. На материале прибалтийско-финских языков Э. Н. Сетяля в работе «Славянско-прибалтийско-финские языковые связи» [Setälä 1916: 30–39] отстаивал гипотезу более древнего вхождения славянского материала в еще не имеющий племенной разобщенности прибалтийско-финский язык-основу. В качестве одного из доказательств он приводил слово *hirsi* ‘жердь’, которое, по его мнению, пришло из праславянского еще до перехода *ti > si*, и *z > h*, что заставляет оперировать первыми веками нашей эры. Кроме того, к уже рассмотренному как аргументу древ-

них связей слову *ies* 'иго' он добавил лексему *kimalainen* 'шмель', праслав. **kimeli*, откуда древнерус. ЧЬМЕЛЬ, т. е. эпоха, предшествующая первой палатализации в праславянском, что, по-видимому, может свидетельствовать о контактах начала нашей эры.

Один из противников ранних контактов прибалтийских финнов и славян В. Кипарский в работе «О хронологии славяно-финских лексических связей» [Кипарский 1958: 178] предлагает другое направление заимствования слов, приводимых Сетеля. Он полагает, что *hirsi* соотносится с литовским *žardis* 'обнесенный забором участок поля': *kimalainen*, по его мнению, исконно финское слово — *kimara* 'мед': что касается лексемы *ies*, то он думает, что «нет оснований считать фин. *ies* из **igese*, т. к. такой формы никогда не существовало» (латыш. *jugum*, рус. диалект. — юга, Даль)». Форма «ижеса» засвидетельствована только в поздних текстах, — утверждает В. Кипарский. Х. Ойансуу в работе «Финско-эстонские языковые связи» [Ojansuu 1916] предположил, что более древние славянские заимствования в финском языке в действительности являются эстонскими заимствованиями, которые попали в финский по известному юго-западному пути. Но Я. Калима отказал в достоверности этой гипотезе [Kalima 1952: 13]. Ф. П. Филин относил начало языковых контактов между прибалтийско-финскими и славянскими племенами к концу общеславянской эпохи — «древнейшие восточнославянские заимствования относятся к VIII, а скорее всего к VII в.» [Филин 1982: 205].

Используя данные не только лингвистики, но и истории, а также археологии, многие ученые, начиная со второй половины XX-го века, приходят к мысли о древнейших отношениях между прибалтийско-финскими и славянскими языками. Это П. А. Аристе («О древнейших связях между прибалтийскими финнами и славянами», 1952),

высказавший идею о контактах начала нашей эры: подобную мысль он высказал в примечаниях к работе Л. Хакулинена «Развитие и структура финского языка» [Аристе 1955: 208]: «По данным археологии, взаимоотношения между восточными славянами (предками современных русских, белорусов и украинцев) и прибалтийскими финнами существовали еще в первые столетия нашей эры, что подтверждается языковыми данными. Во всех прибалтийско-финских языках мы находим славянские заимствования, в которых представлены очень древние формы славянских оригиналов». Те же положения П. А. Аристе развивает в статьях «К вопросу о развитии ливского языка», «Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития» [Аристе 1956] и Э. Ниеминен в ряде своих статей, где он проанализировал языковые контакты между праславянским и древними прибалтийско-финскими языками [Niemiinen 1956: 387–391; 1957: 497–502]. V. Polák в статье «Les éléments finno-ougriéens en slave» [Polák 1964: 569–588] предлагает многоаспектный метод доказательств древних славянско-финно-угорских связей. В первую очередь он указывает на совпадение религиозных понятий и идей народного творчества. Кроме того, на древние связи указывают некоторые гидронимы финно-угорского происхождения на севере Карпат. Самым весомым аргументом в системе доказательств В. Полака являются лексические соответствия (автор не решился назвать их заимствованиями из того или иного языка в силу достаточно спорной этимологии), относящиеся к «тесным контактам праславян и с предками современных финно-угорских народов» [Polák 1964: 574]. Перечень лексических соответствий насчитывает 64 лексемы, среди них: слав. *dǫbъ* ‘дуб’ — фин. *tammi*; слав. *jaro* ‘весна’ — коми *ar*, венг.

nyar 'лето', 'осень', рус. *хуй* 'репс' — саам. *gujj* 'муж', манс. *huj, hoj* 'человек, самец', хант. *ku, kui* 'человек, самец'; слав. *voda* — фин. *vesi, vete*.

Археологи также по-разному указывают время начала контактов. В. В. Седов говорит о середине 1-го тыс. н. э. как времени прихода славян в р-н озера Ильмень [Седов 1988: 13]; Кочкуркина начало контактов относит к I-му нач. II-го тыс. н. э. [Кочкуркина 1986: 103]. По мнению Седова, ядро населения Новгородчины сложилось в результате славяно-финского симбиоза [Седов 1979: 75], а начало межэтнических контактов в зоне древнейшей славянской колонизации восходит еще к догосударственному периоду русской истории. О том, что «начало многовековых славяно-финских контактов относится к предгосударственному периоду», говорит и Рябинин в своей монографии «Финно-угорские племена в составе Древней Руси» [Рябинин 1997: 237]. По-видимому, первые контакты прибалто-финнов и славян можно отнести к первым векам нашей эры, но эти контакты были эпизодическими, т. к. археологические данные свидетельствуют о том, что славяне в это время еще не жили в непосредственной близости от прибалтийских финнов. О начальной стадии славяно-прибалтийско-финских языковых отношений свидетельствуют заимствования из славянских диалектов в прибалтийско-финские; рус. *уда* (**ЖДА**) — эст. *und* 'жерлица'; рус. *кудель* (**КЖДЕЛЬ**) — фин. *kuontalo*; рус. *суд* (**СЖД**) — фин. *suntja* 'церковный служащий', рус. *дуб* (**ДЖБ**) — фин. *tammi*. Наличие рефлексов носовых славянских звуков в прибалтийско-финских языках позволяет относить X в. к самой поздней дате некоторых заимствований. Ф. П. Филин полагал, что эти древнейшие заимствования произошли в VII–VIII вв. [Филин 1982: 205]. До X в. произошло заимствование слов, в которых отразилось произношение [ъ] и [ь]: рус. *лъжь-*

ка — фин. *lusiikka*, рус. *сѣмьрть* — фин. *surma*. Кроме того, что ряд заимствованных лексем по фонетическим признакам можно отнести к очень древним, о дальнейшей судьбе прибалтийско-финских лексем в русском языке с точки зрения периодизации и датировки сказать что-нибудь довольно трудно. Но часть заимствованных слов попала в русские памятники письменности. И впервые фиксация прибалтийско-финских лексических заимствований была проведена И. И. Срезневским в «Материалах для словаря древнерусского языка по памятникам письменности», где имеются следующие слова: **гарва** (1577), **керевод** (1453), **корба** (1391), **корга** (1568), **лойва** (1443), **ламба** (1391), **луда** (1571), **лывина** (1555), **мерда** (1496), **ригач** (1568), **соломя** (1391), **сельга** (1391), **сиговина** (1563), **арбуй** (1534), **коломище** (1534), **ропочаг** (1555). Наиболее полно фиксация и датировка прибалтийско-финских лексических заимствований рассмотрена Д. Н. Шмелевым в «Заимствования из прибалтийско-финских языков в старорусских памятниках письменности» [Шмелев 1961: 191]. Основываясь на собственных изысканиях, Д. Н. Шмелев приводит значительный перечень заимствованных лексем по письменным источникам: **калега** (1697), **камбала** (1697), **корбукс** (1630), **корех** (1673), **кумжа** (1568), **лох** (XVI в.), **лудога** (1593–1600), **сиг** (1563), **мойва** (1500), **палтус**, **палтос** (1584), **пехолка** (1626), **ряпукса**, **ряпус** (1609), **ряпуга**, **ряпуха** (1637), **кердега** (1671), **палья** (1671), **ряпушка** (1648), **сайка** (1593–1600), **снеток** (1573), **сорога** (1609), **таймень** (1563), **торпа** (1563), **харьюс** (1588), **макса** (1666–1667), **нерпа**, **морж** (1652), **нерпица** (1551), **кава** (1655), **кубас** (1660), **пул** (1586), **ринда** ‘крыло невода’ (XVI–XVII вв.), **юнда** (1551), **карбас** (1563), **сойма** (1576), **сопец** ‘руль’ (1666), **калаг** (1657), **калги** (1684), «купле-

ны лыжи с **калгами**»; Архив Онежск. Крест монастыря, **кинжа** (1645), **кубача** 'связка соломы' (1672), **рубуща** 'коробочка из куска бересты' (1692), **тукач** 'сноп' (1663), **шалгач** (1697), **мыза** (1562), **майна** (1654 — в южнорусских документах), **мандера** (1697), **масельга** (1595 — в значении финского источника), **пахта** 'утес' (1675), **пудас** (1675), **сузем** (1691), **тундра** (1667), **шалга** (1653), **варака** (1584), **салма** (1563), **соломя** (1391, 1505). К сожалению, автор привел заимствованный материал почти без цитат, из которых можно было бы попытаться вывести значения, в которых эти слова употреблялись.

Несколько слов, не вошедших в список Шмелева, были датированы И. С. Вахросом в его работе «Наименования обуви в русском языке» [Вахрос 1959]: **канги**, **каньги** 'обувь типа башмаков, сделанная из оленьих **койб** шерстью наружу, с загнутыми носками'. По данным автора, «**каньги** были известны в XVI и XVII вв. русским, проживающим в Двинском крае (Никольский, Карельский монастырь), в Холмогорах, на Свири, в Тихвине и на Онеге» [Вахрос 1959: 104]. **Улеги**, **уледи** «сапоги, обычно с загнутыми вверх носками» отмечаются в Архангельской, Олонецкой губернии, на Свири, в Якутии, начиная с середины XVI века.

Как видно из приведенных выше дат первой фиксации лексических заимствований, в памятниках письменности они берут начало в XIV веке, а основной корпус отмечается в XVI в. Но это все косвенные данные, и достоверно судить о вхождении того или иного слова в русский язык мы не можем.

Современный этап в изучении прибалтийско-финских заимствований в русском языке характеризуется большим числом работ, относящихся к разным сторонам исследования данной проблемы. Большое значение для изу-

чения славяно-финно-угорских языковых связей имеют труды А. И. Попова: «Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений», «Из истории лексики языков Восточной Европы», «Финно-угорские языки и лексика русских говоров», «Некоторые вопросы и задачи исследования лексики русских говоров», «К вопросу о древнейших лексических связях между прибалтийскими финнами и славянами», «Русские говоры и влияние иноязычных соседей» [Попов 1955; 1957; 1958; 1965; 1966; 1972]. Решая проблему древнейших контактов прибалтийских финнов и славян, А. И. Попов полагает, что лексические заимствования «могли и должны возникать и много ранее VII века» [Попов 1972: 85]. К тому же он указывает на то, что «восточнославянские и прибалтийско-финские племена имеют гораздо более длительную историю взаимных соприкосновений и влияний, чем это обычно изображается на основе привлечения очень неполных и часто неточно толкуемых материалов... Лексический материал, сюда относящийся, имеет гораздо больший объем, чем обычно считается» [Попов 1972: 89]. Говоря о направлении заимствований в севернорусских говорах, А. И. Попов отмечает, что «в согласии с направлением многовековой русской колонизации севера и северо-востока Европы и севера Азии заимствования из местных языков распространялись в том же направлении, так что слово, вошедшее в соответствующий говор русского языка, например, из коми языка, легко распространялось вместе с колонизационными потоками вплоть до русских восточно-сибирских говоров, но почти никогда не имело обратного продвижения к югу и западу» [Попов 1955: 3]. Анализируя русский диалектный материал, А. И. Попов указал возможность передвижения «заимствованного элемента... от первоначально узкого

очага заимствования до естественного конца расширения, обусловленного историко-географическими преградами, и передачей материала другим языкам. Таким же образом общее прибалтийско-финское слово, представленное финским *kopri* 'глухой дремучий лес', 'глушь', вепсск. *korb* и т.п., отразилось в севернорусском **корба** 'чаша' и докатилось до алтайцев, — ср. алтайское (тюркское) *корбо* 'кустарник', не имеющее параллелей ни в одном тюркском языке» [Попов 1966: 13]. Рассматривая лексику финно-угорского происхождения в русском языке, он впервые высказал мысль, что «это в сущности даже не заимствованная лексика в собственном смысле слова, а лексика субстратного происхождения, сохранившаяся пережиточно в . . . русских говорах» [Попов 1955: 13–14]. А. И. Попов на конкретном лексическом материале отмечал «сложное переплетение карело-финских и вепсских данных с русскими лексическими материалами при широком действии элементов народной этимологии» [Попов 1972: 11].

Процессы освоения прибалтийско-финских лексических заимствований рассматриваются в ряде трудов. Одной из наиболее крупных является работа А. К. Матвеева «Финно-угорские заимствования в русских говорах северного Урала» [Матвеев 1959], где автором в прибалтийско-финской части рассмотрено 27 слов, проанализированы проблемы семантического, фонетического, акцентологического, морфологического и словообразовательного освоения.

Ряд проблем освоения заимствованных слов затронут в статье А. И. Федорова «Освоение заимствованных слов в севернорусских говорах». Анализируя «фонетические преобразования слов, заимствованных из финских языков» [Федоров 1971: 220], автор неправомерно, на наш

взгляд, соотносит лексический материал говоров с финскими словами, которые, по его мнению, являются этимонами. Но в беломорских говорах, заимствования которых рассматривает А. И. Федоров, большинство лексем карельско-вепсского происхождения, и поэтому финский материал в большинстве случаев может быть соответствием, а не исходным этимоном. Таким образом, намеченный автором процесс озвончения согласных в русских говорах: фин. [p] — рус. [б], фин. [t] — рус. [д], не может быть доказан фактами, поскольку, например: **тайбола** — кар. ливв. *taibal*, **мянда** — вепс. *mänd*, кар. ливв. *mändu*. Все эти процессы могли происходить и на почве прибалтийско-финских языков. Рассматривая семантические процессы, происходящие с заимствованной лексикой, автор говорит о том, что «в беломорских говорах известно значительное количество и таких заимствованных слов, значение которых отошло от значения, известного в языке-источнике» [Федоров 1971: 223], но это не удовлетворяет нас, так как отход от значения может подразумевать и сдвиг значения, и его сужение или терминологизацию, и примеры, данные А. И. Федоровым как раз представляют оба эти процесса. Говоря о полисемии и представляя значения, которые развились в результате переноса по смежности, автор дает не совсем показательные примеры: **шаглы** 1) рыбы жабры, 2) мясо в жабрах, 3) рыбы скулы. Второе значение, на наш взгляд, — результат терминологизации, так как указывает на часть реалии, которая фигурирует в основном значении (третье значение, по-видимому, не переработанная собирателем народная дефиниция 1-го значения).

Процессы освоения прибалтийско-финской по происхождению лексики рассматривается в ряде работ Т. Г. Доля, В. С. Сухановой. В статье «Существительные на *-га* в русских говорах Карельской АССР» [Доля, Су-

ханова 1975: 35–40], где предмет анализа — лишь существительные карело-вепсского происхождения с использованием материалов Я. Калимы, авторы выделяют две группы слов: 1) заимствования, в языке-источнике, которым соответствуют слова, имеющие близкие звуки [k], [h], [g], 2) заимствования, в русском языке имеющие формант *-ga*, которого нет в исходном слове — **галага** (*halla*).

В статье «Об усвоении прибалтийско-финских заимствований в русских народных говорах Карелии» [Доля, Суханова 1967: 86–101] авторы полагают, что анализ степени усвоения прибалтийско-финских заимствований русскими говорами покажет глубину взаимовлияний в области фонетики, лексики, морфологии. Рассматривая далее освоение имен существительных на *-a*, авторы выделяют 5 исходных прибалтийско-финских групп, послуживших источником для русских существительных женского рода на *-a*: слова, оканчивающиеся на *-i*, *-o*, *-e*, *-ё*, *-a*. Авторы, исходя из своих наблюдений, делают вывод, что большинство заимствований существительных — слова женского рода, слов среднего рода не встретилось, слова мужского рода оканчиваются на согласные звуки. Т. Г. Доля и В. С. Суханова намечают два пути образования новых слов на основе заимствований: 1) выделение суффикса в слове на почве фонетического сходства с исконно русскими суффиксами, 2) наращение русских суффиксов на заимствованное слово. На наш взгляд, можно еще выделить ряд слов, которые встречаются в русских говорах уже суффиксально оформленные, тогда как однокоренное безаффиксное образование в говорах не встречается; **рупач** ‘плавник рыбы’, **кокач** ‘пирожок с начинкой’, **тикач** ‘дятел’. Заканчивают статью авторы выводом о том, что не существует новых слов, заимствованных из прибалтийско-финских языков, так

как носители русских диалектов не контактируют с карелами, вепсами. На что можно возразить, что в южном Прионежье, в Ленинградской, Вологодской областях вепсы живут чересполосно с русским населением, а в сфере адстратных языковых взаимоотношений в Подпорожском р-не нам удалось зафиксировать слово **вейч** 'нож', которое также фигурирует и в КСРГК, в материалах более ранних оно отсутствует. Этот единичный факт конечно сам по себе ничего не значит, однако следует помнить, что если существует две разнородные языковые среды, и есть возможность для контакта, то всегда нужно учитывать динамику их взаимодействия.

В статье «Структура прибалтийско-финских заимствованных слов в русских диалектах Карелии (имена существительные)» [Доля, Суханова 1971] они продолжают анализ морфологической структуры русского диалектного слова в связи с фонетическим оформлением слова в языке-источнике авторы находят следующую зависимость: если в слове-источнике конечный гласный, то в диалекте оформляется категория женского рода. Разбирая лексику на *-чи*, они делают вывод, что эти слова имеют собирательное значение, а их основа без суффикса обычно не употребляется. Далее рассматриваются слова на *-ина*, по мнению авторов, русский суффикс придает им значение единичности. Анализ существительных мужского рода дал возможность утверждать, что главное в этом процессе — отпадение конечного гласного, но в Вологодских говорах Т. Г. Доля и В. С. Суханова видят другую закономерность, поскольку они полагают, что вологодские лексические заимствования вепсского происхождения, а в вепсском языке по сравнению с карельским или финским конечный гласный усекается.

Проблеме семантического развития заимствованных слов посвящена статья В. В. Сенкевич-Гудковой «Семантическая структура переносных значений в русских говорах Карелии» [Сенкевич-Гудкова 1970: 137–140], где дан анализ переносных значений 9 слов прибалтийско-финского происхождения: **мянда** ‘низкорослая искривленная сосна, растущая на болоте’, переносное значение ‘женщина с приземистой нескладной фигурой’. По материалам ПЛГО удалось зафиксировать **мянда́** ‘полная толстая женщина’. Нам не совсем ясна мотивация переноса значения; возможно, что здесь требуются дополнительные исследования, хотя зафиксированный Ю. И. Чайкиной аналогичный перенос **пинда** ‘верхний слой дерева’ — **пинда** ‘грузная неуклюжая женщина’, причем в с. Дмитриевское Череповецкого р-на бытует только переносное значение, позволяет предположить, значение слова **мянда** ‘полная толстая женщина’ появилось в результате одного и того же процесса, поскольку лексема **мянда** фиксируется также в значении ‘заболонь’ (см. **мянда** в наст. раб.) [Чайкина 1993: 187–192]. В статье В. В. Сенкевич-Гудковой представлены следующие пары с переносным значением: **габук** ‘ястреб’ — **габук** ‘скупец, жадюга’, **макса** ‘печень рыбы, животных’ — **макса** ‘сгустки крови’, **жигалуха** ‘ящерица’ — **жигалуха** ‘проныра, ловкач, хитрец’.

Единственной работой, посвященной проблеме ареальной дистрибуции заимствованной лексики с историческим срезом является статья В. Я. Дерягина, Л. М. Комягиной «Из истории и географии финно-угорских заимствований в севернорусских говорах» [Дерягин, Комягина 1972: 32–49], где авторы представили образцы историко-географического анализа отдельных слов в диалектах на территории современной Архангельской области по материалам современных говоров и данным памятников XV–XVII вв. Они придают большое значение

данной проблеме, полагая, что «данные о географическом распространении заимствованной и субстратной лексики могут указывать на р-ны контактов русского и иноязычного населения и тем самым служить источником для воссоздания старой языковой и этнической географии Севера. География заимствований служит также и дополнительным материалом при определении общих границ современных диалектов» [Дерягин, Комягина, 1972: 32–33]. В статье представлены в основном слова, бытующие в архангельских говорах: **каренга** ‘кривое низкорослое дерево’, **курья** ‘залив или рукав реки’. Однако часть лексики, рассмотренная в статье, встречается и в Обонежье: **лахта** ‘залив, луг, болото’, **луда** ‘отмель, каменистое дно’, **пакула** ‘губчатый нарост на стволе дерева, главным образом березы’. Проанализировав распространение заимствованной лексики, авторы делают вывод, что восточно-финские заимствования представлены на западе не далее Двинского бассейна, а «часть заимствований из прибалтийско-финских языков в пределах рассматриваемой территории распространена только в собственно поморских р-нах, причем эти изоглоссы оказываются достаточно старыми» [Дерягин, Комягина 1972: 49].

Несколько работ посвящено проблеме освоения заимствованных глаголов. Это статьи Т. В. Паникаровской [Паникаровская 1972: 40–48], Ю. С. Азарх [Азарх 1973: 203–209], Э. М. Дубровиной, А. С. Герда [Дубровина, Герд 1974: 75–79], Н. Г. Арзумановой [Арзуманова 1975: 84–90], Т., Г. Доли, В. С. Сухановой [Доля, Суханова 1979: 35–41].

Часть работ связаны с изучением финно-угорских заимствований в отдельно взятых системах русских говоров. Это статьи: Л. А. Ивашко «Заимствованные слова в печорских говорах» [Ивашко 1958: 84–301], Л. А. Суббо-

тиной «Заимствованная лексика в русских говорах Прикемья» [Субботина 1978], Л. А. Вороновой «О прибалтийско-финских заимствованиях в промысловой лексике беломорских рыбаков» [Воронова 1968: 142–156]. В последней работе автором фиксируется около 70 лексем промысловой лексики рыбаков прибалтийско-финского происхождения, где преобладают наименования орудий и их детали, несколько меньше наименований рыб.

Ряд работ посвящены проблемам языковых взаимоотношений прибалтийских финнов и русских. Н. Г. Зайцева в статье «К вопросу о двуязычии (некоторые особенности смешанного вепско-русского народного говора деревни Марково Бабаевского р-на Вологодской области)» [Зайцева 1969: 122–126] рассматривает проблемы вепско-русского двуязычия в связи с сильным взаимовлиянием двух языков и частичным переходом вепского населения на русскую речь при своеобразной трансплантации вепских лексем на русское языковое поле. А. И. Кукконен, рассматривая финно-русские языковые взаимоотношения [Кукконен 1970: 135–137], выделяет три периода в языковых отношениях между финскими диалектами и русским языком:

1. древний (взаимоотношения праславянского периода),
2. следующий период связан с переселением носителей финских диалектов в Россию и заканчивается 1917 г.,
3. послеоктябрьский период.

Этим же автором написана монография «О русско-финских межъязыковых контактах» [Кукконен 1982], где А. И. Кукконен, рассматривая русские заимствования в

финских диалектах, рассматривает массовое двуязычие как социальную проблему, причем «процесс отмирания родного языка и перехода к употреблению русского языка в настоящее время наблюдается у некоторых прибалтийско-финских народностей. . . утрата родного языка происходит у тверских карел. . . на такой же стадии отмирания находится ливский язык. . . подобные процессы наблюдаются и в вепском языке» [Кукконен 1982: 19]. Таким образом, автор показывает перманентный процесс ассимиляции прибалтийско-финских языков русским, процесс, послуживший результатом того, что в русской диалектной речи, носители которой в прошлом говорили на одном из прибалтийско-финских языков, наблюдается значительное число слов, как реликтовых остатков прежнего родного языка.

В двух статьях И. В. Сало [Сало 1966а, 1966б] рассматриваются лексические заимствования из прибалтийско-финских языков, делаются выводы об их количественном составе; среди заимствований автор выделяет 27 слов рыболовства, 17 слов географической терминологии, 18 слов флоры и фауны, 28 звукоподражательных глаголов, 14 слов группы «пища, одежда, обувь», 10 слов сельскохозяйственной терминологии, 2 лексемы охотничьей терминологии. И. В. Сало рассматривает сложную картину взаимоотношений вепсов, карел и русских в Беломорье [Сало 1971: 57–62]. При анализе прибалтийско-финских заимствований в беломорских говорах автор обнаруживает, что здесь примерно равное число заимствований из собственно карельского языка (40%) и из вепского (людиковский и ливвиковский диалекты) — примерно 39%. Анализируя историю взаимоотношений между русскими, с одной стороны, вепсами и карелами, с другой стороны, И. В. Сало полагает, что первые более или менее тесные отношения вепсов со славянами происходили не позднее

IX века, причем русские колонисты пришли на Север за древними вепсами, а с юго-востока сюда же направились коми. Следуя в русле гипотезы Д. В. Бубриха о происхождении карел-ливвиков и карел-людиков из вепсской основы, автор полагает, что карельские племена с западного побережья Онежского озера пришли к Белому морю примерно в XI–XIII вв., а колонизация этого края русскими началась несколько позднее. До появления на территории Беломорья вепсов, карел и русских, здесь жили саамы, с которыми вновь пришедшие народы вступили во взаимодействие, так же как и между собой. Автор полагает, что следует также учесть и то, что пришедшие сюда русские принесли с собой следы былой общности с вепсами и карелами у себя на родине в Новгородской земле, так как весь и часть карел, берущая свое происхождение от нее, связана с русским государством уже с XI века. В заключении И. В. Сало предполагает, что процесс проникновения заимствований из прибалтийско-финских языков существовал на протяжении всей русской колонизации, и для выявления времени проникновения и ареала нет возможности. И. В. Сало проанализировала влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии в диссертационной работе, словарные материалы которой находятся в КСРНГ и используются при этимологическом и ареальном анализе исследуемого материала (см. раздел «источники и материалы»).

Вопросы этнического происхождения русского населения Северо-Запада России лежат в сфере общих вопросов финно-угорского субстрата в русском языке. В ряде работ отмечается влияние финно-угорских языков на русский и, шире, славянские языки не только на уровне лексики, но также на уровне фонетики, морфологии, синтаксиса [Meckelein 1914; Veenker 1967; Востриков 1990, Künnap 1998].

АРЕАЛЬНО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП

Принципы подачи материала

Основной корпус материала представляет собой словарные данные с точной географической фиксацией каждой лексемы и ее вариантов. В заголовок выносятся основные варианты. Даются как фонетические, так и фонологические варианты слова, отмечаются также формы, достоверность которых вызывает сомнение. Поскольку работа в основном выполнена на материале полевого лингвогеографического обследования — ПЛГО, то при описании слова данный материал идет на первом месте, хотя в ряде случаев имеются отступления композиционного характера. Если материалы картотеки «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (КСРГК) однотипны с ПЛГО и не отличаются ни в территориальном, ни в семантическом аспектах, то они даются в общем перечне, особо при этом не оговариваясь. Но когда материалы ПЛГО и КСРГК различаются, то при описании слова они подаются раздельно. Фиксируются все дериваты, поскольку факт их бытования в том или ином р-не усиливает ареальную привязку данного слова. Хотя анализ лексики прибалтийско-финского происхождения преимущественно носит синхронный характер, (данные КСРГК охватывают период в 30–40 лет), основываясь на материалах картотеки «Словаря русских народных говоров» (КСРНГ), где хранятся материалы почти за 200 лет, в работе по возможности прослеживалось сужение или расширение ареала того или иного слова. При этимологическом анализе в одной статье приводятся варианты и про-

изводные, сводимые к одному этимону, а также лексемы этимологически разнородные, если они: а) у предыдущих авторов рассматривались как варианты одного этимона; б) являются синонимами — с целью разграничения материала; в) фонетически сильно различаются, а этимологически возможно их родство. При этимологическом исследовании лексических данных использовались как отдельные работы по некоторым словам, так и этимологические словари (см. разделы «литература», «источники» и «материалы»). Так как большинство работ имеет алфавитную подачу материала, ссылки на страницу не дается. После этимологического анализа следуют ареальные выводы, уточнение этимологии (если таковое имеется). Цитаты русского диалектного материала не приводятся, они даются только в редких случаях при сомнительной форме для подтверждения данных.

Примеры слов из прибалтийско-финских языков давались по различным источникам, главные из них это — «Suomen kielen etymologinen sanakirjä» (тт. 1–7), «Karjalan kielen sanakirja» (тт. 1–5), «Словарь вепсского языка» (подробный перечень см. в материалах и источниках). Кроме того, как косвенные свидетельства распространения того или иного слова в данном ареале в настоящем и в прошлом, при описании слова даются топонимы и антропонимы, собранные автором или зафиксированные в литературе.

Названия растений и их частей

Данная тематическая группа включает в себя 58 слов и вариантов. Так как большинство лексики, представленной в этом разделе, имеет широко известные общенародные названия, представляется излишним снабжать

их латинской номенклатурой. В этой группе зафиксированы названия травянистых растений, ягодных кустарников, деревьев, в основном по качеству древесины, густоте произрастания и т. п.

БЎТКИ, ПЎТКИ

Оба эти варианта бытуют в Обонежье в одном и том же значении 'стебли щавеля'. Более широкое распространение имеет слово **путки**, отмеченное в Медвежьегорском р-не (Космозеро, Шуньга, Тихвин Бор, Кефтеницы, Мягрозеро, Ламбасручей, Толвуя, Кажма, Есино, Заточино, Лисицыно, Челмужи, Загубье, Великая Нива, Шильтя, Кузаранда), в Кондопожском р-не (Гангозеро, Новинка, Кулмукса, Лижма), в н. п. Пудожского р-на, прилегающих к Медвежьегорскому (Пяльма, Римское). В большинстве случаев слово **путки** на обследованной территории употребляется во множественном числе, довольно редко в единственном: в Медвежьегорском р-не — **пўтка**, в Кондопожском — **пўтўк**. Спорадически в Заонежье фиксируется ударение на последнем слоге — **путкї́**, с таким же ударением **путкї́** 'щавель' отмечает Куликовский в Заонежье и в Повенецком уезде. Кроме говоров Обонежья лексема **путки** представлена в Терском р-не (Варзуга).

Более узкий ареал имеет слово **бўтки**, оно распространено в Прионежском р-не (Суйсарь, Заозерье), в ряде пунктов Кондопожского р-на (Кулмукса, Тулгуба), причем в Кулмуксе представлены как **путки**, так и **бўтки**. В более ранних материалах анализируемая лексика была представлена шире — в словаре Куликовского — **бўтка** в значении 'щавель' — в Петрозаводском уезде, в СРНГ — **бўтки** 'полые стебли зонтичных растений' отмечены в Петергофском уезде Петербургской губернии с датиров-

кой начала XX века. В словаре Анненкова представлено слово с иной огласовкой — **бодка**, но со сходной семантикой ‘растение сем. зонтичных’, отмеченное автором в Олонецкой губернии.

По мнению Калимы, слово **путки** происходит из кар. *putki*, а **бутки** из люд. *butk* [Kalima 1915: 191]. Меркулова, рассматривая лексему **пучка** ‘название растения сем. зонтичных’, делает вывод: «источник этого слова лежит в западнофинских и в меньшей степени в восточно-финских языках» [Меркулова 1967: 68]. И хотя далее она говорит о том, что в говорах Олонецкой губернии встречаются формы наиболее близкие к первоисточнику, как **путки**, **бутки**, происходящие из прибалтийско-финских языков, отсутствие разграничения слов **путки**, **бутки** и **пучка**, **пучки** снижает точность этимологии, предложенной Меркуловой. На наш взгляд, западно-финский, а точнее карельско-вепсский характер источника имеют только слова **бутки**, **путки**, причем их ареальная дистрибуция, приведенная выше, подтверждает выводы, сделанные Калимой. По данным КСРГК лексемы **пучки** имеют довольно частотные фиксации в значении ‘стебли щавеля’ гораздо северо-восточнее, преимущественно в Онежском р-не. Дистрибуция подтверждается также данными словаря Повысоцкого: **пучка**, **пучки** ‘лекарственное растение *Angelika Archangelika*’ зафиксированные в Холмогорском, Пинежском, Мезенском уездах. Картотека СР-НГ показывает, что слово **пучки** распространено повсеместно в говорах севера Росси, Урала, Сибири, Камчатки, включая также говоры Оренбургской области. В силу широкого распространения этой лексемы можно предположить, что форма **пучки** обязана столь широкой дистрибуции наличию адстратного влияния смежных финно-угорских языков: мордовское — эрз. *potško* ‘стебли щавеля’, ‘полые стебли травянистых растений’; удмуртское *пучы*

‘верба, почка дерева’; ненецкое *pūdž* ‘стебель, трубка зонтичного растения’. Таким образом, исходя из вышеизложенного неприемлема гипотеза Фасмера об эстонском источнике слова **пучки** — эст. *pütsik*, кроме того, против предположения Фасмера говорит и распространение этой лексемы: она отсутствует в псковских и новгородских говорах. SKES также не включает слово **пучки** в сферу прибалтийско-финского языкового влияния [SKES: 662].

Делая выводы об ареальной дистрибуции анализируемой лексемы, следует уточнить, что слова **бутки** в ряде случаев употребляется наряду с **путки**, а именно на Западе Заонежья в Кондопожском р-не, причем на основании имеющегося материала невозможно говорить о преобладании того или иного слова, Спорадически такое же явление наблюдается на восточном Побережье Онежского озера в н. п. Челмужи. Нужно также подчеркнуть, что лексема **путки**, имеющая широкий ареал, отсутствует в южном и в юго-западном Прионежье (Вытегорский, Подпорожский р-ны). Слово **бутки** бытует в Прионежском и смежном Кондопожском р-нах.

Трудно атрибутировать слово **бу́тья** ‘стебли щавеля’, отмеченное в СРНГ в Мосальском уезде Калужской губернии.

ВА́КХА, ВА́ХТА

Значение данных вариантов в настоящее время в говорах Обонежья нивелировалось, и в большинстве случаев удалось лишь узнать, что это растение — трава, преимущественно растущая на болоте. Форма **вахка** отмечена в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора, Полга), а также в соседнем Беломорском р-не (Лапино). Вариант **вахта** имеет несколько более широкий ареал, он зафиксирован в Подпорожском р-не (Пидьма), Кондопожском (Кулмук-

са), Медвежьегорском (Челмужи), Вытегорском (Андома); на смежной территории — в Киришском р-не (Пялнобово). По данным КСРГК в Череповецком р-не отмечен вариант **ва́фка**. Дериват **вахко́вник** 'трава, растущая в сырых местах' бытует в Пудожском р-не (Корбозеро); дериват **ва́хтенник** 'трава' записан в Киришском р-не. Субботина [Субботина 1978] указывает на распространение слова **вахта** 'трава, растущая в сырых местах' в Вытегорском р-не.

Вариант **ва́хка** со значением 'трилистник' представлен в материалах Полякова по Водлозеру Пудожского уезда. Поляков замечает, что это растение служит пищей северному оленю. В словаре Куликовского это слово со значением 'трилистка, трифоль, *Menyanthes trifolia, L.*' имеет более широкое распространение на Водлозере и Выгозере, ныне Пудожский и Сегежский р-ны. Названия растений, содержащие слово **вахта**, представлены в словаре Анненкова: **вахта** черная 'растение сем. кувшинковых' с пометкой Кунгур. Перм.; **вахта** обыкновенная 'растение сем. кувшинковых, кубышка желтая', Перм.; **вахта речная** 'растение сем. кувшинковых', записано в Костромской губернии. В СРНГ, кроме того, дано слово **вахта** 'трилистник, трефоль', отмеченное в Тобольской губернии в 1914 году. Также в словаре Анненкова зафиксированы варианты **вахк** 'растение сем. горечавковых, **вахта́** в Олонецкой губернии; и **вах** 'растение сем. зонтичных, цикута ядовитая', отмеченное в Шенкурском уезде, имеются также дериваты **вахто́вник** 'растение сем. частуховых, частуха подорожниковая' (Волог.); **вахто́вник** 'растение сем. ароидных, белокрыльник болотный' (Вят.).

Калима не включает данное слово в перечень прибалтийско-финских заимствований в русском языке. Довольно подробно вопросы его этимологии разработаны Мер-

куловой [Меркулова 1967, : 37–38]. Она отвергает мысль о заимствовании слова **вахта** из чешского языка, предложенную Матценауэром [Matzenauer 1882: 361], так как на чешской почве данное слово этимологии не имеет, и вслед за Махеком [Machek 1954: 182] делает вывод о заимствовании его из финно-угорских языков, которое подтверждается географией этого слова в русских говорах. Следует согласиться с утверждением Меркуловой в том, что при заимствовании сочетание *-хк* на русской почве часто передается как *-хт*. Говоря о причинах заимствования, она полагает, что «в русский язык это слово проникло давно и было устойчиво сохранено благодаря широкому употреблению в пищу корневищ *Calla* и *Menyanthes* как местным финским, так и русским населением» [Меркулова 1967: 38]. Меркулова отмечает употребление этого слова уже в памятниках XVI века. В SKES слово *vehkaleipä*, широко распространенное в финских диалектах, имеет значение ‘мякинный суррогатный хлеб, который выпекался в неурожайные годы с толченым сушеным корнем растения вехки’. В финском языке слово *vehka* также имеет длительную письменную историю, оно отмечалось еще М. Агриколой [SKES: 1681]. Несмотря на то, что предполагаемый этимон широко распространен в прибалтийско-финских языках и в финских диалектах, везде, кроме северной Финляндии, в ижор. *vehka*, в ливв. *vehka*, в люд. *vehk*, эст. *võhk*, все-таки прочных фонетических оснований для решения вопроса об этимологии слов **вахка**, **вахта** нет. Спорадичность распространения, одна-две фиксации в каждом р-не Обонежья, говорят о том, что анализируемые слова выходят из употребления. А бытование их в говорах Нижнего Поволжья (дериватов **вахтóвник** ‘растение сем. кувшинковых, кувшинка белая’ — в словаре Даля с пометой Астрах.; **вахтóвник**

желтый ‘растение сем. кувшиноквых, кувшинка желтая’ — в словаре Анненкова с той же географией) позволяет усомниться в их чисто финно-угорском происхождении. Хотя несомненно, что слова **вехк**, **вях**, **вахка** восходят именно к прибалтийско-финским этимонам.

ВІГАЛА

Данное слово имеет единственную фиксацию в Сегежском р-не (Валдай) в значении ‘осока’. На наш взгляд, его можно возвести к ливв. *vikkeri, vikkeli* ‘мышинный горошек или смешанное с овсом кормовое зерно’. SKES фиксирует *vikkeli* ‘вика’ в диалектах хяме, саво и в Северной Карелии. В финские и карельские диалекты эта лексема попала из норв. *vicker, vicka*, причем германские данные восходят к латин. *vicia* [SKES: 1760].

ГЀЖЛА

Данное слово зафиксировано в значении ‘тростник, осока, растущие в озере, реке и т. п.’ в Медвежьегорском р-не (Великая Губа, Шуньга, Космозеро), в Прионежском р-не (Кончезеро). В Космозере в этом значении употребляется также слово **лўпа**. На смежной территории по данным КСРГК удалось отметить вариант **гЀжля** с аналогичной семантикой в Беломорском и Кемском р-нах.

В словаре Куликовского представлены два варианта **гЀжля** ‘водяное растение’ в Петрозаводском уезде; и **кЀр-жля** с той же семантикой и географической пометой. В СРНГ имеется слово **гЀжлы** ‘род тростника, растущего в озерах’, отмеченное там же в Петрозаводском уезде.

Калима полагает, что приведенные выше варианты восходят к ливв. *kažlú (kazlu)*, ген. *kažla (kazla-)* ‘камыш, тростник’ при фин. *kaisla, kaisila, kaihila, kaihla*, эст.

kaizel. Вариант с [г], по мнению Калимы, появляется на русской почве [Kalima 1915,: 107]. На наш взгляд, озвончение под влиянием русской фонетики происходит еще в диалектах карельского языка, ср. рус. **приуз** ‘цеп’, кар. *бриужа* (Макаров). И отмеченное в SKES люд. *gažl* (*gazl*) позволяет предположить, что более уместной здесь может быть людиковская этимология. В прибалтийско-финские языки, как указано в SKES, лексема вошла из скандинавских, ср. др.-норв. *geisl* ‘лыжная палка’ [SKES: 143]. Анализируемое слово **гáжла** не частотно, фиксируется спорадически, бытование его в настоящее время в Заонежье, в беломорских говорах и в Прионежском р-не является, по-видимому, дробными остатками ранее единого ареала. В южном Прионежье в значении ‘тростник, осока’ употребляется слово **треста**.

Лексема **жáгла**, отмеченная в Медвежьегорском р-не, (Кажма) вероятно является вариантом данного заимствования, результатом метатезы, вследствие неясности внутренней формы.

ГОРМА

В значении ‘растение иван-чай’ слово **горма** отмечено в Подпорожском (Курпово, Пидьма, Яндеба, Шеменичи, Ульино), в Пудожском (Каршево, Песчаное, Авдеево, Семеново, Колово), в Кондопожском (Тулгуба, Горка), в Медвежьегорском (Кажма, Челмужи), в Прионежском (Суйсарь, Вороново), в Вытегорском (Андома) р-нах. В Пудожском р-не по КСРГК представлен вариант с другим ударением — **горма́** (Сумозеро). В Подпорожском р-не (Ярославичи) зафиксирован дериват **гормага** ‘иван-чай’.

На сопредельной территории слово **горма** отмечено в Лодейнопольском, Тихвинском, Беломорском р-нах. Име-

ется эта лексема с тем же значением в Мурманской области в окрестностях г. Кандалакша. Первая фиксация слова — **горма** «дудковая трава» в Олонецкой губернии дается Рыбниковым. В словаре Куликовского **горма** в значении ‘иван-чай’ отмечается в Олонецком, Петрозаводском, Повенецком, Лодейнопольском уездах; в Пудожском уезде Куликовский фиксирует значение ‘*Spirea ulmaria* L., сем. розанных; лабазник вязолистный’, в этом же значении он отмечает словосочетание белая **горма**; у Анненкова фиксируется слово **горма** ‘*Spirea ulmaria*’ в Архангельской и Новгородской губерниях. По-видимому, вариантом является слово **борма** ‘растение *Epilobium angustifolium* L., сем. кипрейных’, отмеченное Анненковым в Повенецком уезде.

Калима выводит название растения из кар. *horma* ‘растение сем. кипрейных’. Причем сюда же относит слово **формá** ‘*Spirea ulmaria*’, отмеченное Куликовским в Каргопольском уезде, ставя его в зависимость от саамского материала, где наблюдается мена [h]/[f], саам. *foarbma*, *horbma* ‘*rumex domestikus*’, ср. также: фин. *formuruoho* ‘кипрей’, [Kalima 1915,: 93]; SKES приводит соответствующие формы кар. *horma* ‘кипрей’, люд. *horm*, *hormhein* ‘иван-чай’, вепс. *hormgit* ‘кипрей’ также дает карельскую этимологию; в саамский язык, по мнению авторов, слово пришло из финского или карельского языка [SKES: 81].

Распространение данного заимствования практически во всем Обонежье (наиболее частотно слово в Подпорожском и Пудожском р-нах, находящихся на противоположных берегах Онежского озера, реже встречается оно в Вытегорском, Кондопожском, Прионежском, Медвежьегорском р-нах) позволяет привлечь в качестве этимона вепсский материал; в СВЯ отмечены *horhamed*, *hörmhiin* ‘кипрей, иван-чай’.

Лексема **горма**, фиксируемая в значении ‘кипрей’ на большей части обследуемой территории, отмечается и в новгородских говорах с семантикой ‘таволга’, что, вероятно, связано с полисемией на карельской почве, ср. кар. *horma* ‘таволга’, ‘кипрей’ [KKS 1.: 311]. Значение ‘кипрей’ для возможного этимона употребляется значительно шире в прибалтийско-финских языках, ср. кар. тихв., сев. *horsma* ‘кипрей’ [KKS 1: 311], кап. твер. *horma* ‘кипрей, иван-чай’ [СКЯП: 56], ливв. *hormi* ‘кипрей, иван-чай’ [СКЯМ: 72], вепс. *hormhiin*, *hormehiin* ‘кипрей, иван-чай’ [СВЯ: 143], люд. *horm* ‘иван-чай’ [SKES: 81]. Исходя из ареала можно говорить о вепско-карельской природе происхождения этого лексико-семантического варианта.

КАНА́БРА, КАНА́БРЕННИК

Канабра в значении ‘багульник’ по данным ПЛГО и КСРГК отмечено в Медвежьегорском р-не (Челмужи, Черкасы, Федотово, Ламбасручей), в Прионежском р-не (Педасельга, Заозерье, Суйсарь), в Сегежском (Валдай, Вожма Гора). Значение ‘вереск’ отмечено в Подпорожском р-не (Яндеба, Юксовичи, Усланка, Пидьма, Курпово, Шеменичи), в Вытегорском р-не (Ошта). Значение ‘верхняя ветвистая часть ягодного кустарника — черники, брусники’ зафиксировано в Медвежьегорском р-не (Челмужи, Кузаранда, Великая Нива, Загубье, Толвуя, Мьяльзино), в Кондопожском р-не (Диановы Горы). На смежной территории **канабра** ‘багульник’ распространено в р-не г. Кандалакши (Княжая губа), Онежском р-не, Лодейнопольском, Тихвинском, Чудовском, Бабаевском р-нах. Значение ‘верхняя ветвистая часть ягодного кустарника’ бытует в Беломорском р-не. В Лодейнопольском р-не (Печеницы) **кана́бра** отмечена в значении ‘вереск’. Лексема **кана́бра** ‘лекарственная ромашка’ отмечена в Прионеж-

ском р-не (Ладва) по КСРНГ. По данным СРНГ отмечаются варианты **кана́бря** 'вереск' в Вепшинском р-не и **камáбра** с тем же значением в Лодейнопольском.

Вариант **кана́вра** 'вереск' записан в Подпорожском р-не (Шустрочей, Ульино), причем в Ульино, наряду с **кана́бра**; в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора) и Беломорском р-нах **канавра** бытует в значении 'багульник'.

Вариант **канабра** в значении 'багульник' впервые зафиксирован в Архангельской губернии Кузьмищевым. В Опыте **кана́бра** — «часть дерева или вообще растения, находящаяся в земле, корень» (Шенк. Арх.). В словаре Подвысоцкого рассматриваются два слова **кана́бра́** с ударением на последнем слоге и **канабо́рник** 'багульник', отмеченные в Онежском уезде. В словаре Куликовского **кана́бра** зафиксировано в Подвенецком и Петрозаводском уездах, а дериват **канабреник** дан в двух значениях — 'багульник' в Каргопольском уезде, 'мох на камнях' в Песчановской волости Пудожского уезда. Второе Доп. также представляет слово **кана́бра** 'приболотный лесной кустарник'. «В Сумском Посаде его парят и пьют, чтобы разогнать кровь» (Кем., Арх., Тихв., Новг.).

Форму **кана́бра** отмечает А. С. Герд [1975а] в Киришском, Чудовском р-нах и Заонежье. В словаре Меркурьева **кана́бра** имеет значение 'брусника, брусничник, брусничный лист'. (**Канабры** заварим, пьем чай) в Ловозерском р-не.

Вариант **кана́врик** 'приболотный лесной кустарник' отмечен Вторым Доп. в Новолодожском уезде. Трудно судить, относится ли к рассматриваемому заимствованию слово **канавра**, представленное в [Слов. Акад. 1908], в Нижегородской губернии в значении 'сухолом, кустарниковое растение с бело-голубыми цветочками, употребляется от боли в животе'. Анненков дает вариант **кана́рик** 'вереск' в Петербургской губернии.

Более широкое распространение получил дериват **кана́бреник**. в значении 'верхняя ветвистая часть ягодного кустарника' это слово отмечено в Медвежьегорском р-не (Палтега, Кузаранда, Ламбасручей, Шильтя, Тихвин Бор, Великая Губа). В Кондопожском р-не (Кулмукса, Новинка, Гангозеро) **кана́бреник** имеет значение 'багульник'. В н.п. Тулгуба этого р-на отмечено значение 'низкая трава'.

Кана́бреник 'вереск' зафиксирован в Подпорожском р-не (Усланка, Корба, Юксовичи), в Медвежьегорском р-не (Космозеро), в Пудожском р-не (Гакукса, Каршево). Переходный случай отмечен в н.п. Пяльма Пудожского р-на, где **кана́бреник** употребляется в двух значениях — 'багульник' и 'верхняя ветвистая часть ягодного кустарничка'.

В некоторых населенных пунктах семантика слова **кана́бреник** уже не вполне ясна информантам, и они не могут соотнести его с каким-либо растением, а в ответ на вопрос говорят, что это трава, растущая в лесу. Такие ответы зафиксированы в Прионежском р-не (Машезеро), Пудожском р-не (Песчаное, Пелусозеро), в Медвежьегорском (Шуньга, Федотово), Вытегорском (Белый Ручей). В н.п. Авдеево бытует значение **кана́бреник** 'захлампенное, трудно проходимое место в лесу' (Пудожский р-н), которое явно соотносится с материалом Опыта — **кана́бреник** «насаждение какой-либо лесной породы, до того густое, что трудно пролезть» (Шенк. Арх.). В н.п. Алексеево Пудожского р-на по КСРГК слово **кана́бреник** отмечается в значении 'мелколесье'. На смежной территории слово **кана́бреник** в значении 'вереск' отмечено по КСРГК в Терском р-не (Умба). В словаре Меркурьева **кана́бреник** дается в том же значении, что и **кана́бра** 'брусника, лист брусники' (н.п. Кузомень Терского р-на). Значение 'багульник' представлено в Каргополь-

ском р-не; **канабреник** ‘можжевельник’ отмечено в Лодейнопольском (Печеницы). Значение ‘верхняя ветвистая часть ягодного кустарничка’ по КСРГК распространено в Онежском р-не и в окрестностях г. Кандалакша.

Отмечается по данным КСРГК единичный вариант: **канабранник** ‘багульник’ (Медвежьегорский р-н н. п. Никитинское). По данным КСРГК фиксируются следующие варианты: в значении ‘багульник’ — **канавреник** (Колгостров Пудожского р-на); **кана́рвеник** (Чудовский р-н); **кана́врик** (Бокситогорский р-н); **кана́рвленник** (Чудовский р-н); **кана́врик** (Чудовский и Бокситогорский р-ны); **кана́вреник** (Кемский р-н, Поньгома); **кана́рник** (Вашкинский р-н); **кана́борник** (Онежский р-н, Кянда). В значении ‘верхняя ветвистая часть ягодного кустарничка’ отмечены варианты: **кана́брики** (Тихвинский р-н); **кана́вриха** (Челмужи Пудожского р-на).

Для части вариантов точное значение установить не удалось, записи КСРГК отмечают, что это болотное растение — **кана́рва** (Любытинский, Киришский р-ны); **канабрéшник** (Ковжа Каргопольского р-на); **кана́вленник** (Кемский р-н). В последнем варианте, по-видимому, произошло переосмысление внутренней формы через связь со словом **канава**. В н. п. Усть-Пога Плесецкого р-на отмечено значение, несколько выбивающееся из приведенного выше ряда — **кана́бринки** ‘проросшие при хранении ростки картофеля, ржи’.

Впервые этимологию слова **кана́бра** предложил Шегрен как заимствование из фин. *kanerva* ‘вереск’. Погодин полагал, что здесь результат воздействия карельских диалектов, ливв. *kanabra*. Калима считает, что обилие вариантов заимствования вызвано тем, что они соотносятся с разными этимонами; ливв. *kanabra*, вепс. *kanambr*, фин. *kanerva*, эст. *kanarik*, *kanarpik* с общим значени-

ем 'вереск' [Kalima 1915,: 103]. SKES придерживается этой же точки зрения, приводя формы — фин. *kanerva*, *kanarva*, кар. *kanarvo*, ливв. *kanabro*, люд. *kanabr*, водск. *kanebro*, эст. *kambarpik*, *kanerma*. Причем, вслед за Калимой, авторы SKES полагают, что слово **канабра** 'вереск', отмеченное Слов. Акад. 1906–1907 в Петербургской и Олонецкой губерниях, является вариантом данного заимствования [SKES: 155]. В СВЯ имеется следующий материал: *kanabr* 'вереск', *kanabrik*, *kanabrišt* 'вересняк'. Делая некоторые выводы по данным лексемам, следует отметить, что в южном Прионежье (Вытегорский р-н, от н. п. Ошты до Андомы) данное заимствование зафиксировать не удалось. Основные варианты **канабра**, **канабреник** образуют различные ареалы в отношении семантики, хотя для словообразовательных вариантов более или менее четких границ установить не удалось. Значение 'вереск' отмечается и, по-видимому, поддерживается в юго-восточной зоне адстратным вепским влиянием — в Подпорожском, прилегающей к нему части Вытегорского р-на, а также в южной части Пудожского р-на. Значение 'багульник' распространено в Прионежском, Кондопожском р-нах и спорадически в Заонежье. Значение 'верхняя ветвистая часть ягодного кустарничка' зафиксировано только в Медвежьегорском р-не и в примыкающей к нему части Кондопожского р-на. В Заонежье эта семантическая инновация, вероятно, связана со сравнительно недавним приходом неисконного населения в этот ареал. Ареальная дистрибуция семантических различий в настоящее время все же не имеет четких границ, что, по-видимому, связано с внутренней миграцией населения в Обонежье. Спорадические фиксации слова **канабреник** 'верхняя ветвистая часть ягодного кустарничка' в Онежском р-не и ряде р-нов Мурманской области (КСРГК)

подтверждают, что его ядерный ареал находится именно в Заонежье.

КАРА

В значении 'насечки на хвойном дереве для сбора смолы, живицы' отмечено в Медвежьегорском р-не (Космозеро, Ламбасручей), в Пудожском р-не (Пелусозеро), в Кондопожском р-не (Кулмукса). В смежных говорах слово **кара** в приведенном значении бытует в Плесецком р-не. В прибрежных населенных пунктах Медвежьегорского р-на Заонежья лексема **кара** в Сенной Губе имеет значение — 'гриб-трутовик, растущий на березе'; в Великой Губе — 'нарост на хвойном дереве'. В Подпорожском р-не (Пидьма) **кара** отмечено в значении 'участок на дереве, лишенный коры', в этом же значении оно представлено в СРНГ в Вельском р-не.

По-видимому, вариантным является слово **корулька** 'разрез на дереве', бытующее в Вытегорском р-не (Мегра).

Лексема **кара** 'участок на дереве, лишенный коры для добывания смолы-живицы' по СРНГ отмечается на Нижнем Урале. В материалах Филимонова (Коштуги Вытегорского уезда) отмечается слово **кара** в значении 'глубокая зарубина на чем-л.' и 'зазубрина'. — Надо заточить **кару** <на топоре>. В значении 'зазубрина' слово **кара** употребляется также в Вашкинском р-не.

Калима сводит слова **кара** 'залив' и **кара** 'насечки на дереве'; он полагает, что сведение этих слов вместе очевидно, но направление заимствования не совсем ясно, так как далее не имеется никакой этимологической связи [Kalima 1915: 104].

По-видимому, слово **кара** имеет довольно четкие соответствия в вепсском языке: в СВЯ отмечается *kar* в значении ‘щель’, ‘отверстие, дыра’, ‘яма, углубление, выемка’; ‘петля одежды’. Причем, возможно, что значение ‘нарост на хвойном дереве’, ‘гриб-трутовик на березе’ связано с фин. диалект *kara* ‘твердый и сухой сук хвойного дерева’, а ‘насечки, зарубки’ — с приведенным выше вепсским этимологом. Анализируемое слово ни по данным ПЛГО, ни по КСРГК не является частотным, его спорадические фиксации не образуют четкого ареала.

КОРТЕХА, КОРТЕГА

Приведенные варианты фиксируются только в значении ‘хвощ’ как по данным ПЛГО, так и по данным КСРГК. Вариант **кортеха** отмечается в Медвежьегорском р-не (Федотово, Белохино, Кажма, Космозеро, Типиницы, Тявзия, Сенная Губа, Толвуя, Великая Нива, Ламбасручей, Палтега, Загубье, Челмужи, Шуньга, Великая Губа, Пабережье), в Пудожском р-не (Римское), в Прионежском р-не (Заозерье, Ладва, Вороново, Шуя), в Кондопожском р-не (Горка, Лодмозеро), в Подпорожском р-не (Шеменичи). В н. п. Шильтя Медвежьегорского р-на отмечено значение **кортеха** ‘тростник, растущий в озере’. Вариант **кортега** преобладает в Пудожском р-не (Авдеево, Песчаное), в Прионежском (Лехнаволоок, Ялгуба, Кончезеро). В н. п. Ладва Прионежского р-на, кроме слова на *-ха*, употребляется вариант **кортега** с дериватом от него **кортежка**, который также записан в Прионежском р-не (Лехнаволоок, Машезеро). В н. п. Челмужи отмечены три варианта с одним и тем же значением — **кортеха**, **кортега**, **кортека**. Вариант **кортека** зафиксирован также по данным КСРНГ в н. п. Житницы Медвежьегорского р-на. В н. п. Пяльма отмечено значение **кортега** ‘заболоченное

место в лесу' по ПЛГО. В Вытегорском р-не (Казаково) по ПЛГО записан вариант **кбреха** со значением 'высокая трава'.

Данные КСРНГ приводят еще два слова, по-видимому, относящиеся к анализируемому гнезду — **кортняг** 'хвощ' в Медвежьегорском р-не (Белохино). На смежной территории **кортеха** 'хвощ' отмечается в Кемском р-не по КСРГК, и **кбртеха** 'травянистое растение' в окрестностях г. Кандалакша (Федосеевка) — в словаре Меркурьева. В Лодейнопольском р-не **кортега** зафиксировано в значении 'осока в озере'.

В словаре Куликовского представлены четыре варианта; **кбртег**, **кбртега** 'осока, тростник' в Петрозаводском уезде и в Заонежье; **кбртюх** в н. п. Моша Каргопольского уезда и **кбртеха** в Пудожском со значением 'хвощ'. Слов. Акад. Грота-Шахматова дает **кортяха** и **кортичка** в Повенецком уезде.

Погодин и Калима предполагают ливвиковскую этимологию, — ливв. *korteh*, причем Калима полагает, что русские финалы *-ега*, *-ег*, *-еха* возникли на почве ливвиковского *-eh*. SKES придерживается приведенной выше точки зрения, но не исключает и возможность людиковского влияния [Погодин 1904: 33; Kalima 1915: 132].

В шимозерском диалекте вепсского языка употребляется форма, совпадающая с формой ливвиковского диалекта — *korteh* 'хвощ'.

Ливвиковский этимон представлен в составе микро-топонима в Олонецком р-не — *Kortehnittü* [Мамонтова 1982].

Употребление данного заимствования в Заонежье и прилегающих к нему р-нах позволяет подтвердить этимологию Погодина-Калима.

КУКЛИ

В значении ‘незрелый плод морошки с чашелистиками и плодоножкой’, а также ‘высушенная плодоножка с чашелистиками, применяемая как средство от кашля’ это слово зафиксировано в Подпорожском р-не (Шеменичи, Корба, Курпово, Яндеба, Юксовичи), в Вытегорском р-не (Мегра, Казаково, Ошта), в Пудожском р-не (Гакукса). На смежной территории анализируемое слово употребляется в Лодейнопольском р-не (Ефремково), в Тихвинском р-не (Макарнино), в Каргопольском р-не. Чаще данная лексема употребляется в сочетании с предлогом «в»: в **куклях** ‘о незрелой морошке’.

Зафиксирована также форма **кукели**, в **кукелях**, отмеченная в Медвежьегорском р-не (Шуньга, Челмужи), в Пудожском (Каршево, Авдеево), на смежной территории отмечается: **кукеля** в Вашкинском р-не, **кукель** в Каргопольском. Диминутив **кукелёк** в Каргопольском. Диминутив **кукелёк**, **кукельки** употребляется в Прионежском р-не (Ладва, Суйсарь), в Медвежьегорском р-не (Тихвин Бор, Есино), в Пудожском р-не (Пелусозеро, Каршево, Гакукса, Песчаное), в Кондопожском р-не (Новинка). Диминутив **кукелёчки** отмечается в Медвежьегорском р-не (Палтега, Есино), в Прионежском р-не (Суйсарь). В Кирилловском р-не зафиксировано слово **кукель** ‘головка клевера’. **Куколь** ‘незрелый плод морошки’ распространен в Онежском р-не; **кукелёчек** ‘головка льна’ — в Череповецком.

Вариант **кукулёк**, **кукульки** ‘завязь морошки’ употребляется в Пудожском р-не (Пелусозеро), а также в Онежском, Плесецком, Каргопольском р-нах. Материалы СРНГ (1971) дают лексему **кукуль** ‘чашелистики морошки’ в Каргопольском р-не. Дериваты **куколёк**, **кукольки** отмечаются в Вытегорском р-не (Мушниковская), в Пу-

дожском р-не (Колгостров, Корбозеро) в значении 'незрелый плод морошки'. В КСРНГ слово **кúкольки** дается в значении 'почки березы' в Медвежьегорском р-не (Ганьковец), а с иным ударением **куколькí** 'цветоножка' в Каргопольском р-не (Давыдово). Кроме того, КСРГК отмечает **куколёк** 'завязь морошки' в Онежском р-не, а эта же форма в значении 'головка клевера' фиксируется в Киришском р-не.

Лексема **кúколка** 'завязь морошки' отмечена в Вашкинском р-не, значение 'головка клевера' бытует в Бабаевском р-не. КСРГК фиксирует дериват **кúкольник** в значении 'морошка' в Плесецком р-не, в значении 'клевер' в Кирилловском р-не.

В н. п. Челмужи Медвежьегорского р-на представлена единственная фиксация — **хúхли, в хúхлях** 'о незрелой морошке'. По-видимому, анализируемый материал связан с широко распространенными в вологодских говорах и представленными в СВГ словами: **кúглина** 'головка льна; клевера', **кúколка, куколёк** 'головка льна; клевера', **кúколка, куколёк, кúколь, кúколька** в тех же значениях. Калима, основываясь на материалах Даля (**кúклина** 'семенные головки льна или одна шелуха', без указания места), Подвысоцкого (**кóглина, кúглина** в том же значении в Архангельском, Онежском, Холмогорском, Пинежском уездах), Куликовского (**куглина́** 'коробка конопли' в Каргопольском, Пудожском уездах), делает вывод о прибалтийско-финском характере заимствования, приводя, однако, только финский материал, фин. *kouhlo* [Kalima 1915]. На наш взгляд, вепс. *kaikol, koukel* 'головка льна, конопли с семенами' в результате метафорического переноса могли распространить сходное наименование на головки клевера, также и незрелые плоды морошки. В данном случае еще возможна контаминация со словом **кукелёк** 'бутон, нераспустившийся цве-

ток', отмеченным Куликовским в Петрозаводском уезде и также заимствованным из фин. *kukka*, кар. *kukkaine* 'цветок'.

Кукли 'незрелые плоды морошки' фиксируется в основном в Подпорожском, Вытегорском, южной части Пудожского р-нов, а также в смежных р-нах с вепским субстратно-адстратным влиянием. Вариант **кўкели**, с этим же значением, отмечается спорадически в Заонежье и в прилегающих к нему р-нах. Следует подчеркнуть, что в Обонежье употребляются в основном эти варианты в значениях, связанных с понятиями о незрелых плодах морошки. В более восточных вологодских говорах сходные формы имеют значения 'головка льна, конопли', что может быть вызвано другой субстратной основой.

В архангельских говорах зафиксирован префиксальный дериват **пакўль** 'оставшаяся после цветка морошки чашечка снизу ягоды', отмеченная Подвысоцким в Онежском уезде; 'незрелая ягода', представленная в СРНГ в том же уезде (1878 г.).

В узком ареале — Подпорожский р-н (Ульино, Пидьма) отмечаются лексемы **кукушки**, **кукыши**, **куковки**, имеющие значение 'незрелые плоды морошки', возможно относящиеся к анализируемому выше гнезду.

КУ́КЫШКАРА́НДЫШ, КУКОШКАРА́НДЫШ, КУКАРА́НДЫШ

В значении 'шиповник' форма **кўкышкара́ндыш** отмечена в Подпорожском р-не (Шеменичи, Ульино, Корба, Юксовичи, Заозерье). Вариант **кукара́ндыш** с тем же значением зафиксирован в Прионежском р-не (Ладва, Педасельга) и в примыкающей к нему части Подпорожского р-на (Шустручей). По данным КСРНГ с другим во-

кализмом **кукорáндаш** отмечается в н.п. Ладва. Вариант **кукиш-карандыш** отмечается в присвирских населенных пунктах Пидьма, Усланка, Курпово. Кроме того, в н.п. Курпово отмечен как менее частотный вариант **кукушкарандыш**. В н.п. Мегра Вытегорского р-на по ПЛГО записан вариант **кукарандыш**.

На смежной территории схожая лексика не зафиксирована. Первые фиксации различных вариантов даются в словаре Куликовского **кукиш, кукуш-каранды** по течению р. Свири; **кукиш-карандыш** — также по течению р. Свири и в Петрозаводском уезде в значении ‘ягоды шиповника’. Вариант **куккыш-карангыш** в значении ‘цветок дикой розы’ дается в материалах Лескова. Лесков полагает, что в данном случае заимствование из олон. (ливв.) *kukoin-karangaïne*. Калима считает, что здесь заимствование из вепсского языка — вепс. *kukein-karang, kukiin-karandiš*, приводя материалы Сеталя [Лесков 1892: 100; Калима 1915: 137]. В СВЯ приводится *kukoinkarang, kukinkarang* в значении ‘шиповник’. Проведенный нами опрос показал, что вепсы осознают, что данное слово представляет собой композит: *kukoin-* означает ‘петушиный’, *-kukoi* ‘петух’ [СВЯ: 242], а вторая часть *-karang* не сохранилась в вепсском языке как значимая лексема, но рефлексy ее фиксируются в других прибалтийско-финских языках: фин. *karanka* ‘жердь, шест’, ‘засохший толстый сук ели’, ‘прут в изгороди’, кар. *karango* ‘свесившаяся в реку ветвь дерева’, ливв. *karango* ‘сухое дерево’, *karangahane* ‘высохшее на корню дерево’, люд. *karangahaine, kuzen karangahaine* ‘засохшая ель’ [SKES: 161], ливв. *karango* ‘сухостойное дерево’ [СКЯМ: 125], кар. твер. *karango* ‘сухая, костлявая корова или лошадь’ [СКЯП: 88], кар. *karanko* ‘о ком-либо длинном и худом’, *karanneh* ‘кривое изогнутое дерево, растущее на болоте’ [KKS 2: 67].

Отмеченные в Лодейнопольском р-не по СРНГ лексемы **кука**, **кúкоши** ‘дикая роза, шиповник’ [СРНГ: 16, 30, 44] могут иметь двойную мотивацию; с одной стороны, данная лексема может быть своеобразно освоенным вариантом заимствования из вепсского языка; с другой стороны, здесь вероятно связь с фин. *kukka* ‘цветок’. Но в силу того, что Лодейнопольский р-н является территорией, где жили и живут вепсы, а в вепсском языке понятие ‘цветок’ представлено в форме *cvetiune*, *än'ik*, все-таки и в данном случае следует отдать предпочтение вепсской этимологии *kukša* ‘петушок’ (см. ниже **петушки**). Здесь же отмечено слово **кара́ндыш** ‘шиповник’ [СРНГ 13: 74], которое явно восходит к другому этимону.

Таким образом, вепское слово целиком послужило источником для лексем: **кúкошкара́ндыш**, **ку́какара́ндыш**, **кукара́ндыш**, а вторая часть композита *-karang*, для лексемы **кара́ндыш** (Лодейнопольский район). В Подпорожском р-не (Усланка, Яндеба, Корба) понятие ‘шиповник’ выражается через словосочетание **петунье дерево**, понятно, что атрибутив является семантической калькой с вепсского слова. В Вытегорском р-не (Ошта), в Прионежском (Педасельга, Машезеро, Ладва, Заозерье), в Медвежьегорском р-не (Кузаранда), в Пудожском (Авдеево, Гакукса) плоды шиповника имеют наименование — **петушки**, что, на наш взгляд, также является отражением влияния семантической системы вепсского языка. Тем более, что территориальное распределение слова **петушки** по данным СРНГ ограничивается Карелией.

Труднее предложить достоверную этимологию слову **ку́ка-бака** ‘одуванчик’, отмеченного СРНГ в Вожегодском р-не. Маловероятно, что данная лексема имеет отношение к анализируемому гнезду, скорее всего, по крайней мере по форме она соотносится с коми-пермяцким — *кúку-ба́ка* ‘гриб-трутовик’.

Отметим, что ряд вариантов различается территориально — **кукарандыш**, **кукышкарандыш** и т. п., однако, общая дистрибуция заимствования связана с юго-западным Прионежьем (Подпорожский, Прионежский, Вытегорский р-ны). Причем на остальной обследуемой территории Обонежья в Медвежьегорском, Пудожском р-нах, почти во всех населенных пунктах по ПЛГО зафиксировано слово **шипичник** ‘шиповник’, информанты мотивируют его следующим образом: «шиплет, дак и **шипичник**». В северной части Прионежского р-на (Суйсарь, Заозерье) отмечены **шипичник** / **шипешник** и **колючник**, как видно, здесь уже другая мотивация. Форма **шипичник** представлена также в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора). В н. п. Каршево Пудожского р-на бытует в значении ‘шиповник’ слово **шипильняк**. В некоторых населенных пунктах, наряду с заимствованным словом употребляется исконный синоним — в н. п. Казаково Вытегорского р-на **шипича**; н. п. Педасельга Прионежского р-на — **роза**; Шустручей — **шипичник**.

В ладого-тихвинских говорах по КСРГК отмечена форма **чипарыжка**; в белозерских — **чипарига**.

КУРУШКА

Данное слово отмечается в Обонежье в нескольких значениях. В Медвежьегорском р-не (Космозеро), а также в Пудожском р-не (Канзанаволок) бытует значение ‘березовая сережка’. В Медвежьегорском р-не (Кефтеницы, Типиницы, Шуньга) распространено значение **курушка** ‘еловая шишка’, данное значение зафиксировано также в Беломорском р-не. В Медвежьегорском р-не (Черкасы) представлено значение ‘почка на хвойном дереве’, на смежной территории в Беломорском, Каргопольском, Вашкинском р-нах отмечено значение ‘водная лилия, кувшинка’.

Распространение данного слова в Обонежье (Заонежье и юго-восточная его часть), в каргопольских, белозерских и беломорских говорах позволяет говорить об его неисконном характере. На наш взгляд, его можно возвести к люд. *kukkurain'e* 'шишка — сосновая и т. п.'.

КЯБЕГА, КЯРБЕГА

Данные слова впервые представляются ниже как заимствования из прибалтийско-финских языков. По данным ПЛГО оно зафиксировано в Пудожском р-не (Римское) в значении 'мох на деревьях'. В КСРГК отмечается лексема **кярбега** в этом же значении в Лодейнопольском р-не (Чидово).

На наш взгляд, слово **кябега** можно возвести к вепс. *käbe* 'пакля', а **кярбега** к вепс. *kärbe* 'лишайник, растущий на коре деревьев', 'очески, отходы от чесания льна, конопля'.

Найти соответствия вепским словам в других прибалтийско-финских языках не удалось, хотя вероятна связь с эстонским *käba*, *keba* 'сосновая кора'.

Возможно, что с анализируемым материалом связано слово **кápшуга** 'мох на деревьях', отмеченное в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора).

ЛУЛАКИ

В значении 'незрелые ягоды' слово **лулаки** распространено в Вытегорском р-не (Яшкино, Щекино, Мушниковская, Игнатово, Девятины, Андома, Мегра, Ошта, Казаково), в Подпорожском р-не (Юксовичи, Шустрочей).

Предыдущие фиксации этого слова находим у Куликовского и Филимонова — **лúлаки** 'незрелые плоды' в Вытегорском уезде (Коштуги). Калима, приводя вепские

материалы Сетеля, тем не менее полагает, что этимология данной лексемы не может быть разрешена определенным образом, т. е. это для него слово с неясным происхождением [Kalima 1915: 157]. SKES уже относит слово **лулаки** к заимствованиям из вепсского языка, помещая вепсский этимон *лил* в одно гнездо с фин. *luu* ‘кость’, при ижор. *luikka* ‘незрелая ягода’, причем авторы SKES полагают, что вепсская форма *лил* происходит от адессива [SKES: 315]. На наш взгляд, скорее всего форма *лил* связана с вепсским прилагательным, образованным от существительного *lu* ‘кость’ — *луйказ*, имеющем два значения ‘костлявый’ и ‘незрелый, неспелый — о ягодах’; суффикс *-kaz/-kaha* со значением обильности широко представлен в вепсском языке. Звук [ü] (неслоговой) мог проясниться на почве русских говоров в [л] (ср. вепс. *šuyk* — рус. *шелк*), и полученная форма могла снова попасть в вепсский язык, где она представлена как существительное — *лил*.

Узкая локализация слова **лулаки** — Южное Прионежье (в основном Вытегорский р-н и ближайшая к нему часть Подпорожского р-на) позволяет принимать как ту, так и другую вепсскую этимологию.

Трудно сказать, связана ли финская фамилия *Lallukka* с анализируемыми данными.

ЛЯЙПИНА, ЛЕЙПИНА

В значении ‘кусок бересты’ вариант **ляйпина** зафиксирован в Прионежском р-не (Педасельга, Ладва), в Вытегорском р-не (Бараны) отмечен вариант **лейпина**.

В словаре Куликовского представлена лексема **ляйпина** ‘широкая полоса бересты’, отмеченная по КСРГК в Пудожском р-не, а также на смежной территории в Каргопольском, Онежском, Кирилловском, Вашкинском

р-нах, в значении ‘участок пахотного поля’ отмечается в Каргопольском р-не; **ляпáк** ‘участок пашни на берегу залива’ бытует в Плесецком р-не.

Калима приводит вепские материалы Сетяля, к которым, по его мнению, восходит русское слово — вепс. *l'air* ‘кусочек бересты’ [Kalima 1915: 158]. В СВЯ представлено три варианта *l'äir*, *l'eir*, *lair* в значении ‘полоса бересты, березовой коры и т. п.’, ‘пятно, полоса’, что также подтверждает этимологию, предложенную Калимой. Бытование в зонах адстратного вепского языкового влияния в Вытегорском и Прионежском р-нах анализируемых слов предполагает их непосредственную связь с вепским материалом, причем вариант **ляйпина** соотносится с прионежским диалектом, а **лейпина** со средневепским диалектом.

МЯ́НДА, МЯ́НДА́К, МЯ́НДА́Ч

Основное значение приведенных выше слов ‘сосна с толстым слоем заболони’, такие деревья обычно растут на болоте или низменных местах и непригодны для использования в строительстве. Повсеместно в Обонежье распространено словосочетание **мяндóвое дерево** в указанном значении в противопоставлении сочетанию **рудовое дерево** в значении ‘хорошее строевое дерево’. Лексема **мянда** отмечена в Вытегорском р-не (Мегра), в Медвежьегорском р-не (Ламбасручей, Загубье, Великая Губа, Сенная Губа), в Кондопожском р-не (Тулгуба, Лижма), в Прионежском р-не (Суйсарь, Ялгуба), в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора). На смежной территории слово **мянда** ‘сосна с толстым слоем заболони’ отмечается в Плесецком р-не. В значении ‘слой дерева под корой’ лексема **мянда** бытует в Вытегорском р-не (Черная Слобода), в Прионежском р-не (Ялгуба), в Пудожском р-не

(Потанино), в Кондопожском р-не (Кулмукса), а также в Бокситогорском р-не. В Вытегорском р-не (Бараново) **мянда** распространено в значении 'моховое ягодное болото; иногда поросшее редким мелким лесом', а также в Бабаевском и Белозерском р-нах. Значение 'толстый низкорослый человек' слово **мянда**, по-видимому, получило в связи с метафорическим переносом, оно отмечается в Медвежьегорском р-не (Великая Нива, Пабережье), в Кондопожском р-не (Горка); с иным ударением **мянда́** в Вытегорском р-не (Ошта).

Слово **мянда** впервые зафиксировано в Опыте в двух значениях: 1. 'верхние слои сосны темноватые и водянистые, а не смолистые' в Верховажье Вологодской губернии; 2. 'редкослойный, не на боровом месте растущий лес' в Олонецкой губернии. В словаре Подвысоцкого **мянда** 'растущее на болоте дерево'. У Куликовского — **мянда** 'слой древесины, находящийся непосредственно под корой' в Каргопольском уезде, в Вытегорском (Черная Слобода), в Заонежье (Шуньга), а также по течению реки Свири. На более широком ареале слово имеет значение 'болотная ровно как и горная сосна, негодная на поделки', отмеченная в Петрозаводском, Пудожском, Повенецком, Каргопольском, Лодейнопольском уездах. В Вытегорском и Каргопольском уездах **мянда** имеет значение 'толстяк', а кроме того в последнем уезде Подвысоцкий отмечает выражение **косая мянда**. В Вытегорском и Пудожском уездах **мянда** бытует в значении 'сосна'.

В словаре Беляевой отмечается **мянда** 'заболонь'. Чайкина пишет, что первая фиксация слова **мянда** 'болото покрытое редким хвойным лесом' в говорах Белозерья датируется XVI веком. Она выделяет в данной лексеме три значения: 1. 'болотная сосна' в вологодских, тотемских, никольских, великоустюгских; в архангельских, пинеж-

ских, мезенских, каргопольских, северодвинских, плесецких; в кировских и пермских говорах; 2. 'темноватые и водянистые верхние слои ствола сосны' в мезенских, в вологодских верховажских, тотемских, никольских великоустюгских; 3. 'мелкий сосновый лес, растущий на болоте' — в архангельских, каргопольских, холмогорских, северодвинских говорах [Чайкина 1975: 32–33]. Широко представлено слово **мянда** в СРНГ, в дополнение к приведенным материалам здесь выделяются значения: 'низкорослый сосновый лес (растущий в болотистых местах)' в Каргопольском, Холмогорском р-нах и в Вытегорском р-не; 'низменное прилегающее к болоту пространство' в Кирилловском уезде Новгородской губернии; кроме того, в значении 'чахлая болотная сосна' слово **мянда** фиксируется в печорских говорах Республики Коми.

Лексема **мяндак** 'сосна с толстым слоем заболони' отмечается в Вытегорском р-не (Мегра); в Подпорожском р-не (Ульино, Шеменичи). В н. п. Пидьма этого же р-на бытует значение 'гнилое бревно', а кроме того, сильно развито экспрессивное диффузное значение, вызванное метафорическим переносом, оно реализуется в отношении 'очень толстого человека', 'старого переросшего гриба', 'очень толстого живота'. В соседнем н. п. Согиницы употребляется слово **мяндак** 'толстяк'.

В материалах Полякова по Вытегорскому и Пудожскому уездам **мяндак** имеет значение 'сосновый бор'; в СРНГ в тех же уездах **мяндак** 'низкорослый сосновый лес, растущий на бедной почве'.

Дериват **мяндач** 'сосна с толстым слоем заболони' отмечается в Пудожском р-не (Гакукса, Авдеево, Каршево, Песчаное, Пяльма, Римское), в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора), в Кондопожском р-не (Новинка), в Прионежском (Ладва); с ударением на первом слоге **мяндач** с

тем же значением бытует в Заонежье (Загубье, Толвуя). В Подпорожском р-не (Шустручей) **мяндач** имеет значение 'гнилое лежащее дерево'. На смежной территории **мяндач** 'дерево с толстым слоем заболони' употребляется в Беломорском р-не; сходное значение **мяндач** 'мелкий сосновый лес с рыхлой древесиной' дает Меркурьев в говорах вокруг г. Кандалакши; **мяндач** 'сосняк' бытует в Плесецком р-не; **мяндач** 'сосна' распространено в Североморском р-не. С вариантным ударением **мяндач** 'заболонь' зафиксировано в Терском р-не.

Первая фиксация слова **мяндач** 'редкослойный не на боровом месте растущий лес' представлена в Опыте в Вятской губернии. У Подвысоцкого — **мяндач** 'растущая на болоте сосна'. В СРНГ — **мяндач** 'редкослойное дерево' зафиксировано в Каргопольском р-не; в значении 'низкорослый сосновый лес' отмечается в беломорских говорах, в Шенкурском р-не, Вельском, Тотемском уезде, Республике Коми, в Челябинском уезде, Иркутской, Новосибирской областях. Слово **мяндина** по данным ПЛГО отмечается только в Заонежье в значении 'сосна с толстым слоем заболони' (Ламбасручей, Космозеро, Кефтеницы, Пабережье), причем в н. п. Кефтеницы зафиксировано значение 'заболонь'. В Кондопожском р-не (Лижма) **мяндина** бытует с семантикой 'нестроевой лес'; в Прионежском р-не **мяндина** по материалам Дилакторского дается в значении 'низкосортный строевой лес' в Вологодском и Грязовецком уездах. Куликовский отмечает, что в Петрозаводском уезде вместо **мянды** употребляется слово **мяндина**.

По данным ПЛГО в Заонежье (Палтега, Великая Нива) зафиксировано слово **мяндачина** 'сосна с толстым слоем заболони'. В словаре Куликовского представлено **мяндочина** 'низкая худая сосна или ель', бытующее в Повенецком уезде.

В Лодейнопольском р-не по КСРГК отмечается лексема **мяндечйна** ‘заболонь’. В словаре Подвысоцкого фиксируется **мяндочина** ‘низкорослая сосна или ель’ в Пинежском уезде.

Данные КСРГК по Плесецкому р-ну представляют значительное число диминутивов, в значении ‘небольшая болотная сосна’ отмечены следующие: **мяндўшка, мяндўшечка, мяндўлечка**, с другим вокализмом — **мендјшечка**.

Чайкина приводит слово **мяндовище** ‘низменное место, поросшее елью или сосной’ в Кемском и Повенецком уездах. Даль под значением ‘болотная сосна, редкослойная, рыхлая, несмолистая, дрябловатая; сосна белая или даже синяя, растущая не на своей почве’ дает несколько лексем — **мяндá, мяндáч, мяндóвник, мяндóвый** лес, причем указывая, что они бытуют в Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерниях, не определяет, где какая лексема распространена. В СРНГ зафиксировано слово **мяндáчник** ‘мелкий сосновый лес на болоте’ в печорских говорах (Усть-Цилемский р-н). Уже упоминавшееся относительное прилагательное **мяндóвый**, обычно употребляющееся в сочетаниях **мяндовое** дерево, **мяндовая** сосна, **мяндовый** лес на смежной территории в Лодейнопольском, Беломорском р-нах, а также в окрестностях г. Кандалакша. Опыт представляет следующий материал: **мяндовый** ‘непрочный’ — **Мяндовый** лес (Верховаж., Волог., Вят.). У Подвысоцкого — **мяндовое** дерево — ‘редкослойное малосмолистое дерево’ в Пинежском и Мезенском уездах. Прилагательное **мяндачный** ‘с толстым слоем заболони’ отмечается в Прионежском р-не (Ялгуба), а также в говорах Плесецкого и Терского р-нов, и в окрестностях г. Кандалакши. Словосочетание **мяндováтый** лес по КСРГК зафиксировано в Пудожском р-не; **мяндováтое** дерево с тем же значением ‘с толстым

слоем заболони' в Беломорском р-не. Если для говоров Севера европейской части России свойственно употребление в первом слоге [’а], то для говоров Урала и Сибири характерно употребление в первом слоге, обычно предупредительном, [’е]. В Опыте имеется **менда́ч** ‘редкослойный не на боровом месте растущий лес’, **мендо́вый** ‘о дереве; не толстый; отмечено в Сибири’. В словаре Даля: **менда́ч**, **менда́жник**, **мендо́вый** лес ‘мелкий кривой, ерник; мелкий и рыхлый, трухлявый, дряблый’; **менда́чная** сосна ‘редкослойный, с толстою заболонью; рыхло-беловатый лес в отрубе и вскоре синеющий’ даются как слова, употребляющиеся в Сибири.

В настоящее время и на территории Обонежья фиксируются варианты с [е], распространение которых не столь велико. В Вытегорском р-не (Великий двор) отмечается **менда́** ‘дерево с толстым слоем заболони’, бытует оно также в Плесецком и Каргопольском р-нах, в словаре Беляевой — **ме́нда** ‘заболонь’. В СРНГ фиксируются: **ме́нда** ‘низкорослый кривоствольный сосновый лес’, ‘редкослойное дерево’ в Каргопольском р-не; **менда́** ‘сырой рыхлый’ слой древесины с пометой «Кадн. Волог.», а также **ме́нда** ‘сосна с некачественной непрочной древесиной’ в говорах Свердловской области. В Кондопожском р-не (Лодмозеро) распространено слово **менда́ч** ‘дерево с редкими слоями древесины’, в СРНГ отмечается **менда́ч** ‘о хилом слабом дереве’ в Мезенском р-не. В СРНГ лексема **менда́ч** ‘лес с некачественной слабой древесиной’ кроме Прионежского и Медвежьегорского р-нов представлена в Новосибирской, Томской, Иркутской, Пермской областях, Красноярском и Алтайском краях; **менда́ч** ‘гниющий на корню лес’ представлена в Курганской области; в Свердловской области — **менда́ч** ‘молодой хвойный лес’; в печорских и среднеуральских говорах — **менда́ч** ‘молодой сосновый лес’. Одним словом,

форма **менд́ач** имеет широкое распространение, начиная с архангельских говоров вплоть до говоров восточной Сибири и южного Урала. Прилагательное **менд́овый** с тем же значением, что и **мянд́овый** sporadически фиксируется по всему Обонежью в Вытегорском, Пудожском, Подпорожском, Кондопожском, Медвежьегорском р-нах, а также в Чудовском и Лодейнопольском р-нах. В СРНГ **менд́овый** 'с непрочной древесиной' отмечается в вологодских, томских, новосибирских, кемеровских говорах, а также в русских говорах Бурятии; с иным ударением в том же значении **мэнд́овый** зафиксирован в архангельских, среднеуральских и тюменских говорах. Менее распространено прилагательное **менд́ачный** 'с непрочной некачественной древесиной', оно бытует в Вытегорском р-не, а также по СРНГ в пермских, уральских, томских, кемеровских, красноярских говорах. По КСРГК фиксируется слово **мянд́ина** 'сосна с толстым слоем заболони' в Медвежьегорском р-не (Падмозеро) и в Кондопожском (Гангозеро). В СРНГ — **менда** 'мелкая сосна с крупно-слоистой рыхлой древесиной' по материалам Иваницкого в Вологодской губернии.

В сопредельных говорах в КСРГК представлено слово **мендеч́ина** 'слой дерева непосредственно под корой' в Чудовском и Лодейнопольском р-нах. В СРНГ отмечается близкое по форме **мендач́ина** 'сосна с непрочной древесиной' на северном Среднем Урале, а также в Томской и Кемеровской областях; в значении 'сердцевина дерева' в новосибирских говорах, где также зафиксировано значение 'рыхлый слой древесины под корой'.

Так как анализируемая лексика довольно частотна, то отмечается значительное число дериватов и фонетических вариантов, широко представленных в СРНГ: **менд́аж** 'низкорослый кривоствольный стелющийся лес' (Чердын. Перм.); **мянд́аш** и **менд́аш** со сходным назначением 'де-

рево с непрочной древесиной' в среднеуральских говорах, на Енисее и в Бурятии; **менд́ашник** 'сосновый лес с рыхлой древесиной' — в пермских говорах; **менд́уха** 'сосна с непрочной древесиной' в среднеуральских говорах; **менд́ак** 'лес со слабой непрочной древесиной' также в среднеуральских говорах; прилагательное **менд́ажный** 'рыхлый, непрочный — о древесине' в говорах южного Урала; **менѓач** 'лес со слабой недоброкачественной древесиной' отмечается в СРГКК. В Опыте представлен префиксальный дериват **с́умендач** 'не такой влажный как мендачный лес' в Тобольской губернии. Фиксируется лексема **минда** в фольклорных источниках: «**Минда** — жарова, Заболонь — **оболонь**» с пометой Тихв. Новг. В нижегородских говорах СРНГ дает вариант **мандовый** 'низкосортный — о сосновом лесе'.

Анализируемое слово имеет давнюю традицию этимологических исследований. Даль в словарной статье **мянда** указал, что это слово карельского происхождения. Шегрен, Грот возводили его к фин. *mänty* 'сосна'. Веске варианты с «я» и с «е» рассматривает вместе, на первое место также ставил фин. *mänty*, но приводит также и эст. *mänd* и ливск. *mänd*. Калима, на наш взгляд, совершенно справедливо возводит диалектное русское слово к кар. ливв. *mändü*, люд. *mänd* [Шегрен 1854: 162; Грот 1876: 446; Веске 1890: 83; Погодин 1904: 156; Калима 1915: 171]. Чайкина, опираясь на то, что в вепсском языке слово *mänd* бытует в двух значениях, а) 'рыхлая заболонь — обычно сосны', б) 'сосняк на болоте', полагает, что в Белозерье это слово было заимствовано из языка древней вепси [Чайкина 1975]. Безусловно, в русский язык анализируемое слово пришло давно — первая фиксация в словаре Срезневского под 1462 г.

Широкое употребление слова **мянда** в говорах Карелии, Вологодской области как формы наиболее близкой

к прибалтийско-финскому лексическому материалу позволяет говорить о карельско-вепской этимологии. SKES не видит возможности установить конкретный источник заимствования и говорит о его общем прибалтийско-финском характере [SKES: 359]. Широкое распространение заимствования, скорее всего, связано с русскими миграционными потоками на восток. Трудно судить, связаны ли с анализируемым материалом слова: **мяндра** ‘пустошь’ в словаре Герасимова; **мэндры** ‘рыболовная снасть из прутьев’ по КСРГК, отмеченное в Калдуйском р-не; **мёндрюшки** ‘колья из белой несмолистой сосны’ в тихвинских говорах по СРНГ.

ÓХТЕГА

Данное слово в значении ‘сорное колючее растение, обычно чертополох, осот’ отмечено в Медвежьегорском р-не (Ламбасручей, Палтега, Загубье, Шильтя, Челмужи, Великая Нива, Керака), в Пудожском р-не (Пяльма, Песчаное, Римское). В н. п. Толвуя по данным ПЛГО зафиксировано значение ‘плохая по качеству трава’; в н. п. Сенная Губа того же Медвежьегорского р-на отмечено значение ‘место в лесу’.

Куликовский приводит слово **óхтега** в значении ‘хвощ’ в Заонежье. Калима, сомневаясь в семантической обоснованности, предлагает все же карельский этимон кар. *ohthane* ‘чертополох’ [Kalima 1915: 177]. Сомнение в достоверности этимологии основано на ошибочном, на наш взгляд, значении, которое дал Куликовский — ‘хвощ’. Данные ПЛГО и КСРГК представляют значение, аналогичное значению предлагаемого этимона карельского языка. Авторы SKES, сомневаясь в определении конкретного этимона для русского диалектного слова, приводят массу соответствий из прибалтийско-финских язы-

ков: фин. *ohdake*, фин. диал. *ohjake, ohjakas, ohjakka*, ливв. *ahtoi*, эст. *õhakas*. На наш взгляд, люд. *ohtikas* более всего соответствует русской диалектной форме.

Следует также отметить, что данное заимствование распространено в узком ареале, по членению Шахматова — ёкающие говоры Заонежья.

ПА́ККУЛА, ПА́КУЛА, ПА́КЛЯ, ПА́КЛА

В значении 'нарост на стволе березы; гриб чага' вариант **паккула** бытует в Медвежьегорском р-не (Космозеро, Харлово, Тявзия, Кефтеницы, Толвуя, Лисицино, Мягрозеро, Типиницы, Пабережье, Есино, Кузаранда, Великая Губа, Шуньга, Великая Нива, Ламбасручей, Палтега, Загубье, Шильтя, Челмужи, Сенная Губа), в Пудожском р-не (Пяльма, Римское, Каршево), в Кондопожском р-не (Лижма, Тулгуба, Кулмукса, Новинка, Гангозеро, Ладмозеро, Диановы Горы), в Прионежском р-не (Суйсарь), в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора). Вариант **пакула** фиксируются также в Медвежьегорском р-не (Сенная Губа, Великая Губа, Лахново, Данилово, Тявзия). На смежной территории **паккула** отмечается в Онежском, Кемском, Беломорском, Терском р-нах; вариант **пакула** — в Онежском, Беломорском, Терском; форма с двойным [к] фиксируются также в словаре Меркурьева, в диссертации Сало.

Дерягин, Комягина фиксируют слово **пакула** почти по всей территории Архангельской области в Каргопольском, Шенкурском, Пинежском, Холмогорском, Мезенском р-нах [Дерягин, Комягина 1972: 45].

Противопоставленный ареал образует вариант **пакля**, с тем же значением он распространен в Вытегорском р-не (Гуляево, Мегра, Мушниковская, Андома), в Подпорожском р-не (Юксовичи), в Прионежском р-не (Педасельга,

Ладва). Вариант **пакла** с тем же значением зафиксирован по КСРГК в н. п. Шеменичи Подпорожского р-на, он также отмечен и в сопредельных р-нах — Лодейнопольском, Чудовском.

Единичной фиксацией представлен дериват **пакуліна** ‘чага’ по КСРГК в Пудожском р-не (Канзанаволок). С двойным [к] — **паккулина** бытует в Киришском р-не.

В основном на смежной территории отмечается слово **пáклина** — Сланцевский, Лодейнопольский, Киришский р-ны, представлено оно также в работе Герда [Герд 1975: 188–194] как распространенное в Чудовском р-не.

Только по данным КСРГК фиксируются варианты **пáколка**, **пáкколка** в значении ‘чага’ в Киришском и Чудовском р-нах.

С процессом диссимиляции геминаты [kk] связана, по-видимому, форма **пáткула** ‘чага’, отмеченная в Медвежьегорском р-не (Черкасы, Космозеро). Та же тенденция способствовала появлению варианта **пахкула**, бытующего в Онежском р-не (Кянда). В Тихвинском р-не записано прилагательное **пáккульный** (чай) ‘чай из паккулы’, отмеченное также в Кондопожском р-не (Гангозеро).

Первая фиксация представлена Далем — **пáкула** (Арх., Волог.) ‘чага’; в словаре Подвысоцкого — **паккúла** ‘губчатый нарост на березе’ в Мезенском уезде. По-видимому, ударение на втором от конца слоге ошибочно (возможно, играет роль польское происхождение автора словаря). В словаре Куликовского дается **паккула** ‘кап, нарост на стволе дерева’ в Пудожском уезде (Песчаное). В материалах Дилакторского представлено слово **пáкула** ‘сухая березовая губка’ в Усть-Сысольском уезде. Шайкин приводит дериват **пакулька** ‘губчатый нарост на березе’. Сало дает следующее слово — **пáккулка**. КСРНГ отмечает вариант **пáкула** на Печоре в Усть-Цилемском р-не. Лек-

сема **пакля** в значении ‘чага, березовый трут или губка’ с пометами Арх., Волог. имеется в словаре Даля. Вероятно, **пакля** ‘напиток березового сока внутри дерева в виде полупрозрачной массы’, отмеченное Потаниным на юго-западе Томской губернии, занесено в Сибирь миграционными потоками русских переселенцев.

К происхождению анализируемого заимствования начали обращаться с начала XX века. Дилакторский в сноске указал, что **пакула** — зырянское слово. Погодин приводит в качестве этимона фин. *rakkula*. Калима возводит к кар. *rakkuli* со значением аналогичным значению в русских диалектах — ‘чага’. SKES дает следующие соответствия из прибалтийско-финских языков: ливв. *rakkuli* ‘образовавшийся из сока березы древесный трут, губка’, люд. *rakkul’* ‘нарост на березе, мягкое грибовое образование на стволе березы’. Форму **пакля** Калима объясняет влиянием слова **пакля** ‘грубое волокно, отход обработки льна, конопли и других лубяных культур’. На наш взгляд, формы **пакля**, **пакла** ‘чага’ не возникли в русских говорах, а были перенесены из вепсского языка, ср. вепс. *rakl* ‘трут, гриб-трутовик’. В вепсском языке форма *rakl* возникла в результате закономерных фонетических процессов. Из русских говоров слово **пакула** было заимствовано коми языком — коми *rakula* — так полагает Калима [Kalima 1915: 178–179]. КЭСКЯ рассматривает это слово как прямое заимствование из прибалтийско-финских языков в коми.

Данное заимствование образует два ареала, имеющих различные субстратные основы и поэтому представленных в говорах разными вариантами. Ареал вариантов **паккула**, **пакула** ограничен Медвежьегорским, Пудожским, Кондопожским и примыкающей к нему частью Прионежского р-на.

Вариант **пакля**, **пакла** бытует в сфере вепских субстратно-адстратных языковых отношений в Вытегорском, Подпорожском, южной части Прионежского р-на, а также в Лодейнопольском р-не. Следует отметить, что в Заонежье и в прилегающих к нему р-нах слово **паккула** частотно и достаточно устойчиво, фиксируется практически во всех населенных пунктах. Это связано с тем, что гриб чага играл заметную роль в хозяйственной жизни, он использовался в качестве заварки чая, настой из него употреблялся как лекарство от некоторых болезней. А до недавнего времени этот гриб использовался как средство сохранения огня, например, на сенокосе. Иная картина в р-нах, где форма слова **пакля** 'чага' совпала с литературным словом **пакля**. Материалы КСРГК дают более широкий ареал диалектного слова, чем данные ПЛГО. Это вызвано прежде всего тем, что раньше **пакля** 'из льна, конопля' применялась довольно редко, вместо нее использовали при строительных работах высушенный мох. В настоящее время **пакля** 'из льна, конопля' доминирует на территории с вепским субстратом и в некоторых населенных пунктах этого ареала вытеснила слово **пакля** 'гриб чага' (результат *отопимie intolerable* по А. Доза). И понятие 'грибной нарост' на дереве выражается словом **чага** в Подпорожском р-не (Заозерье, Курпово, Шустручей, Ульино, Усланка, Корба), в Вытегорском р-не (Казаково, Мегра), в Пудожском р-не (Гакукса) — по данным ПЛГО. Отмеченное в н. п. Авдеево Пудожского р-на слово **капулина** 'гриб чага' может быть метатезой, или влиянием общенародного слова **кап** 'шишковатый нарост на стволе, ветвях или корне дерева'. В заключение следует отметить, что прилагательное **паккульный**, рассматриваемое Дерягиным, Комягиной как образование от заимствования **пакула** судя по цитате:

«невычещенной пеньки съ майкой и съ **пакульными** под-вертками» (1767 г.), скорее всего, следует отнести либо к **пакуля** ‘пакля из льна, конопля’, либо к **пакуль** ‘неровность на чем-л.’ (Арх., СРНГ) [Дерягин, Комягина 1972].

ПИНДА

В значении ‘наружный молодой и менее плотный слой древесины, лежащий непосредственно под корой, заболонь’ слово **пинда** отмечается в Медвежьегорском р-не (Космозеро, Великая Нива, Шильтя, Толвуя, Сенная Губа, Лисицыно, Пабережье, Мьяльзино, Шуньга, Кажма), в Пудожском р-не (Каршево, Пяльма, Авдеево, Песчаное, Пелусозеро), в Вытегорском р-не (Девятины), в Подпорожском р-не (Ульино, Юксовичи, Родионово, Корба, Пидьма), в Прионежском р-не (Ладва), в Кондопожском р-не (Новинка), в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора). На сопредельной территории в данном значении слово **пинда** распространено в Беломорском, Терском, Североморском, Кадуйском, Вашкинском, Кирилловском, Волховском, Каргопольском, Плесецком р-нах, в окрестностях г. Кандалакша. В значении ‘гнилая сердцевина дерева’ слово **пинда** зафиксировано в Пудожском р-не (Гакукса), в Медвежьегорском р-не (Шуньга). В смежных говорах слово **пинда** в этом же значении бытует в Каргопольском, Плесецком р-нах и в Терском р-не. В Вытегорском р-не (Щекино, Ерино) **пинда** распространено в значении ‘расколотая заготовка для дранки’. Sporadически анализируемое слово фиксируется в значении ‘сосна, сосна с плохой древесиной’ — в Пудожском р-не (Гакукса), Кондопожском р-не (Лодмозеро), в Подпорожском р-не (Родионово), а также в Плесецком р-не.

В словаре Меркурьева представлено значение ‘гниль под корой спиленного дерева’ в Терском р-не.

В обследованных говорах отмечаются также дериваты: **пинда́ч** ‘сосновая древесина’ в Пудожском р-не (Пелусозеро); **пиндовáтое** (дерево), **пиндовáтая** (сосна) в Медвежьегорском р-не (Лисицыно), в Пудожском р-не (Гакукса), на смежной территории в Плесецком р-не. В Терском р-не только по данным КСРГК отмечается **пíндистое** (дерево), **пíндистая** (сосна).

Первую фиксацию слова **пинда** ‘верхний слой соснового дерева’ находим в материалах Барсова. У Полякова даются **пинда** и **пиндовый** с не очень четким определением ‘почти то же, что мянда и мяндовый’ в Пудожском и Вытегорском уездах. Наиболее полно анализируемое слово в материалах XX века описано у Куликовского. По его данным — **пинда** ‘нежный слой древесины преимущественно сосновых деревьев, лежащий непосредственно под корою’ отмечается в Петрозаводском, Пудожском, Вытегорском, Каргопольском уездах, а также в Заонежье. В словаре Куликовского указывается, что в Вытегорском и Пудожском уездах это слово имеет и значение ‘сосна’, в говорах по р. Онеге Куликовский фиксирует значение ‘сгнившая древесина всякого дерева’. Приводимое Куликовским значение ‘верхний промерзший слой земли, заметный при таянии весной снега’ для слова **пинда** в Каргопольском уезде (Лепша), можно рассматривать как метафорический перенос, хотя смущает уникальность этой фиксации. Без географических помет автор фиксирует прилагательные **пиндóвый**, **пíндоватой**.

Пинда в значении ‘верхний слой древесины’ представлено также у Певина и Шайжина; в значении ‘слой сосны под корой’ Александровым в Кемском уезде; в сходном значении отмечает слово **пинда** Сало для карельского Поморья. Погодин, Лесков представляют анализируемое слово как заимствование из карельского языка, ливв. *pinda*, при фин. *pinta*. Калима придерживается той

же точки зрения [Лесков 1892: 101; Погодин 1904: 50; Mesckelein 1913: 56; Kalima 1915: 185]. SKES, дает соответствия из прибалтийско-финских языков — фин. *pinta* ‘поверхностный слой дерева’, ‘слой сала в свинине’, ‘слой жира на спине оленя’; ливв. *pindu*, люд. *pind* ‘поверхность дерева, воды’, ‘кожа животного’; вепс. *pind* ‘поверхность дерева, которая годится для дранки, лучины’; эст. *pind* ‘поверхность, кора’ [SKES: 570–572]. В словаре Макарова *пиндупуу* — имеет значение ‘заболонь’, ‘сосновый брусочек, из которого делают лучины для корзин’, ‘поверхность воды’; здесь же дается прилагательное *pindakaz* ‘имеющий толстую заболонь’.

По мнению авторов SKES, диалекты саамского языка заимствовали это слово из финского языка. Хакулинен [Хакулинен 1955: 5] относит слово *pinta* к древней собственно финской лексике. Сало предлагает карельско-вепсскую этимологию.

Резюмируя анализ лексемы, **пінда** следует отметить, что значение ‘слой дерева под корой, заболонь’ имеет более широкий ареал, чем слово **мянда** в этом же значении, оно представлено практически во всем Обонежье. **Пінда** с семантикой ‘сосна с плохой древесиной, с толстым слоем заболони’ имеет более узкий ареал, это южная часть Пудожского, Подпорожский, Кондопожский р-ны. Вероятно, это значение слова **пінда** синонимично **мянда** ‘сосна с толстым слоем заболони’. Соотнося представленную общерегиональную полисемию слова **пінда** с прибалтийско-финским материалом, можно предположить, что значение ‘заболонь’ является карельско-вепсским, ср. кар. *pinda*, люд. *pind*, вепс. *pind* с аналогичным значением, остальные два значения и по ареалу и по семантике, по-видимому, результат вепсского влияния.

ПІХКА, ПІХТА

Пихка ‘смола сосны, реже ели’ отмечается в Прионежском р-не (Заозерье, Суйсарь, Машезеро, Лехнаволок), в Кондопожском р-не (Чёболакша, Горка, Гангозеро, Кулмукса, Лижма, Тулгуба). В Прионежском р-не зафиксировано также прилагательное **пихканой** ‘смолистый — о дереве’.

В материалах XIX века у Певина в Кондопожском, Великогубской, Толвуйской волостях Петрозаводского уезда представлено слово **пихка** в значении ‘сок сосны, ели, березы’, Куликовский отмечает аналогичную форму и семантику слова в Заонежье. Георгиевский на Муромле Петрозаводского уезда дает значение слова **пихка** ‘частый ельник’.

По данным ПЛГО лексема **пихка** в значении ‘мелкий частый ельник’ бытует в Подпорожском р-не (Бараны, Шеменичи, Родионово, Сидорово, Пёртозеро), в Вытегорском р-не (Ошта). С другим ударением **пихка́** ‘мелкий частый ельник’ отмечается в Лодейнопольском р-не (Вонозеро), Филимонов в Вытегорском уезде (Коштуги) фиксирует — **пихка** ‘мелкая еловая чаща’. В словаре Меркурьева отмечается значение для слова **пихка** ‘гнилая береза’ в окрестностях г. Кандалакши.

Значение ‘мелкий частый ельник’ имеет также дериват **пихкача**, мн., распространенный в Подпорожском р-не (Важины, Шеменичи, Курпово). Прилагательное **пихкой** ‘труднопроходимый — о лесе’ отмечено в н. п. Шеменичи.

Вариант **пихта** также представлен в двух значениях: ‘мелкий частый ельник’ зафиксировано в Медвежьегорском р-не (Великая Нива, Лисицыно, Каскасельга), в Пудожском (Римское), в Кондопожском (Гангозеро), в Подпорожском (Пидьма, Важины, Усланка, Курпово),

причем в Усланке и Курпово в этом же значении бытует также вариант **пихка**. На смежной территории **пихта** 'чаща, труднопроходимое место в лесу' представлено в Вашкинском р-не. Значение 'сосна смолы' в слове **пихта** представлено в Кондопожском р-не (Гангозеро) и в Прионежском (Суйсарь). У Куликовского представлен также вариант — **пихта** 'мелкая еловая чаща' в Заонежье, Каргопольском и Петрозаводском (Ладва) уездах. Кроме того, в словаре Куликовского отмечено значение **пихта** 'сок сосны, ели, березы и других деревьев' без точной географической фиксации.

Вариант **пивка** 'частые заросли кустарника' отмечен в Пудожском р-не (Гакукса), в Вытегорском (Андома), в этом же р-не (Десятины) зафиксировано значение 'мелкий частый моложий лесок, выросший на запущенной подсеке'. Куликовский отмечает слово **пивка** с последним значением в Лодейнопольском уезде, в Вытегорском уезде (Десятины, Тудозеро), в Олонецком (Неккула); **пивка** 'куча лесу, упавшего вершинами в озеро или реку' записано им в Ведлозере Олонецкого уезда; **пивка** 'древесный сок' в Заонежье (Шуньга). В более поздних материалах слово **пивка** фиксируется на северо-востоке от Обонежья: **півка** 'густой хвойный мелкий лес' отмечено в Каргопольском уезде Томилиным; 'густой труднопроходимый лиственный лес' там же — Гусевой; 'густой мелкий лес' записано Федоровым в Беломорье. С другим ударением — **пивка́** 'молодая еловая поросль на сухих борах, очень густая' фиксирует в Онежском р-не Калинин. Здесь же бытует дериват **півкаръ** 'молодой березняк', отмеченный КСРГК.

Вариант **пиха** 'бор' фиксирует в Олонецкой губернии Лесков; КСРГК дает **пѣха** 'смолистое дерево' в Терском р-не (Варзуга). Материалы ПЛГО показывают дериваты

пихняк ‘мелкий частый ельник’ в Подпорожском р-не (Родионово, Важины, Курпово); в Медвежьегорском р-не (Типиницы) бытует значение ‘чаща леса’, в Палтеге этого же р-на — ‘бурелом’. Дериват **пихтáрник** ‘мелкий частый ельник’ распространен в Вашкинском р-не.

Вариант **пихта** фиксируется уже в памятниках XVI века в Вологодской, Архангельской, Пермской губерниях и в Сибири [Устюжский летописный свод 1950: 109]. Подробная библиография представлена в работе Меркуловой «К этимологии слова пихта» [Меркулова 1960: 46–61]. Калима возводит анализируемый материал к кар. *pihka*, ливв. *pihka*, люд. *pihk*, фин. *pihka* ‘смола’, водск. *pihku* ‘сосна’, вепс. *pihk* ‘большой частый лес’, эст. *pihk*, ген. *piha* ‘клейкое вещество’. Замена *-хк*, *-вк* по его мнению совершенно естественна, а вариант **пихта** вызван влиянием слова **пихта** ‘дерево’ [Kalima 1915: 186]. Прибалтийско-финскую этимологию дают [Лесков 1892: 101, Погодин 1904: 51], Meckelein 1913: 57], Фасмер, авторы SKES. Против мнения Калимы о возникновении варианта **пихта** выступает Меркулова; она полагает, что «при тесном общении с западнофинскими языками (водским и вепским) русские могли заимствовать слово *pihk*, *pihku* в значении большого густого леса или сосны... Затем слово **пихта** в значении ‘мелкая еловая заросль’ и **пихта** ‘бор’ легко могли быть перенесены на название дерева... Мена *хк* на *хт*, как мы видим в слове **пихта**, естественна и неединична, так как сочетание **хк** нехарактерно для русской фонетической системы» [Меркулова 1960: 51].

Из приведенных выше материалов видно, что вариант **пихка** распространен в зоне субстратно-адстратных взаимоотношений вепского языка и русских говоров, вариант **пихта** — в Заонежье и в той части Прионежского р-на, которая граничит с Олонецким р-ном Карелии,

где проживают карелы-ливвики. Вариант **пивка** бытует в основном на территории Архангельской области, только в северо-восточной части этого района отмечен этот вариант. Рассматривая материалы XIX века, можно отметить сужение ареала **пихка**; **пихта** и **пивка** в общем сохраняли свой ареал.

Уточняя этимологию следует отметить, что **пихка**, **пихта**, **пиха** 'смола, сок деревьев' имеют соответствия во всех прибалтийско-финских языках (см. выше), тогда как значение 'мелкий частый ельник' преимущественно в вепсском языке: в СВЯ — *pihk* 'густое мелколесье, чапыжник, молодой хвойный лес'. Следовательно, вариант **пихка** связан с субстратно-адстратным влиянием вепсского языка. Что касается варианта **пивка** (в произношении **пифка**), то мена [ф]/[х] отмечена в говорах Обонежья и смежных р-нов Шахматовым, Мансиккой, Соболевским. Вариант **пихта**, бытующий в основном в Заонежье и в юго-западном Прионежье, возможно, связан с миграционными потоками русского населения в этот регион.

РАЙДА

Данное слово в значении 'ива' зафиксировано только в Вытегорском р-не (Бабино, Мушниковская, Игнатово). Т.е. оно находится на периферии ареала, ядро которого — на востоке и северо-востоке от Обонежья, а именно в вологодских и каргопольских говорах (Вашкинский, Кирилловский и Каргопольский р-ны). Дериват **райдина** отмечается также в Вытегорском р-не (Бараново, Бабино, Мушниковская) и в Каргопольском р-не. Кроме того, слово **райдина** в приведенных выше местах Вытегорского р-на имеет значение 'ива, с которой содрали кору'. В н.п. Ерино Вытегорского р-на бытует вариант **райгина**

‘ива’, а в н.п. Ундозеро того же р-на **рóндина** ‘ива, с которой ободрана кора’. В ряде мест Каргопольского р-на распространен вариант **райдо́вник** ‘заросли ивы’, который спорадически отмечается и в Вашкинском р-не. Данные КСРГК дают также относительное прилагательное **райдо́вый** ‘ивовый’, зафиксированное в Вытегорском р-не (Бараново, Мушниковская, Ерино); отмечается оно также в Каргопольском и Кирилловском р-нах.

Первой фиксацией данное слово обязано Опыту: **райди́на** ‘сухая ива’ в Олонецкой губернии. Барсов предлагает **райда** ‘ива’, Колосов — аналогичное слово, но с уточнением географии — Валдайский уезд Новгородской губернии. В словаре Куликовского мы находим два слова: **райда**, зафиксированное в Олонецком уезде (Ведлозеро, Видлицы), в Вытегорском уезде (Черная Слобода), в Петрозаводском уезде и в Заонежье; **райди́на** отмечено на нынешней территории южной части Вытегорского р-на (Кондужи, Коштуги, Ошта). В работе Ермолина, Михайловой [Ермолин, Михайлова 1970: 246–248] дается несколько суженное значение — **райда** ‘ива, растущая по берегам рек’ в Кирилловском р-не.

Погодин возводит анализируемое слово к кар. *raida*, вепс. *raid*, фин. *raita* [Погодин 1904: 54]. Калима также на первое место ставит карельский материал [Kalima 1915: 194–195]. SKES подтверждает мысль Калимы о карельском заимствовании в русские говоры Обонежья [SKES: 719]. На наш взгляд, отсутствие слова **райда** в Заонежье в настоящее время ставит под сомнение карельское происхождение данной лексемы. А распространение ее в Вытегорском р-не несомненно связано с вепсским субстратно-адстратным влиянием. Подтверждением этому предположению служит и фиксация ее в белозерских говорах (Вашкинский р-он), где доминирует вепсский субстрат. Присутствие слова **райда** в новгородских

говорах в прошлом веке, по-видимому, связано с субстратом прибалтийско-финского происхождения.

РÓМЖА

В значении ‘иван-чай’ слово **ромжа** отмечается в Вытегорском р-не (Ивачево, Мушниковская, Бараново) в Пудожском (Алексеево, Бураково). В Прионежском р-не, а также в сопредельных говорах в Каргопольском, Плесецком р-нах фиксируется диффузия семантики; информанты представляют себе, что это травянистое растение, но идентифицировать его не могут. При этом ударение, как правило, стоит на втором слоге: **ромжа́**. В Пудожском р-не (Корбозеро) распространена семантика **ромжа́** ‘багульник’.

Отмечаются дериваты: **ромжа́к** ‘иван-чай’ в Вытегорском р-не (Мегра), в Подпорожском (Юксовичи), в Пудожском (Пелусозеро); **роможня́к** ‘травянистое растение с белыми цветками’ в Вытегорском р-не (Бараново).

В материалах Филимонова по Вытегорскому уезду дается слово **ромжа** в подробном описании — ‘густая длинная трава с толстым стеблем, растущая около ручьев в оврагах, иначе донница’. Куликовский представляет данную лексему уже в точном значении — **ромжа́** ‘лабазник вязолистный’ в Каргопольском уезде. Фасмер считает происхождение этого слова неясным. На наш взгляд, в данном случае мы имеем слово, связанное своим происхождением с Обонежьем и прилегающими к нему районами, но стоящее изолированно в русских говорах. Оно также не имеет четких соответствий в прибалтийско-финских языках, вепс. *rom* ‘трава’ не подходит из-за фонетических причин. Лексема **ромжа**, не имела этимологической трактовки [Фасмер 3: 500]. На наш взгляд, слово можно сопоставить с кар. *rožmihain* (Сямозеро),

rožtoheinä ‘лабазник, таволга’ [KKS 5: 159], кар. твер. *rožmaheinä*, *ruožmiheinä* ‘таволга’ [СКЯП 241: 245]. И хотя карельское гнездо на прибалтийско-финской почве не совсем ясного происхождения, вряд ли можно говорить об обратном направлении заимствования.

РОФКАЛІ́, РОХКАЛІ́, РОХКАЧІ́

Приведенные варианты употребляются преимущественно в значении ‘незрелые ягоды вообще’, но иногда спорадически в говорах выделяется какой-либо один вид растений, например, ‘незрелые ягоды морошки’ и т. п.

Вариант **рохкалі́** зафиксирован в Медвежьегорском р-не (Ламбасручей, Загубье, Палтега, Великая Нива, Сенная Губа, Челмужи), причем в ряде н. п. Заонежья отмечается ударение на первом слоге **ро́хкали** — Шуньга, Кузаранда, Толвуя, Палтега. В Пудожском р-не вариант **рохкали** представлен в н. п. Римское, Пяльма, Сумозеро. По данным КСРГК бытуют также и диминутивы **рохкалькӣ** — н. п. Римское Пудожского р-на и **рохкалѣчки** в н. п. Падмозеро Медвежьегорского р-на.

Вариант **рофкачӣ** употребляется в говорах Пудожского р-на (Каршево, Гакукса, Авдеево, Бураково, Пога), в Медвежьегорском р-не (Кажма, Федотово, Тихвин Бор, Узкие, Ажем-наволоок, Лахново, Челмужи), в Кондопожском р-не (Гангозеро, Лижма, Чёболакша, Кулмукса, Новинка). Зафиксирован сдвиг значения — **рофкач** ‘синяк, шишка’ (набить **рофкач**). Он отмечен в Пудожском р-не (Сумозеро, Пога). В ряде н. п. Медвежьегорского р-на слово **ро́фкач**, если оно употребляется в единственном числе, имеет ударение на первом слоге.

Также довольно частотен вариант **ро́хкачӣ**, он распространен в Медвежьегорском р-не (Тихвин Бор), в Сеgezском р-не (Валдай, Вожма Гора), в Кондопожском р-

не (Гангозеро, Новинка, Тулгуба), в Прионежском р-не (Кончезеро, Шуя, Ладва, Педасельга), в Пудожском р-не (Гакукса, Черново), в Вытегорском р-не (Андома). Следует отметить, что ударение на первом слоге в основном распространено в Заонежье, хотя и там оно часто варьируется, возможны случаи, когда в ед. числе ударение стоит на первом слоге, а во множественном числе на последнем. Определение точного места ударения иногда бывает затруднено тем, что информанты предлагают только форму множественного числа. В н. п. Ламбасручей, Шуньга Медвежьегорского р-на, наряду с вариантами **рохкачї́** с той же частотностью встречается вариант **рохкалі́**.

Отмечаются по КСРГК дериваты — **ро́хвачки** ‘незрелые ягоды’ в Прионежском р-не (Ялгуба); в Мягрозере Медвежьегорского р-на **ро́хкачки** имеют значение ‘гроздь ягод’: На красной кислице **рохкачки** висят, ну кипья. На смежной территории в Беломорском р-не (Ендогуба) зафиксировано слово **рохка́ч** в значении ‘крупная зрелая ягода’ (Убирайте **рохкачи**, слепыши пусть остаются); а в н. п. Сумский Посад того же р-на вариант **рохка́ч** употребляется в значении ‘незрелая ягода’.

Менее частотен вариант **рофкалі́** ‘незрелые ягоды’, который часто употребляется в одних и тех же населенных пунктах наряду с другими вариантами. В Медвежьегорском р-не (Сенная Губа, Великая Губа) **рофкали** бытуют наряду со словом **рохкали**. В н. п. Челмужи того же района удалось зафиксировать три варианта: **рофкали**, **рохкали**, **рохкачи**. В Пудожском р-не (Авдеево, Песчаное) слово **рофкали** бытует наряду со словосочетанием **рохлые ягоды**.

Следует также отметить, что сочетание **ро́хлые** ягоды фиксируется в Обонежье повсеместно, выступая в большинстве н. п. в качестве синонима к приводимым выше лексемам. Зафиксировано также несколько вари-

антов, распространение которых носит узко локальный характер: **ролхякй** ‘незрелые ягоды’ в н.п. Пяльма Пудожского р-на; **роўгач** ‘незрелая ягода’ в н.п. Лодмозеро Кондопожского р-на; по-видимому, примыкает к последнему слову **рогачй** с тем же значением с утратой [ў]; в Прионежском р-не (Ладва) отмечено слово **рошкачй**; в н.п. Гакукса Пудожского р-на бытует вариант **рохкашй**; в н.п. Пяльма того же р-на отмечено слово **рѳкколь** ‘незрелая ягода, завязь’.

Впервые слова **рохкѳч**, **рохкачй** в значении ‘незрелые плоды, ягоды’ отмечаются в Опыте, затем у Даля в Олонецкой губернии, далее в материалах Данилевского **рохкачй** ‘незрелая морошка’ в Кемском уезде, также у Подвысоцкого, у Лескова **рохкѳч** ‘незрелая морошка’. В словаре Куликовского уже находим два варианта, которые он разграничивает территориально: **рохкѳч** — в Пудожском уезде (Колодозеро, Римская волость) и в Петрозаводском уезде, тогда как вариант **рѳвкѳч** только в Петрозаводском уезде; оба слова имеют значение ‘незрелая рохлая ягода’. В Дополнении к словарю Олонецкого наречия Куликовский дает слово **рѳхкали** ‘незрелые ягоды’ в Великой Губе ныне Медвежьегорского р-на. Этот же вариант **рохкалй́**, а также сочетание **рохлая ягода** отмечает Потахина в Пудожском р-не. В словаре Меркурьева, в работе Сало дается несколько суженное значение ‘незрелая ягода морошки’, причем они отмечают два варианта — **рохкѳч** и **рохлѳц**. В н.п. Тихвин Бор Медвежьегорского р-на по данным КСРГК отмечается глагол **рохкотѳть** ‘поспевать, созревать, завязываться’ (Не скоро поспеет, **рохкотеет** еще морошка). Лесков [Лесков 1892: 101], Погодин [Погодин 1904: 56], а вслед за ними и Калима связывают анализируемые слова с фин. *rohka*, кар. *ruohka* ‘незрелая ягода’. Однако для Калимы остается неясным, в каком отношении к ним находится слово

рохлый — в значении ‘незрелый, зеленый’ [Kalima 1915: 206]. По-видимому, следует согласиться с мнением Преображенского, который полагает, что слово **рохлый** связано с видоизменением вокализма и непосредственно соотносится со словом *рыхлый*, и в связи с этим выпадает из перечня лексем, требующих анализа.

Следует обратить внимание, что написание **ровкачи́**, представленное в словаре Куликовского, не может быть адекватно отражено в произношении, поскольку в данном случае на материалах XIX века звук [в] переходил в [ў] неслоговое, а в настоящее время мы находим звук [ф]. Причем [у] могло быть результатом непосредственной субституции близких по звучанию к нему карельских или финских звуков. Например, SKES отмечает *ruuhka* в материалах Лённрота; ливв. *ruohki*, люд. *ruohk* в значении ‘незрелый, зеленый — о ягодах, картошке’. Ср. также эст. *rõhk*, *rõhka* ‘сочный, мягкий, полuzрелый — о зерне’ и вепс. *rohk* ‘незрелый’. Однако авторы SKES никоим образом не упоминают о славянском материале, хотя обычно отмечают прибалтийско-финское влияние на русский язык.

Резюмируя дистрибуцию анализируемых слов, следует отметить, что только слово **рѳхкалѳ** имеет более или менее четко очерченный ареал, преимущественно в Заонежье и в прилегающих к нему населенных пунктах Пудожского р-на. Вариант **рохкачи** зафиксирован в западном Прионежье и на востоке от Онежского озера в Кондопожском, Прионежском, Пудожском и в примыкающей к нему части Вытегорского р-на, а также в Сегежском р-не. Вариант **рофкачи** преимущественно бытует в Пудожском р-не, но отмечается также в Заонежье и практически везде в Кондопожском р-не.

Столь пестрая картина, на наш взгляд, связана прежде всего с влиянием слова **рохлый**, которое отмечается

повсеместно, а также внутренними миграциями, в результате которых слова, близкие по форме и значению, могут фиксироваться вне своей основной территории распространения. Наиболее сильно влияние слова **рохлый** проявляется в более северных р-нах, где зафиксировано немало дериватов от этого слова: **рѳхлеть** 'незрелая морошка' в Онежском, Терском р-нах, с иным вокализмом **рѳхлять** — также в этих р-нах; **рѳхлач** 'незрелая ягода' в Кемском р-не; **рохляшій** 'незрелые ягоды' в Онежском р-не; **рѳхлица** 'незрелая морошка' в Онежском, Североморском р-нах.

СЕСТРЕНІКА, СЕСТРЕНІЦА

В значении 'красная смородина' слово **сестреника** зафиксировано в Подпорожском р-не (Усланка, Корба, Заозерье, Яндеба, Согиницы, Шеменичи, Курпово, Ульино, Пидьма); в Кондопожском р-не (Тулгуба, Кулмукса). В н.п. Шустручей Подпорожского р-на отмечен вариант **сестрянїка**. Преимущественное употребление варианта **сестреника** отмечается в Прионежском р-не (Ладва), в Подпорожском (Юксовичи, Важины); тогда как в н.п. Шеменичи, Ульино, Усланка, Курпово форма **сестреника** имеет хождение наряду с **сестреницей**, так же как и в н.п. Лехнаволок Прионежского р-на. КСРГК фиксирует вариант **сестрянїца** в Вытегорском р-не (Мегра, Бараново) и в Подпорожском р-не (Мятусово). С иным ударением **сестрѣница** слово бытует в н.п. Яровщина Подпорожского р-на. Вариант **сестрянїка** отмечается в Вытегорском р-не (Ивачево).

На смежных территориях оба варианта регистрируются в Лодейнопольском р-не — **сестреника**, **сестреница**. Вариант с суффиксом *-ца* отмечается в Бокситогорском р-не. Довольно много вариантов по данным КСРГК фикс-

сируется в Тихвинском р-не: **сэстрэница**, **сестрэнцы**, **сестрэнъ**, **сестрѣнцы**.

В Бабаевском р-не КСРГК дает **сестрянка**, **сестрянки**, **сестрѣнка**. Кроме того, слово **сэстренница** бытует в Любытинском р-не. Первая фиксация слова **сестреница** 'красная смородина' представлена в Опыте с пометой распространения в Лодейнопольском уезде. У Куликовского **сестреница** с тем же значением отмечается в Петрозаводском уезде и в Заонежье. В Дополнении к словарю Олонецкого наречия Куликовский дает вариант **сестреника** с пометой — Косалма Петрозаводского уезда. В материалах Филимонова (Вытегорский уезд) имеется слово **сестреница** 'красная смородина'. В рукописи Второго Доп. дано — **сестреница** 'красная смородина' в Тихвинском уезде. По данным КСРГК отмечаются следующие варианты — **сестреница**, **сэстренница** в Любытинском р-не; **сестреница** — в Тихвинском. В словаре Даля **сестрянка** (без ударения) дано с пометой Новг. Калима полагает, что в данном случае вепское заимствование — вепс. *s'estr'ikaine* 'красная смородина' [Kalima 1915: 216–217]. В прибалтийско-финских языках наименования красной смородины имеют сходные соответствия — фин. *siestara*, *siestari*, в финских диалектах юго-востока употребляется *siesterläinen*, в диалектах юго-запада — *siestarin*, *siestarainen*, в люд. *sestroï*, эст. *sõstar*.

Но и по ареалу распространения и по схожести форм этимона слову в русских говорах вслед за Калима следует отдать предпочтение вепской этимологии. SKES полагает, что кроме вепской речь может идти и о людиковской этимологии.

Распространение заимствования в сфере языкового влияния вепского языка (Подпорожский, Вытегорский, Прионежский, Лодейнопольский, Бабаевский р-не) подтверждает вепское решение проблемы.

Разные суффиксы *-ик(а)*, *-иц(а)*, которые зафиксированы у заимствованных лексем, выявляются без какой-то определенной закономерности, а слова с разными суффиксами не образуют четких ареалов. Поэтому говорить о большей частотности того или иного варианта в настоящее время на базе имеющихся в нашем распоряжении материалов не представляется возможным.

ТУГИЛА́ЖКА

В значении 'гриб-дождевик' слово зафиксировано в н. п. Юксовичи Подпорожского р-на. В словаре Куликовского с тем же значением оно отмечается в Вытегорском уезде.

Калима возводит анализируемую лексему к фин. *tuhkelo*, *tuhkulainen*, *tuhkuri* в значении 'гриб-дождевик', но происхождение русской формы для него не совсем ясно. По-видимому, была заимствована форма, близкая к фин. диалект. *tuhkilo*, позднее получившая русский суффикс *-ажк(а)*. Меркулова квалифицирует это заимствование как совершенно исключительный случай, который она объясняет тем, что прибалтийско-финский пласт в олонечских говорах очень велик, обычно для номинации грибов используется самобытная лексика [Меркулова 1967: 183]. В СВЯ отмечается форма *tuhulut* в значении 'высохший гриб-дождевик' в Подпорожском р-не, однако ее фонетическое соответствие русскому слову не позволяет говорить о вепсской этимологии.

ТУРА, ТУРБЕГА

Ту́ра в значении 'водоросли' отмечается только на севере обследованного региона в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора). Здесь зафиксирован глагол **зату́рить** 'забить сети водорослями' в безличном употреблении (**Затурило** сети). В сопредельных говорах слово **ту́ра** 'водоросли'

бытует в Беломорском, Онежском, Североморском р-нах, в окрестностях г. Кандалакши. С иным ударением **тура́** лексема распространена в Кемском, Терском, Североморском р-нах.

В Опыте **ту́ра** 'всякий морской порост' в Архангельской губернии; в словаре Подвысоцкого — **ту́ра** 'всякая морская поросль' в поморских говорах; в словаре Куликовского **тура** имеет значение 'торф', отмеченное в Повенецком уезде. В Доп. Опыт. **тура́** с ударением на втором слоге представлено в значении 'гниющие морские растения, выброшенные сильною погодою на берег' в Архангельской губернии. У Дурова слово **ту́ра** 'различные морские водоросли, выброшенные на берег прибоем морских волн' зафиксировано на юге Беломорья. Это же значение 'водоросль' отмечает Воронова в Беломорском р-не. Клыков фиксирует **тура́** 'морские водоросли разных видов' на Севере. У Меркурьева слово **ту́ра** 'бурые морские водоросли с водянистыми пузырьками' — в Ловозерском р-не.

Турбега 'дерн' представлено в Вытегорском р-не (Мегра) и в сопредельных говорах в Лодейнопольском р-не (Надпорожье). Других фиксаций данное слово не имеет. Погодин, анализируя материалы Подвысоцкого и Куликовского, предлагает к слову **тура** 'водоросль' карельскую этимологию — кар. *tuura* 'водное растение, растущее по берегам Онежского озера', а значение 'торф' он возводит к фин. *turve*, вепс. *turbas* 'торф' [Погодин 1904: 63]. Калима полагает, что **тура** 'торф' восходит к ливв. *tuore* с тем же значением, а **тура** 'водоросль' — к фин. *turo* 'водное растение'. Но относится ли сюда же кар. ген. *tuura* 'растение на Белом море с толстым корнем и широкими листьями' — ему не ясно [Kalima 1915: 228]. SKES к заимствованиям из кар. или люд. относит только **тура** 'торф' [SKES: 1418].

На наш взгляд, исходя из территориальной дистрибуции лексема **тура** 'водоросли' скорее всего восходит к кар. *tuura* (см. этимологию Погодина), значение 'торф', отмеченное Куликовским по происхождению из люд. *tuor* с тем же значением. Лексема **турбега** 'дерн' имеет соответствия как в люд. *turbeh*, так и в средневепском диалекте *turb'eh* в значениях в вепс. 'дерн', в люд. 'торф'. Но по сходству семантики и смежности территории следует предпочесть вепскую этимологию.

ЎРБА

В значении 'почка березы' слово **урба** (собир.) употребляется в Медвежьегорском р-не (Великая Нива, Толвуя), в Пудожском р-не (Римское). Дериваты: **урбуш** (собир.) отмечаются в Кондопожском р-не (Кулмукса), **урбушки** (мн.) — в Медвежьегорском р-не (Сенная Губа), Пудожском (Каршево), Сегежском (Валдай, Вожма Гора); **урбухи** (мн.) — в Пудожском р-не (Каршево); **урбушка** (собир.) в том же значении бытует в Медвежьегорском р-не (Тихвин Бор, Кефтеницы, Хашезеро, Кажма). В Пудожском р-не (Черново) по данным КСРГК **урбушка** отмечено в значении 'сосновая шишка'. В Медвежьегорском р-не (Селецкое, Шуньга) слово **урбушка** фиксируется в значении 'почка любого дерева' (**Урбушки** уж набухают).

Диминутив **урбочка** 'почка березы, сережка' отмечен в н. п. Узкие Медвежьегорского р-на.

Вариант **урбыш** по данным КСРГК фиксируется в нескольких значениях: 'сережка вербы' в н. п. Лахта Пудожского р-на; 'почка любого дерева' в н. п. Ершево того же р-на; 'молодой побег, поросль на дереве' в н. п. Сенная Губа Медвежьегорского р-на. Вариант **урбышек** 'почка любого дерева' по КСРГК отмечается в Пудожском р-не (Колгостров). Слово **вурбыш** 'почка любого дерева' по

КСРГК фиксируется в Пудожском р-не (Пелусозеро).

На смежной территории с иным значением **урба́**, собир. ‘березовые почки’ отмечается в Онежском р-не. Вариант **вора́быш** ‘набухшая, готовая распуститься почка’ бытует в Терском р-не (Чаваньга).

Первая фиксация у Рыбникова — **урбыш** ‘шишка на ольхе’ в Петрозаводском уезде. В словаре Куликовского, так же как и в материалах ПЛГО, показано разнообразие форм заимствования. Со значением ‘почки березы, шишки ольхи’ **урба** фиксируется в Пудожском, Повенецком, Вытегорском уездах; **урбыш** — в Пудожском, Петрозаводском уездах; **урбушка** — в Повенецком; **вурба** — в Петрозаводском; **урва** — в Пудожском уезде.

Калима полагает, что в данном случае карельское заимствование — кар. *urba* ‘почка, сережка’, при фин. *urpa*, *urpu*, эст. *urb* [Kalima 1915: 234]. SKES, дополняя набор соответствий люд., вепс. *urb*, также возводит это заимствование к карельскому этимону.

Приведенные выше слова фиксируются в основном в речи охотников, так как березовые почки являются в зимний период основной пищей тетеревов и глухарей (Ну мошников сейгод будет, ли это гляд, ли это гляди ли, сколь **урбы**). У людей, занимающихся охотой, по ПЛГО фиксируются только одно значение ‘березовые почки’. Спорадичность фиксаций данного заимствования свидетельствует о его неустойчивости в современных говорах.

ШОЛЬГА, ШОЛЬДИГА

В значении ‘водоросли’ данное слово по КСРГК зафиксировано в Пудожском р-не (Корбозеро). На смежной территории с иным ударением **шольга** отмечается в Каргопольском, Онежском, Кирилловском р-нах.

Дериват **шóльди́га** в этом же значении бытует в Подпорожском р-не (Юксовичи).

Анализируемое заимствование представлено в более ранних фиксациях: у Рыбникова **шольга** ‘род травы с мелкими листьями’ в Каргопольском уезде; у Колосова в том же уезде **шольга** ‘прибрежная трава в реке’; Куликовский предлагает два варианта — **шóльга** на Кенозере Каргопольского уезда и в Петрозаводском уезде и **шéльга** — в Каргопольском уезде с общим значением ‘растение водный полигон’. В смежных говорах по данным КСРГК отмечается также слово **шóльник** ‘трава, растущая в сырых местах’ в Череповецком р-не и **шóльник** ‘водоросли’ в Вашкинском р-не.

Фасмер говорит о неясном происхождении данных Куликовского [Фасмер 4: 466]. На наш взгляд, анализируемый материал возможно сопоставить с вепс. *šol'l'od* ‘рл. водоросли’, при *šol'l'raik* ‘место, где растут водоросли’ [СВЯ: 546]. Однако смущает неясность происхождения вепсской лексемы, при явно вторичном начальном [s]. Вероятно, сюда же относится лексема **шульгá** ‘водоросли’, зафиксированная по ПЛГО в Каргопольском (Архангело, Лёкшмозеро, Сорочинская) и Вожегодском р-не (Углы); смущает, однако, другой тип вокализма и ударение на последнем слоге, ср. мар. *вудшудо* ‘водоросль’ [РМС: 34]. Не относится сюда ливв. *šulkuheinü* ‘вид водорослей, шелковая трава’ [СКЯМ: 367].

ЮРИК, ЮРИКИ

Данное слово зафиксировано в значении ‘корень вывернутого из земли дерева’, ‘вывернутое из земли дерево’; во множественном числе **юрики** чаще имеет значение ‘бурелом’, отмечается в Вытегорском р-не (Ивачево) в Сегежском (Валдай, Вожма Гора). Материалы Филимонова в

Вытегорском уезде дают ту же семантику — **юрик** ‘корень вывернутого из земли дерева’. Куликовский повторяет данные Филимонова.

Калима полагает, что это заимствование из кар. *juurikka*, ливв. *juurikka*, при люд. *d'ürik*, вепс. *d'urikaz*, фин. *juurikko* [Kalima 1915: 250]. SKES предлагает не выделять материал какого-л. прибалтийско-финского языка, исходя, по-видимому, из фонетической близости карельских и финских форм [SKES: 126–127].

Названия птиц

Тематическая группа птиц насчитывает 24 лексемы. Широко распространенная в Обонежье птица сойка имеет здесь несколько заимствованных наименований: **кагача, качага, кукшак, нергач, паскарага, паскач, ряченга**. Представлены в этой группе несколько различных видов куликов, хищных птиц. Среди промысловых птиц зафиксировано только одно заимствованное наименование — **коппала** ‘самка глухаря’. Отмечен один глагол, непосредственно связанный с данной тематической группой — **турайдать** ‘токовать’.

АЛЕЙКА, АЛЕЮШКА

В значении ‘утка-морянка’ оба слова зафиксированы в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора). В соседних говорах отмечаются лексемы: **áлле́й, áле́ек** в том же значении в Терском р-не (Чаваньга); **оле́йка** — в Терском (Чапома) и Кемском р-не.

В словаре Подвысоцкого представлены слова **алле́йка, алейка** ‘*Anas rutilia*’ в кольских, кемских говорах; у

Мензбира отмечается **аллейка** '*Fuligula glacialis*' в Архангельской губернии на Белом море.

Калима и авторы SKES полагают, что в русские говоры анализируемое слово попало из прибалтийско-финских языков [Kalima 1915: 78]. Причем в финно-угорских языках номинация возникла как звукоподражание крикам птицы: лив. *al'l'i*, *al'i*, люд. *al'l'i*, коми. *alli*, саам. *allokaj*, *алло'ке*, хант. *allai*. В шведский язык попало из финно-угорских — *alla*, *alle*, *allo* [SKES: 16].

ВІКЛЮК, ВИТЛЮК

Предлагаемые варианты отмечаются в значении 'кулик, вальдшнеп'. Вариант **витлюк** распространен в Подпорожском р-не (Пидьма, Согиницы, Усланка. Курпово, Юксовичи, Корба), в Пудожском р-не (Авдеево, Римское. Каршево, Гакукса), в Кондопожском (Гангозеро, Кулмукса), в Медвежьегорском (Челмужи, Сенная Губа), в Вытегорском р-не (Андома, Ошта). Слово **витлюк** употребляется в сравнении в н. п. Сенная Губа: — Как **витлюк** вертится. **Витлюк** бытует также в значении 'высокий тонкий человек' — в Прионежском р-не (Ладва), в Пудожском р-не (Авдеево). В н. п. Усланка Подпорожского р-на употребление слова **витлюк** в устойчивом словосочетании: **витлюк** вам сапоги дал 'пренебрежительно — о человеке'. В н. п. Яндеба этого же р-на слово уже не имеет четкой семантики, хотя информанты осознают, что это птица, но не могут дать ее общенародного названия или описать ее. В н. п. Пидьма Подпорожского р-на **витлюк** отмечается также в значении 'беспокойный теленок'.

С ударением на первом слоге **вйтлюк** со значением 'кулик' бытует в Медвежьегорском р-не (Ламбасручей, Космозеро, Великая Нива, Кижичи), со значением 'небольшая лесная птица' в н. п. Вырозеро этого же р-на, а также

в Кондопожском р-не (Колгостров, Лодмозеро).

Вариант **виклю́к** ‘кулик’ зафиксирован в Подпорожском р-не (Согиницы, Заозерье), при этом, по-видимому, имеет место вторичная мотивация, основанная на звукоподражательности этого наименования: — **Виклю-виклю**, на руках цыпки будут. В Кондопожском р-не (Кулмукса) **виклюк** зафиксирован в значении ‘чибис’. В Медвежьегорском р-не отмечаются нечастотные варианты — **вѣтлюк** в н. п. Кижы, **витлю́г** в н. п. Толвуя, Тявзия.

В словаре Куликовского представлены следующие варианты: **витлю́к** ‘вальдшнеп’ в Петрозаводском уезде; **витлюк** в Заонежье с тем же значением; **ветлик** ‘птица’ без уточнения дистрибуции. В словаре Мензбира дано название **долгоносый виклю́к** (Олон. губ.). Варианты **вѣтлик**, **ветлю́к** ‘вальдшнеп’ записаны Рыбниковым в Петрозаводском уезде. Вариант **вытлю́к** ‘кулик’ отмечается Гильфердингом.

Калима полагает, что это людиковско-вепское заимствование: люд. *vikl'i*, вепс. *vitli*, кар. *vikli*, ливв. *vigli*, фин. *vikla* ‘кулик’, эст. *vigle* ‘птица бекас’. SKES полагает, что в прибалтийско-финских языках ономастопозитический субстантив фин. *viklo*, *viklalintu* связан с глаголом такой же природы *viklettää* ‘звучать, кричать’, авторы SKES подтверждают гипотезу Калима, и вслед за ним отмечают, что в коми язык коми *vetlykaitny* ‘кричать (о вальдшнепе)’ попало через русское посредство [SKES: 1760–1761].

Следует отметить, что вариант с [т] более частотен и бытует на более широкой территории, включающей практически все Обонежье, чем вариант с [к], распространенный в настоящее время в Подпорожском и части Кондопожского р-на. Следует также учитывать, что вариант с [к] на отмеченной выше территории бытует наряду с

вариантами с [т]. Исходя из фонетического сходства, по-видимому, можно утверждать, что слово **ВИТЛЮК** и его варианты восходят к вепс. *vitlik, vitling*, тогда как слово **ВИКЛЮК**, имеет людиковско-ливвиковские соответствия, хотя и не исключена вероятность того, что вариант с [т] возник на основе внутридиалектных фонетических процессов в русских говорах Обонежья, а затем был заимствован вепским языком.

ГАБУ́К

Габу́к в значении ‘ястреб’ отмечается в Подпорожском р-не (Согиницы, Курпово, Усланка, Родионово, Заозерье, Ульино, Шустручей), в Вытегорском р-не (Ошта, Бабино, Мегра, Казаково, Бараново), в Пудожском (Каршево), в Прионежском (Педасельга).

Габук ‘петух, драчливый петух’ зафиксировано в Вытегорском р-не (Казаково), в Подпорожском (Юксовичи, Корба), здесь же в Подпорожском р-не отмечено употребление в сравнении: — Налетел, как **габук**. **Габук** ‘жадный нахальный человек; забияка, драчун’ распространено в Кондопожском р-не (Гангозеро), в Подпорожском (Пидьма, Шеменичи), в Прионежском (Ладва), в Пудожском (Гакукса). В н.п. Вороницы Прионежского р-на **габу́к** имеет значение ‘злая собака’.

Отмечен вариант **габучіна** ‘крупный петух’ в н.п. Корба Подпорожского р-на.

У Куликовского слово **габу́к** ‘ястреб’ зафиксировано в Вытегорском, Пудожском, Петрозаводском, Олонецком уездах и в Заонежье, в значении ‘петух, драчливый человек’ — в Петрозаводском уезде, в значении ‘непонятливый человек’ — в Вытегорском уезде с вопросом к значению. В СРНГ слово **га́бук** ‘ястреб’ отмечено в Белозерском уезде Новгородской губернии.

Калима полагает, что это заимствование из люд. или вепс. *habuk* ‘ястреб’. Соответствия вепсского слова имеются в других прибалтийско-финских языках: фин. *haukka*, ливв. *haukka*, эст. *haugas*, *havaas* [Kalima 1915: 88].

Авторы SKES считают, что в русские говоры и в саамский язык (саам. швед. *hapak*, *härke*) слово пришло из прибалтийско-финских языков, хотя для саамского языка они не исключают возможность прямого заимствования из скандинавских языков. Лексема **габу́к** устойчиво фиксируется в большинстве населенных пунктов отмеченных районов. Консонантизм русского слова — [б] — соотносится с вепским, ср. вепс. *habuk* ‘ястреб’ [СВЯ: 101], а для северного Обонежья нельзя исключать и людиковские источники, ср. люд. *habuk* ‘ястреб’. В прибалтийско-финские языки это слово пришло из германских: др.-норв. *haukr*, др.-швед. *höker*, др.-верх.-нем. *habuh* [SKES: 62].

Слово **габук** отмечается в Подпорожском, Вытегорском, Прионежском р-нах, а также в южной части Пудожского р-на, что также свидетельствует в пользу вепсской этимологии. По-видимому, примыкают к лексике **габук** слова **габоло**, **габла** ‘петух’, зафиксированные в Вытегорском р-не (Мегра, Бараново). В материалах Георгиевского имеется также **габоль** ‘петух’, **габла** ‘ворона’ — Петрозаводский уезд.

ГУ́НГАЧ

В значении ‘филин, сова’ слово **гунга́ч** бытует в Подпорожском р-не (Курпово, Ульино, Корба, Юксовичи, Яндеба). С иным ударением **гу́нгач** с тем же значением распространено на смежной территории в Лодейнопольском р-не.

У Куликовского **гунгáч** ‘филин’ дано с пометой — по течению р. Свири, **юнгáч** с тем же значением в Ладве Петрозаводского уезда.

Калима считает, что это заимствование из вепсского языка — вепс. *hüngei* ‘сова’, он приводит также вепсские материалы Алквиста — *hüng* и полагает, что этимология Погодина **hungaǵi* неверна [Kalima 1915: 95; Погодин 1904: 22]. Это находит подтверждение в современных материалах — в СВЯ находим: *hüb’g’*, *hüp’k*, *hübj*, *hüǵg’*, *hübö*, *hung’äine*. SKES считает, что вепс. *hüngü* ‘филин’ связано с глаголом *hüngätä*, обозначающим различные звуки: смеяться, хрюкать, издавать неясные звуки в финском языке. В вепсском языке имеется несколько вариантов: *hunkta*, *unkta*, *hüngüda* — ‘ухать’ (о сове, филине). Очевидно оноματοпоэтическое по происхождению слово в финно-угорских языках (ср. мар. *üŋge*, чуваш. *üŋge*) было заимствовано русскими говорами, и под влиянием субстратно-адстратного влияния вепсского языка внутренняя форма слова в настоящее время проясняется глаголом **гунгать**, по-видимому, более позднего происхождения [SKES: 93].

ЕЛЁК

Елёк ‘небольшая птица’ имеет единичную фиксацию в Подпорожском р-не (Юксовичи). У Куликовского отмечается лексема **ёлак** ‘летучая мышь’ в Петрозаводском уезде. В СРНГ представлено слово **елёк** в двух значениях ‘козодой’ и ‘летучая мышь’ в Тотемском уезде Вологодской губернии.

Калима с сомнением, но предположительно говорит о заимствовании из водск. *öðlakko* ‘сова’. Погодин, Микеляйн считают, что в данном случае заимствование из вепсского соответствия финского *yöleikkö*. Калима отме-

чает также значительное сходство прибалтийско-финского материала со славянским **лелек** ‘козодой’ [Kalima 1915: 95]. Преображенский, анализируя славянскую лексему, не находит ясного происхождения, но сравнивает ее с литов. *lelis* ‘козодой’ и предполагает, что в основе лежит звукоподражание. Фасмер считает, что слово **елек** соотносится с русск. **лелек**, при чеш., польск. *lelek* ‘козодой’ [Фасмер 2: 479]. SKES, анализируя фин. *lepakko* ‘летучая мышь’, приводит большое число вариантов этой лексемы в прибалтийско-финских языках: фин. *leikko*, *yöleppäkö*, *yöläppäkö*, *yölipäkö*, *yörappäkö*, *yöliehakko*, *yöleikko*, кар. *üöläppäkö*, *üölieppäkö*, ливв. *üölepakko*, *üöliero*, *üöläpöi*, люд. *üölilak*, *üölilakko*, *üölilei*, вепс. *öläpak*, *ölipak*, *öläpakeine*, *eläpak*. Авторы SKES при этом делают предположение, что, по-видимому, здесь описательное наименование. Обе части слова *yö* ‘ночь’ и *lepakko* ‘летучая мышь’ имеют прозрачную внутреннюю форму практически во всем представленном SKES материале [SKES: 287]. К тому же семантика слова **ёлак** ‘летучая мышь’ в словаре Куликовского тождественна семантике соотносимого слова в прибалтийско-финских языках. Бытование слова в юго-западной части Прионежья, по-видимому, позволяет предположить, что анализируемое русское диалектное слово испытало на себе влияние формы и семантики соответствующего прибалтийско-финского материала.

КАГАЧА, КАЧАГА

Обе лексемы в значении ‘сойка’ отмечаются в Пудожском р-не. **Кагача** — в н. п. Гакукса, **качага** — в н. п. Каршево. Слово **качага**, вероятно, может быть связано с вепс. *kačatada* ‘стрекотать — о сороке’. Вариант **кагача** может быть результатом метатезы, хотя и не исключена связь со

словом, близким к эст. *kiitsakas* ‘сорока’. В Вытегорском р-не (Ошта) отмечается фамилия **Кагачин**, вероятно связанная с анализируемым словом.

КОППАЛА, КОПАЛА

В значении ‘самка глухаря’ вариант **коппала** отмечается в Медвежьегорском р-не (Великая Губа, Сенная Губа, Шуньга, Великая Нива, Кижы, Толвуя, Челмужи, Ламбасручей, Кузаранда), в Пудожском р-не (Авдеево, Римское, Каршево, Гаукса, Кривцы, Канзанаволок, Пяльма), в Прионежском р-не (Вороново, Лехнаволок, Суйсарь), в Кондопожском р-не (Тулгуба, Гангозеро, Кулмукса, Чёболакша, Колгостров, Новинка, Лижма), в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора). В южном Прионежье — в Вытегорском и Подпорожском р-нах зафиксировать данную лексему не удалось ни по данным ПЛГО, ни по данным КСРГК, что, по-видимому, связано с отсутствием ее прибалтийско-финского соответствия в вепском языке. По материалам СВЯ слово *korral* ‘глухарка’ отмечено только в н. п. Шокша Прионежского р-на, и скорее всего это результат влияния людиковского диалекта карельского языка. В вепском языке более распространено слово *etatесоj* ‘глухарка’. Словоформа **копала** бытует на той же территории как фонетический вариант в Сегежском р-не (Валдай), в Прионежском (Вороново), в Пудожском (Авдеево, Кривцы, Каршево), в Медвежьегорском (Лакново).

На смежной территории вариант **коппала** бытует в Терском, Кемском, Онежском р-нах; вариант **копала** — в Терском, Кемском, Плесецком, Каргопольском р-нах, а также в окрестностях г. Кандалакши. Кроме того, в значении ‘самка тетерева’ слово **копала** отмечается по СРНГ в Онежском р-не.

По данным ПЛГО зафиксировано употребление лексемы **коппала** в сравнении: — Глухой как **коппала** — в Пудожском р-не (Каршево). Отмечается переносное значение слова **коппала** ‘растрепанная длинноволосая женщина’ в Кемском р-не, а также употребление в сравнении на основе этого значения: — Ходит как **коппала** — в Онежском р-не.

Первая фиксация анализируемого заимствования в Опыте — **кóпола** в Олонецкой губернии. В словаре Даля кроме слова **кóпала** ‘глухарка’ представлены дериваты **копалúха** ‘глухарка’ с пометами «Север., Вост., карел.» и **копалёнок** ‘глухаренок’. Имеются у Даля варианты с иной огласовкой: **капалúха**, отмеченное в Сибири, **кипалúха** — в Пермской губернии в значении ‘глухарка’.

В словаре Подвысоцкого представлены слова **копала**, **кóпель**. В словаре Куликовского дан наиболее близкий в фонетическом отношении к этимону вариант — **коппала** ‘самка тетерева-глухаря’ в Петрозаводском и Повенецком уездах. У Мензбира представлено слово **копало** ‘глухарка’, **кыпалúха** — в словаре Грота-Шахматова. Калима полагает, что в русские говоры анализируемое слово пришло из карельских диалектов: кар., ливв. *koppala*, люд. *koppal*. Причем он не исключает влияние других прибалтийско-финских языков, например, финского, фин. *käppelä*, *koppelo* [Kalima 1915: 128]. Распространена соответствующая лексема и в саамских диалектах: саам. швед. *kåppel*, саам. норв. *goappel*, в мари *kùbłts* [SKES: 217]. Хакулинен относит слово *koppelo* к древней прибалтийско-финской лексике [Хакулинен 1955: 9].

В русских говорах анализируемое заимствование, следуя вместе с миграционными потоками, широко распространялось на восток, изменив при этом форму, в материалах СРНГ представлены следующие варианты: **кóпал**

‘глухарь’ в Свердловской области, ‘тетерев’ в Вологодской губернии Архангельской области; **кóпол** ‘самка глухаря’ — в Свердловской области, ‘глухарь’ — в Екатеринбургской и Пермской губерниях; **кóпала** ‘глухарка’ — широко представлено на Северном и Среднем Урале.

В говорах Обонежья и соседних говорах деривационное развитие представлено слабо: **коппалúха** ‘самка глухаря’ в Пудожском р-не (Пяльма), **копалуха** с тем же значением в Медвежьегорском р-не (Космозеро) и в окрестностях г. Кандалакши, **кополúха** с тем же значением в Кондопожском р-не (Чёболакша). В смежных говорах отмечается дериват **кóпалка** ‘самка глухаря’ в Терском р-не (Оленица). В Пудожском р-не (Римское) зафиксировано слово **копалёнок** ‘птенец глухаря’. Варианты производных сосуществуют в говорах Обонежья наряду со словами более близкими к этимону, причем бессуффиксальный вариант более частотен. Иначе обстоит дело в говорах Урала и Сибири. По данным СРНГ можно видеть, что там преобладают деривационные варианты заимствования, например: **кипалúха** отмечено на Северном Урале; **копалúха** — на Северном Урале, в пермских, среднеуральских, челябинских говорах и на территории почти всей Сибири вплоть до Якутии; **кополúха** зафиксировано на Западном и среднем Урале, а также в Новосибирской, Иркутской областях и в Якутии; **копалíха** бытует также в пермских говорах; **копалю́ка** — в Тюменской области; **копалю́ха** — на Северном Урале и в Томской области. Причем, несмотря на деривационную вариативность, они все сохраняют семантику ‘самка глухаря’. Слово **кóпáлка** на Среднем Урале фиксируется с разноместным ударением, с двумя значениями: ‘самка глухаря’ и ‘самка тетерева’. Также на Средней Урале зафиксировано собирательное существительное **копольё́** ‘глухари’. В

Словаре русских говоров Приамурья дается слово **копылуха** ‘самка глухаря’. Отмечается также и словообразование: **копалёнок** ‘птенец глухаря’ в пермских, челябинских, иркутских говорах. Черкасов дает лексему с другой огласовкой **копаленок** в двух значениях: ‘птенец глухаря’, ‘птенец рябчика’. Как можно видеть из приведенного выше материала, дериваты, фиксируемые спорадически в Обонежье в отдельных его населенных пунктах, получили довольно широкое распространение в говорах Урала и Сибири. Следует также отметить, что в вологодских говорах анализируемое заимствование отсутствует, не представлено оно и в СВГ. Это подтверждает преимущественно карельскую основу заимствования и позволяет по-новому взглянуть на миграционные пути русского населения на восток и процессы формирования говоров Урала. Например, в говорах Свердловской области, имеющих преимущественно вологодскую основу, анализируемое заимствование зафиксировано, а в вологодских говорах оно отсутствует.

В Обонежье данное заимствование нашло отражение и в топонимике — Коппалозеро — название озера и деревни в Авдеевском с/с Пудожского р-на.

КУГА

В значении ‘сова’ данная лексема отмечается в Медвежьегорском р-не (Ладмозеро), в Пудожском (Каршево). Кроме того, зафиксировано словосочетание **куга лесовая** ‘филин’ в н. п. Черкасы Медвежьегорского р-на.

В словаре Куликовского представлено слово **күгá** ‘сова, филин’, как бытующее в Заонежье (Шуньга).

Калима относит слово к заимствованиям из ливв. *küh-kö* или люд. *küçhköi* ‘сова’, ‘птица’ [Kalima 1915: 135]. SKES отмечает бытование слова *kühklane* в северо-вос-

точных диалектах эстонского языка, при фин. *kuuhku*, *kuhku* ‘голубь’ и относит эти лексемы к ономатопоэтической лексике [SKES: 257].

По-видимому, о более широком бытовании слова косвенно свидетельствует микропонимия — **Кугина Кара** (название сенокосного луга) около н. п. Шеменичи Подпорожского р-на.

Исходя из ареальной дистрибуции заимствования — Медвежьегорский и Пудожский р-ны, следует его классифицировать как ливвиковско-людиковское.

КУ́КША, КУКША́К

Кукша ‘прозвище’ отмечено в Медвежьегорском р-не; **кукша́к** ‘птица — какая?’ — в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора). В соседних говорах зафиксированы следующие лексемы: **ку́кша** ‘птица с белым оперением’ в окрестностях г. Кандалакши; **ку́кшеньга** ‘сойка’ в Холмогорском р-не. По-видимому, сюда же относится слово **кукшарь** ‘дятел’, бытующее в Вашкинском р-не.

В словаре Куликовского **кукша́к** ‘островная сойка, *Perisoreus infaustus*’ зафиксировано в Петрозаводском уезде. В СРНГ слово **ку́кша** ‘сойка; свистель’ отмечается в архангельских, печорских, пермских, уральских, тобольских говорах, а также на Енисее, Колыме и в иркутских говорах; в значении ‘неряшливо одетая женщина’ лексема **кукша** зафиксирована в Шенкурском уезде и в Красноярском крае. Богораз отмечает также слово **кукша-икроед** ‘о человеке, любящем икру’.

Калима полагает, что слово **кукша** следует возводить к кар. *kuukše*, ливв. *kuukša*, при фин. *kuusahka*, саам. норв. *guovsak* [Kalima 1915: 139]. Причем направление заимствования, по мнению Калимы, в данном случае, до конца не понятно, поскольку форма с фонемой [š] могла возникнуть и под влиянием русских говоров. Сюда же от-

носит Калима лексемы **пукша**, **пукшиньга** ‘лесная птица’, зафиксированные Далем в Архангельской губернии. Хотя он не исключает возможность влияния другого слова, считает, что слова с начальным [п] являются результатом диссимилиации. SKES приводит многочисленные соответствия русскому слову в прибалтийско-финских языках, саам. фин. *kuouhsak*, фин. *kuuskain*, *kuusahka*, люд., ливв. *kuukšoi* в значении ‘сойка’, но не выделяет конкретный язык-источник. Причем авторы SKES вслед за Калимой замечают, что в коми слово *кукша* ‘кукша, ронжа, сойка’ пришло из русских говоров [SKES: 250].

Анализируемые лексемы в обследованном регионе имеют единичные фиксации с диффузной семантикой. Более частотное употребление имеет слово **кукшак** на периферии данного ареала, и **кукша** в смежных русских говорах Мурманской области. Слово **кукша** ‘птица отряда воробьиных’ вошло в БАС. Но направление заимствования, на наш взгляд, нельзя оценивать однозначно, более вероятно саамская этимология анализируемого материала.

КУРПУ́Н

Слово в значении ‘вальдшнеп’ зафиксировано только в н. п. Юковичи Подпорожского р-на. Ранее различные варианты этого заимствования были представлены Мензбиром: **курпист** в Ямбургском уезде Петербургской губернии; **хурпун**, **хуркун** с пометой Полевский завод (Средний Урал). Все варианты имеют значение ‘вальдшнеп’.

Калима полагает, что вариант **курпист** связан с эст. *korpits*, *kurbits*, а другие, приведенные Мензбиром варианты, восходят к фин. *kurppa* ‘вальдшнеп’ [Kalima 1915: 143]. Имеются соответствия к анализируемому слову и в других прибалтийско-финских языках: ливв. *kurvooi*, люд. *suogurbits*, водск. *kurppa*, вепс. *gurbitsš*. SKES полага-

ет, что это общее финно-угорское слово, мар. *kêrmêzak* ‘вальдшнеп’ [SKES: 246].

В прибалтийско-финских языках и диалектах, которые расположены ближе всего к месту фиксации русского слова, нет формы, сходной в фонетическом отношении, но в соседнем от Юксович н.п. Ошта Вытегорского р-на зафиксирована автохтонная фамилия **Курпаков**, которая, по-видимому, свидетельствует о том, что ранее лексема *kurppa* или **курпа** здесь существовала. Ср. также **шижлик** ‘ящерица’ — **Шижликов**; *kaži* ‘кошка’ — **Кажев** (носители фамилий — русские). Н.п. **Курпово** Подпорожского р-на также, по-видимому, обязан своим названием прибалтийско-финскому слову. Что касается варианта **курпист**, то положение Калимы подтверждается материалами SKES, где дан ряд вариантов из эст. *kurp*, *kurbiits*, *korpiits*. Не совсем ясным остается происхождение форм **хурпун**, **хуркун**, зафиксированных на Урале. Возможно они были занесены туда русскими миграционными потоками.

НЕРГАЧ

Данное слово зафиксировано в Кондопожском р-не (Новинки) в значении ‘хищная птица’. Куликовский отмечает слово **нергáч** с другим ударением и значением — ‘сойка’.

Калима полагает, что это заимствование из кар. или ливв. *närhi* ‘сойка’ [Kalima 1915: 171]. SKES, трактуя фин. *närhi* как оноματοпоэтическое слово, приводит также люд. *närüöi*, вепс. *näraiž* ‘сойка’ [SKES: 414]. По-видимому, значение ‘хищная птица’ является либо результатом семантической диффузии, как следствие ухода слова из говоров, либо результатом процесса семантического развития.

ПАСКАРА́ГА

В значении ‘сойка’ данное слово фиксируется в Подпорожском р-не (Курпово, Ульино, Усланка, Заозерье, Шустручей, Пидьма, Яндеба, Юксовичи, Шеменичи), в Прионежском р-не (Ладва, Педасельга), в Вытегорском р-не (Ошта, Казаково, Мегра). В значении ‘сорока’ лексема **паскара́га** отмечается также в Подпорожском р-не (Пидьма, Шеменичи). Здесь же в н. п. Шустручей, Шеменичи, Курпово зафиксировано употребление данной лексемы в сравнении: — Ты как **паскарага** — ‘о неопрятном ребенке, человеке’.

В словаре Куликовского **паскарага** ‘лесная сорока’ помечено н. п. Коштуги Вытегорского уезда. В СРНГ **паскарага** в значении ‘дрозд’ дано в Петрозаводском уезде; **пискарога** ‘сойка’ — также в этом уезде — отмечает Куликовский, который по материалам Барсова указывает еще для этой формы значение ‘лесная сорока’.

Калима возводит анализируемую лексему к фин. *pas-karäökkä*, *paskaharakka*, эст. *paskrāg*. Причем он показывает, что в прибалтийско-финских языках слово состоит из двух частей: фин. *paska*, вепс. *pask* ‘навоз, понос’, вторая часть — *räökkä* ‘коростель, дергач’. Поскольку в русских диалектах отсутствует формант *-рага*, Калима имеет в виду две возможности его проникновения на русскую почву — заимствование неизвестной ему вепсской формы или развитие уже на почве русских говоров [Kalima 1915: 181–182].

На наш взгляд, исходя из ареальной дистрибуции анализируемой лексемы в юго-западном Прионежье, можно предположить ее вепсский источник — вепс. *paskharag* ‘сойка’ — совпадающий по семантике и имеющий сходную в фонетическом отношении форму.

ПАСКА́Ч

Паска́ч ‘трясогузка’ отмечается в Кондопожском р-не (Лижма), в Прионежском (Суйсарь), в значении ‘воробей’ **паскач** фиксируется в Подпорожском р-не (Юксовичи). В Медвежьегорском р-не (Черкасы) по КСРГК слово уже не имеет точной семантики, информанты знают, что это птица, но без видо-родовой идентификации.

У Куликовского дается **паска́ч** ‘сойка’ в Петрозаводском уезде. Кроме того, по данным ПЛГО зафиксировано слово **паскра́ч** ‘сойка’ в Кондопожском р-не (Новинка, Колгостров, Тулгуба) и **панкра́ч** ‘птица — какая?’ — в Подпорожском р-не (Шеменичи).

Калима полагает, что это заимствование из вепсского языка, вепс. *paskatš* ‘воробей’, при фин. *paskonärhi* ‘сойка’ [Kalima 1915: 182]. На наш взгляд, точка зрения Калимы совершенно справедлива. В вепсском языке имеет место несколько наименований подобного типа, где семантика корневой морфемы — *pask* ‘навоз, понос’ служит смысловым ядром при наименовании данной птицы: *pasklind* ‘воробей’ (*pask* ‘понос’, *lind* ‘птица’); *herelind* ‘воробей’ (*here* ‘навоз’); *hereč* ‘воробей’. Таким образом, лексема *paskač* ‘воробей’, имеющая точно такую же мотивацию в вепсском языке, скорее всего была заимствована уже с суффиксом *-ač*, который получил в вепсском языке широкое распространение значительно ранее.

Ареальная дистрибуция анализируемого заимствования преимущественно в юго-западном Прионежье также свидетельствует в пользу вепсской этимологии.

ПИНГАЧ

В значении ‘чибис’ данное слово отмечено в Подпорожском р-не (Курпово, Ульино, Шеменичи, Шустручей, Юк-

совичи, Яндеба), в Прионежском (Ладва, Педасельга), в Вытегорском (Ошта).

По-видимому, данная лексема восходит к вепс. *pingač*, которая однако не зафиксирована в СВЯ, но употребительна в речи вепсов. В вепсском языке данное наименование мотивировано звукоподражательным глаголом *pink-tä* ‘пищать’. Ареальная дистрибуция анализируемого слова — Подпорожский, Прионежский, Вытегорский р-ны усиливает предположение о вепсской основе анализируемой единицы.

РÉПША

Рéпша ‘старая ворона’ по данным КСРГК отмечается в Пудожском р-не (Канзанаволок). По-видимому, приводимое слово связано с фин. *rääppä* ‘слабый, жалкий человек или животное’, зафиксированное SKES в диалектах Сатакунта [SKES: 922].

РЯЧЕНГА

Слово имеет единичную фиксацию по данным КСРГК в значении ‘сойка’ в н. п. Согиницы Подпорожского р-на; ранее данная лексема не отмечалась.

По-видимому, анализируемая лексема восходит к люд. *rätšni, riätšöi* ‘птица — какая?’, вепс. *räč* ‘сойка’, при кар. *rastahaini, rastsni*, фин. *rästtäs* ‘дрозд’, ливск. *räšta* ‘дрозд’. SKES относит прибалтийско-финские соответствия к заимствованиям из балтийских языков: литов. *strāzdas*, латыш. *strads*, др.-прусс. *tresde* [SKES: 741–742].

ТИКАЧ

Тикач ‘дятел’ бытует в Подпорожском р-не (Заозерье, Курпово, Шеменичи, Яндеба), часто в связи с тем, что слово, по-видимому, выходит из употребления, оно не имеет четкой семантики. В Подпорожском р-не (Ульино, Пидьма), в Кондопожском (Лижма) информанты указывают, что слово **тикач** обозначает птицу, но не могут дать ни общенародного эквивалента, ни описать ее.

В Прионежском р-не (Суйсарь) слово **тикач** зафиксировано в значении ‘чибис’, по-видимому, это ошибка информанта, смешение с лексемой **пингач** ‘чибис’.

В словаре Куликовского **тикач** ‘дятел’ по течению р. Свири. Калима дает ливвиковско-людиковскую этимологию: ливв. *t'ikku*, люд. *t'ikk* ‘дятел’, при вепс. *t'ikk*, фин., водск. *tikka*, эст. *tikk* [Kalima 1915: 225]. В прибалтийско-финских языках, согласно SKES это ономотопэтическая лексема. Но в силу особенностей территориальной дистрибуции (Прионежский, частично Кондопожский р-ны) вернее предположить вепсскую этимологию, что обусловлено также тем, что в вепсском языке имеется глагол *tiketada* ‘долбить клювом — о дятле’.

ТУРАЙДАТЬ

Данное слово зафиксировано в значении ‘токовать — о тетеревах, глухарях’ в Медвежьегорском р-не (Толвуя, Великая Нива), в Сегежском (Валдай, Вожма Гора), в Кондопожском (Гангозеро, Кулмукса, Новинка).

В словаре Подвысоцкого представлено слово **турай-дать** ‘токовать — о глухарях’ с ударением на втором слоге в Онежском уезде. У Куликовского дана цитата без толкования: «**Турайдает** живот». Калима не рассматривает данное слово как прибалтийско-финское заимствование.

Погодин считает, что анализируемая лексема связана с фин. *turahtaa*, вепс. *turaida*. Авторы SKES фин. *turahtaa* ‘булькать, кипеть’ относят к оноματοпоэтической лексике, ср. также ливв. *turista* ‘кипеть; болтать; разговаривать’ [SKES: 1421]. В СВЯ слово *turahtada* имеет значение ‘скатиться’. Приведенные факты ставят под сомнение этимологию Погодина, к тому же в вепсском языке имеется слово *kindä* ‘токовать’, в финском — *soidin* ‘ток глухариный’. На наш взгляд, данное заимствование является результатом контаминации вепс. *toreita* ‘скрипеть, греметь, барабанить’ и вепс. *toreita* ‘драться’.

Следует, однако, отметить, что материал Куликовского, явно звукоподражательного характера, относится по происхождению к ливв. *turata* ‘булькать, кипеть’.

ХАРАК

Данное слово имеет единичную фиксацию в значении ‘ворона’ в н. п. Вороницы Прионежского р-на. Ранее оно нигде не отмечалось.

На наш взгляд, анализируемую лексему можно возвести к вепс. *harag* ‘сорока’, при фин. *harakka*, ливв. *harakka*, люд. *harag*, эст. *harak* в значении ‘сорока’. SKES показывает, что в прибалтийско-финских языках приведенный ряд лексем также не исконен, здесь имеет место влияние балтийских языков: литов. *šárka*, др.-прус. *sarke* [SKES: 57–58].

Наименования животных, частей их тела, формы их жизнедеятельности

Эта группа лексики самая малочисленная, насчитывает всего несколько слов, в основном наименования частей тела животных и форм их жизнедеятельности.

КА́БЫ, КА́ПКИ, КЯ́ПЕЧИ, КА́ПАЧИ

Ка́бы ‘нижние части ног лося и домашних животных — коровы, овцы’ отмечается в Вытегорском р-не (Ошта, Андома), здесь же зафиксирован дериват **кабе́йки** с тем же значением.

Куликовский представил лексемы **кабы**, **кабейки** с тем же значением в Вытегорском уезде. Калима возводит слово **кабы** к кар. *kabia*, *kabju*, вепс. *kabj* [Kalima 1915: 97; Погодин 1904: 24]. SKES показывает широкое распространение этого словарного гнезда в прибалтийско-финских языках: фин. *kavio*, эст. *kabi*, водск. *kabj*, люд. *kabju* с тем же значением ‘копыто’ [SKES: 175]. Исходя из ареальной дистрибуции слова — Вытегорский р-н, можно сделать предположение о доминирующем влиянии вепсского языка.

Кя́печи ‘нижние части ног домашних животных’ отмечается в Медвежьегорском р-не (Великая Нива, Палтега, Космозеро, Толвуйа, Загубье, Шуньга, Челмужи). Вариант **кя́пячи** зафиксирован в Медвежьегорском р-не (Вырозеро, Ламбасручей, Кузаранда) с тем же значением. Вариант **кя́почи** бытует в н.п. Тихвин Бор Медвежьегорского р-на. Вариант **ка́печи** распространен в н.п. Сенная Губа, Лонгасы Медвежьегорского р-на и в н.п. Пяльма Пудожского р-на. **Ка́пичи** с тем же значением отмечается в н.п. Петры Медвежьегорского р-на. Вариант **ка́пачи** с тем же значением бытует в н.п. Пяльма Пудожского р-на.

В словаре Куликовского представлены варианты **кяпичи**, **кяпечи** в Пудожском и Повенецком уездах в значении ‘копыта убитого дикого животного’, ‘большие неуклюжие сапоги’, ‘замерзшие конечности человека’.

Калима возводит слово **кяпечи** и его варианты к кар. *kärrä* ‘нога птицы’, при фин. *kärrä* ‘лапа’ [Kalima 1915: 145]. Причем из ливск. слово вошло в латышский язык, ср. латыш. *ķera* ‘медвежья лапа’. На наш взгляд, более убедительна версия SKES, где анализируемые слова возводятся к ливв. *kaptšu*, люд. *käpt’š*, *käpt’še* ‘птичья лапа, лапа’, разделяя на прибалтийско-финской почве *kärrä* ‘лапа’ и *käpsä* ‘заячья лапка’ [SKES: 260–261].

По-видимому, контаминированный характер формы представлен в словах: **капки** ‘нижние части ног у домашних животных’, отмечающийся в Вытегорском р-не (Андомы) и в Пудожском (Каршево, Пога, Авдеево); **копки** в том же значении, бытующем в Пудожском р-не (Авдеево, Каршево, Гакукса). Севернее, в н. п. Пяльма Пудожского р-на уже бытует **капечи**, северо-западней — **кяпечи**; а юго-западней — **кабы**, при одном и том же значении.

КОЙБЫ

Слово **койбы** ‘женские бедра’ имеет всего одну фиксацию в Подпорожском р-не (Шеменичи); это переносное значение. Более широкое распространение, но в основном, в архангельских говорах, имеет слово **койба** ‘кожа, шкура с ног животного’, отмеченное Далем, Подвысоцким, а также производные от него — **койбеницы**, **койбенки** ‘оленьи рукавицы шерстью наружу’, представленные Далем, и **койбенцы**, **койбенки** в том же значении, отмеченные Подвысоцким. Даль приводит помету «лопарское», что, по-видимому, дает возможность судить, что он возводил приведенный материал к саамским источни-

кам. Калима и SKES отвергают гипотезу Даля, поскольку из прибалтийско-финских языков это слово вошло в балтийские — латыш. *kuīb* ‘кожа на ногах тюленя, собаки’, литов. *kuibina* ‘подошвенная кожа’. В саамский язык, ср. саам. *kaipa*, *goaiba* ‘шкура волка’ эта единица пришла, по мнению Калимы и авторов SKES, из финского языка. Калима полагает, что русское слово в данном случае является карельским заимствованием — кар. *koibi* [Kalima 1915: 122]; ср. также данные в SKES: люд. *koib* ‘шкура с ног медведя, лося, коровы’, ливв. *kuoiba* ‘кожа с конечностей тюленя’.

В нашем случае зафиксировано переносное значение ‘женские бедра’, которое имеет соответствующее хождение, например, в фин. *koiri* ‘нога животного’, а в просторечии ‘нога человека’. Отмеченное в Шеменичах Подпорожского р-на слово **койбинцы** ‘рукавицы’, из-за его изолированного распространения, довольно трудно классифицировать как автохтонное слово, в архангельских говорах оно имеет широкую дистрибуцию.

КЯРБА, КЯРЬБА, КЕРБА

Кярба ‘свора собак во время течки’ отмечается в Подпорожском р-не (Заозерье, Яндеба, Ульино, Пидьма), в Прионежском (Педасельга), в Вытегорском (Ошта); по данным КСРГК данная лексема бытует в Киришском р-не. Вариант **кярьба** зафиксирован в н. п. Ладва Прионежского р-на.

Керба ‘время течки у медведей’ по данным КСРГК зафиксировано в Кондопожском р-не.

Словарь Куликовского отмечает слово **кярба** ‘стая собак во время течки’ в Пудожском уезде. Лесков выделяет вариант **кярба** с тем же значением без точной географической фиксации. Калима считает, что это заимствование

можно отнести к южнокарельскому, олонецкому (ливв.) или вепсскому влиянию — кар. *kärpi* ‘течка у животных’, фин. *kärpä* с тем же значением [Kalima 1915: 146]. Однако, у Калимы отсутствует вепсский материал, который имеется в настоящее время — вепс. *kärb* ‘состояние точки, охота, гон — у некоторых животных’. Ареальное распространение данных лексем — Вытегорский, Подпорожский, Прионежский р-ны, а также частично Кондопожский р-н, что подтверждает идею вепсской природы данного материала.

КЯРЗА, КЯРЗЯ

Данные варианты отмечаются в основном в значении ‘морда животного’, но могут также употребляться в переносном значении ‘морда, рыло — о лице человека’. Вариант **кярза** отмечается в Подпорожском р-не (Ульино, Пидьма, Шеменичи, Заозерье, Яндеба), в Вытегорском р-не (Мегра, Ошта), в Прионежском (Ладва). В н. п. Шустручей Подвысоцкого р-на **кярза** бытует в значении ‘несговорчивый, неуживчивый человек’. Вариант **кярзя** имеет узкое хождение в Подпорожском р-не (Курпово, Корба).

В словаре Куликовского зафиксированы оба варианта **кярза**, **кярзя** ‘морда животного’ в Лодейнопольском и Вытегорском уездах, а также по течению р. Свири. Калима вслед за Лесковым, Погодиным полагает, что в данном случае заимствование из ливв. *kärzä* или чухон. *kärz*, при фин. *kärsä* [Kalima 1915: 146; Погодин 1904: 38; Лесков 1892: 100]. SKES, по-видимому основываясь на том, что данное слово широко распространено в прибалтийско-финских языках, ср. кар. *kärsä*, люд. *kärz*, эст. *kärs*, вепс. *kärz* в значении ‘морда, рыло’, говорит о заимствовании из прибалтийско-финских языков в русские диалекты [SKES: 262].

На наш взгляд, дистрибуция данного слова на территории вепсского языкового влияния позволяет говорить о вепсском заимствовании, причем анализируемые слова ограничены в своем распространении юго-западной частью Прионежья (Подпорожский, Вытегорский, Прионежский р-ны).

ПАГМА, ПАГНА, ПАДМА

Пагма ‘медвежья берлога’ зафиксировано в Прионежском р-не (Лехнаволок), а также в Лодейнопольском р-не (Ефремково). **Падма** в этом же значении отмечается в Кондопожском р-не (Кулмукса). **Пагна** ‘захлавленная кровать; неубранная постель’ бытует в Лодейнопольском р-не (Красный Бор); данное значение является переносным, но преобладающим в данном населенном пункте по КСРГК, где также зафиксировано и первичное значение ‘медвежья берлога’.

Куликовский в словаре представляет два варианта: **пагна** в Вытегорском уезде и **пагма** в Петрозаводском уезде в значении ‘медвежья берлога, логово хищного зверя’.

Калима возводит данные варианты к кар. *rahna* ‘место, где спят собаки, коровы, медведи’, ‘свиной хлев’ [Kalima 1915: 177–178]. В SKES широко представлены материалы, бытующие в прибалтийско-финских языках — фин. *rahna* ‘куча соломы’, ‘место для спанья на соломе’; эст. южн. *raht* ‘помещение для свиньи’, ‘хлев’; люд. *rahn* ‘медвежья берлога или барсучья нора’; ливв. *rahni* ‘свиной хлев’ [SKES: 457].

СВЯ отмечает два значения — *rahn* ‘подстилка, солома для свиньи’, *rahnad* ‘посещение роженицы’. По-видимому, анализируемое заимствование восходит к кар. *rahna*, люд. *rahn*, а вариант с [м] возник уже на основе

русских говоров в связи с неясной внутренней формой. Анализируемая лексика фиксируется спорадически и сузила свой ареал по сравнению с прошлым веком, в южном Прионежье зафиксировать данное заимствование не удалось.

ТУРБА, ТЮРБА, ТЮРЬБА

Приведенные варианты отмечаются в значении 'морда животного'. Вариант **турба** — в Пудожском р-не (Нигижма, Черново, Каршево), в Прионежском (Вороново, Суйсарь), в Кондопожском (Тулгуба, Гангозеро), в Медвежьегорском (Белохино). Вариант **тюрба** зафиксирован в Медвежьегорском р-не (Великая Губа, Узкие, Шуньга, Вырозеро, Загубье, Петры, Палтега, Космозеро, Кузаранда, Пяльма, Черкасы), в Кондопожском р-не (Диановы Горы, Тулгуба, Ладмозеро), в Пудожском (Бураково, Гакукса), в Прионежском (Педасельга). В н. п. Лижма Кондопожского р-на бытует также дериват **тюрбочка**. Вариант **тюрьба** распространен в Медвежьегорском р-не (Челмужи, Великая Губа, Кефтеницы, Есино, Кажма, Узкие, Шуньга, Ламбасручей, Лонгасы, Сенная Губа), в Пудожском р-не (Авдеево, Песчаное, Римское), в Кондопожском (Лижма).

В источниках прошлого века представлен следующий материал. В Опыте — **турба** 'морда лошади' в Архангельской губернии; у Подвысоцкого — **турба** 'морда у кошки и собаки' в Кемском уезде; в словаре Куликовского отмечен вариант **тюрба** 'морда, рыло у животного' в Петрозаводском уезде. Подвысоцкий записал также слово **турба** 'морда, рыло, в насмешку говорят о человеческом лице' в Поморье.

Калима возводит данное заимствование к кар. *turpa* 'морда, рыло', тогда как Веске, Погодин к фин. *turpa*.

Причем Калима сюда же относит лексемы **тóрба**, **тóрбалка**, **тóрбало**, отмеченные в словаре Куликовского, но указывает на возможную контаминацию с рус. **торба** 'мешок, сума, подвешиваемая к морде лошади' [Веске 1890: 111; Погодин 1904: 61; Kalima 1915: 228]. По-видимому, приведенные Куликовским лексемы в значении 'морда, рыло' обязаны своей семантикой карельскому языковому влиянию, а форма **торба** появляется в связи с синонимическим притяжением, т. е. наиболее частотная форма видоизменяет менее частотную. Недаром эти варианты были обнаружены Куликовским в Пудожском уезде, где прибалтийско-финское влияние проявляется только на субстратном уровне. В ареалах, где совмещается субстратно-адстратное взаимодействие в русских говорах поддерживается форма, близкая к этимону.

Анализируемые варианты распространены в основном в Заонежье и в прилегающих к нему р-нах, причем вариант **турба** практически отсутствует в Заонежье, преобладая в Пудожском р-не, частично в Кондопожском и Прионежском р-нах. Варианты **тюрба**, **тюрьба** распространены преимущественно в Заонежье.

УЛАЙДАТЬ, УЛАНДАТЬ

Приведенные выше варианты имеют значение 'выть о волке, собаке', а также 'громко протяжно петь'. Вариант **улайдать** распространен в Медвежьегорском р-не (Кефтеницы, Челмужи, Шуньга, Великая Губа, Ламбасручей, Толвуя, Загубье, Великая Нива, Космозеро, Палтега, Шильтя), в Пудожском р-не (Пяльма, Песчаное), в Кондопожском р-не (Тулгуба, Новинка), в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора), в Прионежском р-не (Заозерье). Вариант **уландать** отмечен в Вытегорском р-не (Щекино, Ковжа, Андома, Ошта, Мегра, Казаково), в

Подпорожском р-не (Согиницы, Родионово, Важины, Шеменичи, Корба, Усланка, Курпово, Юксовичи, Шустручей, Яндеба, Пидьма), в Прионежском р-не (Суйсарь, Машезеро, Педасельга, Ладва), в Пудожском р-не (Каршево, Гакукса). На смежной территории вариант **улайдать** зафиксирован в Кемском р-не, вариант **уландать** — в Белозерском и Череповецком р-нах.

Были отмечены дериваты **улайдун** ‘плаксивый ребенок’ в н. п. Кефтеницы Медвежьегорского р-на; **уланданьё** ‘вой волка’ в н. п. Девятины Вытегорского р-на. По данным ПЛГО удалось зафиксировать смешанные ареалы, где одновременно распространены варианты на *-айда-* и *-анда-*, это н. п. Авдеево Пудожского р-на; и в Кондопожском р-не (Гангозеро, Кулмуksа, Новинка, Лижма).

В словаре Куликовского представлены два варианта — **уландать** — в Вытегорском, Лодейнопольском, Петрозаводском уездах; **улайдать** в Петрозаводском, Повенецком уездах. Калима, ориентируясь на материалы Сетяля, делает вывод о вепсском заимствовании — вепс. *ulaidab* ‘плачет’ (3 л. ед. ч.). Авторы SKES говорят об ономотопэтической природе данного слова и поэтому не столь категоричны в определении этимона. Они предполагают карельско-вепсскую этимологию. SKES отмечает также, что слово *ulaita* ‘выть’ широко представлено в восточнофинских диалектах, а также в кар. *ulata*, ливв. *ulišta* [SKES: 1528–1529]. На наш взгляд, в силу смежности ареала и схожести формы больше оснований считать убедительной вепсскую гипотезу Калимы.

Следует отметить, что вариант *-айда-* представлен в основном в Заонежье и в прилегающих к нему р-нах: в Сегежском, Медвежьегорском, восточной части Кондопожского, в северной части Прионежского, в северной части Пудожского р-на. Вариант на *-анда-* бытует пре-

имущественно в южной части Прионежского, в Подпорожском, Вытегорском, южной части Пудожского р-на, а на смежной территории в говорах Белозерского и Череповецкого р-нов, которые также характеризуются как зона вепсского влияния. Отмечаются смешанные ареалы или зоны вибрации — в Кондопожском и в Пудожском р-нах, где фиксируются глаголы как на *-айда-*, так и на *-анда-*.

Наименования рыб и частей их тела

Данная тематическая группа довольно обширна по количеству лексем и насчитывает около 100 слов и вариантов. Кроме приводимых выше источников при сборе материала были использованы: для рыб, общенародные названия которых широко известны, латинская номенклатура не давалась, но она использовалась при наименованиях рыб менее распространенных.

АГИВИ́Н

Агивин ‘окунь’ по данным КСРГК отмечен в населенных пунктах Медвежьегорского р-на. Герд приводит форму **áхвен** с тем же значением в Медвежьегорском и Прионежском р-нах, сравнивая с кар. *ahven*, ливв. *ahven'*, люд., вепс. *ahven* ‘окунь’ [Герд 1988: 7]. На смежной территории зафиксированы форма **áшвин** с тем же значением в Каргопольском р-не (Ершово): — Окуня у нас **ашвином** зовут. С другим ударением **áгивин** отмечено по данным КСРГК в Пудожском р-не: Вчера такого **агивина** вытащил. Ср. также [СРГК 1: 17].

По данным ПЛГО данное слово зафиксировать нигде не удалось, а так как семантика слова **агивин** тожде-

ственна исконному слову *окунь* и в силу единичности фиксаций, вряд ли здесь мы имеем дело с заимствованием, скорее всего это или своего рода иноязычное вкрапление, или данное слово было зафиксировано в речи недавно обрусевших карел.

ВАСИЛЬ

Лексема **василь** ‘мелкий окунь’ фиксируется в Подпожском р-не [СРГК 2: 164]. Вероятно, ее не следует рассматривать на исконной почве. Возможно она связана с **вашкал** ‘мелкая рыба’ (Вашкинский р-н), **вашкалок** (Вашкинский р-н: На Вашкозере **вашкалок** хорошо ловится), **вашка** (Белозерский р-н) [см. СРГК 1: 166].

В отношении лексемы **вашкал** можно предположить, что ее, вероятно, следует связывать с саам. *vuosk, vuosko* ‘окунь’ [KOLTKS: 796].

ГАЛÉЯ, ГАЛÉЙКА

Галéя, галéйка ‘мелкая селедка’ по данным КСРГК отмечено в Кондопожском р-не. Основное распространение этого заимствования в говорах кольских поморов и в Беломорье. По КСРГК отмечено **гáллий, галий** ‘сельдь’ в н. п. Умба, Оленица Терского р-на. В словаре Меркурьева зафиксировано **гáлий, гáллий, гáлей** в том же значении в окрестностях г. Кандалакша.

Первая фиксация анализируемого слова в Опыте — **гальдья** ‘*Clupea sardina*, сельдь средней величины из водящихся в Белом море’ (Арх., Ржев. Твер.), отмечается при этом финский этимон *haili* ‘салака’. Даль приводит несколько вариантов: **галадья** с тем же значением, **гальдья, голодья** ‘беломорская сельдь’, **гáлей** ‘мелкая рыба без икры (о сельди)’ в Кемском уезде. В сло-

варе Подвысоцкого кроме повторения материалов Даля дается также **гáлья** ‘соленая сельдь’ (поморское), **галлэя** ‘сельдь, водящаяся у берегов Кольского полуострова’.

Калима возводит данное заимствование к фин. *halle* ‘сельдь’ [Kalima 1915: 90]. В SKES приводятся различные варианты, частично объясняющие подобную вариантность в русских говорах, фин. диал. *haila, haala, haali, haula, haulakala* ‘свежая салака’, при водск. *aili* ‘салака’ [SKES: 48].

Формы **голодья, галадья**, по-видимому, могут быть более старыми заимствованиями, получившими развитие формы по полногласному типу.

ГАРЬЮС

Гáрьюс ‘рыба хариус’. Данное заимствование в иной форме **хариус** вошло в литературный язык и в настоящее время постепенно занимает в говорах преобладающее положение. Старая форма **гайрус** сохраняется в речи старшего поколения. **Гáйрус** ‘рыба хариус’ зафиксирована по данным ПЛГО и КСРГК в Медвежьегорском р-не (Великая Нива, Ламбасручей, Космозеро, Шильтя, Сенная Губа, Шуньга, Толвуя, Великая Губа, Черкасы, Федотово, Черный Наволок, Челмужи, Кузаранда, Загубье), в Кондопожском р-не (Гангозеро, Новинка, Лижма, Кулмукса, Тулгуба), в Пудожском р-не (Пяльма, Песчаное, Гакукса, Каршево, Кривцы), в Подпорожском р-не (Курпово, Согиницы, Шустручей, Яндеба, Усланка, Ульино, Пидьма, Юксовичи), в Прионежском р-не (Суйсарь, Педасельга, Ладва, Вороново, Кончезеро), в Вытегорском р-не (Коштуги, Ошта). Фонетический вариант **гáриус** отмечен на той же территории в н. п. Кривцы, Песчаное Пудожского р-на, в н. п. Черный Наволок Медвежьегорского р-на, в н. п. Кончезеро, Вороново Прионежского р-на. Герд также

выделяет этот вариант на Водлозере, Ладожском озере, Ильмене, Волхове [Герд 1988: 11]. В н.п. Падма отмечен вариант **гáльюс** (Медвежьегорский р-н); в н.п. Федотово бытует вариант **гáрьгус** (тот же район); в н.п. Красный Бор зафиксирован вариант **гáрьюс** (Лодейнопольский р-н), такой же вариант **гарьюс** отмечен Аванесовым [Аванесов 1949: 254] и Гердом [Герд 1975: 191]. Последний относит это заимствование к словам, связывающим бассейн р. Оять и Заонежье. В Прионежском р-не по данным КСРГК зафиксирован вариант **гáрьгюс**. В СРНГ дано слово **гарюста́** в Вознесенье ныне Подпорожского р-на (1930). В Медвежьегорском р-не (Габнаволок, Шустиковская) отмечен диминутив **гарьюсо́к**.

В Опыте отмечено **гáрьюга** ‘особенный вид маленькой плотвы, имеющей летом и весной чрезвычайно горький вкус’ (Осташк. Твер.). В Трудах любителей российской словесности [1820: XX] дается **гáрьюга** ‘мелкая рыба’ (Осташк. Твер.), а затем в СРНГ с пометой Новг. В словаре Подвысоцкого представлены несколько вариантов **гáрвиз**, **гáрьюз**, **хáрьюс** ‘рыба *Salmo thymalus*’ в Онежском, Кемском, Холмогорском, Пинежском уездах. В словаре Куликовского отмечены **гáйрус**, **хáрьюс** в Пудожском уезде. У Даля имеется также несколько вариантов **хáйрус** (Сиб.), **гáрвиз**, **гáрьюз**, **гáриус**, **хáриус** (Арх., Оренб.). Форма **хариус** в настоящее время вместе с вариантом **хáрьюс** распространена практически по всему Северо-Западу. В Каргопольском р-не отмечен вариант **хардюс**; в Бокситогорском р-не зафиксирован вариант **хáрьюза**. В Каргопольском р-не отмечены также **харузы́**, **хару́зье**, в Тихвинском — **хáрус**.

Шегрен, Погодин, Калима полагали, что здесь заимствование из фин. *harjus* ‘хариус’ [Шегрен 1854: 148; Погодин 1904: 64; Калима 1915: 237]. Кроме финского языка соответствующие слова имеются в вепс. *har'g'us*,

har'ig'us, в люд. *hard'us*, кар. *harjuš*. Авторы SKES считают, что в прибалтийско-финские языки это слово пришло из др.-сканд. **harriuz*, при норв. *harr* [SKES: 8]. Ср. также англ. *herring* 'селедка'.

Герд полагает, что вариативность заимствования в русских говорах Урала и Сибири — «следствие поздних переселений северноруссов за Урал. . . устойчивость и локальная привязанность форм с начальным [г] типа **гарвиз, гариус, гарьюз**, в частности к Северной Двине, Онеге, Пинеге также свидетельствует о том, что формы этого типа не восходят ни к кар. *harjus*, ни к вепс. *hard'us, harg'us*. У них был, по-видимому, свой иной субстратный источник» [Герд 1988: 11].

На наш взгляд, что касается начального [г], то здесь, по-видимому, результат вепсского влияния. Еще П. Успенский указывал, что звук, который он обозначил [г], произносится средне между [г] и [х] [Успенский 1913: 4]. М. И. Зайцева характеризует звук [γ] как щелевой звонкий, ларингальный твёрдый в составе согласных фонем вепсского языка [Зайцева 1981: 24]. А расселение вепсов в Заволочье могло способствовать распространению формы с начальным [г] [см. Пименов 1965]. Карельский вариант [h] как раз и послужили источником слов с начальным [х], их география (север и северо-восток Обонежья) подтверждает эту гипотезу.

КИВЬЯ́ГА, КИВЯ́ГА, КИ́ВРА

Приводимые слова по данным ПЛГО отмечены в единственном значении 'рыба подкаменщик *Gottus gobio*'. Все они зафиксированы в н. п. Ладва Прионежского р-на. По-видимому, исходя из семантики, мотивируется кар., фин., вепс. *kivi* 'камень', т. е. рыба, живущая под камнями. Со сходной мотивацией предлагает Пушкарев слово **киве-**

ручи и **кивуручи** с тем же значением; Сабанеев фиксирует на Онежском озере **кйвельйк**. Фасмер полагает, что первое слово восходит к ливв. *kiviručši*. Лексему **кивелик** отмечают в н.п. Ялгуба ныне Прионежского р-на Пушкирев и Герд. Калима приводит для слова **киверу-чи** фин. *kivikala*, так же как и ранее Пушкирев [Kalima 1915: 115–116], причем, на наш взгляд, и вепсский материал соотносится с русским словом — вепс. *kivikil'č* 'рыба подкаменщик'. ККС фиксирует лексему *kivikurtša* 'рыба голец' на Ведлозере [ККС 2: 240], но русское соответствие ни по КСРГК, ни по ПЛГО зафиксировать не удалось. Вариант **кивра**, по-видимому, можно отнести на счет мены сонорных.

КИЧУ́ГА

Кичу́га 'икра налима в виде клубка в сетке' отмечено в н.п. Есино Медвежьегорского р-на. на наш взгляд, эту лексему можно возвести к вепс. *käc*, *käčak* 'пучок, клубок, моток, комок'. Возможно, сюда же относятся **кэхтач** 'икра окуня' у Куликовского. Неясно **ця́па** 'внутренности у рыбы' в н.п. Заозерье Пудожского р-на.

КО́РБА

Ко́рба, ко́рбица 'рыба елец' собственно заимствованное слово и дериват от заимствованной производящей основы по данным ПЛГО имеют достаточно дифференцированные ареалы. Слово **корба** распространено в основном в западной части Заонежья включая Медвежьегорский р-н (Великая Губа, Ламбасручей, Палтега, Пабережье); н.п. Суйсарь Прионежского р-на и смежного с Медвежьегорским р-ном н.п. Колгостров Кондопожского р-на. Производная **корбица** распространена в основном в восточ-

ной части Заонежья, на восточном побережье Онежского озера, а также в юго-восточной части Прионежья в н. п. Загубье, Шильтя, Шуньга, Кузаранда Медвежьегорского р-на; в н. п. Песчаное, Пяльма Пудожского р-на; в н. п. Андома Вытегорского р-на; и в резко очерченном микроареале в н. п. Ошта Вытегорского р-на и н. п. Шустручей Подпорожского р-на. Подобное ареальное дифференцированное распространение этих слов неплохо накладывается на классификацию говоров Заонежья, предложенную А. А. Шахматовым (см. «Введение»).

В нескольких н. п. употребляется как исходная, так и производная форма: **корба**, **корбица** в н. п. Великая Нива Медвежьегорского р-на; в н. п. Римское Пудожского р-на и в соседнем с ним н. п. Челмужи Медвежьегорского р-на.

По СРНГ первая фиксация слова **кóрба** приводится за 1892 г. (Петрозав. Олон.), а **кóрбица** в словаре Куликовского.

Кроме приведенных выше форм по данным КСРГК отмечены также производные **корбига** в н. п. Кушаково Пудожского р-на и **корбижина** в н. п. Киково того же р-на.

Герд приводит многочисленные варианты данного заимствования, зафиксированные им в основном на Онежском и Ладожском озерах, реках Свирь, Волхов, через последнюю это заимствование попало на озеро Ильмень: **корбус**, **корбица**, **корбук**, **корбукс**, **корбукса**, **корбука**, **корбусик**, **корбусина**, **корбусок**, **корбушка**. По мнению Герда, «такие слова как **корбица**, **корбусик**, **корбусина**, **корбусок**, **корбушка** представляют уже собственно восточнославянские новообразования от заимствованной производной основы» [Герд 1988: 3].

По данным ПЛГО отмечено только два варианта — **кóрбус** в Прионежском р-не (Вороново) и **кóрбукса** здесь

же. На смежной территории — в Лодейнопольском р-не (Надпорожье, Ефремково, Красный Бор) — вариант **кóрбус** представлен более широко. Герд относит эту лексему к словам, связывающим бассейн реки Оять и Заонежье [Герд 1988: 192]. Сабанеев фиксирует лексему **корбушка** в Олонецкой губернии, СРНГ дополняет ареал распространения ее Онежским и Ладожским озерами, реками Свирь и Волхов.

Калима возводит данное заимствование к ливв. *korbiainen*, фин. *korpu*, *korpus* (ген. *korpuksen*) и объясняет разнообразие форм в русских говорах соответствующей вариативностью в карельско-финских диалектах. Но он не связывает формы на *-кс* с вепсским переобразованием заимствованных лексем [Kalima 1915: 128–129]. Герд рассматривает данный материал как «исключительно карельско-олонецкий языковой тип» [Герд 1988: 9].

Из материалов SKES видно, что в прибалтийско-финских языках данный тип известен только в финском языке и в людиковском и в ливвиковском диалектах карельского языка, ср. фин. *korpiainen*, ливв. *korbiainen*, люд. *korbijaine* ‘вид плотвы’ [SKES: 219–220], при отсутствии финского слова в SSAP, что ставит под сомнение исконность слова на прибалтийско-финской почве. Вполне вероятно связь со словом **карп**, которое отмечено в материалах Срезневского и на восточнославянской почве получило форму **короб**. Преображенский относит лексему **карп** к общеиндоевропейским словам. Шанский настаивает на заимствовании из французского; А. Доза [Douzat: 1938] говорит, что это заимствование из вестготского языка. Вполне возможно, что в финский язык и карельские диалекты слово попало из германского источника.

Несколько слов по форме отличаются от приведенной выше лексики, и затруднительно говорить об их этимо-

логии: **коробьяга** ‘рыба’ (Прионежский р-н); **карабьяга**, здесь же; **коробьяга** (Кондопожский р-н); **коробьяжина** (Прионежский р-н).

КОРЕХА, КОРЕХ

Коре́ха, ко́рех ‘рыба корюшка’. По данным ПЛГО вариант **кореха** отмечен в Медвежьегорском р-не (Фомино, Габнаволок, Федотово, Космозеро, Толвуя, Великая Губа, Ламбасручей, Загубье); в Пудожском р-не (Колгостров, Шала, Каршево, Пяльма, Римское); в Кондопожском р-не (Новинка, Кулмукса, Лижма); в Прионежском р-не (Суйсарь, Лехнаволок); в Вытегорском р-не (Андома, Казаково); в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора).

Вариант **корех** отмечен в н. п. Колгостров Пудожского р-на, а также на смежной территории в Онежском, Вытегорском, Кемском, Каргопольском, Терском р-нах и в окрестностях г. Кандалакши. В ряде мест бытует дериват **ко́решка**, отмеченный в Медвежьегорском р-не (Великая Нива, Челмужи, Сенная Губа), в Пудожском р-не (Римское, Колгостров), в Подпорожском р-не (Усланка); на смежной территории слово **корешка** отмечается в Онежском р-не.

Лексема **ко́реха**, по данным Шмелева, известна с 1673 г. В книге Озерецковского в описании Тудозера Вытегорского уезда фиксируется уже дериват **корюшка**: «В сем озере весною ловятся судаки, лещи, ерши и **корюшка**» [Озерецковский 1792: 186]. В словаре Куликовского — **ко́реха** ‘рыба корюшка *Osmerus eperlanus L.*’ в Петрозаводском уезде.

Даль дает варианты **ко́рюха, ко́рюшка** ‘небольшая рыба *Osmerus eperlanomarinus L.*’ в вологодских говорах. В словаре Подвысоцкого повсеместно представлены **ко́рюха, ко́решок**. В словаре Меркурьева зафиксирова-

ны **кóрех**, **кóрюх** 'корюшка' в Терском р-не и в окрестностях г. Кандалакша. В СРНГ отмечено также **кóряха** в Холмогорском уезде Архангельской губернии. Калима полагает, что в данном случае заимствование из ливв. *kuoreh*, вепс. *koreh* 'корюшка' [Kalima 1915: 130], вариант **корюшка** получил распространение благодаря гоголевскому «Ревизору». О распространении варианта **корюшка** через литературный язык говорит его бытование восточнее анализируемого региона и практическое отсутствие в Обонежье. Производные в обследуемом регионе также образованы от варианта **корех**, **кореха**, например: **кóрешек** в Кемском р-не; **корешйна** в н. п. Губа, Римское Пудожского р-на; **кóрешник** 'пирог с корюшкой' в Пудожском, Прионежском р-нах; **корешók** 'корюшка' по СРНГ отмечено в Холмогорском, Беломорском р-нах; **корéшница** 'сеть для ловли корюшки' в Плесецком р-нах. Отмечены также относительные прилагательные **кóреший** в Онежском р-не, **кóрешный** в Вытегорском. Форма **кóрюха** по СРНГ зафиксирована на р. Волхове, оз. Ильмене, Ладожском озере, на Севере России в Иркутской и Вологодской губерниях; **кóрюх** 'корюшка' (Холмогор. Арх., Белое море); **кóрюшок** 'лосось' (Печор., 1971). У Сабанеева дается **кóрюшник** 'сиг-песочник' на Онежском озере; в СРНГ — **корюшница** 'уха из корюшки' на Ладожском озере. Отмечены также относительные прилагательные **корюшный** (Осташк. Калинин., 1946), **кóрюшный** на Онежском озере, **кóрюховый** — в словаре Меркурьева.

Принимая этимологию Калимы, следует заметить, что настораживает практическое отсутствие анализируемого слова в Подпорожском р-не, где языковая ситуация обязана своими особенностями вепсскому адстратно-субстратному влиянию, при наличии данного заимствования в остальных р-нах Обонежья.

Герд слова **корех**, **кореха**, **корюха** относит к лексике, которая известна на Белом море, в Пудожье, Онежском и Ладожском озерах. Соглашаясь с этимологией Калимы, он подчеркивает, что слово **корех** проникло в древние новгородские диалекты в южном Приладожье и позднее было занесено на Север [Герд 1988: 10].

КОСЯК

Слово **косяк** 'небольшая рыбка, обитающая под камнями в реках' отмечается в н. п. Ошта Вытегорского р-на. В этом же населенном пункте **косяк** имеет наименование для мальчиков, мужчин очень маленького роста. В SKES *kossi* 'маленький мальчик, невысокий мужчина', 'маленький лосось, форель'; по мнению авторов SKES, в финский язык это слово пришло из норвежского *gosse* 'мальчик' [SKES: 223].

КУЖАР

Кужар 'небольшой налим' по данным ПЛГО отмечено в н. п. Каршево Пудожского р-на. Первая фиксация данного слова у Озерецковского: «Маленькие (налимы) называются там (на р. Водле) **кужары**». [Озерецковский 1792: 184]. В словаре Куликовского — 'налим' в Пудожском уезде; в КСРНГ отмечено значение 'большой налим' в Андомской волости Вытегорского уезда. Герд отмечает также производное **кужарик** 'маленький налим' (р. Водла, Водлозеро). Он полагает, что «учитывая узколокальный характер русского слова, предположение о связях с мари́йским неверно». В мари́ отмечаются *куж*, *куш* 'щука'. Источник, по мнению Герда, следует искать в карельских или вепсских диалектах. Он подчеркивает, что «большинство русских слов, обнаруживающих абсолютно точные

параллели с карельско-олонецким, зафиксированы в Прионежье и Заонежье» [Герд 1988: 8].

В данном случае вопрос выявления этимона довольно труден, не ясно, имеет ли отношение к анализируемой лексеме прибалтийско-финское *kusiainen* ‘муравей’, ср. также вепс. *kužiaine*, а анализируемое слово могло стать результатом метафорического переноса исходя из незначительности размеров. Финаль *-ap*, по-видимому, может быть суффиксом, присоединившимся к основе на русской почве.

КУ́КША

Ку́кша ‘рыбьи внутренности’ отмечено по данным ПЛГО в н. п. Теробовская, Шала Пудожского р-на. Первая фиксация в словаре Даля — **ку́кша** ‘рыбьи потроха’ в Олонецкой губернии; у Куликовского дано **ку́кша** ‘зоб налима’ в Пудожском р-не. По КСРНГ отмечено **кукша** ‘рыбьи внутренности’ в Вытегорском уезде: — Брось **кукшу** котяткам.

Калима полагает, что это заимствование из фин. *kipsu* ‘рыбий пузырь’ [Kalima 1915: 140]. Кроме финского языка это слово имеет соответствие в эст. *kops*, водск. *kopsed*, а также в манси *kāpš*. По мнению Калимы, сюда же относится вариант **пўтка** с тем же значением. **Путка** ‘рыбий желудок’ отмечено в Терском р-не (КСРГК, Словарь Меркурьева). Этот вариант имеет значительное число фиксаций. По источникам XIX века: Опыт — **путки** ‘вареные рыбьи внутренности’ (Арх.); словарь Подвысоцкого — **путка**, **путки** ‘кушанье из вареных рыбьих внутренностей’ (у лопарей), кольское. Отмечено это слово также у Дурова — **пўтки** ‘внутренности сига, семги и всякой другой рыбы; горловина и желудок рыбы’; дает анализируемое заимствование и Федоров в своих материалах:

путки ‘вареные рыбы внутренности’ (Беломорье). Вероятно, варианты **путка**, **путки** следует рассматривать как результат метатезы на русской почве.

В настоящее время данное слово находится на периферии языкового сознания, а его изолированное распространение, в отличие от более широкого бытования ранее, свидетельствует о его неустойчивом положении в лексической системе говоров.

КЎМЖА

Данное слово в значении ‘рыба семейства лососевых’ зафиксировано в Кондопожском р-не (Кулмукса), в Медвежьегорском р-не (Космозеро). У Даля представлено два варианта **кўмжа**, **кўнжа** ‘рыба *Salmo trutta*, *cundscha* лососная форель, крошица’, с фиксацией в Архангельской губернии. В словаре Подвысоцкого дается **кўмжа** ‘таймень’. В словаре Куликовского имеются два варианта: **кумжа** ‘лосось пеструшка’ — по реке Онеге; и **кунжа** ‘лох семги’ в Пудожском уезде. Сабанеев отмечает лексему **кунджа** ‘лосось’.

Пушкарев [Пушкарев 1902: 160] отмечает, что тайменя онежские рыбаки называют словом **кўмжа** и вообще в северной полосе Европейской России. Однако таймень смешивается с форелью и называется **торпою** (см.).

По мнению Калимы русская форма **кумжа** заимствована из южно-карельской **kumži*, при фин. *kumsi*. В саамских диалектах имеются исконные соответствия — *giwža*, *gивče* и форма, заимствованная из фин. *komš* [Калима 1915: 142].

ЛОПАРЬ

Данное заимствование отмечено в исследованном регионе в нескольких значениях. **Лóпарь** ‘бычок-подкаменщик *Gottus gobio L.*’ распространено в н. п. Кефтеницы, Шуньга, Падмозеро, Сенная Губа, Космозеро, Шильтя, Великая Нива Медвежьегорского р-на. В этом же значении, но с другим ударением это заимствование отмечено в н. п. Лодмозеро Кондопожского р-на — **лопáрь**. В ряде населенных пунктов Медвежьегорского р-на информанты не смогли найти точный русский эквивалент для этого слова — **лóпарь** ‘рыба небольших размеров’ (Черкасы, Перхино, Палтега, Черный Наволок). В двух н. п. Медвежьегорского р-на отмечено значение **лóпарь** ‘малек налима’ — Кажма, Шуньга. В Кемском р-не в КСРГК представлен вариант **лóпар** ‘рыба’.

Первая фиксация данной лексемы в словаре Куликовского — **лопáрь** ‘бычок-подкаменщик’ в Петрозаводском уезде. У Сабанеева отмечено иное значение — **лопарь** ‘густера *Blicca bjoerkna*’ на Онежском озере.

[Пушкарев 1902: 156] фиксирует наименование **лопарь** или **голован** у онежских рыбаков в значении ‘бычок-подкаменщик.’ Георгиевский приводит слово **лóпырь** ‘густера’ (Муромля Петрозаводского уезда), Сабанеев с тем же значением, но с иной географией — река Клязьма, СРНГ — в Кировской области. В СРНГ приводится также **лóпырь** ‘вид плотвы, *Abramis bjoerkna*’ (Влад.). Калима связывает русское слово с фин. *lopperi, loppero* ‘густера’ [Kalima 1915: 155]. SKES, приводя финский материал, не уверен в направлениях заимствования [SKES: 303].

ЛОХ

Лох ‘рыба лосось, *Salmo salar L.*’ отмечено в Медвежьегорском р-не (Великая Губа, Кузаранда, Загубье); в Кондопожском р-не (Колгостров, Лижма); в Прионежском р-не (Суйсарь); в Пудожском р-не (Колово, Пяльма, Римское). На смежной территории отмечено значение **лох** ‘лосось после нереста’ в Волховском р-не. Севернее исследуемого региона зафиксировано **лох** ‘семга после нереста’ в Лоухском, Кемском, Онежском, Терском, Североморском р-нах, а также в окрестностях г. Кандалакша. В н. п. Варзуга Терского р-на отмечено значение **лох** ‘самец семги в брачном наряде’.

Первая фиксация в Опыте **лох** ‘семга осеннего лова’ (Арх.). Даль дает обширное описание — **лох** (Северн.) «рыба семга, лосось, облоховившийся по выметке икры: лосось для этого подымается с моря по речкам, а выметав икру идет еще выше и становится в омуте, чтобы переболеть; мясо белеет, плеск из черни переходит в серебристость, подо ртом вырастает хрящеватый крюк, вся рыба теряет в весу иногда на половину и назыв. **лохом**. В море уходит она осенью, и пролоншав (перезимовав) там, отгуливается и опять обращается в лосося. **Лоха** зовут еще: **пан, вальчак, вальчуг**».

Первая этимология представлена Веске: «Слову **лох** соответствует фин. название семги *лохи*; водск. *лыхи*; эст. *лыхи, лыхикала* (*кала* — рыба); ливск. *лаш* или *лась* ‘семга’; лопар. *луосса* ‘семга’». Допуская, что это слово в прибалтийско-финских языках неисконное, Веске утверждает, что в русские говоры данная лексема попала не из балтийских языков, а «из финской формы *лохи*» [Веске 1890: 16–17]. Калима приводит ряд соответствий: ливв. *lohi*, вепс. *lohi*, водск. *lohi*, эст. *lõhi*. Авторы SKES указывают на то, что из прибалтийско-финских языков

слово было заимствовано саамскими диалектами [SKES: 300].

Данное заимствование широко распространилось в русских говорах. В СРНГ **лох** 'лосось' отмечено в бассейне р. Нарова; в значении 'ручьевая форель *Salmo trutta L.*' на средней Волге, а также в Смоленской губернии Бельского уезде; в значении 'таймень *Hugo taimen*'; с географическими пометами Вят., Уфим., Оренб., на р. Вятка.

Отмечены также производные от этого заимствования **лоха́к** 'лосось' в словаре Добровольского в Пореченском уезде. **Лохáн** 'семга после нереста' по данным КСРГК отмечается в н. п. Умба Терского р-на. **Лохови́на** 'лосось, самка в период нереста' (Арх., Беломор., Печор.), с другим ударением **лохо́вина** с тем же значением (Перм., Урал, Север). В словаре Востокова отмечено **лохови́на** 'мясо лосося, семги низкого качества'. Еще одна производная лексема зафиксирована в Трудах МДК [МДК 10: 1930] под 1912 г. — **лоховица** 'семга' в Сольвычегодском уезде. Отмечено относительное прилагательное **лоховой** — **лоховая семга** 'семга в период нереста' в Беломорском р-не (СРНГ), а также в Терском р-не (КСРГК). В н. п. Залесье Онежского р-на отмечен вариант **лѣх** 'семга после нереста'.

Кроме того, отмечены производные с заменой последнего согласного: **лошок** 'самец лосося' (Беломор., Печор.); 'рыба гольян *Phoxinuse phixinus*' (Уфим., Сабанеев, Оренб.); 'рыба пескарь *Gobio gobio*' (Тат. АССР, р. Свияга); 'рыба форель' (Восточная Россия, Сабанеев, р. Волга, Смол., Добровольский). Зафиксированы также **лоша́лый** — **лошалая рыба, семга** (Сиб., Арх., Печор., Беломор., Север, Ленинг., Камч., Костром.); **лоша́нье** и **лоше́нье** (Помор.); **лоша́ть** — (Арх., Печор., Беломор., КАССР) по СРНГ.

Следует отметить, что в русских говорах Обонежья данное заимствование имеет семантику, тождественную семантике слова-источника в прибалтийско-финских языках. При удалении от Обонежья в любом направлении анализируемая лексема уже употребляется как специальный термин, определяющий состояние внешнего вида и качества мяса рыбы. Возможно, что семантическое тождество поддерживается адстратным влиянием современных прибалтийско-финских языков: вепс., ливв., кар. *lohi* 'лосось'.

ЛУДОГА

Следующее слово по данным ПЛГО не зафиксировано, но тем не менее стоит на нем остановиться, на наш взгляд, из-за спорной этимологии.

Лудога Петерб. 'рыба сиг' на Ладожском озере (Даль). В словаре Куликовского отмечено три варианта: **лудога** (р. Свирь, Петрозаводский уезд), «зобатый сиг, ловающийся в Онежском озере»; **лудега** или **лудера** (Заонежье) «разновидность рыбы **пальи**. Самец имеет красноватый оттенок, самка черные бока; мясо желтого (у самки почти белого цвета)». У Сабанеева отмечено **палья лудожная** или **лудная**; **лудожский сиг** дается Шахматовым. Вероятно, сюда же относится **лудыга** 'период осеннего лова рыбы'. Волхов., Ладож. Петерб., 1888 (СРНГ). Отмечены варианты с [о] в первом слоге: **лодог** «порода северной рыбы, обитающей в реке Сосьве» у Даля, у него же — **лодожина** 'мясо рыбы лодог'. В СРНГ дается **лодуга** 'вид рыбы, обитающей в Волхове' — «Есть, господа, человек доброй, живет в немецкой области под Иваном-городом в реке Нарва, по имени рыба Сиг, да другой, господа, человек доброй, живет в Новгородской области, по имени рыба **Лодуга**».

В исследуемом регионе удалось зафиксировать слова, имеющие, возможно, отношение к анализируемому гнезду: **лу́гач** ‘мелкая рыба’ в Пудожском р-не. (Здесь может быть вариант лексемы **мугач** с тем же значением). И **ёлдыга** ‘небольшой сиг’ в н. п. Пога Пудожского р-на.

Калима в качестве финского этимона приводит фин. *luotosiika*. Фасмер повторяет его материалы. Совершенно непонятно, как из финского композита могла получиться русская форма **лудога**. Более аргументированная версия у Герда, который считает, что «можно предположить, что слово **лудога** довольно широко употреблялось в прибалтийско-финских диалектах для обозначения определенного вида рыб, несколько отличного от других сигов. Ср. финск. *luutokka*, *luutokka-siika*, *luoto*». По мнению А. С. Герда из прибалтийско-финских диалектов южного Приладжья слово **лудога** проникает в соседние русские говоры. [Герд 1969: 169].

На наш взгляд, приведенные выше прибалтийско-финские формы являются заимствованием из русских говоров; это подтверждается вокализмом этих слов — *luutokka*, где долгое [uu] явно из русского; к тому же в финских словах уже утрачена мотивация, так как *luu* — в фин. имеет значение ‘кость’.

По-видимому, прав Озерецковский, который писал: «... на Ладожском озере ловят сигов около луд, потому сиги оные **лудогою** или превратно **лудошкою** называются» [Озерецковский 1792: 112]. Т. е. заимствованное слово **луда** в качестве одной производной получило наименование сига, которое было заимствовано обратно в прибалтийско-финские диалекты.

Приводимые Пушкаревым [Пушкарев 1902: 162–166] различные названия сига, в которых прилагательные служат указанием на места, где водится эта рыба, или на

качество мяса, или строение тела, на наш взгляд, подтверждают версию о русском происхождении слова **лудога**: **сиг сиголовый, сиг низовой, сиг проходной, сиг зобатый, ямный сиг, сиг песчаный, песочный, сиг паровой, челмужский сиг, меженный сиг, сиг шальский, сиг верхосвирка, сиг свирский, сиг-килец**. Пушкарев замечает, что ялгубцы говорят **кильця**, что, по-видимому, связано с вепс. *kil'č* (ср. вепс. *kil'č-n'ena* 'курносый нос'). А наименование **лудожский сиг**, (ср. также **лудожная палья**) ведет к форме **сиг-лудога**.

МАЙМА, МАЙМУ́ХА, МОЙВА, МЭЕВО

По данным ПЛГО имеются спорадические фиксации лексем **майма** 'мелкая рыба' в Пудожском р-не (Римское) и **маймуха** с тем же значением в н. п. Яндеба Подпорожского р-на.

Первая фиксация в Доп. Опыт. — **маймушка** 'мелкая рыба, костюшка' в Архангельской губернии, затем в словаре Подвысоцкого **маймуха** 'водящаяся в Онежском заливе мелкая рыба сиговой породы'. В СРНГ отмечено **маймушка** 'наживка на крупную рыбу' в Онежском р-не (Калинин). **Маймух** 'мелкая рыба' по КСРГК отмечается в Онежском р-не. Калима, имея в распоряжении только дериваты **маймуха, маймушка, маймушка**, возводит их к кар. *taima* 'наживка', вепс. *taim* 'небольшая высушенная рыба', фин. *taima* 'небольшая рыба, используемая как наживка' [Kalima 1915: 160]. Авторы SKES также считают анализируемое слово заимствованием из карельско-вепсских диалектов [SKES: 327].

Еще одно наименование мальков рыбы **мойва** 'любая мелкая рыба', отмеченное по КСРГК в н. п. Пога Пудожского р-на, трудно анализировать, так как оно вошло в литературный язык, ср. словарь Ожегова: **мойва** 'малень-

кая рыба сем. колюшек'. В этом значении данное слово употребляется в Терском, Беломорском, Онежском, Североморском р-нах, а также близ г. Кандалакша.

Первая фиксация данной лексемы в Опыте — **мойва** 'мелкая рыба, употребляемая для наживки на крючки при ловле трески' с пометой Арх. В словаре Куликовского **мойва** 'всякая рыба, недавно вышедшая из икры, еще очень мелкая' в Петрозаводском, Вытегорском, Пудожском уездах. В словаре Подвысоцкого дается **мойва** 'маленькая рыбка *Mallotus arcticus*'.

Калима резонно полагает, что данное заимствование по происхождению идентично слову **маймуха**, т. е. соотносится с фин. *maima* 'маленькая рыба, наживка'. По данным КСРГК **мойва** в н. п. Поньгома Кемского р-на и **мойвина** в Североморском р-не. Опыт дает словосочетание **мойвенный** невод с пометой Арх.; в СРНГ — **мойвенный кит** 'кит, питающийся мойвой' Мурман., 1897.

В данном случае на эндемический ареал субстратной природы накладывается дистрибуция слов, вошедших в русский литературный язык и воздействующая на лексическую систему говора, что затрудняет ареальную верификацию этимологии. По материалам КСРГК, относящимся к концу 50-х — началу 60-х годов можно увидеть, что слово **мойва** распространено в основном в поморских и кольских говорах. Исследуемый регион в данном случае представляет маргинальный ареал распространения данного слова.

Нельзя, по мнению Калимы, рассматривать отдельно от слова **мойва** лексему **меево** 'мелкая рыба, мелюзга, крупнее мальги, малявки' (Арх., Даль). У Даля также дается **меева**, **меева́** 'мелкая рыбка вроде снетков, также для наживы' (Арх., Волог.) с пометой «карельск.».

Первая фиксация данного слова в Опыте — **меева** 'мелкая рыба сем. снетков' (Волог.). По СРНГ **меева́** бы-

тует в архангельских, вологодских, печорских, северодвинских говорах, а также в говорах Усть-Цильмы Коми республики. Отмечено это слово в более современных материалах АОС: «Если ветер подует, **меевы** нету» (Пинежск., словарная статья «Ветр»), также в СРНГ: «Как сбегает на повчаса на реку, так и **меев** на уху принесет» (Верховажский р-н). «Из **меевы** уху тоже варят, если уж нет боле никакой настоящей рыбы» (Сямженский р-н); «Где мала речка, дак **меева**-то есть» (Тарногский р-н). Отмечено в СВГ также **мэево**, ср., собир. 'мальки рыб' — «Все мальки — **меево**» (Сямженский р-н).

В Трудах [МДК т. II, 1930] отмечен фонетический вариант **мэява** с иным значением 'рыба голец' в Сольвычегодском уезде за 1912 г.

В СРНГ отмечены варианты **мэва** 'мелкая рыбка, живец' (Верхне-Тоем. Арх., 1963), и **мэйва** с вопросом к значению, но из цитаты: «**Мейву** на щуку берут как червяка», — ясно, что здесь 'мелкая рыба, используемая как наживка' (Арх., Урал).

Отмечены в СРНГ производные от этого заимствования: **мэвка** 'маленькая рыба — живец' (Верхне-Тоем. Арх.); **меевка** 'мелкая рыба' (Вельск. Волог., Иваницкий); **миэвки** 'мальки' (Печор. Арх., 1927).

Не объясняемый из существующих прибалтийско-финских языков вокализм дает возможность предположить, что это заимствование — результат неизвестного субстратного языка этой группы. По нашему мнению, можно было бы также предположить вепсскую этимологию, если бы не территориальная замкнутость этого заимствования в поморских и вологодских (восточных) говорах. Например, в шимозерском диалекте вепсского языка дифтонг [ai] перешел в [ei]. В речи вепсских носителей русского языка бытует слово *мэймушки* 'любая мелкая рыба'. (*No meimuškoid toit ka iče kiita, mina ka en tartu*). (Ну такой

мелочи принес, так сам и вари, я так не притронусь). Но ввиду того, что в речи русского населения данного слова не было обнаружено, и из-за территориальной разобщенности вепсская этимология все же вызывает сомнение.

МАЙМАКАЛА, МАЙМАКАВА

Лексемы **маймакала**, **маймакава** ‘рыба сом’, отмеченные Куликовским на реке Шуе, представляют собой композит, состоящий из двух прибалтийско-финских слов. Современные материалы по данному слову отсутствуют. Герд это слово приводит как бытующее на р. Шуя, но со ссылкой на SKES [Герд 1988: 8].

Достаточно выверенную этимологию предлагает Погодин: «**Маймакала** распадается на две части: **майма** и **кала (-кава)** — ‘рыба’; (кар., фин.) — наживка на удочке. Таким образом, **маймакала** — рыба, идущая на удочку. Произошло ли здесь развитие значения на русской почве (**маймуха** первоначально то же, что **маймакала**) или заимствование значения совершилось в законченном виде, сказать трудно по отсутствию удовлетворительных словарных источников; я думаю, что первое предположение вероятнее, потому что ни в финском, ни в карельском *maima* не означает какой-нибудь породы рыб» [Погодин 1904: 42]. Калима следует за предположением Погодина [Kalima 1915: 160]. Анализируемые лексемы представляют случай, когда появление и уход слова из употребления связан с рядом экстралингвистических факторов. Рыба сом не водится в настоящее время в Онежском озере. Каким же образом данная рыба и слово появились в Обонежье? По Кесслеру [Кесслер 1869: 47] сом появился в южной половине Онежского озера примерно в 1845–1848 годах и притом совершенно случайно — разбилась животворная сойма, шедшая с Волги со стерлядью, со-

мами и другой рыбой. С той поры сомы и жили в озере несколько десятков лет, но тот же Кесслер сомневался, чтобы эта рыба удержалась в озере, так как вода, по его мнению, слишком холодна для сома. Однако Пушкарев [Пушкарев: 1902] полагает еще в начале XX века, что эта рыба в Онежском озере есть, а не ловится она от незнания рыбаками приемов лова сома. Тем не менее лексему **ма́ймакала** в ходе экспедиций зафиксировать не удалось.

МА́КСА

Анализируемое ниже заимствование распространено по всему региону и широко отмечено по всей территории вторичного заселения, связанной с севернорусскими говорами. В Обонежье оно имеет ряд местных особенностей.

Ма́кса ‘печень рыбы’ отмечено в н. п. Великая Нива, Ламбасручей, Космозеро, Шильтя, Сенная Губа, Шуньга, Толвуя, Великая Губа, Палтега, Есино, Кажма, Кефтеницы, Никонова Губа, Черный Наволок, Федотово, Пабережье, Черкасы Медвежьегорского р-на; в н. п. Гангозеро, Новинка, Лижма, Кулмукса, Тулгуба, Колгостров, Диановы Горы Кондопожского р-на. Причем в этом же р-не (Горка, Лижма) **макса** имеет также значение ‘печень рыбы и животного’. **Макса** ‘печень рыбы’ отмечено также в н. п. Валдай, Вожма Гора, Полга Сегежского р-на; в н. п. Суйсарь, Ялгуба Прионежского р-на. **Макса** ‘печень рыбы и животного’ отмечено в основном в южном Прионежье в н. п. Шустручей, Яндеба, Курпово, Усланка, Ульино, Пидьма, Шеменичи, Согиницы Подпорожского р-на; в н. п. Ошта, Казаково, Андома, Щекино Вытегорского р-на.

Частично с вариативным ударением, но с подавляю-

щим преобладанием ударения на втором слоге данное заимствование зафиксировано в Пудожском р-не (Римское, Гакукса, Каршево, Канзанаволок, Семеново, Нигижма) в основном со значением **макса́** ‘печень рыбы и животного’.

В южной части Прионежского р-на (Ладва, Педасельга) отмечено значение **ма́кса** ‘молозиво’. В восточной части Заонежья употребляется только форма **мако́ска** ‘печень у рыбы и животного’ (Песчаное, Алексеево, Пяльма) Пудожского р-на; в н. п. Вицино, Челмужи, Кузаранда Медвежьегорского р-на. Причем в н. п. Челмужи информантам известно слово **ма́кса** с ударением на первом слоге, а в близлежащих н. п. Песчаное и Пяльма Пудожского р-на бытует слово **макса́** с ударением на втором слоге. Форма **макоска**, кроме материалов ПЛГО, приводится Дуровым в значении ‘небольших размеров печень белуги’, с замечанием, что употребляется в Поморье повсеместно.

В н. п. Загубье Медвежьегорского р-на отмечено употребление **ма́ксы** (pl. tantum), ‘печень рыбы’. Такая же форма **ма́ксы**, но с более широким значением: — У каждой животины **максы** —; отмечена на смежной территории в н. п. Печеницы Лодейнопольского р-на. На смежной территории зафиксировано **ма́кса** ‘печень рыбы’ в Кемском, Каргопольском, Лодейнопольском, Терском, Онежском, Североморском р-нах, а также в окрестностях г. Кандалакша.

С ударением на втором слоге **макса́** ‘печень рыбы’ отмечено также в Кирилловском, Онежском, Каргопольском, Плесецком р-нах; такая же форма заимствования по данным КСРНГ зафиксирована в Псковской губернии (области), Новосибирской и Томской области.

С другим значением **ма́кса** ‘молоки рыбы’ отмечено в Киришском, Старорусском, Чудовском, Онежском р-нах;

с другим ударением по КСРНГ **макса́** в н. п. Владыкино Боровичского р-на (КСРНГ). Несколько фиксаций по данным КСРГК отмечают сдвиг значения **ма́кса** ‘сгусток крови’ в н. п. Гангозеро Кондопожского р-на; в н. п. Варзуга Терского р-на; с ударением на втором слоге **макса́** в н. п. Мьяльзино Медвежьегорского р-на.

Несколько спорадических фиксаций по ПЛГО дают иную форму заимствования **ма́йка** ‘печень рыбы’ в н. п. Песчаное Пудожского р-на, точно так же у Георгиевского в н. п. Муромля Петрозаводского уезда; данные ПЛГО в Прионежском р-не представили **майка́** ‘рыбья икра’ в н. п. Ладва. Первая фиксация заимствования без ударения у Бурнашева: **макса** «сибирское название рыбьего потроха, а наиболее из налима». А по данным КСРНГ с тем же значением **макса** отмечено в Иркутской губернии [Селивский 1817], в Осташковском уезде Тверской губернии [Тр. люб. рос. слов. 1820: XX], в Сибири [Авдеева 1937]. В Опыте: **ма́кса** с тем же значением с пометами Великолуц., Холм., Псков.; с иным ударением **макса́** в Архангельской, Иркутской, Тверской, Тобольской губерниях. В словаре Подвысоцкого: **ма́кса**: ‘молоки рыбы налима’ Арх. «печень морского зверя белуги — главный поискиваемый в ней продукт, из которого вытапливают жир» Помор. В словаре Куликовского — **ма́кса** ‘печень рыбы’ в Петрозаводском, Вытегорском, Пудожском уездах, на Водлозере, кроме того, ‘печень животных’.

Ма́кса ‘печень налима’ отмечено также в Иркутской области (СРНГ), в Бурятии, Красноярском крае, на Северном Урале (Матвеев), в Якутии (Чикачев).

Как заимствование из прибалтийско-финских языков это слово трактуется Шегреном, Лесковым, Погодиным, Калимой: фин. *taksa*, ливв. *taksu*, вепс. *taks*. Данное слово входит в общий финно-угорский пласт, ср. мари *tokš*, морд., эрзя *takso* [Шегрен 1854: 159; Веске 1890:

23; Лесков 1892: 101; Погодин 1904: 42; Kalima 1915: 160].

Отмеченные варианты **мокса** ‘рыбьи молоки’ Твер. (Опыт), Калинин., **макса́** ‘печень рыбы’ Псков., ‘молоки’ Псков.; **макс** ‘жир акулы’ Беломор., возможно, существуют вследствие разнообразия форм в финно-угорских языках.

Применительно к реалиям чаще всего употребляется в пищу печень налима на всем Севере России и в Сибири, а в поморских р-нах также печень трески, белуги. Поэтому **макса** чаще употребляется как наименование печени налима. В прибалтийско-финских языках данное слово имеет общее значение ‘печень, печенка’. В говорах Заонежья, в основном, анализируемая лексема бытует в терминологизированном значении ‘рыбья печень’, что, по-видимому, связано с отсутствием адстратного воздействия со стороны прибалтийско-финских диалектов. Иначе обстоит дело в южном Прионежье, где чересполосно с русскими проживают вепсы; здесь доминирует значение ‘печень рыбы и животного’, поддерживаемое, по-видимому, адстратным влиянием. Сдвиги значения, скорее всего, происходят уже на базе русских говоров и связаны они чаще всего с применением реалии, т. е. экстралингвистические факторы, экстраполируясь на лексику, вызывают уже собственно лингвистические изменения, на основе микроговора — сдвиг значения, на основе группы однотипных говоров — явления полисемии. Например, **макса** ‘рыбий жир’, отмеченное в н. п. Сумский Посад Беломорского р-на вызвано особенностями употребления реалии, хорошо это можно проследить у Шейна: **макса** «печень тресковая, из которой вытапливается сало или тот благодетельный жир, который известен едва ли не каждому под именем трескового» (Арх.). В словаре Богораза также фиксируется едва наметившийся сдвиг: «**Макса** продается на Колыме пудами в сыром и мороженном виде. Жа-

ритель на **максе**, т. е. на жиру, который вытапливается из кусков налиимьей печени». Бытующее в Прионежском р-не значение **макса** 'молозиво' объясняется, по-видимому, чрезвычайно высокой жирностью первого молока коровы, которое так же, как и печень рыбы, запекают в печке.

Зафиксированы также следующие дериваты: **максенья** 'рыбьи молока' в н. п. Красный Бор Подпорожского р-на; **максеной** жир 'жир, вытопленный из печени налима' (Богораз); **максистый** налим 'налим с печенью крупных размеров' (Карпов); **максвая** похлебка Даль; **максанник** 'рыба с молоками' (Пск., Кузнецов); **максана** 'крупная рыба с икрой' (Осташк. Калин. 1946, СРНГ).

МА́ТЮК

Матюк 'рыба' зафиксировано по данным КСРГК в Подпорожском р-не. Слово отмечено впервые, на наш взгляд, его можно возвести к фин. *maitikala* 'рыба с молоками, рыба-самец', *mätikala* 'икряная рыба', однако, на наш взгляд, предпочтительней версия видового наименования рыбы, ср. фин. *matikka* 'налим' [SKES: 326].

МУ́ГАЧ, МУ́ГАЧИ

Му́гач, му́гачи 'малек, мальки окуня; окунь, окуни небольших размеров'. Анализируемое слово имеет четко очерченный ареал, оно бытует в Медвежьегорском р-не (Кижы, Ламбасручей, Великая Губа, Шильтя, Великая Нива, Загубье, Толвуя, Палтега, Космозеро, Кузаранда, Шуньга, Сенная Губа, Лонгасы, Челмужи); в Кондопожском р-не (Колгостров, Лижма, Новинка, Кулмукса, Тулгуба); на севере Пудожского р-на (Пяльма, Авдеево); в Прионежском р-не (Кончезеро, Вороново), расположенных на границе с Кондопожским р-ном. На смежной тер-

ритории данное заимствование отмечено в Каргопольском и Плесецком р-нах. Ударение характеризуется значительной вариативностью даже в одном и том же населенном пункте, и локализовать его с большей степенью достоверности не удалось.

Первая фиксация данного заимствования в словаре Куликовского: **мугачкí**, **мугачёнки** ‘мальки’. — А не **ряпушка** и пляшет, а **мугаченки** — (Петрозаводский уезд). В материалах Певина — **мугач**, **мугачки** ‘мелкий окунь’ (Кондопожская, Великогубская, Толвуйская волости Петрозаводского уезда). Калима, имея только материалы Куликовского, возводит их к фин. *tuhju* ‘небольшой окунь или другая рыба’, которое он, в свою очередь, соотносит с фин. *touhi*, *touhe* ‘мальки любой рыбы’ [Kalima 1915: 167]. SKES предлагает следующие соответствия: фин. *tuikki* ‘малек лосося, маленький лосось’ и кар. *tuikki*, ливв. *tujeh*, при саам. кильд. *maiioĳ^A* ‘большой сиг’ и *smaije* ‘ряпушка’ [SKES: 349].

Герд отмечает, что «в настоящее время слова с корнем *-муг-*, обозначающие рыбу, наиболее широко известны в русских говорах Карелии и по р. Онеге» [Герд 1982: 52]. По его мнению, слово **мугач** проникло в русские диалекты Карелии довольно рано из прибалтийско-финских языков в районе Онежского озера, в русских говорах оно и получило впоследствии свое новое аффиксальное оформление. Герд также полагает, что прибалтийско-финское *tuhju* и русск. **мугач** отражают древнейшие отношения, восходящие к эпохе до образования единого прибалтийско-финского праязыка, сравнивая с хант. *moksan*, манс. *moksun* [Герд 1981: 52–53].

Отмечен ряд производных: **мугачóк** мн. **мугачки** в н. п. Ламбасручей, Кажма Медвежьегорского р-на; в н. п. Авдеево Пудожского р-на. На смежной территории от-

мечено употребление с иным ударением — **мўгачки** в Плесецком р-не. Куликовский приводит также лексемы **мухкачóк**, **мухкачки** ‘мелкий сиг, мелкая рыба’. Герд фиксирует следующие дериваты: **мугачок** ‘выгозерский малотычинковый сиг’, **мугачонок** с этим же значением в Прионежском р-не, **мухкачок** ‘то же’ на Выгозере. В северо-восточных р-нах Онежского озера **мугачок** по материалам Герда, так же как и по ПЛГО, имеет значение ‘мелкий окунь’. В Кондопожском р-не нами зафиксировано слово **мўгдега** ‘мальки’, вероятно относящееся сюда же. По данным КСРГК единственная фиксация **могачи** ‘мелкая сушеная рыба’ в н. п. Кончезеро Прионежского р-на.

Следует отметить, что наименование малька, мелкой рыбы значительно дифференцировано в Обонежье. Если для северного Прионежья, Заонежья характерно употребление, достаточно частотное и устойчивое, заимствованного слова **мугач**, **мугачи** с редкими русскими исключениями, например: **саковик** ‘мелкая рыба’ в Космозере, то иначе дело обстоит в южном Прионежье. Кое-где бытуют русские слова: в н. п. Каршево Пудожского р-на **мўлья** ‘мальки’, **синянки** ‘мальки щуки’; **мёлза** ‘мальки, мелкая рыба’ в н. п. Мегра Вытегорского р-на.

НЯВГА

По данным ПЛГО в значении ‘внутренности рыбы’ анализируемое слово отмечено в Пудожском р-не (Кривцы, Корбозеро, Канзанаволок), в Вытегорском р-не.

В словаре Куликовского представлена лексема **нявга** ‘рыбья чешуя’ в Коловской волости Пудожского уезда и **нявьи** ‘зобок, отрываемый при чистке рыбы для пирога’ в том же уезде. В СРНГ отмечено слово **нявь** ‘ершовая слизь’ в Белозерском уезде на смежной территории **нявга**

‘внутренности рыбы’ бытует в Каргопольском р-не.

Калима, предполагая, что в данном случае имеет место карельско-вепсское воздействие, предлагает в качестве соответствия фин. *nauka* (ген. *navan*) ‘рыбья слизь’ [Kalima 1915: 174]. SKES в этом гнезде приводит ливв. *n’augu* ‘длинное зеленое водное растение, которое своими клейкими листьями засоряет рыболовную сеть’ [SKES: 369]. На наш взгляд, ближе всего к русской форме вепс. *n’aug*, *n’öug* ‘рыбья слизь’.

ПА́ЛЬЯ, ПА́ЛЬГА

Оба варианта фиксируются в Обонежье в одном значении ‘рыба семейства лососевых *Salvelinus lepechini*’.

По данным ПЛГО и КСРГК довольно трудно провести их территориальное разграничение, поскольку довольно часто они отмечаются в одном пункте. **Па́льга** отмечено в н. п. Мяльзино, Лисицыно, Типиницы, Палтега, Габнаволок, Скурнино, Тамбицы, Толвуйский Бор, Великая Губа, Зажогоино, Загорье, Вицино, Великая Нива, Толвуя, Сенная Губа, Шильтя, Космозеро, Ламбасручей Медвежьегорского р-на; в н. п. Колгостров, Лижма, Чёболакша Кондопожского р-на; в н. п. Римское, Пяльма Пудожского р-на.

Вариант **па́лья** зафиксирован в н. п. Шустиковская, Есино, Федотово, Кузаранда, Никитинская, Загубье, Великая Губа, Толвуя, Шуньга, Хашезеро Медвежьегорского р-на; в н. п. Тулгуба, Кулмукса, Новинка, Гангозеро, Горка Кондопожского р-на; в н. п. Ялгуба, Вороново Прионежского р-на; в н. п. Ольхово, Устье Вытегорского р-на; на смежной территории — в окрестностях г. Кандалакша. Несмотря на все трудности такой дробной дистрибуции и фонетической близости слов, на наш взгляд, все же возможно выделить ареал с преобладанием формы **паль-**

га — Восточное Заонежье, включающее в себя западную часть Медвежьегорского р-на, южную часть Кондопожского и примыкающую к ней часть Прионежского р-на. В данном случае речь идет скорее всего о более сильном проявлении прибалтийско-финского (вепсского) языкового влияния.

Русское слово по данным Шмелева известно с 1563 г. Одна из первых фиксаций нового времени принадлежит Бурнашеву: **палья́** ‘рыба к семгам принадлежащая’. В словаре Даля зафиксировано с таким же ударением **палья́** «рыба из рода лососей, близкая к форели, пеструшке» с пометой (Сев.); в словаре Подвысоцкого — **па́лья** «один из видов мелкой рыбы, водящейся в озерах Кольского полуострова». Куликовский дает два варианта **па́льга** и **па́лья** «рыба из породы лососевых. Простой народ различает две разновидности этой рыбы: **лу́дега** или **лу́дера** и **кряжовка** или **кряжовая палья́**», в Петрозаводском уезде и в Заонежье. В словаре Дурова приводится два варианта **палья** и **паллея** ‘рыба из семейства форелей (пеструшка)’.

Этимологическая традиция относит это к заимствованиям из вепсского языка, вепс. *pal'* ‘рыба паляя’ [Kalima 1915: 180]. Герд приводит большое число словосочетаний с лексикой **палья**, которые отмечены в Обонежье: **белокорая палья**, **красная паляя**, **кряжевая паляя**, **лосось-паляя**, **лудная паляя**, **лудожная паляя**, **местная паляя**, **мягкая паляя**, **настоящая паляя**, **нерестная паляя**, **паляя-гонец**, **простая паляя**, **сегозерская черноротная паляя**, **семинская паляя**, **серая палья**, **ходовая паляя**, **ямная палья**. Кроме того, он отмечает бытование слов **паляя**, **палья** на Ладожском озере и в нижнем течении р. Волхов, которые он также относит к вепсскому влиянию [Герд 1988: 10]. Достаточно условные ареальные выводы о распространении вариантов **палья** — **пальга** в

Обонежье, по-видимому, можно подтвердить положениями Калимы, считающего, что звук [г] в слове **пальга** не обуславливается звуковыми явлениями финской природы, он утверждает, что невозможно, чтобы [г] в словах типа **сарга, телгас** являлось рефлексом вепсского [g'] [Калима б/г.: 7–8].

ПА́РВА, ПА́РБА

Па́рва, па́рба ‘косяк, стая рыбы’. Вариант **парва** по ПЛГО отмечен в н. п. Космозеро Медвежьегорского р-на и в н. п. Новинка Кондопожского р-на. Первая фиксация представлена в словаре Куликовского **па́рва, па́рвочка** ‘говорят о рыбе, когда она стадно идет в реку или в залив’: **Парвой** или **парвочкой** подошла. (Петрозаводский уезд и Заонежье). Эта же форма дается Георгиевским — **парва** ‘рыба ходящая и играющая стаей’ (Муромля Петрозаводского уезда).

Вариант **па́рба** с тем же значением — в н. п. Валдай, Вожма Гора Сегежского р-на, а также на смежной территории в непосредственной близости от исследуемого ареала в н. п. Гонгиничи Лодейнопольского р-на: — Рыба в пост **парбой** идет.

Воронова отмечает, что данное наименование зафиксировано только в одном населенном пункте — д. Сумостров, где замечено лишь два примера словоупотребления, причем с колебаниями в произношении слова, вариантностью — **парва / парба**. Анализируемые лексемы имеют довольно широкий ареал от Беломорья до Посвирья. Совершенно бесспорна их карельская этимология, причем вариант с [б], скорее всего, возник на русской почве, ср. ливв. *parvi* ‘стая’ [СКЯМ: 257], кар. твер. *parvi* ‘стая птиц’ [СКЯП: 200], кар. *parvi* ‘косяк, толпа, стая, ватага’ [KKS 4: 170], люд. *parvi* ‘то же’, при саам. кольск.

parva ‘косяк, стая рыбы’, швед. диал. *parw* ‘косяк, стая рыбы’ из фин. *parvi*, либо эст. *parv* ‘косяк, стая рыб’ [SKES: 498], при соответствии в обско-угорских языках, ср. хант. *pare, por* ‘стая рыб, птиц’ [SSAP: 2. 319], Следует отметить, что обширная дистрибуция русского диалектного материала не позволяет выделить этимологическую доминанту, хотя можно совершенно исключить вепсское воздействие, ср. вепс. *parveh* ‘стая, косяк (рыб)’ [СВЯ: 402]. Первую этимологию, основываясь на материалах Куликовского, предложил Погодин, возведя к фин. *parvi* ‘стая, косяк’ [Погодин 1904: 49]. Калима, совершенно справедливо предпочитает кар. *parvi* ‘то же’ [Калима 1915: 181]. См. также [Meckelein 1914: 55; Фасмер 3: 205].

ПАРИ́К

В значении ‘небольшой лещ’ данное слово отмечается в Пудожском р-не (Каршево, Авдеево, Пога).

Первая фиксация слова **парик** без ударения представлена в работе Ефименко (1878 г.). В словаре Куликовского оно отмечается в Петрозаводском уезде. С иным ударением на первом слоге **па́рик** ‘рыба густера’ зафиксировано в Онежском уезде Подвысоцким, а также по СРНГ в КАССР на Водлозере и в Пинежском р-не.

По нашему мнению, анализируемое слово возможно возвести к ливв. *parikka* ‘маленький лещ’, *parikku* ‘вид рыбы’. В прибалтийско-финских языках по данным SKES имеется ряд соответствий: в кар. диалектах Суоярви — *par’ikka* ‘вид рыбы’; обширно представлено в восточных финских диалектах *parkki* ‘маленький или худой лещ’; ливв. *parkoi* ‘малек леща’. Авторы SKES не высказываются насчет исконности слова в прибалтийско-финских языках, в финских диалектах имеющего также форму *partti*, но его ареальная дистрибуция не позволяет ис-

ключить того, что оно могло прийти из русских говоров [SKES: 497].

ПИСКАЧИ́

В юго-восточном Прионежье распространено слово **пискачи** в качестве наименования мальков, мелкой рыбы. По данным ПЛГО зафиксировано слово **пискачи́** ‘мальки’ в Прионежском р-не (Педасельга, Ладва). В Подпорожском р-не отмечена лексема **пискозобы** ‘мальки’ в Вытегорском н.п. **бескозоба** ‘мальки’ — это уже результат контаминации прибалтийско-финского слова с русским **пескозоб** ‘пескарь’. Олон., Сиб., Енис., Перм., Уральск., Влад., Новг., Волог., Арх., Север., Свердл., Смол., Казан. (СРНГ). По-видимому, данное слово можно возвести к вепс. *pisk* ‘мелкая рыба, малек’. Вепсское слово ставится в ряд прибалтийско-финских: фин. *pisku* ‘маленький’, эст. *pisut* (ген. *pisku*) ‘маленький’, кар. *piska* ‘шаловливый ребенок; собака’. Из прибалтийско-финских языков, по мнению авторов SKES, данное слово попало в норвежские диалекты: норв. *pisску* ‘ласковое прозвище маленькой девочки’ [SKES: 578].

РУ́ПАЧ, РУ́ПЕНЬЕ, РУ́ПЕГА, РУ́ПЕЦ

В значении ‘верхний колючий плавник рыбы (окуня, ерша, судака)’ по данным ПЛГО и КСРГК перечисленные выше слова бытуют каждый в своем микроареале Обонежья. **Ру́пейга** — в н.п. Тулгуба, **ру́пега** — в н.п. Суйсарь одного и того же Прионежского р-на; **рупень** — в н.п. Черкасы, **ру́пенья** — в н.п. Ламбасручей и Великая Губа, **рупинье** — в н.п. Сенная Губа Медвежьегорского р-на; **рупенье** — в н.п. Колгостров Кондопожского р-на, расположенном в непосредственной близости от Медвежьегорского р-на.

На восточном побережье Онежского озера в Пудожском р-не зафиксирован вариант **рупачи**. Впервые мы находим его в «Сказке о Ершишке-плутишке», которую поместил Аванесов в конец статьи «Заметки о говоре с. Семеновское на р. Водле» [Аванесов 1949: 254]. «Трещина приплыла к ёршу и говорит ершу: Ершишко-плутишко, вас палтус-рыба звала в суд. Ерш растопырил свои **рупачи**, повернулся к трещины». По ПЛГО лексема **рупачи** отмечена в н. п. Авдеево, Алексеево; в н. п. Песчаное Пудожского р-на отмечен вариант **рұпáч**, м., собир. с вариативным ударением.

В двух населенных пунктах Кондопожского р-на, расположенных до недавнего времени довольно изолированно, отмечен вариант **рұпина** (Кулмуksа, Гангозеро).

В н. п. Суйсарь Прионежского р-на по данным КСРГК зафиксировано слово **рұпец**.

Перечисленные варианты не имеют лексикографической традиции, в словаре Куликовского приводится лексема **рұпа** 'колючка растения, иглы ерша, ежа, колючки и т. п.' на Выгозере. В современных говорах Обонежья зафиксировать бессуффиксный вариант не удалось.

Калима возводит заимствование к кар. *gira* 'колючки спинного плавника рыбы' [Kalima 1915: 207]. В других прибалтийско-финских языках подобного слова нет, ср. фин. *evä*, кар. *evä* 'плавник рыбы'. Трудно судить определенно об этимологии карельского слова; возможно, оно не исконно. Однако в говорах Обонежья рассматриваемое гнездо распространено только в сфере действия карельских диалектов на севере Прионежского р-на, в Кондопожском, Медвежьегорском р-нах, на севере Пудожского р-на, до г. Пудож. Южнее районного центра отмечено слово **пёруксы** 'верхние плавники рыбы' в н. п. Каршево. Это явно русское слово с заимствованной финалью *-кс*, ср. собир. **перьё**, 'плавники рыб' в Приморском р-не Архангельской области (по КСРНГ).

РЯПУС, РЯПУСА, РЯПУХА, РЯПУШ,
РЯПУША, РИПУС

Ряпус, ряпуса ‘рыба ряпушка’. Вариант **ряпус** отмечен в Пудожском р-не на Водлозере, в н. п. Римское; в Вытегорском р-не, кроме того, форма **ряпус** зафиксирована в Каргопольском р-не, на Ладожском озере (Герд), в Вашингинском, Кирилловском р-нах; Воронова отмечает этот вариант в деревнях, расположенных около Сумозера.

Вариант **ряпуса** фиксируется на Водлозере (Герд), в Пудожском р-не, на северо-востоке Вытегорского р-на. Дается форма **ряпуса** в Словаре Куликовского на Ковжозере в Вытегорском уезде, наряду с **ряпусы́** ‘ряпушка’ в Пудожском уезде. **Ряпусница** ‘сеть для ловли ряпушки’ зафиксирована в Пудожском и Плесецком р-нах. **Ряпусина** ‘ряпушка’ отмечается Гердом на Водлозере. Лексема **ряпуский** (мн.) представлена в КСРНГ в Каргопольском р-не.

Вариант **ряпукса** ‘ряпушка’ отмечает Воронова в Беломорском р-не у Сумозера, в КСРНГ **ряпукса** фиксируется в Кемском уезде (1865 г.).

Вариант **рипус** ‘ряпушка’ бытует в н. п. Хашезеро Медвежьегорского р-на, а также в Волховском р-не, где также отмечено относительное прилагательно **рипусовый** — **рипусовая** сетка. **Рипукса** ‘ряпушка’ бытует на Ладого (КСРНГ, Пушкарев). Форма **ряпица** ‘ряпушка’ отмечена в Пудожском р-не (КСРГК). Здесь же зафиксирован вариант **ряпесница** ‘сеть для ловли ряпушки’.

Лексема **ряпуха** ‘ряпушка’ фиксируется на р. Волхове, Псковском и Чудском озерах (Герд), с другим ударением **ряпу́ха** в Вышневолоцком р-не Калининской области и в Онежском (КСРГК). Такой же вариант представлен в тверских вариантах Сабанеева.

Ряпуш ‘ряпушка’ — «Поставя ружи, туда попадает **ряпуш**». Каргоп. Арх. (КСРНГ). **Ряпуша** отмечает Храмова в псковских говорах. Герд фиксирует производную **ряпушйна** на Псковском и Чудском озерах.

Шмелев приводит несколько вариантов: **ряпукса**, **ряпус** (1609), **ряпуга**, **ряпуха** (1637), **ряпушка** (1649) [Шмелев 1961].

Ряпушка отмечается Озерецковским на Ладожском озере: «Рыбы ловятся там следующие: щуки, окуни, ерши, судаки, плотва, **ряпушка**» [Озерецковский 1799: 53]. Герд фиксирует словосочетание **меженная ряпушка** ‘ряпушка, вылавливаемая в середине лета’ в н. п. Кузаранда Медвежьегорского р-на. У Сабанеева **ряпушка** отмечается на Севере России; Кузнецов фиксирует в псковских говорах.

Вариативность данного заимствования, на наш взгляд, обусловлена наличием различных форм слов-источников в прибалтийско-финских языках и диалектах, ср.: ливв. *reäpöi*, *riäppö*, *riipus*, *riibus*, люд. *riäpüs*, *rüöpüs*, вепс. *räbüz* ‘ряпушка’ [SKES: 923]. Герд предлагает как наиболее близкую форму ливв., люд. *riipus* [Герд 1988: 9]. Калима на первое место ставит ливв. *reäpöi* (генетив). В эстонском — *rääbis*, *rääbus*, *rääbuskas*, что, на наш взгляд, объясняет наличие форм **ряпуха**, **ряпуша**, а ныне общенародное слово **ряпушка** очевидно можно возвести к эст. *rääbuskas*. Из ливского языка это слово попало в латышский — ливск. *ropšes*, латыш. *rēpsis* [Kalima 1915: 211].

Трудно судить о направлениях распространения данного заимствования. на наш взгляд, их было несколько: из чудско-псковского ареала, из восточного Приладожья, западного Прионежья, причем из Прионежья слово, возможно, распространилось вплоть до Белого моря [см. также Герд 1988: 11].

Наличие значительного числа вариантных форм в пудожских и каргопольских говорах, по-видимому, объясняется наложением различных субстратов или специфической адаптации на русской почве.

САЙДА

Сайда 'треска', эта рыба не водится в Онежском озере, но тем не менее известна в Обонежье. По данным ПЛГО и КСРГК данное слово зафиксировано в Медвежьегорском р-не (Кузаранда, Ганьковец, Заресье, Вицино, Ламбасручей, Космозеро, Толвуя), в Пудожском р-не (Римское, Бураково, Семеново), в Кондопожском р-не (Горка).

Первая фиксация по СРНГ — в Шенкурском уезде под 1854 г. В словаре Подвысоцкого этому слову посвящена обширная статья: «**Сайда** — водящаяся в Северном океане у Мурманского берега рыба трескового рода *Gadus saida*. Поморы называют ее **сайда-игрун**, оттого, что она редко уходит вглубь и держится более на поверхности воды. При промысле на **сайду** у поморов примета, что если на воде слышится запах водорослей, то будет обильный улов. Помор.». Отмечает анализируемую лексику Куликовский — **сайда** 'род рыбы трески' в Петрозаводском уезде, и Грандилевский — **сайда** 'треска'. С ударением на втором слоге **сайда́** представлена в словаре Дурова, а также в вологодских материалах Иваницкого — **сайда́** «род морской рыбы из Белого моря» (по КСРНГ). Кроме того, на смежной территории слово **сайда** 'треска' отмечается в Онежском р-не (Калинин).

По-видимому, справедливое утверждение Герда, что «русские названия рыб, известные только на Белом море, имеют, как правило, прямые и точные параллели в саамском» [Герд 1988: 9], относится к этому заимствованию. Калима полагает, что здесь заимствование из саам.

кильд. *saitte* ‘вид морской рыбы’, при фин. *saita* ‘северная треска’ [Kalima 1915: 212], ср. также: саам. *saide*, *saidi*, *saide*; в русские говоры, по мнению авторов SKES, эта лексема пришла из саамского так же, как и в карельские диалекты [SKES: 948].

На смежной территории слово **сайда** распространено в Каргопольском, Плесецком, Холмогорском, Беломорском, Кемском, Терском р-нах, а также в окрестностях г. Кандалакша. В Терском р-не (из КСРГК) представлена лексема **сойда** ‘рыба’. Впервые такая форма была дана у Даля — **сойда** ‘род или вид местной рыбы’ с географической пометой Яренг. Волог. По мнению Калимы, это вариант заимствования.

Возможно, что первичным источником заимствования был саамский язык, но идентичность карельских диалектных форм русской — кар. *saida*, люд. *said*, ливв. *saidu* — все-таки заставляет предполагать о симбиозном функционировании лексемы в смешанном карельско-русском ареале. В н.п. Великая Губа отмечено **сайдок** ‘треска’ (Медвежьегорский р-н).

Зафиксирован дериват **сайдина** в Онежском р-не (Калинин) и **сайдика** ‘треска’ (Калинин). В Холмогорском р-не отмечена вариантность **сайда́**, **сайга́** ‘вид рыбы’ [Пирогова 1961], также по КСРГК в Медвежьегорском р-не зафиксирован вариант **сайга** без наименования населенного пункта.

Отмеченное на Урале (КСРНГ) **сайга** ‘угорь, минога’, а также **сайга** ‘рыба шиповка’ (Герд) трудно определенно отнести к этому же типу заимствований. В н.п. Типиницы Медвежьегорского р-на отмечено **сайда** ‘рыбный пирог’ (по КСРГК).

САЛА́ГА

Данное слово распространено во всем Обонежье в значениях 'уклейка', 'елец'. — **Салага** идет числа около десятого в июне месяце (Космозеро Медвежьегорского р-на). По данным ПЛГО лексема **салага** отмечается в Медвежьегорском р-не (Загубье, Сенная Губа, Толвуя, Великая Нива), в Кондопожском р-не (Кулмукса, Новинка), в Пудожском р-не (Римское, Песчаное, Каршево), в Прионежском р-не (Ладва), в Подпорожском р-не (Яндеба, Усланка, Ульино, Пидьма), в Вытегорском р-не (Ошта, Андома). На смежной территории слово **салага** зафиксировано в Лодейнопольском, Тихвинском, Плесецком, Череповецком р-нах. Герд выделяет три значения: 1. 'уклейка' в северо-восточной части Онежского озера; 2. 'елец'; 3. 'плотва' без географических помет [Герд 1988: 8].

Первая фиксация анализируемого слова — в материалах Полякова — **салага** 'молодая плотва' (Вытегорский и Пудожский уезды); в словаре Куликовского отмечено аналогичное значение — **салага** 'плотвица, мелкая плотва' в Вытегорском, Пудожском, Петрозаводском уезде, а также 'уклея, верховодка' — только в Петрозаводском уезде. В материалах Певина (Заонежье) слово **салага** не имеет четкой семантики — 'мелкая рыба, на вид похожая на ряпушку'; Георгиевский фиксирует в Петрозаводском уезде — **салага** 'вид уклеики'.

В н. п. Юксовичи, Курпово Подпорожского р-на, а также в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора) отмечен вариант **сала́ка**, связанный, по-видимому, с влиянием литературного языка.

Калима предлагает наиболее достоверную этимологию — вепс., люд. *salag* [Kalima 1915: 212]; в СВЯ эта лексема отсутствует. Лесков полагал, что это заимствование из кар. *salatti*, Веске на первое место все же ста-

вит фин. *salakka*, не упуская при этом вепскую версию [Веске 1890: 20]. Герд также считает наиболее верной вепскую этимологию [Герд 1988: 8]. Авторы SKES видят вероятность того, что русская форма **салака** могла быть заимствована из ливского *salak* ‘корюшка’ или через латышское посредство [SKES: 953–954].

Более раннюю фиксацию имеют производные от анализируемого заимствования, в словаре Даля: «**салáкуша**, **салáкушка** ‘рунная рыбка из Балтийского моря из рода сельдей *Clupea sprattus*’; Чухонский обед; **салакушка** с простоквашей». В Обонежье по данным Герда отмечен вариант со звонким согласным — **салагушка**. По КСРГК производная **салáжка** бытует в ряде н. п. Медвежьегорского, Пудожского, Прионежского, Подпорожского, Каргопольского, Онежского р-нов. **Салáчина** отмечено только в Прионежском р-не; **салáженка** в н. п. Надпорожье Лодейнопольского р-на.

Вариант **шáлака**, скорее всего, является результатом субстратно-адстратного влияния валдайских карел (ср. кар. *šalakko*, записанное у новгородских карел по данным SKES) или произносительным вариантом, ввиду того, что имеется лишь единственная фиксация в КСРГК в Чудовском р-не.

СА́РГА, СЯ́РГА, СОРО́ГА

Приводимые варианты фиксируются в значении ‘рыба плотва’. **Са́рга** отмечено по КСРНГ в Вытегорском р-не; **ся́рга** по КСРГК в Медвежьегорском р-не. Очевидно, эти лексемы можно возвести к ливв. *särki*, вепс. *sär'g* с тем же значением, люд. *šärg*, при эст. *särg* [SKES: 1171]. Сходный фонетический вариант **со́рга** «рыба в роде плотицы (*Luecicus rutilus*), водящаяся в реках и озерах Зимнего берега, а также в Холм. и Шенк. у.» приведен в словаре Подвысоцкого.

Наиболее широко распространено слово **сорога** ‘рыба плотва’, встречающееся практически на всей территории бытования русских говоров. В Обонежье слово **соро́га** ‘плотва’ по ПЛГО отмечено в Вытегорском р-не, записано оно у выходцев из ныне несуществующей деревни Бараны, находившейся на самой границе с Подпорожским р-ном. Единственная фиксация в Подпорожском р-не в н. п. Куропово — **сорога** красноглазая, позволяет предполагать вторичность распространения данной лексемы, ее неисконность в говоре этой деревни. В Вытегорском р-не по КСРГК отмечен вариант **суруга**. На смежной территории в Лодейнопольском р-не в н. п. Надпорожье зафиксирован наиболее близкий к этимону вариант **сярга** ‘плотва’.

Материалы топонимики, однако, представляют слово **сярга** более широко, в названии озера **Сяргозеро** отмечается в Подпорожском р-не (Шеменичи), в Кондопожском (Колгостров), в Вытегорском (Ошта).

Высокая частотность фиксаций слова **сорога** отмечена в Пудожском р-не, кроме того, здесь же бытует значение **сорога** ‘мелкая плотва’ в н. п. Колгостров, Заозерье.

Почти повсеместно распространена лексема **сорога** в западных р-нах Архангельской и Вологодской областей: в Вашкинском, Белозерском, Кадуйском, Кирилловском, Череповецком, Харовском, Вожегодском, Каргопольском, Няндомском, Коношском, Холмогорском, Плесецком, Верхнетоемском р-нах; отмечена она на Волхове и Ильмене (Шамахов).

Первая фиксация с обозначением уезда дается в Опыте: **соро́га** ‘плотица, рыба’ (Олон. Каргоп. Симб.): кроме того, **сорога** ‘плотва’ зафиксирована в материалах Боричевского (Олон., 1842), Грандилевского (Холмогор., Шенкур.), Подвысоцкого (Зимний берег, Холмогор., Шенкур.), Рыбникова (Олон., 1864), Куликовского (Пудожский, Кар-

гопольский, Вытегорский уезды), в Трудах МДК [Сольвыч., Волог., 1912, т. 11, 1930].

Герд указывает на распространение слова **со́рога** также на Печоре, Пинеге, Шексне, Водлозере, Кенозере, оз. Лаче, на Белом озере [Герд 1970а: 114–115].

Лексема **сорога** 'плотва' отмечается по КСРНГ в Орловском, Малмыжском, Нолинском, Елабужском уездах Вятской губернии; у Луканина — «Рыба белочешуйчатая, широкая плоская, имеющая овальную, а не продолговатую форму» (Перм.); дается **сорога** в словаре Беляевой: «**Сорога** меньше подлещика, красные перышки, така светлая, костлявая она». Отмечено слово **сорога** 'плотва' в Пошехонском уезде Ярославской губернии [Архангельский 1849], в словаре Мельниченко; зафиксировано в говорах Коми (Сыктывк., КСРНГ, 1968). В костромских говорах бытует **сорога** 'красноперка *Scardinius erythrophthalmus*' в Галичском, Вохомском р-нах, в Буйском уезде — **сорога** 'рыба'.

Анализируемая лексема распространена также в Сибири, на Урале, отмечена Богоразом на Колыме. Зафиксирована **сорога** 'плотва' в словаре донских говоров. У Клыкова дается **сорога** 'крупная плотва' (Печора, Кама), 'красноперка' (Волга); в КСРНГ слово **сорога** представлено также в Оренбургской губернии.

В Опыте отмечается вариант **саро́га** 'плотва' в Томской губернии; Дилакторский дает это же слово в Вологодской, по КСРНГ имеется еще фиксация во Владимирской губернии.

Этимологи в основном имели дело с полногласными вариантами. Калиму и Фасмера смущает, по их мнению, не совсем полное соответствие известной им полногласной формы, которую они тем не менее возводили к приведенным выше прибалтийско-финским словам. На наш взгляд, полногласная форма имеет точное соответствие с

неполногласной, ср. **салма** — **соломя**; **сарга** — **сорога**. Но отсутствие полногласной формы на всей территории Обонежья, кроме Вытегорского и Пудожского р-нов, позволяет предположить иную этимологию. В Обонежье при длительной истории заимствованного слова обычно преобразованная на русской почве форма (например, **соломя** — пролив) функционирует наряду с новой — **салма**. В данном случае основной ареал этого слова **сорога** расположен восточнее — в архангельских и вологодских говорах. На наш взгляд, заслуживает серьезной поддержки этимология, предложенная Шайжиным — хант. *сорох*.

Рыбников полагает, что это слово возможно отнести к индоевропейскому материалу — санскр. *asrz* 'кровь'.

Производное **сорóжка** отмечено в Вытегорском р-не, в Корбозере Пудожского р-на, на реке Шуе Прионежского. Фиксация в Прионежском р-не скорее всего результат вторичного распространения. На смежной территории лексема бытует в Каргопольском, Плесецком, Онежском, Вашкинском, Череповецком р-нах. Распространение слова **сорожка** 'плотва' на востоке отмечено в Галичском р-не Костромской области, Оханском уезде Пермской, в Соликамском р-не (Беяева), на Оби, Иртыше, Енисее (Герд). отмечено производное **сорожка** также на р. Урал, в Оренбургской губернии, Кемеровской области. Опыт приводит **сорожка** в Сибири.

Зафиксированы дериваты **сорóжка** в Вашкинском р-не; **сорожняк** 'плотва' в Череповецком р-не и далее на восток в Симбирской губернии (Опыт), в Новосибирской, Кемеровской, Томской областях, в южных р-нах Красноярского края. В северодвинских материалах Романова отмечено префиксальное образование **осорóга**.

Герд в отношении этимологии приходит к следующему выводу: «По-видимому, рус. **сорога** заимствовано исторически не из прибалтийско-финского *särg(g)ki*, так же

как и русск. **сырок** ‘пыжьян’, отражает именно хант. и манс. *soroh* (название рыбы) с естественным изменением в дальнейшем ударения и категории рода. На Белое море слово **сорога** было занесено позднее торговцами рыбой по речным путям» [Герд 1970а: 116], что совпадает с нашими выводами.

СЭНЬ, СЭНЬЕ

Обе лексемы зафиксированы по данным ПЛГО в одном значении ‘рыбы потроха’. **Сень** отмечено в н. п. Римское Пудожского р-на, а **сенье** в н. п. Шильтя Медвежьегорского р-на. На смежной территории слово **сень** зафиксировано в Терском р-не (по КСРГК), в словаре Меркурьева дано слово **сенёк** ‘желудок семги’: Свари **сеньки** да **максы**. (Кандалакш.). Меркурьев полагает, что это заимствование из финского языка, фин. *syän* ‘сердце’. Действительно в финских и карельских диалектах известно, кроме того, *šyän* ‘сердце, внутренности’, *šean*, *siän*. Близка форма в манс. *šet* ‘сердце, внутренности’.

На наш взгляд, анализируя сопутствующий материал, трудно пройти мимо русских слов со значением ‘рыбы внутренности’ — **ксенья** в н. п. Товуя, Великая Губа, Палтега, Загубье, Медвежьегорского р-на; в н. п. Колгостров, Тулгуба Кондопожского р-на; **ксенье** в н. п. Сенная Губа, Шуньга, Челмужи Медвежьегорского р-на; в н. п. Суйсарь Прионежского р-на. По-видимому, эти варианты были заимствованы карельскими диалектами с утратой начальной [к], а затем спорадически проявлялись уже на русской почве снова. Скорее всего, **сень**, **сенье** является результатом первых контактов, а дальнейшая языковая экспансия новых восточнославянских русских переселенцев привела к преобладанию русского слова. Об этом же говорят материалы словарей. У Кули-

ковского **сенёк** «зобок налима» (Пудож.), наряду с **ксенёк**, **ксень** ‘печень рыбы’ (Челмужи того же уезда). В СРНГ **ксень** зафиксировано с пометами Арх., Сиб., Алт., Том., Тобол. **сенёк** ‘часть внутренностей у животных или рыб’ отмечено в Словаре говоров Ср. Урала; **сенёк** ‘селезенка’ — в Ишимском уезде Тобольской губернии (Арканов) и в словаре Беляевой; ‘рыбьи внутренности’ — в Новосибирской области; **сеньки** ‘потроха налима’. Пирог с **сеньками** славится своим вкусом. (Грязовец, Волог. Обнорский); **сеньки** ‘внутренние органы, внутренности’ в Словаре говоров Ср. Урала.

По-видимому, из русских говоров данное слово вошло в коми *сень* ‘рыбья печень’, по крайней мере для авторов КЭСКОЯ происхождение этого слова неясно. Авторы SKES в качестве соответствия *sydän* ‘сердце’ предлагают коми *selem* [SKES: 1143].

Кроме того, вокализм прибалтийско-финских слов не позволяет получить лексему **сень** как соответствие к фин. *sydän*.

ТОРПА

Данное слово обозначает два вида форели: озерную и речную. На побережье Онежского озера это слово относится к озерной форели, а в р-нах, удаленных от Онежского озера к ручьевой форели. Описываемая лексема распространена практически во всем регионе, но частота и плотность фиксаций не везде одинакова. Регулярно встречается данное слово в Подпорожском р-не (Каргиничи, Курпово, Важины, Согиницы, Усланка, Юксевичи, Бараны, Шустручей, Яндеба); в Кондопожском р-не (Лижма, Колгостров, Новинка, Кулмукса, Гангозеро); в Медвежьегорском р-не (Челмужи, Лахново, Великая Нива, Шильтя, Ламбасручей, Великая Губа); в Прио-

нежском р-не (Кончезеро, Вороново, Ладва, Педасельга). Меньше фиксаций в Пудожском р-не, только в н. п. Авдеево, Пяльма, Римское; и в Вытегорском (Андома, Гневашевская, Ошта). На смежной территории данная лексема бытует в Лодейнопольском р-не.

Слово **торпа** в н. п. Пяльма Пудожского р-на имеет значение 'некрупная форель, обычно весом не более одного кг.', рыба свыше килограмма имеет наименование **форель**. По данным ПЛГО отмечается ряд дериватов: **торпица** в Вытегорском р-не (Девятины, Андома, Гневашевская); **торбина** — в н. п. Яндеба Подпорожского р-на; **торпина** фиксируется в Вытегорском р-не (Ошта), в Подпорожском (Согиницы. Важины); **торпичка** отмечает лишь словарь Линдберга, Герда; **торпочка** бытует в н. п. Лижма Кондопожского р-на.

Д. Н. Шмелев («Заимствования из прибалтийско-финских языков в старорусских памятниках письменности») фиксирует слово **торпа** под 1563 г. (Книга писцовая Обонежской пятины). У Озерецковского находим анализируемую лексему в описании рыболовных промыслов: «Они (местные жители) производят немалую рыбную ловлю на реке Шуге, в озере Онежском, в Ушкозере, Логмозере, Кончезере и пр. неводами, сетками и заколами, в которые попадает **ряпуха**, ерши, щуки, налимы, угри, сига, лосося, **пальи** и **торпы** или форели. Лосося, **палью**, **торп**, щук и сигов отчасти они солят и проветривают для отправления в С-Петербург на продажу». Кроме того, в этой же работе автор дает другие формы заимствования: **торпач** и **торп**. («Осенью много попадает сига, лосося и **торпов** или **торпачей**») [Озерецковский 1792: 182].

Куликовский отмечает слово **торпа** «лосось-пеструшка *Salmo fario*» и дериват **торпина** с тем же значением в Петрозаводском и Лодейнопольском уездах. Сабанеев приводит дериват **тарпинка**, зафиксированный им в

Олонецкой губернии. Герд анализируемое слово относит к ареально-локальным названиям рыб, известных только в северном Прионежье и Заонежье [Герд 1988: 7].

Калима возводит этимологию данного слова к фин. *torppu* [Kalima 1915: 226]. SKES приводит соответствия из прибалтийско-финских языков ливв. *torppi* 'молодь лосося, лосось, люд. *torp'* мн. *torpud* 'речной лосось', вепс. *torp* 'форель', считает, что направление заимствования неопределенно, так как нельзя привести больше даже отдаленных соответствий. Герд полагает, что в данном случае заимствования отражается «преимущественно вепско-карельский языковой тип».

В прибалтийско-финских языках гнездо слов фин. *torppi* 'ручьевая форель', ливв. *torppi* 'молодь лосося', люд. *torp* 'ручьевая форель', вепс. *torp* 'форель' занимает изолированное положение, этимологию которого Калима не исследовал, а авторы SKES не совсем уверены в направлении заимствования, но берут все-таки за основу и источник распространения в русских говорах прибалтийско-финский материал [SKES: 1356].

Исходя из дистрибуции анализируемого заимствования в Обонежье и Приладожье, в уточнение предположения Герда, можно говорить о людиковско-вепском его источнике. Следует при этом отметить, что вариант, приведенный Озерецковским — **торп**, по форме совпадает с аналогичным вепским словом.

Данные ПЛГО представляют единичную фиксацию — **торта** 'форель' в н. п. Кулмукса Кондопожского р-на.

Близ н. п. Шуньга Медвежьегорского р-на нами зафиксирован топоним **Торпа-ручей**.

ШАГЛЫ

На обследуемой территории данное заимствование распространено повсеместно в значении 'жабры'. — Через **шаглы** крючок вытащил, а **шарпак**-то (крючок) сломал (Ошта Вытегорского р-на). **Ша́глы**, мн. отмечено в Медвежьегорском р-не (Падмозеро, Перхино, Пабережье, Загубье, Великая Нива, Толвуя, Ламбасручей, Сенная Губа, Шильтя, Палтега, Космозеро, Кузаранда, Шуньга, Челмужи), в Пудожском р-не (Сумозеро, Римское, Гакукса, Каршево, Песчаное, Пяльма), в Сегежском р-не (Вожма Гора, Валдай), в Кондопожском р-не (Гангозеро, Горка, Кулмуksа, Новинка, Колгостров, Лижма, Тулгуба), в Подпорожском р-не (Ульино, Пидьма, Яндеба, Шустручей, Курпово, Усланка), в Прионежском р-не (Лехнаволок, Педасельга, Суйсарь), в Вытегорском р-не (Мегра, Казаково, Ошта). В н.п. Гакукса отмечено переносное значение — 'о челюстях человека': — До того картошки доел, все **шаглы** заболели. Кроме того, зафиксированы варианты, которые бытуют наряду с формой **шаглы**: **ша́гли** — в Подпорожском р-не (Шеменичи); **ша́гла** мн. в Пудожском р-не (Авдеево, Алексеево), в Медвежьегорском р-не (Кефтеницы); **ша́гла**, ж. 'жабры' отмечено в Вытегорском р-не (Устье): — **Шагла** у сига красная. На смежной территории слово **шаглы** распространено в Лодейнопольском, Онежском, Каргопольском, Беломорском, Терском). — За **шаглы** рыбину несет. (Поной, Варзуга, Меркурьев) р-нах. В КСРНГ эта лексема зафиксирована в Усть-Цилемском р-не республики Коми: — **Шаглами** попади за невод семужка. Анализируемое заимствование широко распространилось на восток. **Ша́глы** 'жабры' отмечено в Иркутской области (Бобряков); **шаглы́** — в Бурятии (Соколов), на Каспийском море (Клыкков), на Амуре (Словарь русских говоров Приамурья); **ша́гла**, **ша́глы**

— на Колыме (Богораз).

Первая фиксация в форме мн. числа представлена у Подвысоцкого с пометой «повсеместно»; у Куликовского в Петрозаводском и Лодейнопольском уездах; в материалах Георгиевского КСРНГ в Петрозаводском уезде.

Только форма **шагла**, ж. отмечена у Бурнашева — **шагла** ‘щека у некоторых рыб, имеющая на себе шероховатость, негладкость’ без географической пометы; Доп. Опыт.. — **шагла**, ж. ‘жаберная крышка у рыбы’ в Архангельской губернии; **шагла** ‘жабры’ на Нижней Индигирке в Якутии (Чикачев); **шагла** ‘нижняя челюсть рыбы’ на Камчатке (Браславец).

Вариант **шабры** ‘жабры’ отмечен в н. п. Андома Вытегорского р-на; он, по-видимому, возник в результате влияния широко распространенного здесь глагола **шабрать** ‘шарить, шуршать’. Вариант **шагры** ‘жабры’ зафиксирован в н. п. Ладва Прионежского р-на; в н. п. Есино, Черкасы Медвежьегорского р-на. В н. п. Териберка Североморского р-на — **шагра**, мн. ‘жабры’: в словаре Дурова отмечено **шагра**, ж., **шагры**, мн. ‘жабры’ в южном Беломорье. Этот вариант скорее всего является результатом контаминации с распространенным здесь **шаглы**, **шагла**, **шагла**, **шагра** ‘гребень и борода у петуха’, заимствованным из вепс. *šar'g* ‘гребень птицы’.

Вариант **шалги** ‘жабры’ впервые отмечен в словаре Куликовского в Каргопольском уезде, по данным КСРГК в Каргопольском, Плесецком, Терском, Кирилловском р-нах. В значении ‘челюсти рыбы’ отмечено в Плесецком р-не. Вариант **шалга**, ж., собир. ‘жабры’ (Шалгу, жабры разрезают) отмечен в н. п. Кукоево Пудожского р-на. Вариант **шалги** ‘жабры’ зафиксирован только в словаре Подвысоцкого в Холмогорском уезде. Вариант **шагло**, ср., собир. ‘жабры’ отмечен в Свердловской области (Пашковский).

Вариант **са́глы** ‘челюсти рыбы’ имеет распространение на Камчатке (Браславец). **Ша́глы** ‘жабры’ отмечено в Енисейском крае, в Забайкалье, на Урале (КСРНГ), а также в Новосибирской области.

В словаре Даля даны вариативные формы **ша́гла**, **ше́гла** без географических помет.

Данное заимствование по мнению большинства исследователей происходит от карельского слова с тождественным значением — кар. *šaglat* [Kalima 1915: 243; Погодин 1904: 67; Лесков 1892: 102]. Хотя Калима не исключает возможность заимствования прибалтийско-финскими языками из русского. Как доказательство прибалтийско-финской этимологии Сало приводит материалы вепсского языка — вепс. *šahlud* ‘жабры’ [Сало 1966: 274].

По нашему мнению, скорее всего, данное слово пришло в русские говоры из вепсского языка или через вепсское посредство (ср. удм. *шакас* ‘жабры рыбы’, мар. *согас* с тем же значением при отсутствии данной лексемы в финском, эстонском и других прибалтийско-финских языках), кар., люд. *šaglat*, вероятно, обратное заимствование из русских говоров.

ШАРП, ШАРПА́К

Шарп ‘верхний колючий плавник рыбы’ бытует в н.п. Гакукса Пудожского р-на. В Вытегорском р-не (Андома), а также в Подпорожском р-не (Каргиничи) отмечено слово **шарпак** ‘колючий верхний плавник рыбы’. Это заимствование, по-видимому, восходит к вепс. *šorp* ‘острый выступ на чем-л. (зуб, зубец, сучек и т.п.)’.

Названия насекомых, земноводных,
пресмыкающихся, червей

Данная тематическая группа немногочисленна, несколько большее место в ней занимают земноводные и насекомые. Пресмыкающиеся и черви дают единичные номинации.

КІГАЧИ, ТІГАЧИ, ЧИГАЛА́

Кігачи в значении ‘мошкара’ отмечается в Медвежьегорском р-не (Кузаранда, Челмужи, Палтега, Великая Нива), в Пудожском р-не (Авдеево, Пяльма, Алексеево, Бураково, Римское). Причем в Бураково бытует слово **кига́ч**, собир. ‘мошкара’, а в Авдеево **кига́ч** ‘небольшой овод’. В н. п. Челмужи зафиксировано также **кігача**, собир. ‘мошкара’. С ударением на последнем слоге **кигачі́** отмечается в н. п. Авдеево. В н. п. Гакукса Пудожского р-на зафиксированы **кігача** и **кигачі́** в значении ‘мошкара’.

Вариант **тигачі́** ‘мошкара’ распространен в Пудожском р-не (Пяльма, Римское), в Сегежском (Валдай, Возжа Гора), в Вытегорском (Андома) р-нах.

Лексема **чигала́** записана в Пудожском р-не (Каршево, Гакукса, Ножево, Пога); с другим ударением **чйгала** в этом же р-не (Колгостров, Гладкино, Куганаволок, Дубово); с другой огласовкой — **чигола́** в н. п. Пога. В материалах КСРГК, относящихся к 50-м гг., имеются варианты с «цоканьем»: **цыга́ла** в н. п. Корбозеро Пудожского р-на; **цигала́** в н. п. Пелусозеро того же р-на.

В смежных говорах зафиксированы: **цыгала́** ‘мошкара’ в Каргопольском р-не (Орлово); **цигачі́** ‘комары’ — в Лоухском р-не (Кереть); **чигач**, собит. ‘гнус, мошкара’ в Кемском р-не (Гридино), в Терском (Поньгома, Олени-

ца); **чигачи́** ‘мошкара’ в Лоухском (Кереть). В словаре Меркурьева отмечены два варианта **цига́ч**, **тига́ч**, собир. ‘мошкара’ в Терском р-не, причем в заголовке дается только слово **цигач**, а в иллюстрации — **тигач**, что позволяет говорить о нечеткой дифференциации [т] и [ц] в положении перед [и].

В словаре Куликовского представлены четыре варианта в значении ‘мошкара’: **тигацц́** на Выгозере; **тигачи́** на р. Выг; **кигачи** (без ударения) в Пудожском и Каргопольском уездах, **чигачи** в Пудожском уезде.

Калима возводит слово **тигачи** к кар., ливв. *t'ihí*, вепс. *tih'i* к кар., ливв. *t'ihí*, вепс. *tih'i*, вариант **кигачи** появляется уже на русской почве, так же как и вариант **чигачи**, но если слово с начальным [и] результат фонетической субституции, то последнее — результат, по мнению Калимы, ассимиляции на русской почве [Kalima 1915: 225]. SKES дает, в отношении анализируемой лексемы, общую людиговско-вепсскую этимологию (1287). На наш взгляд, вариант **кигачи**, распространенный преимущественно в Заонежье, связан с ливвиковским диалектом, где имеет место употребление *tihí* и *kíhí*, а вариант **тигачи**, бытующий в Пудожском, Вытегорском, Сегежском р-нах, восходит к карельско-вепским этимонам. Слово **чигала** имеет соответствие в финских диалектах Северной Карелии, а также Северного Саво: *tihulainen*, и в прибрежных диалектах Эстонии: *tihulaine* [SKES: 1286–1287]. Звуки [ч], [ц] в начале слова восходят к мягкому [т'].

КОРАЙДАТЬ, КОРАНДАТЬ, КУРАЙДАТЬ, КУРАНДАТЬ

Вариант **курайдать** ‘квакать — о лягушках’ зафиксирован в Кондопожском р-не (Лижма, Гангозеро, Кулмукса), в Пудожском р-не (Пяльма), причем в н.п. Гангозеро,

Кулмуksа отмечается также значение 'токовать — о тетеревах'.

Вариант **курандать** 'квакать' бытует в Прионежском р-не (Суйсарь), в Кондопожском р-не (Новинка, Тулгуба), в Подпорожском р-не (Курпово); в значении 'токовать — о тетеревах' распространено в Прионежском (Машезеро), в Кондопожском (Лижма), в Подпорожском (Курпово) р-нах. Вариант **корандать** 'квакать — о лягушках' зафиксирован в Подпорожском р-не (Юксовичи, Шустручей, Пидьма) и в Вытегорском (Ошта, Андома) р-не. В н. п. Шеменичи Подпорожского р-на по данным ПЛГО бытует вариант **кывандать** 'квакать — о лягушках', в КСРГК представлены **кйрадать**, **карандать** — в том же значении.

В словаре Куликовского находим лексемы: **курундать** 'квакать, токовать — о тетеревах' в Петрозаводском, Лодейнопольском, Вытегорском, Пудожском уездах; **корандать** 'квакать — о лягушках' в Коштугах, Кондушах, Оште ныне Вытегорского р-на. Калима возводит слово **корандать** к общему заимствованию из прибалтийско-финских языков, преимущественно к карельским и вепским диалектам, приводя, однако, соответствие из фин. *korrata* 'квакать'. Слово **курундать** Калима не рассматривает [Kalima 1915: 128]. На наш взгляд, варианты **корандать**, **кырандать**, **карандать** соотносятся с вепс. *koraita* 'храпеть', 'квакать', что и подтверждает их дистрибуция в Подпорожском и Вытегорском р-нах. Вариант **курурайдать**, по-видимому, связан с карельским *kurata* 'квакать, о лягушке' [KKS 2: 463], хотя следует отметить, что формант *-анда-* общем характерен для слов, вошедших в говоры из вепсского языка.

В СРНГ вариант **корайдать** 'кричать — о птице' отмечается в говорах Кемского уезда, по р. Онеге, в Мурманской области, а также в Подпорожском р-не.

ЛОТТАЧ

В значении ‘лягушка’ данное слово зафиксировано в Прионежском р-не (Ялгуба, Суйсарь). По-видимому, это заимствование из вепс., ливв. *lötöi.*, при кар. *löttö*, фин. *lötty* с тем же значением. Возможно, что **балахта** ‘лягушка’ Черепов. Новг., 1850 по СРНГ связано с вепс. *löpshane*.

МУТИКА́ШКИ

Единственную фиксацию в значении ‘головастики’ слово имеет в Подпорожском р-не (Шустручей). Первая фиксация его у Куликовского — **мутикашки** в значении ‘головастики лягушки’ по течению р. Свири.

Калима считает, что это слово заимствовано из фин. *mutti, muttiainen* [Kalima 1915: 168]. SKES приводит следующий материал из прибалтийско-финских языков: люд. *mutine* ‘небольшая рыбка’, эст. *mutike* ‘лягушонок’, водск. *mutikas* ‘насекомое’ [SKES: 354]. Вероятней, на наш взгляд, в силу территориальной близости людиковская этимология.

ПА́РМА, БА́РМА

Приведенные варианты фиксируются преимущественно в значении ‘овод, слепень’.

Вариант **па́рма** отмечается в Пудожском р-не (Авдеёво, Алексеево, Бураково, Песчаное, Римское, Пяльма, Туба). Дериват **парма́к** бытует в Медвежьегорском р-не (Лонгасы, Великая Губа, Сенная Губа, Челмужи, Великая Нива, Кузаранда, Усть-Яндома, Обельщина), в Прионежском р-не (Кончезеро, Лехнаволоок, Ялгуба, Педасельга, Суйсарь, Шуя, Вороново, Паднаволоок), в Кондо-

пожском р-не (Новинка, Тулгуба); в значении ‘слепень’ в н. п. того же р-на: Гангозеро, Лижма, Кулмукса, Горка, Чеболакша. С иным ударением **па́рмак** слово отмечается в Медвежьегорском р-не (Лисицыно, Типиницы, Кижы, Керака, Великая Нива, Габнаволок, Космозеро, Ламбасручей), в Кондопожском (Чеболакша), в Прионежском (Суйсарь). Следует подчеркнуть, что вариативность ударения часто встречается в одном и том же населенном пункте. Зафиксировано словосочетание **парма́чное время** ‘о жарком времени с большим количеством оводов’ в Медвежьегорском р-не (Великая Нива).

Вариант **ба́рма** также распространен в Медвежьегорском р-не (Кефтеницы, Лехнаволок, Мягрозеро, Кузаранда, Шуньга, Великая Губа, Коровино, Белохино, Федотово, Кажма, Черкасы, Лодмозеро). **Ба́рма**, а также дериват **ба́рмак** отмечен в Медвежьегорском р-не (Тявзия, Сенная Губа, Космозеро, Великая Нива, Черный Наволок, Шуньга, Тихвин Бор, Пабережье), в Кондопожском р-не (Кулмукса). С ударением на первом слоге **ба́рмак** зафиксирован в Медвежьегорском р-не (Толвуя, Падмозеро, Селецкое, Охотино, Космозеро), в Кондопожском р-не (Уница). Вариант **барм** отмечается в Кондопожском (Уница) и Медвежьегорском р-нах (Падмозеро, Керака). В н. п. Ионина Гора Медвежьегорского р-на слово **ба́рма** бытует в значении ‘пчела’.

В материалах прошлого века отмечаются слова как с начальным [п], так и с [б]. В Опыте дается **парма́н** ‘овод’ в Петрозаводском уезде; у Куликовского представлены слова **па́рмы**, **парма́к** в Петрозаводском уезде, **ба́рма**, **ба́рмы** — в Петрозаводском и Повенецком уездах, к тому же он замечает, что слово **па́рман**, которое поместил Даль в свой словарь, вероятно ошибка. Мнение Куликовского подтверждается тем, что в Обонежье отсутствует

фиксация слова **парман**, кроме отмеченного выше материала Опыта, что могло послужить источником для Даля.

Калима предлагает ряд соответствий из прибалтийско-финских языков: кар. *poarma*, люд. *puormad* (pl.), вепс. *parm*, фин. *paarma* в значении ‘овод, слепень’ [SKES 1915: 181]. SKES полагает, что данный ряд, часть общего финно-угорского пласта: ливск. *pärmaz*, морд. эрз. *pireto*, *promo*, мар. *parmš*, саам. *boaro* [SKES: 449].

Обобщая ареальную дистрибуцию, следует подчеркнуть, что анализируемая лексема отсутствует в южном Прионежье.

Вариант **парма** доминирует в северной части Пудожского р-на. Дериват **парма́к** бытует в Заонежье, в Кондопожском и Прионежском р-нах, с ударением на первом слоге **па́рмак** — в основном в Заонежье.

Лексемы **барма**, **бармак** преобладают в Заонежье, sporadически в прилегающей к нему части Кондопожского р-на. Причем в Заонежье можно отметить следующие тенденции: в прибрежных населенных пунктах преобладают варианты с начальным [п]; на внутренней территории — с начальным [б]. В связи с возросшей внутренней миграцией населения однозначно говорить о дистрибуции этих вариантов не представляется возможным. Кроме того, в ряде мест уживаются разные варианты: **парма́к**, **барма́к** в Великой Губе, Шильте Медвежьегорского р-на; **парма́к**, **ба́рма** в Космозере, Ламбасручей того же р-на.

ПУТИКА́ШКИ, ПОТИКА́ШКИ, ПУТИКА́Н

Приведенные слова зафиксированы в значении ‘головастики, головастик’. **Путикашки** распространено в Подпорожском р-не (Шеменичи, Ульино, Пидьма, Важины). **Потикашка** отмечено в н.п. Пидьма того же р-на. **Пу-**

тикáн ‘головастик’ отмечено в Прионежском р-не (Ладва) и в Кондопожском, в Петрозаводском уезде в этом же значении отмечается Георгиевским.

Лексема **путикашки** не анализировалась в этимологической литературе, на наш взгляд, это заимствование из вепс. *putikaine, putikeine* ‘головастик’.

Сюда же, по-видимому, относится слово **бультикашка** ‘головастики’, зафиксировано в юго-западной части Подпорожского р-на (Яндеба), его форма вероятно переосмыслена в духе народной этимологии. Следует отметить, что фиксация анализируемых заимствований нерегулярна, в том же Подпорожском р-не чаще употребляется общенародное — **головастики** или местное образование на исконной основе — **толстоголовик** — в Заозерье Подпорожского р-на, Кузаранда Медвежьегорского р-на; **ложки** — в Мегре Вытегорского р-на.

ХОРЬ, ХОРЁК

Оба слова употребляются в значении ‘моль’, **хорь** — в Прионежском р-не (Ладва); **хорёк** — в Кондопожском р-не (Шайдала). Трудно сказать, связана ли лексема **корь** ‘моль’, с анализируемым материалом, отмечаемая в пермских, вологодских, ярославских, архангельских, рязанских, уральских, алтайских, красноярских, забайкальских говорах по СРНГ.

По-видимому, данный материал не является заимствованием из прибалтийско-финских языков: фин., ливв. *koi*, люд., вепс. *koia*, водск. *kei*, эст. *koi* ‘моль’. Широкий ареал данных лексем объясняется тем, что этимон восходит к финскому языку-основе [Хакулинен 1955: 9]. SKES сравнивает с морд. эрз. *ki*, мари *kije*, удм. *kij*, манс. *kii* отмечая при этом, что в тюркских языках имеется подобное слово, казах. *kōja*, кирг. *kūje* [SKES: 207]. Фасмер

выдвигает идею заимствования слова **корь** из греч. *koris* ‘клоп’ [Фасмер 2: 343–344].

ЧА́НЖИ, ЧАНЖА́, ЧА́НШИ, ЧУ́НДЖА

Слово **чанжи** в значении ‘дождевые черви’ отмечается в Прионежском р-не (Ладва); **чанши** — в том же значении, в н.п. Педасельга этого же р-на. **Чанжа** ‘дождевой червь’ зафиксирован в Кондопожском р-не (Тарнога). Слово **чунджа** в этом же значении записано в Вытегорском р-не (Ивачево).

В словаре Куликовского представлено два варианта, один из которых отражает «цоканье»: **чу́нжи** ‘дождевые черви’ — в Вытегорском уезде, и **цюнжи** с этим же значением без географической пометы.

Калима полагает, что в данном случае заимствование из вепс. *tšonžad* ‘приманка’ [Kalima 1915: 242]. В СВЯ имеется несколько вариантов предполагаемых этимонов: *čun'z'*, *čun'dž*, *čonž* в значении ‘дождевой червь’, все они связаны семантически с вепсским же *söt* ‘дождевой червь’, что, по-видимому, является сдвигом семантики, ср. фин. *syötti* ‘наживка’.

Слово **сярты** ‘дождевые черви’, зафиксированное в Прионежском р-не (Ялгуба), как раз происходит от приводимого выше вепс. *söt*.

Бытование анализируемой лексики в Кондопожском, Прионежском, Вытегорском р-нах также подтверждает вепсскую этимологию, причем слова с гласным [a] связаны с прионежским диалектом, а с [y] со средневепсским.

ШІГАЙДАТЬ, ШІГАНДАТЬ

Оба эти варианта чаще всего отмечается в значении ‘шипеть — о змее’. Вариант **шигайдать** зафиксирован в Мед-

вежьегорском р-не (Лонгасы, Петры, Сенная Губа, Кузаранда, Челмужи, Шуньга, Ламбасручей, Загубье, Космозеро, Кефтеницы, Черкасы, Белохино, Кажма, Габнаволок, Тихвин Бор, Патрово, Харлово, Тявзия), в Кондопожском р-не (Тулгуба, Лижма), в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора). В н. п. Толвуя Медвежьегорского р-на отмечен дериват **шигайдун** ‘о кипящем самоваре’. Вариант **шигайдать** распространен также в Пудожском р-не (Песчаное, Римское, Пяльма). С ударением на втором слоге **шига́йдать** отмечается в Заонежье (Патрово, Харлово, Тявзия).

Лексема **шигандать** зафиксирована в Подпорожском р-не (Шеменичи, Корба, Курпово, Шустручей, Пидьма), в Вытегорском (Казаково, Андома, Ошта), в Прионежском р-не (Ладва, Машезеро, Суйсарь), в Пудожском р-не (Гакукса, Авдеево), в Кондопожском (Кулмукса). В Вытегорском р-не (Гневашевская) бытует дериват **шигандаться** ‘шуршать’.

В словаре Куликовского — **шигайдать** ‘шипеть’ зафиксировано в Песчановской волости Пудожского уезда; отмечаются производные: **шигандун** ‘неуклюжий, неповоротливый, тихо говорящий’ — в Заонежье, **шигондэса** ‘шопот’ в Ладве Петрозаводского уезда.

SKES полагает, что люд. *t'šihista*, вепс. *tšihista*, эст. *sihiseda*, эст. диал. *sihida*, ливв. *šihissä* наряду с фин. *sihistä* в значении ‘шипеть’ являются оноματοпоэтическими лексемами, что ставит дополнительные вопросы о направлении заимствования [SKES: 1012]. Калима не включил анализируемое слово в перечень прибалтийско-финских заимствований. Фасмер, рассматривая дериваты **шигайдун**, **шигандун**, делает, на наш взгляд, не совсем обоснованный вывод о происхождении их из арго, причем, он соотносит с анализируемыми лексемами глагол *галдеть* и префикс *ши-* [Фасмер 4: 436]. Погодин свя-

зывает вместе глагол **шигайдать** и **чигайдать** ‘дымить, гореть’, он полагает, что вепс. *šigaida*, фин. *sihistä* являются источниками русских глаголов. Сало, рассматривая глагол **шигайдать**, отмечает его многозначность в поморских говорах Карелии: ‘шуршать, шуршать в траве’, ‘болтать, брюзжать ворчать, много говорить, сипеть’; она классифицирует его как звукоподражательный глагол. На наш взгляд, вепс. *šihaita* ‘шипеть’ наиболее полно соотносится фонетически и семантически с русским диалектным словом.

Вариант **шигайдать** распространен в Заонежье и в прилегающих к нему р-нах. Вариант **шигандать** — в Прионежском, Подпорожском, Вытегорском р-нах, а также в южной части Пудожского р-на.

ШІЖЛИК, ЖИГАЛЮ́ХА

Приведенные в заголовке слова являются только малой частью вариантов этого заимствования. Все они употребляются в значении ‘ящерица’. Слово **шіжлик** бытует в Подпорожском р-не (Юксовичи, Усланка, Шеменичи, Курпово, Согиницы, Ульино, Заозерье, Яндеба, Пидьма), в Прионежском р-не (Ладва, Педасельга, Таржеполь), в Вытегорском (Мегра, Казаково, Андома, Ундозеро, Ивачево, Ерино, Ошта). В переносном значении ‘хилое, слабое, худое домашнее животное’ **шіжлик** отмечено в н. п. Пидьма; в значениях ‘мелкий налим’ — в н. п. Мегра; ‘невысокий тщедушный человек’, ‘быстрый, подвижный ребенок’ — в н. п. Ошта. В смежных говорах лексема **шіжлик** зафиксирована в Лодейнопольском р-не (Печеницы, Шапша),

Вариант **шізлик** характеризуется спорадической фиксацией — в Подпорожском р-не (Усланка), в Вытегорском (Бабино). в Пудожском (Корбозеро).

Вариант **шижля́к** и диминутив **шижлячо́к** в значении ‘небольшая рыбка’ отмечен в Вытегорском р-не (Ивачево). Единственную фиксацию по КСРГК имеет вариант **шижник** ‘ящерица’ в Подпорожском р-не (Юксовичи).

Лексема **жіжлик** ‘ящерица’ распространена в Пудожском р-не (Гакукса, Каршево, Авдеево, Римское, Песчаное, Пелусозеро), в прилегающей к нему части Медвежьегогорского р-на (Челмужи). Лексема **жіжелик** отмечена в Пудожском р-не (Колово), **жижля́к** в н. п. Заозерье того же р-на. Слово **жіжник** отмечено в н. п. Канзанаволок того же р-на. **Жижлі́н** отмечается в Вытегорском р-не. В сопредельных говорах фиксируются варианты **жижник** в двух значениях: ‘ящерица’ и ‘о хилом тщедушном человеке’; **жижля́к** ‘ящерица’ — оба слова в Каргопольском р-не.

Диминутив **жижличо́к** бытует в Пудожском р-не (Авдеево, Водлозеро), **жіжелка** ‘ящерица’ — в н. п. Корбозеро того же р-на. Слово **жижелю́ха** ‘ящерица’ фиксируется в Медвежьегогорском р-не (Ламбасручей, Сенная Губа, Великая Губа, Шуньга), в Прионежском (Суйсарь), в Кондопожском (Новинка, Тулгуба, Горка, Гангозеро, Лижма). Отмечается ряд вариантов фонетического характера: **жижалю́ха** — в Прионежском р-не (Косалма); **жижилю́ха** — в Медвежьегогорском (Кажма); **жижелю́ха** в том же р-не (Великая Губа). Лексема **жижалю́шка** в значении ‘небольшая змея’ зафиксирована в Медвежьегогорском р-не (Кажма).

В Онежском р-не (Прилуки) бытует форма **жижу́лица** ‘ящерица’, что, по-видимому, может быть связано с влиянием слова *жужелица*. Слово **жигалю́ха** ‘ящерица’ распространено в Медвежьегогорском р-не (Великая Нива, Косозеро, Палтега, Шильтя, Кузаранда: Толвуя, Загубье, Шуньга, Вырозеро, Челмужи), в Пудожском р-не (Пяльма), в Сегежском (Валдай, Вожма ога). Вариант

жигалю́ха записан в Кондопожском р-не (Гангозеро). Диминутив **жигалю́шка** отмечен в Медвежьегорском р-не (Данилово).

Слово **жигáлка** ‘ящерица’ бытует в Беломорском р-не (Ендогуба), а значения ‘уж’ в н. п. Калезма того же р-на.

В н. п. Челмужи Медвежьегорского р-на отмечаются слова **жі́жлик** и **жигалю́ха**; в н. п. Шуньга того же р-на — **жижелю́ха** и **жигалю́ха**.

В материалах прошлого века широко представлены анализируемые слова, только в словаре Куликовского имеется 11 лексем, сведенных в одно гнездо, по-видимому, из-за тождества семантики ‘ящерица’ и сходства форм: **ші́жлик** — в Пудожском, Вытегорском уездах; **жі́жлик** — в Вытегорском, Пудожском, Каргопольском, Лодейнопольском уездах; **жі́желик** — в Пудожском, Вытегорском уездах; **жижелю́ха** и **жежелю́ха** — в Петрозаводском; **жижлѐ́ц** — в Петрозаводском уезде; **жижлú́ха** — в Пудожском уезде; **жиглú́ха** — в Каргопольском уезде; **жигалю́ха** — в Петрозаводском; **жаглú́ха** также в Петрозаводском уезде и **жигáлка** — в Повенецком уезде. Куликовский представляет также переносное значение слова **жигáлка** — ‘слишком бойкая, подвижная особа’ в Повенецком уезде.

Автор Словаря Олонецких говоров полагает, что первичная форма **жигалка**, которую он поставил на первое место, так как «по народному поверию ящерица может ужалить, и последствия не менее опасны, чем укушение змеи». Даль фиксирует два слова со значением ‘ящерица’ — **жі́галица**, **жі́гальница** в Архангельской губернии. В словаре Подвысоцкого отмечено слово **жегáльница** ‘ящерица’ в Шенкурском уезде. Кроме того, в СРНГ приводятся следующие лексемы в значении ‘ящерица’: **жі́жлик** — в Пинежском р-не; **жі́жник** — в каргопольских

говорах; **жиглүха** — в Каргопольском, Онежском р-нах; **жиглүха** — в Лодейнопольском уезде, **жигалюха** — в печорских говорах. Диминутив **жижелюшка** представлен в материалах Георгиевского в Петрозаводском уезде.

Финно-угорские истоки анализируемой лексики были представлены еще в работах Шегрена, Лескова, Меккеляйна; Калима дал, по-видимому, исчерпывающую этимологию. По его мнению, **шижлик** и т.п. слова восходят к вепс. *šizl'ik*, ливв. *šizil'iusku*, *čiziliusku*, кар. *čiziliupku*, люд. *t'sid'želiusk*. Вариант **жига-**, по мнению Калимы, является результатом народной этимологии, хотя он не отрицает и возможную связь с фин. *sikalisko*. SKES дает также значительное число вариантов этимона: ливв. *sizilisko*, *šiziliuhko*, *sihiliusku*, люд. *šizlik*, *šizelikko*, *šizl'ik*, ливск. *sižalikki*. Авторы SKES полагают, что различные варианты заимствования имеют довольно устойчивые ареалы. Вариант **шижлик** доминирует в р-нах с вепским субстратом: Подпорожском, Вытегорском, Прионежском. Варианты **жижлик**, **жижелик** преобладают в Пудожском р-не. Вариант **жижелюха** частотнее в западной части Заонежья; **жигалюха** распространен повсеместно в Медвежьегорском р-не. Причем варианты **жижлик**, **жижелик**, **жижелюха** возможно связать с приведенным выше людиковским материалом, а **жигалюха**, по-видимому, связан с переосмыслением формы, что показал еще Куликовский.

В Общеславянском лингвистическом атласе (Выпуск I. Животный мир, 1988, карта № 30) лексема **жижлик** отмечена в н.п. № 552 Ладва Прионежского р-на, № 550 Усланка, в № 551 Плотично Подпорожского р-на, № 568 Замосье Вытегорского р-на, № 569 Гаврилово Вытегорского р-на и **жижлика** в н.п. № 534 Тамица Онежского р-на. По нашим же данным, подтверждаемым материалами КСРГК, в Вытегорском и Подпорожском р-нах фик-

сируется вариант **шижлик**, связанный с вепским языковым влиянием. По-видимому, здесь имеет место сужение ареала **жижлик**, отмеченное Куликовским в Вытегорском, Пудожском, Лодейнопольском, Каргопольском уездах.

Лексика ландшафта

Данная тематическая группа самая многочисленная среди анализируемой лексики, включает в себя свыше 220 слов и вариантов. Поскольку лексика ландшафта тесно связана с топонимическими наименованиями, то в том случае, когда та или иная лексема отмечается в обследуемом ареале как топоним, на это непременно указывается. В то же время, понимая, что топонимика требует отдельного целенаправленного изучения, мы не ставили перед собой цели учитывать все теоретические аспекты данной проблемы, однако, если анализируемая лексема требовала включения ее в круг топонимических источников и исследования каких-либо вопросов топонимики, то это осуществлялось.

АЛЯГА

Аляга 'дождевая лужа' отмечено по данным КСРГК в Кондопожском р-не. Это единственная фиксация лексемы. По-видимому, это заимствование можно возвести к фин. *allikko* 'дождевая лужа', 'пруд, озеро, болото' и 'проталина, незамерзшее место в море'. Кроме финских источников, данное слово имеет соответствие только в эстонском языке, ср., эст. *allikas*, *allik*, *hallikas* 'прорубь', а в эстонских диалектах 'незамерзшее место во льду в море'. SKES ограничивается приведением финского и эстон-

ского материала. По-видимому, в прибалтийско-финских языках это слово не исконное, скорее всего оно было заимствовано из балтийских языков, ср. латыш. *ālinģis* ‘прорубь’ [SKES: 16].

Невозможно, однако, полностью исключить связь слова **аляга** с фин. *lätäkkö*, люд. *lätäköd* (мн.), вепс. *lätäk* ‘лужа’, а также с русским по происхождению **ляга** ‘лужа’, ‘выбоина, рытвина на дороге, заполненная водой’, ‘низкое сырое место, широкая впадина с отлогими краями, обычно заполненная водой’ (СВГ).

Хакулинен относит однако слово *allikko* ‘лужа, стоячая вода’ к древней финской лексике [Хакулинен 1953: 6].

БО́НГА

В значении ‘омут’ слово **бонга** зафиксировано в Прионежском р-не (Ладва, Педасельга), на большей части Подпорожского р-на (Пидьма, Шустручей, Юксовичи, Гоморовичи), в Вытегорском р-не (Мегра, Бабино, Ошта, Ундозеро). В н. п. Юксовичи Подпорожского р-на отмечено значение ‘воронка водоворота в омуте’, в н. п. Заозерье этого же р-на бытуют значения: ‘яма с водой’ и ‘глазник на болоте’. Только в материалах КСРГК отмечается лексема бонда ‘большая лужа’ в Подпорожском р-не (Грибаны).

В словаре Куликовского слово **бонга** имеет значение ‘небольшое лесное озеро, озеро без истоков’, зафиксированное в Петрозаводском уезде. Материалы СРНГ дают иное значение — **бонга** ‘глубокая лужа, образовавшаяся в глубоком месте ручья при его высыхании’, записанное также в этом уезде, но в 1896 г.

Калима указывает, что самой близкой к русской форме будет вепс. *bong* ‘омут, глубокое место в реке’; но

тем не менее, он полагает, что в данном случае это заимствование из ливв. *vonga-* ‘бухта, залив’, а вепсская форма, по его мнению, обратное заимствование из русского [Kalima 195: 80]. SKES вслед за Калимой полагает, что здесь заимствование из южнокарельских, ливвиковских диалектов. На наш взгляд, вепс. *bong* ‘водоворот’, люд. *vonng* ‘водоворот, глубокое, тихое место в реке’ как в отношении семантики, так и формы более соответствует русскому диалектному слову. Кроме того, Л. Кеттунен указывает, что в вепском языке начальный [b] происходит из [v] [Kettunen 1960: 36]. Калима опирается на семантику слова **бонга**, представленную Куликовским, которая более близка семантике ливвиковского слова, ливв. *vonngu* ‘изгиб реки, небольшой залив, глубокое место, где река делает поворот’. Данные ПЛГО фиксируют, однако, только значение ‘омут’, которое совпадает со значением вепского слова. Семантику Куликовского зафиксировать не удалось. География анализируемого заимствования — Подпорожский, Вытегорский, Прионежский р-ны — также свидетельствует в пользу вепской этимологии.

БУКЛЯ

Букля ‘небольшой речной или озерный залив’. Данная лексема по ПЛГО отмечена только в н. п. Ошта Вытегорского р-на и в н. п. Шустручей Подпорожского р-на.

На наш взгляд, это слово связано с вепс. *bukl* ‘водоворот’ и, по-видимому, оно имеет отношение к фин. *pukkelo* ‘маленький сенокос’, ‘небольшой омут’; ливв. *pukkelo* ‘тенистое место между деревьев на лугу’ (Суоярви, Салми), ‘маленький сенокосный луг’, ‘окраинные места сенокоса’; *pukkela* ‘пространство между деревьями на сенокосном лугу’. Авторы SKES, приводя карело-финский материал (см. выше), не могут дать точной этимологии, но пола-

гают, что здесь может быть заимствование [SKES: 631]. Фасмер говорит о том, что «напрашивается сравнение с гол. *bocht*, нем. *Vucht*, но оно небезупречно в фонетическом отношении» [Фасмер 1: 237].

В словаре Куликовского слово зафиксировано в Вытегорском уезде на озере Ковжозере — **букля́** ‘залив’. — В **букле** у нас рыбу ловят.

В СРНГ **букля́** ‘озерный залив’ Онеж. КАССР (Калинин); ‘изгиб реки’ (Арх.), ‘глубокое тихое место в реке, заводь’ (Волог.).

С другим ударением **бу́кля** ‘залив’ с пометой — Андозеро Кирилл. Новг., 1902. Отмечено данное слово и вне севернорусской территории — **букля́** ‘небольшая выбоина, впадина в береге реки’ (Волж., Неуструев).

Мурзаев, приводя слово **букля́**, так же, как и Фасмер, говорит о неясности происхождения данной лексемы. Северо-западное происхождение анализируемого слова подтверждает материал Новгородского областного словаря, где представлены два деривата: **букли́на** ‘небольшой залив на реке, заводь’, бытующее в Мошенском р-не; и **буклови́на** ‘небольшая заводь с застойной водой и растительностью’ — в Старорусском р-не. Слово **букля́** широко представлено в русских говорах Северо-Запада [см. СГРС 1: 208–209], с отсутствием на южнорусской территории [см. Васильев 2001: 115–117; Субботина 1983: 81–82], однако этимология его остается не до конца ясной.

ВА́РА, ВАРА́КА

По данным КСРГК видно, что Обонежье является окраинным южным ареалом распространения данного заимствования, наиболее частотны его фиксации в поморских и кольских говорах. В исследуемом регионе отмечены **ва́-**

рака ‘гора, холм’ в н.п. Песчаное Пудожского р-на, а также **вара́ка** ‘глухое место в лесу с буреломами’ в н.п. Белохино Медвежьегорского р-на. На смежной территории **варака** ‘холм, гора’ отмечено в Кемском, Терском, Беломорском р-нах и в окрестностях г. Кандалакша; **ва́рака** ‘густой высокий еловый лес’ в н.п. Варзуга, Чапома Терского р-на. На той же территории зафиксированы фонетические варианты **ва́рока** ‘гора, поросшая лесом’ в н.п. Поньгома Кемского р-на, Чаваньга, Умба Терского и в ряде н.п. Онежского р-на и в окрестностях г. Кандалакша; **ва́рока** ‘скала’ в Терском, Кемском и Беломорском р-нах и г. Кандалакша; в н.п. Летняя река Кемского р-на **ва́рока** ‘валун’. Отмечен вариант **ва́рок** ‘гора’ в н.п. Сумский Посад Беломорского р-на; ‘лес’ в Терском р-не. Слово, зафиксированное в н.п. Суйсарь Прионежского р-на, по-видимому, не связано с нашим материалом — **ва́рок** ‘палка, которой подпирают изгородь’. Меркурьев также отмечает **варака** и **варока** ‘гора’ — Терский р-н.

В источниках XIX века анализируемое заимствование имеет ряд фиксаций. В словаре Даля представлено **ва́ра**, **ва́рака** ‘холм, горюшка, бугор, взлобок’, ‘крутой каменный берег, утес, береговая скала’ в Архангельской губернии. В Опыте **ва́рака** ‘гора, особенно каменная’ — в Кемском, Онежском уездах. У Подвысоцкого дается **ва́ра**, **ва́рака** в значениях ‘лес на возвышенном берегу моря’ в Кемском уезде; ‘холм, гора’ — в Кольском; ‘скалистый остров’ — в Онежском, Кемском, Кольском уездах. В словаре Куликовского отмечается **вара́ка** в Заонежье и **ва́раха** на Водлозере и по течению р. Свири со значением ‘скала, гранитный гребень, каменистое место’; **вараха** дается также в значении ‘кочка на худо выбороненной полосе’ на Водлозере и в Петрозаводском уезде. В СРНГ представлено также **вара** ‘холм, гора’ в Вологодской губернии.

По данным КСРГК и СРНГ можно привести нечастотные варианты заимствования: **вора** ‘груда камней под водой’ в н. п. Пабережье в Медвежьегорском р-не; **вора**, перен. ‘гора, очень много чего-л.’: — Мать сканцев **вору** на скала. д. Хевроньино Подпорожского р-на. Хотя, возможно, здесь связь с русским — *ворох*.

На сопредельных территориях зафиксировано значительное количество вариантов: **ва́рага** ‘каменная гора’. Кем. Арх., 1910. (СРНГ); **ва́рак** ‘лесная чаща’ н. п. Варзуга Терского р-на (КСРГК); **ва́ракка** ‘гора, холм’ Беломор. КАССР, 1939 (СРНГ); **ва́рега** ‘покрытый лесом холм в тундре’ (Кем. Арх., Подвысоцкий); **варе́я** ‘место на холмах, лишённое снега и покрытое оленьим мхом’ Арх., 1899 (СРНГ); **ва́рик** ‘круглая горка’. Арх., 1844 (СРНГ); **ва́руй** ‘высокая кочка на болоте’ Усть-Цилем. Арх., 1951 (СРНГ); **варь** ‘низкая гора; каменистый холм, поросший лесом; каменистый остров в море’ Кольск., Белое море, Арх. (СРНГ); **ва́рьга** ‘покрытый лесом холм в тундре’ (Мезен. Арх., Подвысоцкий).

Отмечен диминутив **варочка** ‘гора, скала’ в Кемском и Терском р-нах, Также дериват **вара́куша** ‘гора, особенно каменная’ — Волог., Опыт.

Калима даёт карельскую этимологию: ливв. *voara* ‘лесистая возвышенность, гора’; он высказывается против предположения Погодина и Меккеляйна о заимствовании карельской диминутивной формы *varaka*, он считает, что эти формы образовались на русской почве [Погодин 1904: 19; Meckelein 1913: 32; Kalima 1915: 83]. SKES не исключает того, что в финский язык слово *vaara* ‘гора, обычно покрытая лесом’ пришло из саамского. Авторы SKES справедливо полагают, что и в русские говоры это заимствование пришло из саамского, так как в саамских диалектах это слово имеет значения: саам. швед. *wara* ‘гора’, саам. кольск. *varr^E* ‘лес’ [SKES: 1580], при манс. *вор* ‘лес’.

Серебренников отмечает, что «название села **Холмогоры** Архангельской обл., по всей вероятности, произошло из карельского *Kelmovaara*. Затем оно было включено в тип полупереводов с характерным окончанием *горы* (довольно многочисленные в Архангельской области, например, **Хаврогоры, Нисогоры, Карпогоры** и т. д.). Под влиянием второго составного элемента *горы* первая иноязычная составная часть была ассоциирована с русским словом *холм*, откуда современное **Холмогоры**» [Серебренников 1959]. Об этом же пишет Попов: «многочисленные топонимы с финалью *горы* возникли в порядке полуперевода с участием данного термина: **Келлюгоры** из **Келловарака**; гора Шари из **Шаровары, Шогогора** из **Шоговара**» [Попов 1965]. Это же отмечал Матвеев [Матвеев 1964]. Позднее он классифицирует его как редко встречающийся формант [Матвеев 2001: 188].

Следует отметить, что ареал анализируемого слова значительно сузился по сравнению с прошлым веком. Однако исследуемая лексика имеет еще довольно широкое распространение.

ВЭНДУРА, ВЭНДУРЫ, ВЭНДУРЬЕ, ВЭНДАРА

Представленные варианты впервые зафиксированы по КСРГК и ПЛГО. **Вендура** ‘нетопкое место на болоте, где обычно растет морошка’ бытует в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора), в Медвежьегорском р-не (Данилово); **вендуры** ‘кочки на болоте’ — также в Сегежском р-не (Валдай); **вендара** ‘высокое сухое место на болоте’ — также в н. п. Валдай. Кроме того, в КСРГК отмечается дериват **вендурье** ‘топкое место на болоте’ в Сегежском р-не.

Первая часть данного заимствования возможно связана с кар., ливв. *vento* ‘вязкий, жидкий’, кар. сев. *ventto*

‘слабый, хрупкий’ фин. *vento*, распространенным по данным SKES в диалектах юго-востока и северной Карелии со значением ‘топкое, зыбкое, покрытое водой, болото’. Прибалтийско-финское слово, возможно, было заимствовано из древнегерман. **swenbo* [SKES: 1698–1699].

И. Муллонен связывает оятские топонимы **Вендозеро**, **Вяндручей** также с фин. *vento* [Муллонен 1988: 70]. Финали *-ур-*, *-ар-* трудно отнести к результатам развития на русской почве, непонятно, являются ли рефлексамии прибалтийско-финских топоформантов или апеллятивов, ср. фин., ливв., люд. *ura* ‘плохая дорога, тропа’.

ВÓРГА

В исследуемом регионе данное слово составляет маргинальный ареал. Основная территория его бытования расположена восточнее в Архангельской области и Республике Коми. Первая фиксация по СРНГ в Архангельской губернии в 1847, где **ворга** ‘болотистая местность, заросшая кустарником, мелколесьем’. В Опыте имеется два значения: 1. ‘болотистая лощина, поросшая мелким лесом’ в Мезенском уезде и 2. ‘топкое болотистое место’ в Тобольской губернии. В словаре Даля **ворга** ‘голое кочковатое место’ с пометой Сиб. Наиболее детально слово **ворга** представлено в словаре Подвысоцкого с пометой (из зырянского): «заросшая кустарником или мелким лесом болотистая местность», «длинное близ моря углубление в земле, образующее в прилив род речки или ручья», «занятое птицеловными силками место в лесу», «протоптанная в лесу тропинка» Запечор. В словаре Куликовского **ворга** ‘глухое место в лесу’. Данная лексема имеет спорную этимологию. Погодин включает ее в заимствования из коми — *vorga* ‘ямка, желоб, канавка’; Калима не уверен до конца, но тоже предполагает, что это заим-

ствование из коми [Kalima 1927: 21]. Матвеев полагает, что **ворга** ‘естественная просека, просвет в лесу’ пришло в говоры из коми языка, но допускает и возможность контаминации с **орга** [Матвеев 1959: 22]. Ивашко также предполагает коми этимологию. Фасмер возводит анализируемое слово к кар. *orgo* ‘сырая низина’, фин. *orku*, эст. *org* ‘то же’ [Фасмер 1: 351].

По данным ПЛГО **ворга** ‘глухое место в лесу’ отмечено в Пудожском р-не, **ворги** ‘ягодное место в лесу’ н. п. Каскасельга Медвежьегорского р-на; **ворга** ‘болото, трясына’ зафиксировано в Пудожском р-не (Римское).

Картотека СРНГ отмечает также **ворга** ‘поляна, заросшая высокой травой’, в Челябинской области; ‘покосное поле в лесу’ в Алтайском крае. В Мурманской области — **ворга** ‘роща, заросшая кустарником, подлеском или мелколесьем’.

На обследуемой территории данная лексема в основном распространена в Пудожском р-не, что позволяет предположить связь данной формы слова с коми языком, но семантика указывает тем не менее на прибалтийско-финский источник (см. **орга**). Несомненно, однако, что вариант **ворга** ‘лесная охотничья дорога’ в н. п. Шала в Пудожском р-не является заимствованием из коми. В АОС часть материалов на слово **ворга** несомненно связана с **орга** — это **ворга** ‘топкое сырое место’ в Приморском, Мезенском, Лешуконском р-нах; ‘сырая затапливаемая территория вдоль реки’ н. п. Сузьма Приморского р-на; ‘заболоченный кустарниковый лес’ н. п. Долгощелье Мезенского р-на. Используется **ворга** в названиях сенокосных угодий: **Ворга Семенова**, **Ворга Попова**. Часть значений, отмеченных в АОС, такие как ‘дорога’, ‘ручей’ и т. п. относятся безусловно к адстратному влиянию коми языка. Однако слово **вóргая** ‘поле в лесу’, зафикси-

рованное в Пудожском р-не (Римское), трудно возвести к определенному источнику.

КА́ЛЬГА, КА́ЛЬЯ, КАЛЮ́Н

По данным ПЛГО и КСРГК **каля** в значении 'высокое место, обрыв' отмечается в Пудожском р-не; **ка́лья** 'овраг' в н. п. Авдеево того же р-на. В Медвежьегорском р-не (Мустово) зафиксирован вариант **ка́льга** 'каменистая возвышенность'.

Калима, оперируя только материалом словаря Грота-Шахматова, где в Вытегорском уезде отмечается слово **калю́н** 'холм', дает соответствия из прибалтийско-финских языков: люд. *kalli*, вепс. *kal'l'*, фин. *kallio* 'скала' [Kalima 1915: 102]. В СВЯ — *kall* имеет значение 'скала, каменный карьер'. SKES, приводя также ливв. *kal'l'ivo*, водск. *kal'l'o*, саам. кильд. *koille*, саам. терск. *kaille* 'скала' возводит это гнездо к др.-герм. **xalliōn*, др.-норв. *hella* 'камень, скала' [SKES: 150]. На смежной территории слово **ка́лья** 'овраг' бытует в Киришском р-не.

КА́ЛЬЯ, КА́ЛЕГА

Ка́лега 'колея на дороге' отмечается в Пудожском р-не (Песчаное). Сходный материал по Пудожскому уезду дает Куликовский: **ка́льи**, **ка́льги** 'колеи, ямы, выбитые на проезжей дороге'. Широко распространено анализируемое гнездо в вологодских говорах: **кальга́** 'яма, выбоина, ухаб на дороге' в Тотемском и Вельском уездах (СРНГ), в Вытегорском, Вашкинском, Кирилловском р-нах; в значении 'колея на дороге' — в Кирилловском р-не, Кадниковском уезде, Каргопольском р-не, а также в вятских говорах. С ударением на первом слоге **ка́льга** 'ухаб на дороге' бытует в Вашкинском р-не. СВГ предлагает сле-

дующие материалы: **ка́лья** ‘выбоина, яма’ в Сокольском и Тарногском р-нах. Слово **кальа́** в значении ‘овраг’, ‘лужа’ зафиксировано СВГ в Сямженском р-не.

Фасмер полагает, что в данном случае возможно образование из **колея** в акающем диалекте с вторичным [г]. Материал зафиксирован в севернорусских говорах, образование же вторичного [г] современными исследователями рассматривается как результат вепсского влияния [см. Суханова, Муллонен 1986] (противоположные тенденции преобладают на материале **палья, пальга**), связь с русским материалом здесь несомненна, но появиться такая форма в языке говоров могла, по-видимому, под влиянием прибалтийско-финской лексики; кар. *älg* ‘колея’, вепс. *gälg, jäl'g, d'äl'g* ‘след, отпечаток чего-л.’ могли создать условия для контаминации с русским *колея* [SKES: 129–130].

КАНА́ВА

На всем протяжении Волго-Балтийского канала распространено значение этого слова **канава** ‘канал’; в Вытегорском р-не (Ошта, Нижняя Водлица, Казаково) словом **ка́нава** называют Онежский обводный канал с вариативным ударением на первом слоге. Восточнее в Вологодской области **канáва** уже функционирует как обозначение Волго-Балта в Вашкинском, Кирилловском, Череповецком, Кадуйском р-нах.

Отмечено **канáва** ‘канал’ в н. п. Лехнаволоок Прионежского р-на. Данная лексема была заимствована прибалтийско-финскими языками из русского, но получила там иные значения, ср. фин. *kanava* ‘канал’, вепс. *kanav* ‘канал, вырытая протока’, люд. *kanavi* ‘канал’ [см. также: Kalima 1952: 93]. Затем влияние, в основном вепсского языка, сказалось на значении слова **канава** в русских го-

ворах Обонежья и Беломорья, где анализируемая лексема употребляется в значении 'канал'.

КАРА

В значении 'залив в озере, заводь в реке' анализируемое слово распространено в Подпорожском р-не (Важины, Согиницы, Юковичи, Сидорово, Заозерье, Шеменичи, Пидьма), в Вытегорском р-не (Бараны), в Прионежском р-не (Педасельга, Ладва). Значение 'омут в реке' бытует в Подпорожском р-не (Курпово), а также в Лодейнопольском (Ефремково), в Тихвинском (Саньково), отмечает его Герд в Чудовском и Киришском р-нах [Герд 1975].

Кара 'лес на краю озера' представлено в Пудожском р-не (Римское). В Подпорожском р-не отмечаются также значения: 'омут в излучине реки' в н. п. Усланка, Курпово; 'низина между возвышенностями' в н. п. Гонгиничи. В Вытегорском р-не (Бабино) **кара** имеет значение 'низина, поросшая травой'. Кроме того, в смежных говорах отмечается значение 'пруд' — в Тихвинском р-не, 'болото без растительности' — в Лодейнопольском р-не (Тервеничи), 'неровность береговой линии' — в Белозерском р-не (Кузнецова).

Предыдущая фиксация в словаре Даля — **кара** 'глубокое место, яма в озере или реке' дает широкий ареал слова в Олонецкой, Петербургской, Новгородской губерниях. У Куликовского отмечены два значения: 'залив в озере или реке' — в Вытегорском, Повенецком, Петрозаводском уездах; 'пруд' — в Лодейнопольском и Петрозаводском уездах.

Трудно судить, является ли вариант с полногласием более ранним, уже преобразованным заимствованием или нет, поскольку он регистрируется впервые СРНГ в

1933 г.: **корóвина** ‘омут в излучине реки’ и, по-видимому, вариант с аканьем — **карáвина** ‘небольшой залив в озере’, оба варианта зафиксированы в Капшинском р-не (оятские говоры).

Калима предлагает в качестве этимона вепс. *kar* ‘залив в озере’, но происхождение вепсского слова для него не ясно [Kalima 1915: 104]. Вероятно, справедливо его предположение о вепсской этимологии, которая подтверждается также топонимией. В Подпорожском р-не зафиксированы следующие топонимы: **Донская Кара**, **Мокрушина Кара** — близ н. п. Пидьма; **Кара** — деревня на берегу озера близ н. п. Шеменичи; **Кара** — деревня на берегу р. Свирь — близ н. п. Вознесенья.

И. Муллонен отмечает по р. Ояти слово **кара** в качестве детерминанта сложных географических названий [Муллонен 1988: 94]. См. также [СГБРС: 122].

КАРЬЯ

Карья, мн. ‘ямы’ фиксируется в н. п. Каргиничи Подпорожского р-на. **Карья**, ж. ‘выбоина, ухаб на дороге’ отмечено в Лодейнопольском р-не; — Рознята дорога, сплошь **карьи**.

Данный материал зафиксирован впервые. По-видимому, эти лексемы можно возвести к вепс. *kar* ‘яма, углубление, выемка’, тем более что слова отмечены в регионе адстратных отношений. Вероятно, вепсский материал связан с фин. *karje* ‘крутой, обрывистый берег’. Хотя нельзя исключать и того, что анализируемое слово является вариантом **калья** в сходном значении.

КЕНТ, КЭНТА, КЭНДА

Вариант **кенда** по ПЛГО и КСРГК зафиксирован в Вытегорском р-не в нескольких значениях: 'ягодное место в лесу', 'пожня' — в н. п. Андома; 'мыс на реке, озере' — в н. п. Щекино. В Пудожском р-не (Авдеево) отмечается **кент** в значении 'бор', в Сегежском р-не по КСРГК представлено **кента** 'дремучий лес'. На смежной территории слово **кент** 'бор, лес' бытует в Кадуйском р-не. Мурзаев дает слово **кент** в значении 'вершина с пологими склонами', которое распространено на Северном Урале.

Первая фиксация в Опыте — **кенда** 'песчаный возвышенный берег озера' в Олонецкой губернии. Куликовский отмечает **кенда** 'возвышенное, поросшее место на болоте' в Авдеево Пудожского уезда и в Петрозаводском уезде, наряду со значением Опыта. СРНГ представляет еще одну фиксацию, но за 1903 г. — **кенда** 'возвышенное неводеланное поле' в Олонецкой губернии. Это слово квалифицировали как заимствование еще в середине XIX века. Шегрен возводил **кенда** к фин. *kentta* и *kenttä* 'возвышенное бесплодное место' [Шегрен 1854: 152]. Такую же этимологию дает Грот [Грот 1876: 471]. Погодин реконструирует вепс. **kenda* [Погодин 1904: 29]. Веске соотносит это слово с фин. *kenttä* [Веске 1890: 77]. Калима учитывает возможность заимствования из ливв. или вепс [Kalima 1915: 111]. SKES полагает, что из финского языка *kenttä* было заимствовано в саамский, ср. саам. норв. *genda* 'старое жилое место, площадка'; в русские говоры, по мнению авторов SKES, вошло из какого-л. прибалтийско-финского языка [SKES: 182]. Мурзаев также отдает предпочтение финской этимологии. На наш взгляд, слово, записанное в Вытегорском р-не, **кенда** соотносится с вепс. *kend* 'берег реки, озера у самой воды или край болота'. Материал **кентище**, **кинтище** 'старое место жилья,

поросшее травой', зафиксированный на Кольском полуострове, возводится к саамскому влиянию, ср. саам. *kint*, *kieDD*^E [ПФГЛК: 38].

КОНДА

По данным ПЛГО **конда** 'возвышенность' отмечается в Подпорожском р-не (Согиницы), в значении 'пологий склон горы' в том же р-не (Важины, Курпово). Кроме того, близ н. п. Курпово зафиксированы микротопонимы **Ерекконда**, **Кузяконда**, обозначающие места, урочища в лесу. По-видимому, анализируемый материал восходит к ливв. *kondu* 'надел, земельное угодье', носители ливвиковского диалекта проживают в непосредственной близости от приводимых н. п. в соседнем Олонецком р-не Карелии. KKS представляет *kondu* в значении 'дом', 'место', 'жилище', 'поле' на довольно обширном ареале распространения, включая карельские диалекты Валдая, Салми, а также тверских карел.

В Медвежьегорском р-не, неподалеку от н. п. Ламбасручей на берегу узкого залива отмечается топоним **Конда** (название деревни, ныне не существующей). В Кадуйском р-не по данным КСРГК зафиксировано **конда** 'возвышенное место', соотносимое с обонежским материалом.

Георгиевский представляет микротопоним **Абаканда** 'название некоторых пожен' по р. Муромля в Петрозаводском уезде. Источник у него, по-видимому, другой — ливв. *kandu* 'основание, подошва, полозья саней', люд. 'пятка', 'каблук', люд. вепс. *kand* 'пятка' [SKES: 157]. Сюда же, вероятно, относится название тони **Канда** близ н. п. Валдай в Сегежском р-не, а также материал Мурзаева — **канда** 'верхняя часть залива, кут губы, где расположено селение и происходит перевалка грузов' в Каре-

лии. Мурзаев возводит это слово к фин. *kanta*, кар. *kanda* ‘основание, голова, верхушка’. Мамонтова приводит *Abai* ‘место для ловли рыбы неводом, тоня’ [Мамонтова 1982: 69], что определяет происхождение первой части топонима **Абаканда**.

Зафиксированное на Выгозере название деревни **Калакунда** (Сегежский р-н) восходит к фин. *kunta* ‘общество’ (вторая часть слова) и к *kala* ‘рыба’ — фин., вепс., кар.; ср. кар. *heimokunda*, *üökunda*, люд. *kanzakunda*.

Отмечаемые у оятских вепсов сходные по звучанию топонимы *Kond'jär'v*, *Kondeja* в первой части относятся к *kondi* ‘медведь’ [Муллонен 1988: 100].

КОРБА

Данные ПЛГО отмечают несколько значений анализируемой лексемы. **Корба** ‘густой еловый лес’ фиксируется в Подпорожском р-не (Заозерье, Усланка, Курпово, Шеменичи, Шустручей, Яндеба, Юксовичи, Важины, Пидьма, Ульино, Гоморовичи), в Прионежском р-не (Суйсарь, Ладва, Педасельга), в Пудожском (Колово, Пяльма, Авдеево), в Кондопожском (Колгостров, Гангозеро, Чеболакша, Лижма), в Медвежьегорском р-не (Сенная Губа, Челмужи), в Вытегорском (Ошта). Широкий ареал имеет слово **корба** в значении ‘болото, поросшее лесом’ — в Пудожском р-не (Каршево, Гакукса, Канзанаволок, Киково, Колово), в Кондопожском р-не (Гангозеро), в Вытегорском р-не (Ивачево). **Корба** ‘сырое болотистое место в лесу’ отмечается в Пудожском р-не (Карбозеро), в Прионежском (Ладва), в Вытегорском (Казаково), в Кондопожском р-не (Лижма, Гангозеро) в Подпорожском р-не (Пидьма). На востоке Обонежья **корба** бытует в значении ‘частый труднопроходимый кустарник или мелколестье’ — Пудожский р-н (Сосново, Гакукса). В н. п. Мегра

Вытегорского р-на лексема **корба** большей частью употребляется в значении 'хвойный лес из небольших деревьев', в то время как бор — 'хвойный лес из крупных деревьев'. В н. п. Песчаное Пудожского р-на **корба** — 'лес на возвышенности'. Анализируемое слово имеет также значения, которые, по-видимому, возникли в результате метафорического переноса: 'высокие, густо поросшие перья лука': — Какая у тебя **корба** луку (Важины Подпорожского р-на); 'густая, высокая ботва картофеля': — Ну и **корба** у тебя в огороде. (Новинка Тихвинского р-на).

В ряде н. п. анализируемая лексема теряет номинативное значение и употребляется как микропоним, обозначающий сенокосные угодья, ягодные места, названия участков леса, — в н. п. Андома Вытегорского р-на, н. п. Казаково; н. п. Деревянка Прионежского р-на; н. п. Падмозеро Медвежьегорского р-на; в н. п. Пидьма Подпорожского р-на, здесь же отмечены названия ягодных мест — **Черная корба**, **Лисья корба**. КСРГК отмечает **корба** 'медвежья берлога' в Подпорожском р-не. В смежных р-нах **корба** 'еловый густой труднопроходимый лес' бытует в Тихвинском, Лодейнопольском; в Каргопольском — **корбы** 'заболоченная влажная местность с еловыми и сосновыми зарослями' (Гусева). В СРНГ — **корба** 'густо заросшее место в лесу (на болоте)'. Белозер, Новг., Онеж. КАССР, Арх., Ленингр., Новг. В СВГ данная лексема отсутствует. В КСРГК **кóрба** 'лес на возвышенности' представлено в Сланцевском р-не.

Следует заметить, что слово **корба** почти не встречается в заонежских говорах; имеется две фиксации в окраинных пунктах этих говоров. Наибольшее распространение данная лексема получила в юго-восточном, южном, юго-западном Прионежье, т. е., по всей видимости, ее бытование поддерживается субстратно-адстратным влиянием вепсских диалектов.

Первая фиксация в говорах в словаре Даля — **кóрба** ‘сырая низменность под ельником, частый лес, чаща, трущоба’ с пометой Олон.; у Куликовского — **кóрба** ‘ложбина, поросшая большим дремучим лесом, чаща, трущоба’ в Петрозаводском, Повенецком, Вытегорском, Лодейнопольском уездах. В Опыте **кóрба** ‘чаща’: — Забрался в таку **корбу**, что едва выбрался на дорогу. Олон. В СРНГ данная лексема отмечается в Новгородской, Петербургской, Вологодской, Архангельской губерниях.

В материалах Полякова представлено слово **корба** ‘впадина, ложбина, густо поросшая лесом’ в Вытегорском, Пудожском уездах. Кроме того, СРНГ фиксирует **корба** ‘берег реки или край болотистого места’ в Прионежье КАССР. Это слово традиционно возводится к прибалтийско-финским языкам, ср. ливв. *korbi*, люд. *kor'b*, вепс. *kor'b* ‘частый, дремучий лес’, эст. *korb*. Калима ставит на первое место собственно карельский диалект [Калима 1915: 128]; SKES — ливвиковский и людиковские диалекты [SKES: 219]. Мурзаев сравнивает анализируемое слово с коми-пермяц. *корба* ‘глухой лес’, ижорск. *корпи* ‘густой лес’ и т. д., не делая вывода о конкретном этимоне. Поскольку слово **корба** в основном распространено в зоне субстратно-адстратного влияния вепсских диалектов и имеется фиксация формы, близкой к вепсской — **корьб** ‘еловый лес на низменном месте’ (Лодейноп., Ленингр., Еремин, СРНГ), то наиболее вероятной в данном случае является вепсская этимология.

Мурзаев приводит в качестве топонимов, относящихся к анализируемому слову, следующие: р. **Корба**, оз. **Корбозеро**, оз. **Корпярви** в Карелии, оз. **Корбинское** в бас. р. Сясь в Ленинградской области. На наш взгляд, здесь гидронимы связаны с наименованиями рыбы: **корба**, **корбица** (см. соответствующий раздел). Возможно также, что часть топонимов, представленных Мамонтовой [Ма-

монтова 1982: 55], но обозначающих водные пространства: *Korbijärvi*, *Korbilambi* — также может быть связана с названием рыбы.

Так как данное слово бытует в русском языке на протяжении сотен лет (первая фиксация 1391 г. в Материалах Срезневского), то естественно и его активное словообразовательное освоение. Отмечаются следующие слова: **корбушки** ‘зыбучие болота’ у Барсова; **корбица** ‘густо заросшее место в лесу’ (Вытегор., Олон.) — в СРНГ; **корбйше** ‘сырое мшистое место’ — в Тихвинском р-не; **корбовйна** ‘болото, поросшее лесом’ в н. п. Ивачево Вытегорского р-на; **корбовйна** ‘частый густой лес’ — в н. п. Каргиничи Подпорожского р-на; **корбовинья** ‘небольшой лес’ в н. п. Колово Пудожского р-на; **ко́рботь** ‘бурелом’ в н. п. Прилуки Онежского р-на. Зафиксировано несколько относительных прилагательных: **ко́рбяный** ‘высокий — о дереве’: **Корбяная** береза (Ефремково) Лодейнопольского р-на; **ко́рбяный** ‘хвойный — о лесе’: **Корбяный** лес (Юксовичи) Подпорожского р-на; **ко́рбяной** ‘густой, частый — о лесе’ (Грибановская) Подпорожского р-на; **ко́рбенный** ‘болотный’: **Корбенная** лягуха (Ладва) Прионежского р-на; **корбовая** волнуха (Ладва) Прионежского р-на.

КО́РГА

Слово **корга** отмечается в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора) в значениях ‘неровное место’, ‘мыс, полуостров’. Со значением ‘мыс на озере’ эта лексема бытует в Беломорском р-не (Лапино, Сумостров). **Корга** ‘каменистая мель’ имеет более широкий ареал, оно распространено в Лоухском, Кемском, Терском, Онежском, Беломорском р-нах, а также в окрестностях г. Кандалакша. У Срезневского слово фиксируется под 1558 г.: «Да в гүбѣ на

корги варница, да на островкү варница... Двѣ тони, сѣдят на коргах». В СРНГ **корга** 'скалистый островок, риф, подводный камень' отмечается в Архангельской губернии под 1847 г. В Опыте дается несколько значений этого слова: 1. 'камень или пень, лежащий на дне реки и препятствующий ходу судна' (Шенк. Арх. Арх.); 2. 'плотное песчаное или каменистое дно озера или реки' (Арх.); 3. 'отлогий дресвянистый берег на Байкале' (Иркут.). В словаре Куликовского **корга** 'риф, песчаная медь' зафиксировано в Повенецком, Пудожском уездах и в Заонежье, что свидетельствует о более широком ареале анализируемого слова в XIX веке. У Подвысоцкого **корга** отмечается в значении 'береговой утес'.

В словаре Меркурьева лексема **корга** дана в трех значениях: 'морская мель, обнажающаяся при отливе' в окрестностях Кандалакши; 'песчаная мель, пережат в реке' — в Терском р-не; 'песчаная коса, намытая водой и не заливаемая приливом' — в Терском р-не.

В СРНГ представлен вариант **каргá** в значении 'береговой утес' в архангельских говорах и в Якутии, а также в значении 'отлогий берег, покрытый песком или галькой' в Забайкалье.

Калима считает это заимствованием из кар. *korgo*, ливв. *korko*, при финн. *karikko* и саам. *karg'g'* 'скала, на которой ничего не растет; подводная скала' из карельского [Kalima 1915: 129–130]. SKES возводит русскую диалектную форму к кар. *korgie*, *korkie*, *korgo* 'подводная каменистая мель', при люд. *korged* 'высокий', вепс. *kor'ged* 'высокий'. Авторы SKES полагают, что из финского языка это слово вошло в саамский — саам. кильд. *koark* 'честь, почет' [SKES: 219].

Даль сибирский материал **каргá** 'берег Байкала, пешая дорога по дресвяному берегу' возводит к монг. *харгой*.

В КСРГК зафиксирован дериват **коргушка** ‘каменистая мель’ в Кемском р-не. У Меркурьева дано прилагательное **корожный** — **корожный** ручей. Мурзаев сравнивает анализируемое слово с якут. *харги* ‘мель, быстрина, мелкое место на реке’; монг. *харги* ‘быстрина’. Он полагает, что, «учитывая наличие термина во многих и разных языках. . . нужно искать более древние общности». Различия в семантике анализируемой лексемы в зависимости от ареала — на Севере России — ‘каменистая мель’, в Сибири — различные виды берега — позволяют предположить, что севернорусское слово имеет прибалтийско-финскую (карельскую) этимологию.

КОШКА

По данным КСРГК **кошка** ‘песчаная отмель’ зафиксировано только в Пудожском р-не (Бураково, Бочелова), т. е. в анализируемом регионе — это окраинный ареал. В сопредельных говорах **кошка** ‘перекат на реке’ отмечается в Терском р-не.

Слово имеет длительную историю, первая фиксация в Материалах Срезневского **кошька** ‘коса, отмель’ за 1551 г. В собраниях лексики и словарях XIX века это слово также нашло отражение: **кошки** ‘песчаные и каменные при берегах отмели’, Иркут., Селивский, 1817 г.; в материалах Рейнеке — **кошка** ‘в Белом море означает собственно песчаную мель, а у Новой Земли. . . низменный каменистый берег или наружный риф’; в Опыте **кошка** ‘песчаная отмель’ в Мезенском, Архангельском уездах и в Иркутской губернии. Шренк, прекрасно описав реалию, впервые дал этимологию слова: **кошка** ‘так называют морские мели, осушаемые отливом и снова покрываемые отчасти и вовсе приливом; **кошкой** называется также низкий берег морской’. . . это слово взято из

лопарского *куошк*... 'морские мели... отмели и пороги в реках и... водопады в реке' (также в Архангельской губернии). Подвысоцкий в словаре повторяет материалы Рейнеке и дает еще одно значение слова **кошка**: «**Кошками** называют поросшие ивняком низменные острова на р. Северной Двине». **Кошка** в значении 'песчаная или каменистая отмель' имеет фиксации практически по всему Северу России — кроме говоров Архангельской области; оно также бытует в Коми Республике, в Якутии и на Камчатке, Маштаков приводит значение **кошка** 'большое дерево, стремлением воды вырванное с корнем и занесенное на мель' в вологодских говорах.

В словаре Куликовского представлено слово **кошка** 'песчаная отмель' без географической пометы, это материал Барсова.

Отмечено несколько дериватов: **закóшечье** 'оставшаяся после прилива под водой местность за прибрежными камнями, настолько глубокая, что по ней могут ходить **корбасы**' — у Подвысоцкого; у Меркурьева **закóшечье** дано в значении 'морская, песчаная отмель, обнажающаяся при отливе в Терском р-не (Кузомень)'; в СРНГ с иным ударением — **зáкошечье** (Кольск. Арх.) и **закошáчье** (Север); у Ивашко — **кошечка** — диминутив в фольклоре.

Этимология этого слова довольно спорна. Имеются сторонники саамской версии, это — Шренк, Подвысоцкий, Т. Итконен [Itkonen 1932], Ивашко [Ивашко 1958]. Шейн наряду с саамским саам. *kuošk* 'мель, порог' учитывает финский материал фин. *koski*. Попов [Попов 1957] возводит к кар. *koška* 'порог, водопад'. Фасмер видит здесь скорее заимствование из коми *кось* 'каменистые пороги при спаде воды'. Калима полагает, что вряд ли фин. *koski* 'водопад, порог' связано с русским словом, он считает вполне вероятной рассмотрение его как диминутива

кошка от *коса* (песчаная), но сам же и отвергает эту версию по фонетическим причинам [Kalima 1915: 133]. Соответствия прибалтийско-финскому слову имеются и в мар. *kaške, koške* ‘река с быстрым течением, порог’, морд. эрз. *коське* ‘сухой’, ненец. *хасуҕ* ‘сухой’ [PHC: 277].

Фиксация в Обонежье, по-видимому, маргинальных зон распространения анализируемого слова усиливает предположение о саамской этимологии, но не исключает и карельское его происхождение.

КУЛИГА

Кулига ‘часть сенокосного луга, впадающая в лес, кустарник’ отмечено в Пудожском р-не (Гакукса); в Вытегорском р-не (Гуляево, Андома); в Медвежьегорском р-не (Ламбасручей). На смежной территории данная лексема зафиксирована в Каргопольском, Беломорском, Онежском, Кемском, Вашкинском, Терском р-нах. В н. п. Ковда (Кандалакша) отмечено значение ‘ягодное место на болоте’; в Устюженском р-не бытует значение ‘сенокосный участок, впадающий в болото’; в н. п. Шугозеро Лодейнопольского р-на (ныне Тихвинского р-на) распространено значение ‘просека’; в Тихвинском р-не данная лексема превратилась в микротопоним: **Кулига** — название пожни.

Более распространено в обследуемом регионе префиксальное образование **закулига** ‘часть сенокосного луга, впадающая в лес, кустарник’, отмеченное в Пудожском (Гакукса, Пяльма); в Медвежьегорском р-не (Кузаранда); в Вытегорском р-не (Андома, Ковжа, Титово); в н. п. Ладва Прионежского р-на. На смежной территории этот дериват отмечен в Бабаевском, Чудовском, Лодейнопольском р-нах. Кроме того, в н. п. Андома, Ковжа зафиксировано значение **закулига** ‘низменный заболоченный луг

обычно заливаемый весной'. В Бабаевском р-не данные КСРГК дают **закулига** 'заросли деревьев'.

Отмечены также дериваты: **кулижка** 'часть сенокосного луга, вдающаяся в лес, кустарник' в Онежском, Беломорском р-нах; 'сухое ягодное место' в окрестностях г. Кандалакша. **Закулижина** 'часть сенокосного луга, вдающаяся в лес, кустарник' в Лодейнопольском р-не; 'ягодное место' в Сегежском р-не; **закулижка** 'часть луга' в Лодейнопольском р-не.

Этимология данного слова чрезвычайно запутанна, и к настоящему времени не существует определенного мнения об источнике данного заимствования. На наш взгляд, интердиалектность этой лексемы и ее полисемия, широко представленная в лексикографических и иных источниках, говорят о том, что здесь возможно совмещение этимологически разнородного материала. Данные СРНГ, фиксирующие анализируемое слово, подтверждают это. Например, выделяется значение № 9 в СРНГ: «Часть луга, оставшаяся нескошенной; часть поля, оставшаяся несжатой; незасеянный участок поля. Кадн. Волог.. 1895. Арх., Яросл., Костром. **Кулига** недожатого поля ржи. Вост. Мар. АССР. Пенз., Куйбыш., Перм. То сено косить, то хлеб останется где, так называли **кулигой**. Новосиб. Свердлов., Ср.Урал, Курган., Сиб. // Сжатый участок поля. Выжатое место — то и есть **кулига**. Волог., 1902. // Огрех в поле. Куйбыш., 1939–1955»; этот материал может быть связан с **кулага** 'прошлогодня сухая трава' [см. также: Теуш 2003: 105].

Значения с № 26 по № 29, на наш взгляд, связаны уже с другим этимологом фин. *kylä* вепс. *külä* 'деревня, чужая деревня'. № 26 'группа деревень, расположенных близко друг от друга'. Яросл., 1860.

№ 27 «Одна из деревень, расположенных близко друг от друга по обеим сторонам небольшой речки». «Каждая

кулига называется по речке, на которой расположена, напр. **Кековская кулига** и др.». Черепов. Новг., Герасимов, 1898.

№ 28 «Улица деревни на берегу реки, заливаемая в половодье». Орл., 1940–1950. Смущает, однако, южная география этого лексико-семантического варианта.

№ 29 «Промежуток между домами Лешук. Арх. 1949».

Это подтверждают материалы Даля: «В вят. **кулига** иногда значит починок выселок или деревня в лесу». Веске приводит слово **кулига** и производные от него в качестве названия н. п. Три таких названия фиксируются им в Архангельской губернии, 32 — в Вологодской губернии, 5 — в Пермской, 4 — в Вятской, 5 — в Костромской, 11 — в Ярославской, три во Владимирской, 3 в Тверской, 2 в Калужской, одно в Орловской, два в Тульской, два в Курской, одно в Смоленской губернии. Причем Веске подчеркивает: «русские смотрели на приведенное слово как на чужое, возможно видеть из того, что кроме названия **кулига** часто существует наряду с ним еще другое, чисто русское... В трех средних уездах Вологодской губернии таких случаев встречается до тридцати» [Веске 1890: 40].

Сопоставление русского слова с прибалтийско-финскими данными предлагает Калима, ср. фин. *kylä* 'деревня', кар. *külä*, вепс. *külä* [Kalima 1915: 141]. Чайкина указывает на вепсские данные [Чайкина 1971]. Мурзаев приводит современные топонимы **Кулиги** в Ленинградской, Курской обл., **Кулишки** в Калининской обл., **Кулички** в Волгоградской области. Не ясно только, связаны эти названия с приведенной выше этимологией или нет.

Чайкина полагает, что «в говоры Белозерья оно (**кулига**) попадает все-таки, по-видимому, из Подвинья по водным путям, связывающим Поморье с городами Мо-

сковской Руси» [Чайкина 1986: 86]. На наш взгляд, присутствие в вологодских говорах одного из первичных значений слова — ‘отдаленная деревня’: — Нет ни одной **кулиги** здесико, все деревни рядом, — Тотемский р-н, а также Великоустюгский, Междуреченский, Никольский, Сямжинский р-ны, — свидетельствует, как и сведения Веске, об автохтонности данной лексемы. В этой же связи нужно рассматривать слово ‘отдаленная деревня’, распространенное в печорских говорах Республики Коми.

Весьма продуктивной, на наш взгляд, выглядит идея Веске сравнить слово **кулига** с фин. *kolkka*, эст. *kolk* ‘край, окраина’, а также Медведева кар. *kylgi*, эст. *kylg*, фин. *kylki* ‘бок, сторона’ (Мурзаев). Следует отметить, что прибалтийско-финское гнездо, при саам. норв. *gille* ‘деревня’, манс. *kül* ‘дом’, соотносится с тюркскими данными, ср. чуваш. *kil* ‘дом, усадьба’, тур. *gil* ‘дом’, якут. *külä* ‘двор’ [SKES: 254].

Данная лексема имеет первую фиксацию в Оброчной 1478 г. «**пожаловалъ семь домовъ ныхъ церковныхъ... вортниковъ... поженю Воротици да кѹлижкою Лескинскою**»; **кулига** в Белозерской писцовой книге 1674 г.: «с **91 пожин, да двѹх кѹлиг по межам**». Чайкина отмечает, что лексема **кулига** «фиксируется грамотами, написанными в Подвинье, а также в переяславских, ростовских, ярославских, владимирских, московских актах» [Чайкина 1975: 81].

В белозерских памятниках XVII в. **кулига** ‘вновь расчищаемый участок сенокоса, присоединяемый к старому покосу (пожне)’ — по данным Чайкиной, что соотносится с значением, зафиксированным в Обонежье, — ‘часть сенокосного луга, вдающаяся в лес, кустарник’. Совершенно справедливо она утверждает, что в диалектах Западной зоны данное слово фиксируется эпизодически [Чайкина 1975: 85]. Ареал лексемы в основном «охватыва-

ет вологодскую, костромскую группы говоров, восточные среднерусские говоры, межзональные южнорусские говоры, а также Верхне-Деснинскую и Курско-Орловскую группы говоров. Лексема **кулига** не отмечена в словарном составе значительной части говоров Западной зоны: ее нет в Онежской межзональной, Ладого-Тихвинской группах говоров, в западных среднерусских, в Смоленской и Верхне-Днепровской группах» [Чайкина 1975: 86]. Что касается основного ареала анализируемой лексемы, то безусловно Чайкина права, но в СРНГ можно найти фиксации этого слова и в тех регионах, где, на основании данных Чайкиной, оно отсутствует. В значении 'дуг' и 'лесная поляна посреди кустов, на которой иногда косят траву' **кулига** известно в Брянской области. По данным КСРГК это слово как микропоним известно в Тихвинском р-не (см. выше).

Герд относит эту лексему, — правда, без значения, — к словам, которые связывают говоры бассейна реки Оять и Заонежье [Герд 1975: 192]. На наш взгляд, распространение слова **кулига** шло из вологодских говоров через каргопольско-лачские в говоры Обонежья и Кольского Поморья (например, в словаре Меркурьева **кулига** — 1. 'Небольшой участок между кустами'. — Завтра сено надо из **кулиги** выгрести, чтоб сохло. Терск. 2. 'Широкий куст'. — Где косил сено? — За **кулигой**. Териберка. Североморск), а проникновение в говоры Ладого-Тихвинской группы — через белозерские говоры; т.е. присутствие этой лексемы в говорах бассейна р. Оять и в заонежских говорах никоим образом, на наш взгляд, их не связывает.

Спорадичность и частотность фиксаций данной лексемы в говорах Обонежья свидетельствует о том, что это неисконный ареал данного слова. Вряд ли следует сопоставлять кар. сев., ливв. *kulitua*, *kulitua*, *kulituaa* 'подсека, разработанная в прошлом году, а иногда несколь-

ко лет назад', 'пустошь, залежь, старопашенная подсека', вепс. *kuluta* 'поле', где *kulu-* 'старый, изношенный', *туа, тоа, таа* 'земля' [ПФГЛК: 46] и **кулига** 'участок леса, расчищенный под пашню' [СРНГ 16: 60–61], ввиду того что анализ такого рода данных — изолированные семантические ареалы, восходящие к иноязычным этимонам и являющиеся в совокупности значений лексикографического конструкта выделяемыми гетерогенными омонимами, — возможен только на базе сплошного лингвогеографического обследования, который позволит подтвердить связь русского диалектного лексико-семантического варианта как отдельного слова, имеющего корни в смежных иноязычных ареалах. В противном случае возможна другая логика анализа, когда слово **кулига**, как интердиалектная единица с большим семантическим объемом, может репрезентироваться в тех или иных лексико-семантических вариантах без какого-либо иноязычного влияния [см. иначе: Теуш 2003: 105].

ЛАЙДА

Лайда в значении 'мелкое место, отмель посреди озера' отмечается в Вытегорском р-не (Бараново), где зафиксировано в составе микропонима — **Корбинская лайда**. В словаре Даля слово **лайда** 'илистая отмель' отмечается в архангельских, сибирских, камчатских говорах. Подвысоцкий фиксирует это слово в значении 'мель в море, высыхающая при отливе'. Богораз описывает лексему **лайда** следующим образом: «Иловатая ровная отмель на реке или море, переходящая в такой же низкий и ровный берег. На **лайдах** бывает хороший улов рыбы, особенно селедки». У Бурнашова — **лайда** 'низкое место, заливаемое в половодье водой' (Арх.) повторяется в Слов. Акад. 1847 (с пометой обл.).

В СРНГ **лайда** ‘отмель, высыхающая во время отлива’ отмечается в архангельских говорах, на Белом море, в Коми АССР, в также в тобольских говорах и на Колыме. В словаре Элиасова **лайда** представлено в двух значениях: ‘прибрежная илистая мель, обнаженная отливом; береговая полоса после большой воды’, ‘пойма реки’. (Трудно, однако, судить о достоверности данных Элиасова. [См. Аникин 2000: 17–26].)

Приведенные выше значения слова **лайда** соотносятся с фин. *laito* ‘мелкое место, низкий берег’, эст. *laid*, ливв. *laid* со значением — ‘мель, отмель, прибрежная ли песчаная’. Калима считает возможной карельско-вепсскую этимологию [Kalima 1915: 148–149]. SKES не приводит какой-л. конкретный язык, делая помету об общем прибалтийско-финском источнике [SKES: 271].

Лайда ‘середина озера, широкое водное пространство’ отмечается в Вытегорском р-не (Нижняя Водлица), а также в СРНГ — в новгородских и олонечких говорах. Слово **лайда** в этом значении, на наш взгляд, соотносится с вепс. *laid* ‘пространство озера вдали от берегов’. Матвеев [Матвеев 1966] отмечает форму **лойда** и сопоставляет также с вепским словом. Им отмечается четыре названия н. п. с формантами **-лойда**: **Имолойда**, **Кызголойда**, **Перхлойда**, **Ярглойда** [Матвеев 2001: 232–233].

Мурзаев отмечает, что из северных районов СССР термин проник в русскую речь сибиряков и дальневосточников до берегов Тихого океана.

SKES трактует слово **лайда** ‘середина озера’ как вепское заимствование вепс. *laid* с тем же значением, указывая при этом, что в прибалтийско-финских языках это гнездо неисконно, ср. герм. **laido*, норв. *led* ‘направление, маршрут’; притом что **лайда** ‘отмель, илистый берег’ имеет соответствие в саам. *laihto* ‘откос’, ‘низкая влаж-

ная местность', но авторы SKES сомневаются в направлении заимствования [SKES: 270–271].

Широкое распространение слова **лайда** 'низина, заливаемая водой' в Сибири уже в XVIII веке [Словарь русской народно-диалектной речи Сибири 1991], а также присутствие лексемы **лайда** 'сточное озеро' на Индигирке позволяют предположить более сложную картину, возможно связанную с неизвестным субстратом.

Фиксация в Подпорожском р-не (Заозерье) слова **лах-та** 'открытое водное пространство в озере', соотносимого по форме с саамским словом, а по семантике с вепсским, наводит на мысль о разнородном субстрате (см. **лахта**), хотя, безусловно, нельзя не учитывать возможные контакционные процессы.

ЛАМБА

Слово **ламба** представлено в говорах Обонежья в нескольких значениях. Одно из них — 'небольшое лесное озеро, обычно бессточное' отмечается в Кондопожском р-не (Тулгуба, Лижма), в Прионежском р-не (Кончезеро, Суйсарь, Вороново), в Медвежьегорском р-не (Великая Нива, Перхино, Космозеро, Ламбасручей, Толвуя), в Сегежском (Валдай, Вожма Гора), в Пудожском р-не (Сосново, Авдеево, Бураково). Значение 'низина, заливаемая водой и высыхающая летом; лужа больших размеров' зафиксировано в Кондопожском р-не (Гангозеро, Кулмукса, Новинка), в Медвежьегорском (Лонгасы, Сенная Губа, Петры, Ламбасручей, Великая Нива), в Пудожском р-не (Пяльма). Значение 'старица в реке, озерко, образовавшееся из рукава реки' — бытует в Прионежском р-не (Вороново, Суйсарь, Шуя). Значение 'топкое место' отмечено в Пудожском р-не (Семеново); 'сенокос на болоте' — в Медвежьегорском р-не (Черкасы).

Довольно часто фиксируются дериваты. **Ламбушка** ‘небольшое лесное озеро’ распространено в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора), в Медвежьегорском р-не (Толвуя, Палтега, Шуньга, Кажма), в Кондопожском р-не (Диановы Горы, Лижма, Гангозеро, Кеппясельга), в Прионежском р-не (Ладва), в Подпорожском (Заозерье), в Пудожском (Ножево). **Ламбушка** в значении ‘низина, заливаемая весной водой, лужа’ отмечается в Медвежьегорском р-не (Шильтя, Кузаранда, Сенная Губа), в Пудожском р-не (Пяльма). **Ламбушка** ‘старица в реке’ также бытует в Прионежском р-не (Кончезеро, Ладва). Единственное значение, которое не зафиксировано для слова **ламба**, представлено дериватом **ламбушка** ‘яма с водой в лесу’ в Пудожском р-не (Гакукса).

Ламбина в значении ‘небольшое лесное озеро’ бытует в Кондопожском р-не (Ладмозеро), в Медвежьегорском р-не (Перхино, Ионина Гора, Ламбасручей), а также на смежной территории в Беломорском, Кемском, Терском р-нах, в окрестностях г. Кандалакша. Значение ‘низина, заливаемая весной водой, лужа’ слова **ламбина** представлено в Медвежьегорском р-не (Вырозеро, Ламбасручей, Сенная Губа), а также в Беломорском р-не. Первая фиксация лексемы **ламбина** в этом значении дана Князевым. **Ламбина** ‘заболоченное место’ бытует в Сегежском (Валдай), а также в Кемском, Североморском р-нах. Значение ‘прибрежное половодье’ отмечается в Терском р-не (Варзуга). Диминутив от **ламбина**, **ламбинка** представлен в тех же значениях в Медвежьегорском, Беломорском, Терском, Североморском р-нах. Лексема **ламбина** бытует в двух значениях: ‘небольшое лесное озеро’ в Пудожском р-не (Бочелово), в Кондопожском р-не; ‘рукав реки, старица’ — в Прионежском р-не (Лехнаволоок, Кончезеро, Вороново). **Ламбовина** ‘открытая водная поверхность в озере, заросшем тростником’ зафиксировано в

Пудожском р-не (Авдеево, Песчаное). Вероятно, что слово **ла́мка** ‘низина в лесу’, по данным КСРГК записанное в Чудовском р-не, несмотря на кажущееся сходство, вряд ли связано со словом **ламба**. Слово **ламба** имеет первую фиксацию в Материалах Срезневского под 1391 г.; далее в значении ‘небольшое озеро без истоков’ отмечается в Опыте в Олонецкой губернии, затем у Куликовского — в Петрозаводском, Повенецком, Олонецком уездах и в Заонежье. В СРНГ **ла́мба** ‘прорубь по льду, через которую вытягивают невод при подледном лове’ зафиксировано в Кадуйском р-не.

В материалах XIX века представлены также и дериваты. В Опыте — **ламбина** ‘озерко, образованное на прежнем месте реки’. **Ламбины** есть близ города Колы. Подвысоцкий, вероятно, повторяет данные Опыта. Куликовский записал **ламбина** ‘небольшое лесное озеро без истоков’ в Повенецком уезде. В словаре Меркурьева представлено только слово **ламбина** в значениях: ‘промоина’ и ‘глубокая ложбина, углубление’ в окрестностях г. Кандалакша.

Грот соотносит анализируемое слово с фин. *lampi* ‘небольшое озеро’ [Грот 1876: 471], Калима возводит его к кар. *lambi* [Kalima 1915: 149]. SKES относит слово *lampi* к общей финно-угорской лексике: мар. *lap* ‘долина’; венг. *láp* ‘болото’. Из финского языка, по мнению авторов SKES, пришло в саамский — саам. кильд. *lāimp* ‘болото’, при ненец. *lymbad* ‘болото’ [SKES: 274].

Следует отметить, что в вепсском языке соответствующее слово отсутствует и как следствие этого в русских говорах данная лексема не зафиксирована в Вытегорском и практически по всей территории Подпорожского р-на, кроме единственной фиксации в н. п. Заозерье, что может быть связано с влиянием соседних русских говоров Карелии. Причем вариативность семантики в русских говорах

этого слова находит соответствие в карельских диалектах, ср. люд. *lamb* ‘широкое водное пространство, плес на реке’, кар. (Суоярви) *lampi* ‘лужа’, что, конечно, не исключает семантическое развитие на почве русских говоров.

Отмечается ряд микротопонимов с детерминантом **ламба**, **ламбина** по данным КСРГК: **Поганая ламбина** — в окрестностях г. Кандалакша (Ковда), **Ропская ламбина**, **Полгина ламбина** — в Сегежском р-не; **Линдей-ламба** — в Прионежском р-не (Кончезеро). Приведенные наименования являются лимнонимами. В одном случае **Кереламба** в Прионежском р-не (Суйсарь) по ПЛГО перешло на название сенокосного луга.

ЛАХТА

В значении ‘залив в озере’ данное слово отмечается в Пудожском р-не (Авдеево, Каршево, Канзанаволок, Семеново, Куганаволок, Сумозеро, Пога, Шала, Кошуково), в Вытегорском р-не (Гуляево, Щекино). В соседних говорах слово **лахта** в этом значении бытует в Плесецком, Каргопольском, Онежском, Терском р-нах. Значение ‘покос, место в лесу’ зафиксировано в Вытегорском р-не (Бараново). **Ллахта** ‘сырое место. обычно высыхающее летом’ — отмечено в Пудожском р-не (Киково).

Кроме того, в КСРГК представлен вариант **ло́хта** ‘залив с низкими берегами’ в Кирилловском р-не, ‘лужа’ — в Тихвинском р-не. С иным ударением **лохтá** ‘залив’ отмечается в Вытегорском р-не (Устье). В СРНГ слово **ло́хта** имеет значение ‘озерный залив’ в белозерских говорах и ‘пустошь’ — в череповецких.

Строгова отмечает слово **лахта** в значении ‘болотистое место в лесу’, причем первая фиксация лексемы **лахта** ‘залив’ — в Двинских грамотах XV–XVI вв. [Строгова

1975: 197]. В других диалектных источниках слово **лах-та** отмечается в значении ‘небольшой морской залив’ в Опыте (Архангельская губерния), в СРНГ (Петербургская губерния, Коми АССР), в словарях Подвысоцкого и Меркурьева. В СРНГ выделяются следующие значения: ‘яма, в которой мочат лен’ в Вытегорском уезде; ‘не заросшее травой место в водоеме, окно в болоте или среди луга’ в каргопольских говорах; ‘болотистое место в лесу’ — в архангельских и новгородских говорах; ‘сенокосный луг у озера или на берегу залива’ в Вытегорском уезде, ‘клин леса, выходящий на пожню или пожня, вдающаяся в лес’ — в Каргопольском р-не; ‘огороженное место для ловли рыбы’ — в псковских говорах.

Грот [Грот 1876: 471], Погодин [Погодин 1904: 39], Калима возводят данное заимствование к форме фин. *lahti*. Но Калима указывает также вепс. *laht*, причем он полагает, что заимствование связано с ливв. словом (*lahti*), а не с аналогичной финской формой, ср. кар. *lakši* [Kalima 1915: 151]. SKES также приводит в качестве соответствия русского слова ливв. *lahti*, люд., вепс. *laht* [SKES: 269]. Попов в заметках на полях SKES отмечает, что в финно-угорские языки слово могло попасть из индоевропейских, ср. латин. *lacus* ‘озеро’, а затем уже по истечении длительного времени в русские говоры.

Полисемия анализируемого заимствования, по-видимому, частично может быть обусловлена: 1) переносом наименования на сопутствующие реалии — залив, покос у залива и далее просто покос; 2) метафорическим переносом — залив, клин леса, выходящий на пожню; часть значений, возможно, напрямую связана с семантикой слов источников, ср. вепс. *laht* ‘залив’, ‘заболоченная часть озера’, ‘низкий берег озера или реки, заливаемый водой во время половодья’.

Зафиксировано также значительное число дериватов

по данным ПЛГО, КСРГК и СРНГ. **Лáхтушка** ‘небольшое болото’ — в Пудожском р-не; **лахтúшка** ‘небольшой залив’ — в Вытегорском р-не (Щекино); **лахтúшечка** ‘очень маленький залив’ — в Пудожском р-не (Канзанаволок). **Лáхуйна** ‘залив, губа’ отмечает Амосов в Вытегорском р-не (Нижняя Водлица). **Лáхтица** ‘залив’ бытует в Вытегорском, Плесецком р-нах. Кроме того, на смежной территории фиксируется **лáхтина** ‘залив озера’ — в Плесецком р-не; ‘заболоченное место’ — в Поозерском р-не; ‘клин леса, болота, вдающегося в поле’ — в Калининской области. В словаре Куликовского **лáхтина** дается в значении ‘пруд, в котором мочат лен’ в Вытегорском уезде. Отмечено также **лахтíна** ‘большое ровное поле’ в Чудовском р-не (Муратово); **лáхтвина** ‘небольшой сенокосный луг среди леса’ — в ОСГКО.

Дериват **лахтовíна** ‘залив озера’ бытует в Пудожском р-не, в Вытегорском р-не (Гуляево), а также в Онежском и Каргопольском р-нах. С иным значением **лахтовíна** ‘сенокосный луг среди леса’ отмечает это слово СРНГ в Калининской области. С иным ударением **лáхтовина** зафиксировано в южнорусских и среднерусских говорах — калужских, воронежских, псковских (СРНГ) в значении ‘сенокос на низком месте’. Данный факт, возможно, не следует рассматривать в свете прибалтийско-финских заимствований: вероятно связь со словом **ластовка** ‘ло-скут’, но все же здесь нужны дополнительные исследования.

Данное заимствование фиксируется как топоним и микротопоним. В названиях залива: **Щучья лахта**, **Церковная лахта**, **Коловая лахта** — в Пудожском р-не (Каршево); **Лахта** — название залива в озере в Пудожском р-не (Пелусозеро); **Кискилахта** — название пожни в н. п. Пяльма этого же р-на. По данным ПЛГО отмечено значительное число населенных пунктов — **Лахта** в Мед-

вежьегорском р-не (Толвуя, Сенная Губа, Лонгасы), в Прионежском р-не (Ладва), в Пудожском р-не (Римское, Заозерье, Пяльма). Мурзаев отмечает также н. п. **Лахта** под Ленинградом (ныне часть Санкт-Петербурга), на юге от Двинской губы в Архангельской области, на берегу Сямозера в Карелии.

Столь обширное распространение топонимов и микро-топонимов связано с общим прибалтийско-финским субстратом. Агеева указывает также на ручей **Лахта** (Тихв.), речку **Залахтовскую** (Тихв.), озеро **Бродская Лахта** в Новгородской области, деревню **Залахтовье** в Гдовском р-не Псковской области [Агеева 1989: 219]. В Вытегорском р-не по данным КСРГК зафиксирован в качестве топонима дериват **Лахтица**. Матвеев отмечает 68 детерминантов **-лахта**, **-лохта** в западной и северной частях Русского Севера, объясняя и различие в типах вокализма [Матвеев 2001: 197].

ЛÉМА, ЛÍМА, ЛÍМАКА

По данным ПЛГО **лэма** ‘болото, трясина’ зафиксировано в Медвежьегорском р-не (Великая Нива, Шуньга). **Лíма**, **лíмака** ‘небольшой островок, оторвавшийся от болотистого берега’ отмечено в Сегежском р-не (Вожма Гора). По данным Михайловой анализируемая лексема широко представлена в значении ‘зыбкая прибрежная часть зарастающего озера’ в беломорских, сегежских, медвежьегорских говорах [Михайлова 1986: 83]. По ПЛГО — это единичные фиксации.

Первая фиксация у Куликовского: **лэма**, **лэмица**, **лэмица** ‘зыбун, трясина’ в Пудожском уезде с пометой «материалы Шахматова». Калима считает, что это заимствование из фин. *letí* ‘сырой луг, болотистая почва’. Он против этимологии Погодина из коми *let* ‘клей’ [Пого-

дин 1904: 40; Kalima 1915: 151]. SKES приводит следующие соответствия из прибалтийско-финских языков: кар. *letī* ‘ил, грязь, топь’, ливв. *letī* ‘трясина. зыбун’, люд. *letī, letu* ‘ил, грязь, топь’, ‘мох, растущий поверх воды на болоте’ [SKES: 286]. KKS приводит фонетически более близкий материал — кар. *līma* ‘грязь, ил’.

По сравнению с прошлым веком ареал заимствования значительно сузился, а его бытование в настоящее время в Заонежье и на Выгозере (Сегежский р-н) свидетельствует в пользу карельской этимологии.

ЛÉНА

Лена ‘каменистая отмель продолговатой формы’. Слово впервые зафиксировано по ПЛГО в н.п. Шуньга Медвежьегорского р-на. По-видимому, его можно связать с фин. *lannas* ‘пологий низкий берег’, которое, в свою очередь, заимствовано из скандинавских языков, ср. *land* ‘суша в противоположность водному пространству’.

В СРНГ **лэна** ‘вода’ в Тверской губернии за 1820 г., Вряд ли связано с анализируемым словом гальск. *rinos, repos* ‘вода’ [Kálmán 1978: 113].

ЛІЖМА

По ПЛГО представлены следующие данные: **лижма** ‘плавучий остров’ в Вытегорском р-не (Ундозеро, Бараново, Ивачево), в Подпорожском р-не (Юксовичи). В н.п. Андома Вытегорского р-на отмечено значение ‘край болота, болотистое место’. По данным КСРГК отмечен вариант **лізма** ‘болотистая местность’ в Вытегорском р-не, **лизьма** ‘топь, зыбун’ в Кирилловском р-не. Данные топонимики: дер. **Лижняки** в Медвежьегорском р-не; в Кондопожском р-не имеется н.п. **Лижма**. По-видимому, на осно-

вании фактов топонимики и апеллятивной лексики можно говорить о распространении данного заимствования в местах влияния вепсского языка. Однако рассматривать анализируемое слово как заимствование из вепс. *ližm* 'илистый' не представляется возможным. Впервые данное слово зафиксировано в материалах Полякова: **лижмы** 'пльвуны' в Вытегорском и Пудожском уездах. В словаре Куликовского добавляется **лижма** 'кусок большой земли, примерзший к плавающей льдине' в Вытегорском уезде.

Калима предлагает в качестве этимона кар. *lidm* 'слизь, ил', имеющее древнюю форму с **tm*. Как доказательство он приводит материалы Даля: «**лычма, личма** 'льва, плавучий насос, перепутанный тростник, **куга** и поросли, носящие островом на воде', 'оторванная часть берега в тинистой речке' Вост.». Эти слова вряд ли обоснованно помещены Далем в гнездо **лыко**. Но привести примеры перехода **tm* из *čm, žm* Калима не мог и выступает против реконструкции Погодина вепс. **ližma* [Kalima 1915: 153; Погодин 1904: 41].

Авторы SKES, рассматривая фин. слово *lieto* 'тощая супесчано-суглинистая земля, заболоченный берег', соотносят его с вепс. *l'ed* 'грязь, ил' и *l'edma* 'песчаная земля'. Вепсский материал они соотносят с саамскими данными, ср. саам. *lieta* 'тина, ил', сводя в одно гнездо фин. *lieto* и *liete* [SKES: 291]. На наш взгляд, различный консонантизм может служить дифференцирующим показателем саамского — **личма** — и прибалтийско-финского влияния — **лижма**. А вепс. *ližm*, скорее всего, является обратным заимствованием из русских говоров, где *-m* на конце слова — остаток от вепс. *ta* 'земля'.

И. Муллонен полагает, что гидронимы **Лижмозеро**, **Лижмручей**, **Лизмозеро**, **Лижма** допустимо рассматривать в свете как саамской, так и вепсской этимологий [Муллонен 1988: 73].

ЛУДА

Основное значение слова **луда** 'каменистая мель, отмель'. В таких местах в озере обычно водится окунь, и поэтому информанты часто подчеркивают эту сторону апелляции. С таким значением данная лексема зафиксирована на территории всего обследуемого ареала; кроме того, по данным Смулаковской [Смулаковская 1979: 112–118], в этом значении слово бытует в двенадцати р-нах Карелии, Архангельской, Мурманской и Ленинградской областей. Смулаковская выделяет в этом слове, кроме приведенного нами, еще три значения: 1) небольшой каменистый остров; 2) каменная глыба или груда камней, скрытая под водой; 3) перен. большое скопление чего-л. в одном месте. Гусева отмечает два значения: 1) каменистая мель на реке или озере, обычно появляющаяся внезапно на глубоких местах; 2) каменистая, жесткая глинистая почва; берег реки, покрытый галькой [Гусева 1971: 129].

По данным КСРГК спорадически также выделяются следующие значения: 'подводный камень, уступ, скала' в Медвежьегорском р-не (Ламбасручей, Пабережье, Хашезеро, Есино), в Кондопожском р-не (Ладмозеро), в Пудожском (Пога). В смежных говорах это значение бытует в Беломорском р-не. Значение 'камень, торчащий из воды, небольшой каменный островок' отмечается в Медвежьегорском р-не (Белохино), в Пудожском (Колгостров, Пога), в Кондопожском (Лижма). Кроме того, на смежной территории слово **луда** в данном значении распространено в Кемском, Лоухском, Онежском, Беломорском р-нах, а также в окрестностях г. Кандалакша.

Значение 'каменистое дно реки, озера' зафиксировано в Медвежьегорском р-не (Сигово, Палтега), в Подпорожском р-не (Согиницы, Юксовичи, Пидьма), в Пудожском р-не (Авдеево, Гакукса, Пяльма). В сопредельных гово-

рах данное значение бытует в Онежском и Терском р-нах. Значение 'скопление камней на дне реки' отмечается в Пудожском р-не (Пяльма), в Прионежском (Лехнаволок), в Медвежьегорском (Шуньга), в Кондопожском р-не (Гангозеро, Кеппясельга); значение 'мелкое место в реке, озере' зафиксировано в Прионежском р-не (Шуя, Вороново, Ялгуба, Кончезеро), в Подпорожском (Юксовичи, Каргиничи, Важины), в Медвежьегорском р-не (Федотово, Космозеро), в Пудожском (Пяльма), в Сегежском (Полга).

На смежной территории данное значение представлено в Лодейнопольском и Плесецком р-нах, СРНГ в основном дает аналогичные значения и указывает на распространение слова **луда** в этом же ареале. Только в значении 'мель в море, реке, озере' ареал его бытования несколько шире — Урал, Сибирь; и в значении 'каменистое дно реки' — добавляется Усть-Цилемский р-н Коми АССР. Кроме того, с другим ударением **лудá** СРНГ отмечает его бытование в новгородских, ярославских, енисейских говорах.

Обширный ареал слова **лудá** представлен Куликовским, который отмечает его в Петрозаводском, Пудожском, Повенецком, Каргопольском, Вытегорском уездах; Подвысоцкий кроме лексемы **лудá** фиксирует также диминутивы **лудка**, **лудушка**, **лудышка** в значении 'находящийся под водой камень, каменистая прибрежная мель' в Онежском, Кемском, Кольском уездах. Даль отмечает вариант **лудь** в значениях 'мель' в архангельских говорах и 'каменный остров' в псковских.

В Медвежьегорском р-не (Мягрозеро, Кефтеницы) по данным КСРГК фиксируется **лудье** 'мель'; по материалам ПЛГО и КСРГК в Подпорожском р-не (Пидьма) и в Терском (Чапома) бытует лексема **лудьё** 'камни на поверхности земли, на сенокосном лугу'. Кроме того, отмечается

переносное значение, по-видимому, следствие метафорического переноса: 'о большом скоплении отдельных однородных предметов'. — **Луда** волнух, — в Прионежском р-не (Суйсарь), в Медвежьегорском р-не (Кефтеницы). — Растут **лудой** грибы, — в Медвежьегорском р-не (Есино); — **Лудье** грибов, — в Пудожском р-не (Пога); — **Луда** яиц, — в Медвежьегорском р-не (Космозеро); — **Луда** на **луде** 'о большом скоплении камней на поверхности земли' — в Подпорожском р-не (Вороницы).

Ряд фиксаций анализируемого слова вызывает сомнение в их достоверности: **луда** 'высокая каменная гора', отмеченное Меркурьевым в Терском р-не; **луда** 'небольшое озеро' — в Беломорском р-не (Колежма); **лудья**, ж. 'костер' (вероятно, **нудья** 'охотничий костер' — в Вытегорском р-не (Кириллово) по КСРГК.

Отмечается несколько дериватов: **луденной** — в Терском р-не (Меркурьев); **луджи** 'мели, каменные отмели' — в Новолодожском уезде Петербургской губернии (СРНГ); Сенкевич-Гудкова фиксирует в русских говорах Карелии слово **лудыш** 'груда предметов овальной формы' [Сенкевич-Гудкова 1976: 137–140]. Мурзаев с пометой «Белое море» дает слово **залудье** в значении 'часть воды у берега', 'глубокое место, отделенное от моря **лудками** — маленькими островками'. Подвысоцкий в поморских говорах отметил **залудье** 'глубокое место в море между лудой и берегом'. КСРГК отмечает единственное наречие — **лудко** 'мелко' в Онежском р-не.

Срезневский отмечает слово **луда** в 1571 г. Строгова утверждает, что «финно-угорское **луда** (по памятникам известно в XIV в.)» [Строгова 1975: 198]. Калима приводит в качестве соответствия кар. *luodo*, ливв. *luodo* 'каменистая мель, подводный камень', но говорит при этом, что в русском языке прибалтийско-финский дифтонг *uo* передается обычно через [о], а вепское *luda*, по его мне-

нию, заимствовано из русского [Kalima 1915, 156]. В настоящее время положения Калимы подтверждаются новыми данными: в Бабаевском р-не в русских говорах, смежных с вепским языковым континуумом, фиксируется по данным ПЛГО вариант **лода** ‘подводная каменистая мель’. Кроме того, он отмечается в Вельском, Красноборском, Устьянском, Вашкинском, Вожегодском, Кирилловском р-нах [Матвеев 2001: 219]. Хакулинен слово *louto* с его соответствиями в других прибалтийско-финских языках относит к общей для этих языков лексике. SKES представляет следующие соответствия из прибалтийско-финских языков: фин. *luoto*, эст. *lood*, водск. *looto*, вепс. *lud*, ливв. *luodo*, люд. *luod* со значением ‘подводная скала, небольшой остров’ [SKES: 313]. Фасмер, приводя материал Калимы, допускает возможность заимствования из др.-исланд. *bluð* ‘шхеры’. Срезневский считает, что источником может быть др.-рус. **слѹда** ‘утес’, **слѹдва**, **слѹдова**, сравнивает с литов. *slėdnas* ‘наклонный’. На наш взгляд, слово **луда** в русских говорах может являться контаминацией модифицированного древнерусской единицы и прибалтийско-финской.

Анализируемое слово употребляется также в микро-топонимии: **Карска луда**, **Шаганска луда**, **Каменная луда** — в Подпорожском р-не (Шеменичи), Озерецковский отмечает **Дивьи луды** [Озерецковский 1792: 183]. Матвеев детерминант **-луда** рассматривает как типичную единицу для названий островов Онежской губы [Матвеев 2001: 218].

ЛУХТА

Слово **лухта** зафиксировано в нескольких значениях. **Лухта** ‘залив озера, зарастающий травой, осокой’ отмечается в Вытегорском р-не (Бабино), в Пудожском р-не

(Пелусозеро), а также в Лодейнопольском р-не и Каргопольском р-не. Значение ‘низменное болотистое место у реки, озера, заливной луг, пожня у реки, озера’ представлено в Подпорожском р-не (Пидьма), в Вытегорском р-не (Бараново), в Пудожском р-не (Корбозеро, Пелусозеро), а также на смежной территории в Каргопольском, Тихвинском, Белозерском, Плесецком р-нах. Значение ‘низкое болотистое место’ бытует в Подпорожском р-не (Шеменичи), в Пудожском р-не (Кукасово), в Вытегорском р-не (Еремино), а также в Лодейнопольском, Каргопольском, Онежском р-нах. **Лухта** ‘сенокосный луг’ отмечается в Прионежском р-не (Ладва); **лухта** ‘осока в озере, реке’ — в Пудожском р-не (Усть-река). Кроме того, в смежных говорах зафиксировано значение ‘лужа, небольшой пруд’ в Лодейнопольском р-не (Шапша) и в Кадуйском р-не.

В других источниках слово **лухта** представлено в словаре Куликовского в значениях ‘залив’ в Лодейнопольском уезде и ‘мелкое место в озере, покрытое травой’ в Вытегорском, Лодейнопольском, Каргопольском уездах. В СРНГ представлены следующие значения слова **лухта**: ‘залив’ (Кольск.), ‘низина, заливаемая водой’ (Кадуйск.), ‘застоявшаяся непроточная вода’ в белозерских говорах. В СРНГ имеется также вариант **лухт** ‘залив’ (Кольск.).

Калима полагает в данном случае заимствование из вепс. *luht* ‘сырой луг, лужа’ [Kalima 1915: 157]. Лесков слово **лухта** ‘мелкое место в озере, покрытое травой’ соотносит с кар. *luhta* ‘лужа после дождя’ [Лесков 1892: 101]. Согласно SKES, в прибалтийско-финские языки это слово попало из балтийских: литов. *lukštas* ‘болотное растение с широкими листьями’, латыш. *lukste* ‘мягкая широколистная трава’, ‘влажный низменный луг, заливаемый весной водой’, ср.: фин. *luhta* ‘заливной луг’, ‘осока’, в кар. *luhta*, *luha* ‘прибрежный сенокос’, ‘длинный узкий залив в озере’, ливв. *luhtu* ‘озеро’, ‘лужа’, люд. *luht*

‘лужа’, ‘сенокос на заливном лугу’, вепс. *luht* ‘заливной луг’, ‘низкое влажное место’, в водск. *luhta* ‘заливной луг’, ‘высокая озерная трава, осока’. В СВЯ представлено три значения слова *luht* ‘лужа’, ‘заводь’, ‘заливной луг’. Авторы SKES полагают, что из финского языка слово вышло в саамский, саам. *luhta* [SKES: 306]. Матвеев возводит топонимы **Лохта**, **Лохтомское**, **Лухта**, **Лухтозеро** к саам. кильд. *lūxt*, *līkt*, *lūöxt*, *luok'ta* в значении ‘залив’ [Матвеев 1976: 58–73].

И. Муллонен гидроним **Лухта** возводит к вепс. *luht* ‘лужа’ [Муллонен 1988: 51].

На наш взгляд, оставляя в стороне направление заимствования — балтийские — прибалтийско-финские языки, ареальная дистрибуция анализируемого слова подтверждает вепсскую этимологию Калимы. Полисемия слова **лухта** связана, во-первых, с широким субстратным влиянием разных прибалтийско-финских языков и диалектов, во-вторых, с соответствующим явлением полисемии самих слов-источников.

МАНДЕРА

По данным ПЛГО слово **мандера** в значении ‘материк’ отмечено в Медвежьегорском р-не (Шуньга, Кузаранда, Сенная Губа, Великая Нива, Челмужи), в Кондопожском р-не (Лижма, Тулгуба, Гангозеро, Колгостров), в Пудожском р-не (Песчаное, Римское, Авдеево, Пога, Канзанаволок), в Прионежском р-не (Суйсарь, Ялгуба). Кроме того, в н. п. Сенная Губа наряду со значением ‘материк’ зафиксировано значение ‘полуостров’ (Медвежьегорский р-н). В ряде н. п. Пудожского р-на по данным КСРГК отмечается **мандера** ‘берег озера’.

Значительное распространение получило слово **мандера** ‘лес’, отмеченное в Медвежьегорском р-не (Космо-

зеро, Кеража, Сенная Губа, Челмужи, Шильтя, Черкасы, Петры, Селецкое), в Пудожском р-не (Пяльма, Песчаное), в Кондопожском р-не (Диановы Горы, Ладмозеро). В значении 'место выпаса скота' данная лексема существует в Кондопожском р-не (Лижма), Медвежьегорском (Великая Нива, Космозеро). В н. п. Пабережье, Федотово Медвежьегорского р-на бытует слово **мандера** 'равнинная местность'.

В н. п. Канзанаволок Пудожского р-на отмечен фонетический вариант **мандэра** 'материк, поросший лесом'. В н. п. Вожма Гора Сегежского р-на распространен акцентологический вариант **мандера́** в значении 'большой лес'.

В КСРГК анализируемая лексема на сопредельных территориях не представлена.

Первые фиксации слова даны в Опыте: **мандера́** 'материк' в Олонецкой губернии, а также **мандрá** в том же значении в Иркутской губернии. В словаре Даля представлены два варианта: **мáндара**, **мандрá** 'материк, земля или берег' в Олонецкой губернии, причем второе слово дано с пометой «црк» — церковное. Калима справедливо классифицирует ее как опечатку, должно быть «Ирк.» — иркутское. Подвысоцкий отмечает слово **мандера** 'материк, земля, страна' в поморских говорах. Куликовский дает два варианта: **мáндара** в Янгозере Пудожского уезда, **мандера́** в Вытегорском, Петрозаводском уездах, а также в Почезере Пудожского уезда со значением 'берег, суша, континент, лес на материке'. В материалах Полякова слово **мандера** привязывается к конкретной местности — 'материк на Водлозере' и топоним **Мандера** — название деревни на берегу р. Оять, где родился Александр Свирский. Певин отмечает слово **мандера** 'лес на берегу' в Заонежье; Князев дает значение 'материк'. Вариант **мондера** представлен в Извест. Имп. Русс. Географ. об-

щества за 1871 г. [5–8: 316].

Калима приводит форму ген. *mandere* от *manner* у карел-ливвиков, сравнивая при этом ее с другими прибалтийско-финскими языками: фин. ген. *mantere*, эст. *manner*, ген. *mandra*. Все они имеют значение ‘материк’ [Kalima 1915: 162]. Авторы SKES полагают, что в данном случае вероятней людиковский этимон: люд. *mander* ‘материк’ [SKES: 333].

Анализируемая лексема функционирует в качестве топонима: в Кондопожском р-не Мандера — название деревни; в Прионежском р-не — н.п. Березовые мосты, расположенный на побережье Онежского озера, имеет народное название **Мандера**.

Распространение данной лексемы в настоящее время в основном в Заонежье и в примыкающих к нему р-нах, по видимому, подтверждает людиковскую этимологию. Зональное распределение значений не прослеживается, что связано с вариативностью реалий и особенностями функционирования слова в каждом конкретном микроговоре.

МУ́ДЕГА, МУДИ́ГА

По данным ПЛГО слово **мудега** ‘мутная вода, муть в воде’ зафиксировано в Вытегорском р-не (Ошта, Нижняя Водлица), в Подпорожском р-не (Вознесенье). В Прионежском р-не (Ялгуба) отмечено значение **мудега**, собир. ‘крошки’. Вариант **мудига** ‘мут, ил, грязь’ бытует в Вытегорском р-не [Мушниковская].

В словаре Куликовского представлен вариант **мудега** в значении ‘торф’ в Петрозаводском уезде, в значении ‘мутная, грязная вода’ — на территории нынешнего р-на.

Эта единица восходит к вепс. *muddeg* ‘мутная вода’, по мнению Калимы, который приводит вепсский материал Сетяля [Kalima 1915: 167]. В СВЯ данная лексема

отсутствует, имеется только вепс. *tuda* ‘мутъ в воде’, *tudavezi* ‘мутная вода’.

В прибалтийско-финских языках эта лексема широко распространена: кар., люд., вепс. *tuda* ‘мутъ, ил, тина’, эст. *tuda*, ливск. *tuda* ‘морская водоросль’, саам. *mâte* ‘пыль от одежды’, саам. норв. *motðe* ‘болотистая тина, ил’, в коми *му* ‘земля’, мордов. *мода* ‘земля, почва’. Из ливск., по мнению авторов SKES, попало в латыш. *tudas* ‘гнилая морская водоросль’ [SKES: 354]. Исходя из широкого распространения слова в финно-угорских языках, трудно классифицировать формант *-га* в единице **муде-га** в вепсском языке, является ли в данном случае он вепсским образованием или возник на русской почве.

ОЛЬГА

Первая фиксация у Рыбникова **ольга** ‘топкое болото’ в Пудожском уезде: «Первая застава великая, **ольги** топучие». Даль приводит те же материалы с другим ударением **ольгá**. У Куликовского зафиксировано **ольга** ‘болото’ в Петрозаводском уезде. Эта лексема вызывает до сих пор большой интерес по поводу ее этимологической интерпретации. В словаре Даля она помещена во 2-е издание, но отсутствует в 1-м издании с ударением на конце слова (у Рыбникова знак акцентуации отсутствовал). Куликовский использовал словарь Даля иногда в качестве источника, иногда как справочное пособие для поисков и более широкого представления своих авторских данных. Вероятно, именно под влиянием словаря Даля появляется у Куликовского лексема **ольга** ‘болото’ с ударением на первом слоге и дается географическая помета — Петрозаводский уезд. Таким образом, можно утверждать, что только фиксация слова **ольга** Рыбниковым является оригинальной, материалы Даля и Куликовского вторич-

ны. Это слово не удалось зафиксировать ни по ПЛГО, ни в КСРГК. Кроме того, следует отметить, что в более поздних источниках данная лексема не отмечалась. Существует несколько версий в отношении ее происхождения. Рыбников высказался за связь слова с корнем *влага* [Рыбников: 3]. Калима сравнивает данный материал с фин. *alho* 'низина, болото, топь', замечая, что источник заимствования нужно искать в карельских или вепсских диалектах [Kalima 1915: 175]. Однако принять версию Калимы не позволяет различие в типах вокализма — прибалтийско-финское [a] — русское [o], тогда как такое соотношение в субстратной лексике русских говорах имеет место только в вологодских говорах, причем смена вокализма происходит уже на русской диалектной почве. Например, в вепском произношении ойконим в Бабаевском районе произносится как *Voilaht*, при официальном русском названии **Войлохта**. В русских говорах Обонежья прибалтийско-финскому [a] соответствует русский [a]. Фасмер, отвергая версии о родстве слова **ольга** с латин. *alga* 'водоросль', норв. *ulka* 'плесень, слизь', а также с литовским гидронимом *Alga*, не выдвигает, однако, собственной этимологии [Фасмер 3: 137]. На наш взгляд, этимологическому анализу должна подвергаться лексема **ольга** не как ареально-фонетическая уникалия, а как производительный вариант, не подлежащий обособленной интерпретации. Имея в виду широкое распространение в русских говорах Северо-Запада мены [p] ≤ [л], вероятно, следует отнести данную единицу в качестве фонетического варианта к основной опорной лексеме **орга**, которая частотна и устойчива в русских говорах Обонежья и фиксируется в разных значениях. Данное слово имеет давно утвердившуюся этимологию, которая связана с карельским влиянием, ср. кар. *orgo* 'водянистая

ложбина, поросшая ельником', 'овраг' [KKS 4: 59], люд. *org* 'лощина, низина' [SSAP 2: 271; Kalima 1915: 176]. См. ниже.

Трудно сказать, относятся ли сюда же микротопонимы и топонимы, которые удалось обнаружить: **Ольга** — название деревни в Каргопольском р-не. **Ольга** — название покоса около н. п. Веснино Любытинского р-на.

ÓРГА

По ПЛГО данная лексема имеет большое распространение в Заонежье и спорадически присутствует на всей обследуемой территории, кроме Прионежского р-на. Анализируемое слово отмечено в следующих значениях: **ор-га** 'густой еловый лес' в н. п. Каскосельга, Усть-Яндома, Ламбасручей, Черкасы, Лонгасы Медвежьегорского р-на; 'низменное болотное место, поросшее лесом' в н. п. Косозеро, Патрово Медвежьегорского р-на; в н. п. Мегра Вытегорского р-на; 'непроходимый глухой лес, чаща' в н. п. Сенная Губа, Лонгасы, Мьяльзино Медвежьегорского р-на; в н. п. Ладмозеро Кондопожского р-на; **орга** 'высокий старый лес' в н. п. Великая Нива Медвежьегорского р-на и в н. п. Песчаное Пудожского р-на, 'болотистое место' в н. п. Лижма, Колгостров Кондопожского р-на. Нередко в настоящее время это слово теряет апеллятивную функцию и употребляется в качестве микротопонима: **Орга** 'участок леса'— в н. п. Шильтя Медвежьегорского р-на; **Орга** 'сенокосное угодье'— в н. п. Палтега, Ламбасручей того же р-на и Педасельга Прионежского; **Орга** 'сенокосное угодье'— в н. п. Щекино, Вырозеро, Федотово, Шуньга Медвежьегорского р-на. Иногда подчеркивается та или иная особенность микротопонима, что свидетельствует о его переходном состоянии из апеллиатива: **орга** 'покос в сыром низменном месте' — в

н. п. Казаково Вытегорского р-на; 'покос в сухом месте' — в н. п. Ладва Прионежского р-на. Только по КСРГК отмечается значение 'бурелом, валежник' в н. п. Пабережье Медвежьегорского р-на. Единичная фиксация **орга** 'вязкое место, лужа на дороге' в н. п. Ладва Прионежского р-на и Тарнога Кондопожского р-на; — Смотри, какие **орги** надожжало.

Михайлова выделяет сходные значения **орга**: 1. 'топкая, поросшая ельником низина' — Медвежьегор.; 2. 'участок покоса в низком заболоченном месте' — Медвежьегор., Прионеж.; 3. 'овраг, низина' — Пудож.; 4. 'частый валежник в глухом лесу, дебри' — Заонеж.; 5. 'густой темный лес, чащоба' — Медвежьегор., Кондоп., Пудож.; 6. 'лужа' — Кондоп. [Михайлова 1986: 89].

Следует отметить, что в Прионежском, Вытегорском, Пудожском р-нах имеют единый ареал слова **корба** и **орга**, в Заонежье отмечено в основном **орга**, а в Подпорожском р-не только **корба**. В едином ареале значения этих слов распределяются так: Песчаное — **корба** 'лес на возвышенности', **орга** 'высокий лес'; Колгостров — **корба** 'густой еловый лес', **орга** 'болотистое место'; Мегра — **корба** 'хвойный лес из небольших деревьев', **орга** 'лес на болоте'; Ладва — **корба** 'густой труднопроходимый лес', **орга** 'вязкое место, лужа на дороге'.

В словаре Подвысоцкого **брга** 'покрытое плесенью озерцо' в Шенкурском уезде. У Куликовского **орга** 'овраг, поросший лесом' в н. п. Коштуги Вытегорского уезда и 'топкое место, поросшее дурным лесом' в Пудожском уезде. Сомнение в достоверности материала Подвысоцкого высказала Гусева: «... термин **орга** в своем значении на территории Каргополья полностью соответствует значению в языке-источнике, в то время как в словаре Подвысоцкого **орга** — покрытое плесенью болото» [Гусева 1972: 123]. Не удалось зафиксировать по ПЛГО **орга** 'овраг,

долина', отмеченное у Князева и имеющее точное семантическое соответствие с материалом СВЯ. В СРНГ имеется **орьга** 'большой широкий овраг' Вытегор., 1937. Вне исследуемого ареала **орга**, **орговина** 'низменное кочковатое место, поросшее лесом, преимущественно еловым и осиновым' отмечены в Каргопольском р-не [Гусева 1972: 123]. По-видимому, со словом **орга** связано **орожное дерево** 'кривое, редкослойное дерево', зафиксированное в Повенецком уезде Куликовским.

Калима предлагает ряд прибалтийско-финских соответствий: кар. *orgo* 'низменность', *orko* 'низменность между двумя холмами', вепс. *orgo* 'плотные заросли небольших деревьев', фин. *orko* 'низменность' [Kalima 1915: 176]. Для Калимы неясно, связано ли русское слово **орга** с коми *vorga* (см. **ворга**). SKES при наличии соответствий практически во всех прибалтийско-финских языках все же предпочитает карельскую этимологию, ср. также люд. *org* 'низина, ложбина, низменное влажное место с растущим лесом', вепс. 'ложбина с растущим лесом' [SKES: 438]. И. Муллонен, приводя гидронимы **Орга ручей**, **Оргое ручей**, **Оргозеро**, предлагает вепсское происхождение части **-орга** [Муллонен 1988: 96].

Матвеев фиксирует плотную группу наименований на **-орга** на северо-западе Вытегорского р-на, что, на его взгляд, свидетельствует о вепсской этимологии [Матвеев 2001: 219]. В материалах СРНГ представлено слово **орда** 'сухой поросший лесом участок земли, островок среди болота' Олон., 1903. В словаре Даля **орда** 'зыбучее болото, трясына, зыбун' Шенкур. Арх., по-видимому, связано с **орга**. Материалы СРНГ фиксируют **орга** 'болото, поросшее мелким лесом' в Архангельской, Вологодской, Ленинградской областях; **орга** 'островок среди болота' Олон., 1912. В словаре Беляевой **орга** 'проезжая дорога или тропа' — подтверждает контаминацию **ворга** — **орга**

(см. **ворга**).

Разбросанные фиксации анализируемого материала по всему Обонежью затрудняют, на наш взгляд, возведение к одному определенному языку-источнику. Несмотря на то, что в вепском языке имеется сходная форма для русского слова — *org*, весьма сомнительно возводить русскую диалектную лексему к ней, поскольку в зоне вепского влияния имеет значительную частотность слово **корба** как синоним для **орга**. Фиксация топонимов с формантом **-орга** в Онежском, Холмогорском, Пинежском, Каргопольском, Няндомском р-нах вряд ли предполагает их вепское происхождение [см. Матвеев 2001: 219].

ПАВНА

Эту лексему не удалось зафиксировать в исследуемом регионе, но тем не менее то, что слово **павна** огибает с востока и юго-востока Обонежье, не заходя в него, является весьма интересным фактом.

Слово **павна** зафиксировано по данным КСРГК в нескольких значениях. Значения ‘лужа’, ‘речная заводь’, ‘омут в реке’, ‘пойма реки, заливаемая в половодье водой’ — отмечены в Онежском р-не; значение ‘болотистая местность’ бытует в Череповецком р-не; ‘заболоченный сенокос’ отмечено в Кадуйском р-не. Дерягин и Комягина отмечают это слово на очень узкой территории в значениях ‘заболоченный луг’, ‘протока в болоте’ в н. п. Ступино Няндомского р-на [Дерягин, Комягина 1972: 45].

Опыт дает это слово как мезенское со значением ‘топкое болото’; Шейн отмечает то же значение в беломорских говорах; Даль отмечает **павна** «проток, ручей в болоте»; «это истоки речек редко замерзающие» в Мезенском уезде. Подвысоцкий приводит **павна** ‘болото, по-

росшее травой' в Онежском уезде. В КСРНГ отмечается также **павна** 'болото в ямине, без стоку, колдобина'. В СРНГ зафиксировано значение **павна** 'луг на болотной почве' в Белозерском уезде и 'высокая трава, растущая на заливных лугах' в Кадуйском р-не.

Грот предлагает в качестве этимона фин. *rauni* 'лужа, небольшое озеро' [Грот 1876, 472], Калима — фин. *rauna* [Kalima 1915: 177], Фасмер присоединяется к мнению Калимы. Разнообразие значений в русских говорах определяется, скорее всего, полисемией этимона в прибалтийско-финских языках и диалектах, ср. кар. сев. *rauni* 'широкое место в реке', люд. *raun* 'расчищенная под сенокос поляна' и 'небольшое сенокосное пространство среди леса', эст. *jõe-raunad* 'низменные места по берегам реки'. Авторы SKES отрицают славянскую основу данного слова в прибалтийско-финских языках [SKES: 508]. Но отсутствие соответствий в вепском языке, угорских языках позволяет предполагать, что рус. диал. **багно́** 'низкое болотистое место', польск., украин. *bagno*, *багно* 'болото' могут быть этимонами прибалтийско-финского слова. Муллонен отмечает гидронимы **Павнозеро**, **Пагнозеро**, **Пагна** (болото) без точной этимологии, причем, на наш взгляд, последние два слова могут быть связаны с русским **пагна**, **пагма** 'медвежья берлога' [см. Муллонен 1988: 97]. Отмеченное у Матвеева **пава** 'речка, родник, впадающий в большую реку' сопоставляется с мансийскими данными, не имеет отношения к анализируемому слову [Матвеев 1957: 67].

В Онежском р-не отмечено **Павна** — название реки — возможно, результат переноса наименования с поймы реки на всю реку.

Отсутствие данного заимствования в обследуемом регионе все-таки заставляет иметь в виду возможное распространение его с востока.

ПЭНУС, ПЭНУСЬ, ПЭНДУС, ПЭНТУС

По данным ПЛГО имеется единственная фиксация этого заимствования в н. п. Кривцы Пудожского р-на: **пенус** ‘трава, годная для сена’. В материалах КСРНГ **пэнус** — ‘трава, осока, которую не ест корова’ в Каргопольском и Плесецком р-нах. Вариант **пендус** по данным КСРНГ отмечается на территории Вологодской губернии / области: **пендус** ‘низкое болотистое место’ — в Тотемском, Кадниковском уездах; ‘заболоченный участок покоса, мелкое болото, используемое как покос’ — в Кадниковском уезде. Вариант **пентус** распространен в основном в архангельских говорах: **пентус** ‘вязкое болотистое место’ — в Вельском уезде; ‘болотистое место, поросшее травой’ в Каргопольском р-не; вариант **пэнтус** ‘сырой осотистый сенокос’ — в северодвинских, по материалам Романова. Широко представлены варианты **пендус**, **пентус**, **пэнтус**, **пенус** в говорах Вологодской области, отмеченные в Сокольском, Кичменско-Городецком, Верховажском, Никольском, Нюксенском, Сямженском, Тарногском, Вожегодском, Бабушкинском, Междуреченском, Вологодском р-нах [СВГ 1997: 23–24]. В беломорских говорах зафиксирован вариант **пенусь** ‘сенокосное болото, на котором косят сено в засушливый год’. Имеются дериваты, обычно обозначающие траву, произрастающую на сыром болотистом месте: **пенусина** ‘осока, трава, растущая на болоте’ (Плесецкий р-н); **пендусина**, **пентусина** с широким распространением на территории Вологодской области [СВГ 1997: 24]. Комягина анализирует ареальную дистрибуцию вариантов **пендус**, **пентус**, **пенус** в говорах юго-западной части Архангельской области [ЛААО: 42]. Ранее она отмечала слово **пенус** ‘покос на сыром месте’ по р. Ваге [Комягина 1984]; в Прионежье фиксируется **пенус** ‘моховое болото с растительностью’ [Ермолин, Михайлова 1970].

Впервые показывает анализируемый материал Бурнашев: **пенуса** или **пенус** ‘сырые болотистые места в середине или по окраине леса, на которых растет трава, годная для кошения’, но без географической пометы. Опыт дает **пэнус** ‘сенокосное болото, никому не принадлежащее, с которого собирают сено во время засухи’ в Шенкурском уезде; затем в олонецких материалах Рыбникова — **пэнус** ‘болото, где растет трава и березняк’. В словаре Подвысоцкого — **пэнус** ‘поросшее травую болото, на котором косят сено только во время засухи’ в Шенкурском уезде. Имеется это заимствование и в словаре Куликовского — **пэнус** ‘болото с травяным покровом, поросшее карликовой березой’ в Каргопольском уезде. В словаре Даля отмечен вариант: **пендус** ‘топкое болото, выкашиваемое в засуху’ в Архангельской губернии.

Калима возводит слово **пенус** к кар. *rainoš* ‘болотистое место между возвышенностями’, по его мнению, дифтонг [ai] на русской почве легко переходит в [ай], [ой]; имеются и другие сходные примеры: *maiva* — ‘меэво’. Калиме кажется странной и непонятной форма **пендус**.

По нашему мнению, источник заимствования следует искать, основываясь на выделении иной семантической доминанты, которую можно выделить в толкованиях, представленных собирателями и исследователями прошлого века. Калима исходил из того, что главное в толкованиях — указание на ‘болото’, имеющее всякие разновидности и используемое в разных целях. Поэтому у него появляется версия *rainoš*, комментируемая глаголом *rainaa*, фин. ‘давить, опускать и т.п.’. Действительно, в SKES множество существительных со значением ‘ложбина, яма и т.п.’, образованных от этого глагола: фин. *rainanne*, *rainato* ‘глубокое место в озере’ [SKES: 460]. Но если взять в качестве смысловой доминанты не ‘болото’, а то, что на нем растет, например, у Рыбникова

пенус ‘болото, где растет трава и березняк’, и истолковать как ‘трава и березняк, растущие на болоте’, аналогично представлены у Куликовского — **пенус** ‘карликовая береза, растущая на болоте’, т. е. выделив ‘заросли, мелкий кустарник’, то мы имеем возможность искать этимон в соответствии с этим значением. SKES дает много вариантов от слова *pensas* ‘куст’, *pensua* ‘расти кустисто’. Имеются люд. *pendlahaine* ‘куст’, вепс. *pendaz* ‘куст’, ливв. *penšuo* ‘куститься’. Шилов, считая русские данные отражением языка заволочской чуди, видит в этом прибалтийско-финском гнезде *pensas* ‘куст’ развитие древней семантики финно-угорского гнезда [Шилов 1997: 12–14].

Основной ареал этого заимствования лежит на территории вологодских и архангельских говоров, в Обонежье, на восточном побережье находится его маргинальная зона. Однако имеется одна фиксация из микротопонимики в н. п. Палтега Медвежьегорского р-на — **Пендукса** (название пожни). Отмечаются варианты **пендус**, **пентус** в говорах Костромской области [Востриков 1981: 23]. Мурзаев отмечает **Большой Волостной Пенус** в Прионежье; в Каргополье он фиксирует **Пенус** — название родника и ручья. Данное заимствование исследовалось с различных позиций, особую точку зрения на происхождение этого слова высказал Попов: «... слово “**пендус**” в значении сенокосного уголья известно хорошо в актах XVII века по тогдашнему Вологодскому уезду, где следует предполагать наличие древнего финно-угорского населения с языком или языками, весьма значительно отличающимися от ныне существующих прибалтийско-финских. В этих вологодских актах мы постоянно встречаем упоминание “сена чистого **пендуса**”, что вполне согласуется с современным значением слов **пендус** и **пенус**. Таким образом, не исключена возможность, что данные слова заимствованы из несуществующих в данное время финно-

угорских языков. Во всяком случае, отсутствие возможности отыскания точного оригинала русского заимствования в современных финно-угорских языках вместе с побочными соображениями разного рода может во многих случаях привести к убеждению допустить заимствование или остаточное (субстратное) включение в данный русский говор из какого-то исчезнувшего финно-угорского языка» [Попов 1955 16-17]. В работе Дерягина и Комягиной «Из истории и географии финно-угорских заимствований в севернорусских говорах» анализируется ареальная дистрибуция вариантов **пенус**, **пендус**, **пёндус**, **пентус**, **пёнтус** в говорах Архангельской области, причем **пенус** преобладает в Каргопольском, Онежском, Шенкурском р-нах, а последние варианты преимущественно в южных р-нах Архангельской области [Дерягин, Комягина 1972]. В каргопольско-лачских говорах и в том числе в пудожских говорах и смежных с ними архангельских доминирует вариант **пендус**, что наталкивает на мысль о разных субстратных основах этих слов.

В последнее время появилась версия связи этих данных с литов. *piainys* 'сенокосное болото' *rianiš* 'ложбина' [Матвеев 1995: 41], однако этимологическое решение этих данных, не имеющих прямых соответствий в живых финно-угорских языках, вряд ли будет иметь окончательное решение, хотя, на наш взгляд весьма интересна версия Шилова о финно-угорском источнике с соответствиями в коми-зырян. *пеньдзей* 'высохший ручей' [Шилов 1999: 89].

ПУГАНДА

Пуганда 'узкое место в реке' отмечено в н. п. Колгостров Пудожского р-на; в материалах Алекиной зафиксировано **пугонда** с тем же значением и также в Пудожском р-не.

Муллонен, приводя многочисленные гидронимы с топонимической основой **пуганда**, отмеченные также в Пудожском р-не, предлагает их вепскую этимологию, реконструируя производную вепс. *pugand* от глагола *pugetada* ‘вдевать, продевать’ [Mullonen 1992: 5].

ПУДА́С, ПУ́ДОС

Эти слова начинают фигурировать в печатных источниках с середины прошлого века, в Опыте **пудас** ‘рукав реки, протоки’ отмечено и в Кемском уезде. В словаре Куликовского приводятся материалы Барсова **пудас** ‘залив или узкий пролив в реке’; с таким же ударением **пудас** ‘небольшой болотный ручей, впадающий в речку’ — в н. п. Нюхча Кемского уезда [Александров 1910, КСРНГ]. Шешенин отмечает **пудас** ‘залив’ [Арх. 1887, КСРНГ]; **пудас** ‘рукав реки’ — «**пудас** — на Туломе реке» — Отмечено в Кольской грамоте по картотеке ДРС (Федоров, КСРНГ).

К заимствованиям это слово относили Грот [Грот 1876: 472], Погодин [Погодин 1904: 51]: фин. *pudas* ‘речной залив, рукав, пролив’. Кузмищев в своих материалах сделал пометку «с карельского» (КСРНГ). Калима, приводя кар. *puvaš*, ген. *puধান*, фин. *pudas*, предполагает вепсский источник [Kalima 1915: 188]. По данным ПЛГО удалось зафиксировать только топоним в Медвежьегорском р-не — это название деревни, расположенной на берегу озерного залива близ н. п. Космозеро, — **Пудос**. Сало отмечает повсеместность распространения **пудас**, **подас** в поморских говорах Карелии в значении ‘залив, небольшой залив, высыхающий рукав реки’; ‘река, заросшая травой’. В SKES предполагаются прибалтийско-финские материалы в качестве источников русских данных, а исходя из распространения финских данных, в основном, в

финских диалектах северной части Финляндии, трактуют финское слово как старое заимствование из саамского, ср. саам. норв. *boyses* ‘извилистый речной залив’ [SKES: 623]. Фасмер, вслед за Калимой, поддерживает мнение о заимствовании из вепского языка [Фасмер 3: 401].

Судя по данным КСРГК, вероятней всего саамская версия заимствования, высказанная Сало. По КСРГК **пуда** ‘залив’ отмечено в Терском р-не; **пудос** ‘рукав реки’ — там же; кроме того, зафиксировано употребление в качестве микропонима: **Пу́дас** — так курья называется на реке Варзуге (Терский р-н). Мурзаев приводит следующие топонимы, подтверждающие саамскую гипотезу: **Пудога**, ныне **Пудож**, **Большая** и **Малая Пудость** и ст. **Пудость** в Ленингр. обл. на р. **Пудость** — притоке Ижоры; река **Пудос** на границе Мурманской области и Карелии; остров **Ернин Пудас** на реке Выг; **Большая Пудас** в Кеми.

РА́ДА

По данным ПЛГО **рада** ‘топкое место на болоте, болото’ отмечено в н.п. Челмужи Медвежьегорского р-на, в этом же н.п. находим значение ‘лес на сырой заболоченной почве’. В н.п. Шала Пудожского р-на зафиксирован вариант **радо** ‘болото’.

На смежной территории **рада** ‘болото’ отмечено в Беломорском, Онежском, Кемском р-нах. **Рада** ‘болотистое место в лесу’ зафиксировала Сало в поморских говорах; **рада** ‘болото, поросшее мелколесьем’ отмечено в Онежском, Усть-Цилемском, Кемском р-нах, а также в словаре Меркурьева в Терском р-не. **Рада** ‘густое место в лесу, лесная чаща’ отмечено в окрестностях г. Кандалакша; ‘мох на болоте’ в Терском и Беломорском р-нах. Михай-

лова выделяет в русских говорах Медвежьегорского р-на следующие значения: **рада** 1. 'низкое сырое топкое место'; 2. 'сухое пространство с крупным редким лесом'; 3. 'болотное растение (хвощ)'; 4. 'ягодное место' [Михайлова 1986: 82].

Широко используется данное слово в качестве топонима в Виноградовском р-не [Елабугина 1974: 120–121].

По КСРНГ анализируемое заимствование широко представлено в говорах Архангельской, Вологодской областей, а также имеются спорадические фиксации на территории Калужской области (это, вероятно, с переселением карел в Калужскую губернию).

Впервые слово находим в архангельских материалах Боричевского: **рада** 'лесистое место близ болота или тундры'. В Опыте — **рада** 'мокрое место в редко растущем и большей частью сосновом лесу в Архангельской губернии'; в словаре Даля: **рада** 'болотистый хвойник, пугама, согра' с пометой Арх. У Подвысоцкого: **рада** «1. Низменное, мокрое, болотистое место, иногда покрытое лесной порослью. Пинеж., Мезен... В Арх. уезде **радою** называется окруженная борами и поросшая мелким сосняком местность... 2. Лужа в болотистой местности. Холмогор». Куликовский дает **рада** 'торфяное болото, покрытое лесом' в Повенецком, Петрозаводском и Пудожском уездах.

Погодин возводит к фин. *raatta* 'гниль, грязь', эст. *radik*, реконструирует также вепс. **rada*. Калима полагает, что это заимствование нельзя соотнести с прибалтийско-финским материалом. Фасмер относит это слово к заимствованиям неясного происхождения. Михайлова пытается связать фин. *raate* 'вахта трилистная, трифоль', «в результате перехода значения 'болотная растительность' —

‘болото’» [Михайлова 1986: 83]; Ивашко, Федоров связывают данное заимствование с фин. *raita* ‘выгон, болотистый выгон’.

По ряду причин фонетического, семантического характера ни одна этимология не кажется нам достоверной. Вероятно, эту лексему следует отнести к субстратным явлениям. Данное заимствование прочно вошло в язык русских говоров, где представлено немало вариантов с корнем *рад*. Житников фиксирует **сурадный** ‘болотистый’ еще в др.-русск.; в словаре Подвысоцкого — **сурадок** ‘рада малого размера, поросшая не только сосною, но и лиственным лесом’, **подрадь** ‘местность переходной формации от обыкновенной к раде’; у Куликовского — **радица** в Петрозаводском уезде. Причем **радица** фиксируется и в КСРГК в значении ‘низменное моховое болото’ в Беломорском и Онежском р-нах; дериват **радник** ‘сырое место в лесу’ в н. п. Нюхча Беломорского р-на; **радка** ‘небольшой заболоченный лес’ в Онежском р-не, **радный** ‘растущий на раде’ — **радный** мох в Беломорском р-не, **радовый** с тем же значением в Онежском р-не.

РА́ЕГА, РА́ЕКА, РА́ЕК, РА́ЯКА, РА́ЙКА

Данные ПЛГО и КСРГК отмечают рассматриваемое заимствование только в Вытегорском р-не. Вариант **раека** ‘мелкий смешанный, чаще лиственный лес’ зафиксирован в н. п. Мушниковская, Бараново, Коштуги, Андома. В материалах Амосова представлен вариант **раега** ‘небольшой частый лесок’. Слово **раек** отмечено в двух значениях: ‘мелкий смешанный (лиственный) лес’ в н. п. Гуляево, Мушниковская; ‘поросль, выросшая после порубки’ в н. п. Игнатовская, Девятины. Данные КСРГК дают также другие фонетические варианты: **раяка** ‘лес’; **райка**

‘заросшая поджога’. В н. п. Ковжа зафиксирована лексема **раек** в значении ‘гриб’ (по КСРГК).

Отмечен диминутивный дериват **раечка** ‘мелкий смешанный или лиственный лес’ в н. п. Мушниковская, Щекино.

Первая фиксация анализируемого заимствования в Опыте — **раека** ‘небольшой частый лес’ в Олонецкой губернии. У Даля — **раека** имеет сходное значение ‘небольшой частый лесок, остров’ с той же географической пометой. В словаре Куликовского зафиксированы два варианта: **ра́ега** — в Вытегорском уезде и **раека** — в Коштугской волости того же уезда с общим значением ‘подсека, поросшая молодым лесом; небольшой частый лесок’. В материалах Филимонова по КСРНГ вариант **раека** представлен в значении ‘молодой, преимущественно березовый лес’ в Вытегорском уезде.

Калима дает карельскую этимологию, ливв. *raiakko* ‘подсека через 6–16 лет’, ‘заросшая травой и молодым лесом подсека’. На наш взгляд, Калима необоснованно относит сюда же отмеченное у Куликовского слово **р́ояка** ‘овраг’ (Вытегор., Каргоп.), скорее всего, не прибалтийско-финское по происхождению. Калима опровергает предположение Погодина об эстонской этимологии эст. *raendik*, он считает, что существует, возможно, связь с вепс. *rajag* ‘безоблачное место на небе после дождя’ — по материалам Сетяля [Kalima 1915: 194]. Фасмер приводит ливв. *rajakko* ‘раскорчеванный участок’ [Фасмер 3: 432].

SKES приводит следующие материалы в качестве соответствий: ливв. *rajakko* ‘заброшенная подсека’, люд. *rajakko* ‘подсека, на которой начали расти деревья’, вепс. *rajak* ‘плохой смешанный лес на подсеке’ [SKES: 722], в СВЯ — *rajak* ‘заросшая поджога’. То, что анализируемое

заимствование локализовано в Вытегорском р-не, позволяет предположить вепское происхождение этого слова.

РАЙЛОК

Райлок ‘трещина, впадина, низменность между возвышенностями’ по данным КСРГК отмечено в Медвежьегорском р-не. По-видимому, возможно связать с карельскими данными, ср. кар. сев. *rairo*, *roiro* ‘трещина, расщелина, колдобина, выбоина’ [SKES: 716].

Маловероятно, что анализируемая лексема может быть связана с **рель**, **рёлка** ‘удлиненный невысокий вал, грива, гряда, холм’, ‘бугор обычно на болоте, на пойме, на лугу’ [Мурзаев 1959]. Он также приводит **ориолка**, **риолка**, **релка** «мысок», «холм у слияния двух рек», «сухая гряда, поросшая лесом среди болот» на Белом море.

РÓЗМЕГА

По данным ПЛГО слово **рбзмега** ‘участок поля, поле’ зафиксировано в Подпорожском р-не (Шустручей); **рбзмеги** в значении ‘место покоса’ в том же р-не (Сидорово). Кроме того, близ н. п. Заозерье обнаружен топоним **Рбзмега** — название деревни в том же р-не.

В словаре Куликовского представлено слово **рбзмега** ‘лужица с ржавой водой на лугу’ в Петрозаводском уезде. Погодин в качестве этимона дает вепскую реконструкцию: **rozmeg*, а также ливв. *ruozmieg*, кар. *roužmie* [Погодин 1904: 243]. Калима, приводя соответствия из люд., ливв. *ruozme* ‘ржавчина’, вепс. *rozme* ‘водянистая почва’, кар. *ruožme* ‘ржавчина на сене или зерне’, находит, что этимология этого слова не совсем ясна [Kalima 1915: 202]. В СВЯ имеется гнездо с этим корнем: *rozme* ‘ржавчина на воде’, *rozme’egišt* ‘ржавое болото’, *rozmenaluine*

‘покрытый ржавчиной’ и т. д. Исходя из ареальной дистрибуции анализируемого заимствования, по-видимому, можно говорить о его вепсском происхождении, хотя прибалтийско-финская основа широко представлена в названиях болотистых низин, ручьев, берущих начало из болот, озер с заболоченными берегами как на карельской, так и вепсской почве [ПФГЛК: 81].

РÓНГА

Рóнга ‘делянка в лесу, место вывоза леса’ отмечено в н. п. Ошта Вытегорского р-на. Впервые зафиксировано по ПЛГО. По-видимому, это заимствование из вепс. *rong* ‘костер при сжигании кострики’.

РЎЖЁГА

В значении ‘изгородь из сваленных деревьев с сучьями’ зафиксировано в Пудожском уезде (Шайжин, КСРНГ). По-видимому, это заимствование можно возвести к ливв. *ružeikko*, *ruzeikko* ‘кустарник, валежник’. Возможно, сюда же относится **ружйна** ‘прикрепленный к кольям сетевого забора жердь’ у Подвысоцкого, а также слово **рўжина** ‘поперечная балка, соединяющая под крышей (амбара, овина) две стены и служащая для большего укрепления постройки’, отмеченное Фирсовым в н. п. Водлица Вытегорского р-на (КСРНГ).

РЮРИКИ, ЮРИК, ЮРА́, НЮРА́

По материалам ПЛГО отмечено **рюрики** ‘крутые берега’. С **рюриков** да в воду лес сбрасывали (Видино Медвежьегорского р-на). Первая фиксация у Барсова — **юра**

‘подводная мель’. В словаре Куликовского два варианта — **юра**, **нюра** ‘подводная мель’ в Заонежье.

Мурзаев полагает, что одного происхождения с **юрики** слова **ир**, **йир** ‘омут, яр, глубина, крутой обрыв на дне озера или реки’, которые возводит к фин. *jyrkki* ‘крутой’. SKES дает соответствия из прибалтийско-финских языков, близкие к анализируемым вариантам: фин. *jyrkkä*, *nyrkkä*, вепс. *mürk*. Авторы SKES полагают, что в русские говоры это заимствование попало из кар. *jürkkä* или ливв. *jürkkü*. Причем из финского языка, фин. *jyrkkä*, попало в саамские диалекты, что и нашло отражение в саамской топонимике *Nuirk-suel*, имеющее русское соответствие *Крутой остров*. По-видимому, сюда же относится: **юрик** ‘вышка рыбаков на сваях (ногах) для подъема семужьих сетей’ в Архангельской губернии, отмеченное в словаре Даля. Подвысоцкий добавляет еще вариант и значение: **юрик**, **юрिका** ‘пристань у морского берега для просушки рыболовных сетей’ на Кольском полуострове. Материалы КСРГК в Терском р-не повторяют Даля: **юрими** ‘лестница, вышка в воде, с которой ловят рыбу’; в Беломорском р-не в н. п. Сумский Посад — **юрик** ‘высокое место’.

Даль дает словообразовательный вариант, который повторяет и Подвысоцкий, — **юримина** ‘сходня с юрика в море’; **юримины** ‘два бревна, на которых утверждается ведущая от юрика наклонно к воде лесенка, на которой вытаскивают из воды сеть с пойманной рыбой’ (Подвысоцкий).

Калима, на наш взгляд, совершенно оправданно разводит слова **юрик** ‘торчащие корни деревьев, поваленных бурей’ и **юрик** ‘пристань для просушки рыболовных снастей’; первое слово дается Куликовским, второе Подвысоцким. Лексема **юрик** ‘корень’, как показывает и сам

Калима, восходит к фин. *juurikko*, кар. *juurikka* с тем же значением [Kalima 1915: 250].

Спорадическая фиксация заимствования в Заонежье говорит о том, что оно имеет маргинальный ареал на обследуемой территории, ядро которого находится, судя по материалам КСРГК, в беломорских говорах.

РЯДЕГА, РЯТЕГА

По данным ПЛГО лексема **рядега** бытует в Обонежье в нескольких значениях: 'болотистое место с редким мелкоколесьем' в Пудожском р-не (Гакукса, Каршево), в Кондопожском (Гангозеро); 'частое (обычно еловое) мелкоколесье' — в Пудожском р-не (Гакукса, Римское, Авдеево), в Медвежьегорском р-не (Мягрозера); 'топь, трясына' — в Медвежьегорском р-не (Черкасы); 'болото' — в Пудожском р-не (Черново); 'низина, поросшая хвойным лесом' — в Вытегорском р-не (Мегра). Дериват **рядежный** 'выросший на болоте' — **рядежный** осинник — зафиксирован в Пудожском р-не (Каршево).

Дериват **рядога** в значении 'ягодное место в лесу' отмечен в Подпорожском р-не (Шустрочей). Вариант **рятега** зафиксирован также в н. п. Космозера Медвежьегорского р-на; 'болото' — в Кондопожском р-не (Тулгуба); 'вырубленный сухой кустарник вокруг сенокосного луга' — в Подпорожском р-не (Шустрочей).

Михайлова приводит только вариант **рядега** в двух значениях: 'смешанный лес' и 'сырое место на болоте', зафиксированных автором в Заонежье [Михайлова 1986: 84]. Возможно, что сюда же относится слово **рядель** 'осока на озере', отмеченное в Кондопожском р-не (Ладмозеро).

Первая фиксация варианта **рядега** 'небольшой частый еловый лес' представлена в словаре Куликовского в Ло-

дейнопольском, Пудожском уездах и в Заонежье. Калима предлагает в качестве этимона кар. *reädä*, при фин. *räätä* [Kalima 1915: 209]. Михайлова сравнивает анализируемое слово с вепс. *räde* ‘еловая чаща, густой ельник’, что более соответствует фонетически. Возможно, что вариативность по звонкости / глухости связана с тем, что такие варианты заимствования возводятся к различным этимонам.

На наш взгляд, слово *räätikkö* ‘болотистое кочковатое место’ и ‘маленький неудобный сенокосный луг’, представленное в SKES с географической пометой «Ижорская земля», соответствует варианту **рятега**, а приведенное выше вепс. *räde* — варианту **рядега**. И. Муллонен представляет топонимы со звонким [д] — **Рядега, Рядь-Корба** как восходящие к вепсскому источнику [Муллонен 1988: 96].

РЯМА, РЕЙМА, РЯМЕНЩИНА

Вариант **ряма** ‘болото’ зафиксирован только в н.п. Шуньга Медвежьегорского р-на. Словообразовательный вариант **ряминщина, ряменщина** бытует в н.п. Гакукса Пудожского р-на в следующих значениях: ‘сырое место на лугу’; ‘мелкое болото’, ‘топкое место на краю болота’. Данные лексемы представляют собой самый западный, маргинальный вариант распространения этого заимствования. Вариант **рейма** ‘болотистое место, поросшее редким лесом’ отмечается в Подпорожском р-не, и на сопредельной территории оно бытует в этом же значении в Вашкинском и Кирилловском р-нах. Диминутив **реймочка** представлен также в Кирилловском р-не.

На Урале и в Сибири по КСРНГ данное заимствование отмечено в форме **рям**. В Опыте — **рям**: 1) Зыбкое место, поросшее мохом и мелким кустарником. Ирбит.

Перм. 2) Мелкий сосновый лес, растущий на болоте. Том. В словаре Беляевой — **рям** — ‘болото, поросшее мелким лесом’, оно получило распространение в Пермской, Свердловской, Челябинской, Курганской, Томской, Новосибирской областях.

В говорах Архангельской области по КСРНГ зафиксирован вариант **рём** ‘лес на болоте’, ‘мрачный лес, дебри’ — в Сев. Двин. В материалах Иваницкого — **рём** ‘болото’ Сольвыч. Волог. В тихвинских говорах зафиксировано слово **рямода**, первое появление в Доп. Опыт в значении ‘болотистое, сырое, также поросшее мхом место, на котором растет лес или кустарник’ Тихв. Новг. По материалам КСРНГ **рямода** ‘место между лесом и болотом’, ‘вязкое место в болоте’, ‘участок сосняка в еловом лесу’.

И. Муллонен, приводя оятские топонимы **Рямега**, **Рямга-болото**, **Ряменский Мох**, сравнивает приводимый материал с вепс. *rämeğišt* ‘болотина’ [Муллонен 1968: 96].

Все этимологии анализируемого заимствования подчеркивали его прибалтийско-финский характер. Грот, приводя ряд **рям**, **ремя**, **ремник** ‘топкое место, поросшее мхом и кустарником’, соотносит их с фин. *räme* ‘болотистое место’ [Грот 1876: 472]. Калима в качестве соответствий приводит кар. *rieme*, фин. *räme* [Kalima 1915: 210]. SKES замечает, что в финском языке слово *räme* преобладает в диалектах и, по мнению авторов SKES, в русские говоры данное заимствование попало из кар. *räme* или *rieme* [SKES: 911]. Следует заметить, что лексема **рема** ‘низкое, топкое место в балке, овраге, где развиты кустарники’ (Северный Казахстан), а также **рема** ‘сфагновые болота с сосной и кедром’ (Западная Сибирь), приводимые Мурзаевым, справедливо относятся им к татар. и башк. *ärämä* ‘перелесок, мелкие лесные заросли, мелкий и очень частый кустарник’. Для того чтобы вы-

явить наличие или отсутствие связи между тюркским и прибалтийско-финским материалами, требуются дополнительные исследования, что не входит в задачу данной работы.

РЯ́НЖИК, РЯ́НЖА́К, РЯ́МЖА́К

Лексема **рянжик** зафиксирована в Вытегорском р-не (Мегра) в значении ‘покос в лесу’; слово **рянжак** ‘место в лесу, принадлежащее кому-л.’ — отмечено в Вытегорском р-не (КСРГК). В Подпорожском р-не (Усланка) зафиксирован микротопоним **Рямжак** — название сенокосного луга. Возможно, что **Ранзема** — название луга, отмеченное в Подпорожском р-не (Курпово), также относится к анализируемому материалу, как и лексема **ранцер** ‘место покоса на болоте’, бытующее в Тихвинском р-не (Сарожа). На смежной территории, по-видимому, сюда же относятся слова: **ряна** ‘поляна, ягодное место в лесу’ (Кирилловский р-н); **ряночка** ‘кочковатое место’ (здесь же).

Данное слово не рассматривалось в этимологической литературе. Возможно, что первая часть слова **рян-** / **рям-** соотносится с вепс. *röin, rüin* ‘край, опушка, сторона’; кар. ливв. *rüöta* ‘водное растение’, ‘хвощ’. Как в западных, так и в восточных финских диалектах распространено слово *ryönä* ‘мусор’, ‘хворост’, ‘грязь’, ‘бурелом, чаща’. Авторы SKES относят эту лексему к дескриптивным словам, причем указывают, что на почве диалектов иногда бытуют и формы с заднеязычным вокализмом: *riopa* ‘грязь, донный ил’. В финских диалектах отмечается также более близкий фонетически материал: *rönä* ‘тина, ил’, ‘мусор на берегу’; в диалектах Саво зафиксировано слово *röneikkö* ‘болотистая местность’, ‘бурелом’. В карельских диалектах соответствующая лексика имеет

иные значения: ливв. *rönä* ‘грязь, грязный человек’.

Вторая часть анализируемых слов: *-жик, -жак, -зема, -цер* — имеет разные этимоны, но сложна для анализа.

САЛМА, СОЛОМЯ, ЧОЛМА

Анализируемое слово зафиксировано в нескольких значениях: ‘пролив между островами, пролив’ отмечается в Прионежском р-не (Тулгуба), в Пудожском (Пяльма, Колгостров, Водлозеро), в Медвежьегорском р-не (Челмужи, Космозеро, Яндомозеро), в Вытегорском р-не (только по данным КСРНГ, 1970); ‘промоина на месте подводного течения’ бытует в основном в прибрежных н. п. — в Медвежьегорском р-не (Сенная Губа, Великая Губа, Кижы, Челмужи, Великая Губа, Шуньга, Ламбасручей, Вырозеро, Яндомозеро); ‘залив’ имеет нечастотную фиксацию в Кондопожском р-не (Лижма), в Пудожском (Пяльма). Следует отметить, что первые два значения тесно связаны и часто употребляются в одних и тех же н. п., причем эта связь носит по большей мере экстралингвистический характер в силу того, что в Онежском озере между островами довольно часто бывает сильное течение и вода в таких местах не замерзает, а если озеро и покрывается льдом, то непрочным.

На смежной территории **салма** ‘пролив’ бытует в Беломорском, Терском р-нах, в окрестностях г. Кандалакша, в двух последних р-нах оно дается Меркурьевым в значении ‘пролив, протока’.

В обследованном регионе зафиксирован ряд дериватов: **салмочка** ‘небольшой залив’ в Кондопожском р-не (Лижма), **саламка** ‘небольшой пролив’ в поморских говорах Карелии (Сало). КСРНГ отмечает также **салма** ‘пролив’ в Каргопольском р-не.

Первая фиксация заимствования в несколько иной

форме — **сальма** «пролив у прибрежных жителей Белого моря» дается Бурнашевым. Опыт представляет два значения: 'пролив в море' в Архангельской губернии и 'залив, губа' в Олонецкой; у Подвысоцкого — **салма** 'пролив' в Онежском и Кемском уездах; Куликовский зафиксировал у этого слова значение 'пролив' в Петрозаводском, Вытегорском, Пудожском уездах; Шульц отметил те же значения в Онежском и Беломорском уездах.

Анализируемое заимствование отразилось в топонимике. **Салма** — название деревни около н. п. Шуньга Медвежьегорского р-на; **Орашсалма** — название пролива недалеко от н. п. Лонгасы того же р-на (Ламбасручей); **Крестовая салма** — название прохода, пути между заливом и возвышенностью, находящейся на его берегу; **Салма** — название реки в Череповецком уезде по словарю Герасимова; **Салма** — название урочища в окрестностях н. п. Юковичи Подпорожского р-на. Словарь Мурзаева фиксирует следующие топонимы: о-ва **Салма** в южной части Онежской губы Белого моря; острова **Большой** и **Малый Муксалма** в группе Соловецких о-вов на Белом море; **Салма** на Топозере и **Салма** на северо-востоке от гор. Пудожа; **Салми** на северо-восточной части Кольского п-ва.

Наряду с формой **салма** на обследуемой территории бытует, по-видимому, более старое заимствование в полногласной огласовке — **солóмя** в значении 'пролив' отмечается в Медвежьегорском р-не (Ламбасручей, Черкасы). В н. п. Космозеро этого же р-на **солóмя** имеет значения: 'узкий пролив', 'пролив между островами и материком', в Кондопожском р-не (Колгостров) бытует **солóмя** 'пролив'; в Петрозаводске **Соломенное** — находится в черте города.

Диминутив **солóмечко** 'небольшой узкий пролив' зафиксирован в Медвежьегорском р-не (Лонгасы), в Кон-

допожском р-не (Тулгуба), причем в н. п. Тулгуба имеет тенденция к употреблению данного слова только по отношению к одному проливу, т. е. превращению его в микротопоним.

Первая фиксация слова **солomia** у Срезневского датируется 1391 г. и затем повторяется в 1506 г.: «С личных гор по **сельгам** прямо в Кукозерое **солomia**». Позднее в материалах Певина отмечается **солomia** ‘узкий пролив’ (Заонежье, Петрозаводский уезд).

Данная форма заимствования также отразилась в топонимике: **Северное солomia**. **Летнее солomia** неподалеку от н. п. Ламбасручей Медвежьегорского р-на; **Кривое солomia** ‘залив’ вблизи н. п. Лижма Кондопожского р-на.

Что касается этимологии данных слов, то существует несколько точек зрения относительно исходного языка. Шренк полагал, что **салма** восходит к ненец. *сале-мал*, *салмалс* ‘конец мыса’. Веске [Веске 1890: 57], Грот [Грот 1876: 472], Преображенский, Калима [Kalima 1915: 213] с разного рода аргументацией возводят слово **салма** к прибалтийско-финскому влиянию: фин. *salmi*, люд. *sal'm*, ливв. *šalmi*, вепс. *so̞um*. SKES старое заимствование **солomia** трактует как заимствование из единого прибалтийско-финского языка; слово **салма**, по мнению авторов SKES, восходит к фин. *salmi*, причем в саам. диалектах имеются исконные формы *t'sol'mē*, *t'solp'mē* и заимствованные из финского — саам. норв. *sal^oma* [SKES: 956].

Куликовский фиксирует два слова саамского происхождения: **челма** ‘болото, поросшее травой’ и **чолма** ‘залив’. В настоящее время а Обонежье подобная лексика сохранилась, в основном, в топонимике: **Чолмацкое озеро** близ н. п. Шустручей Подпорожского р-на; **Челма** — станция в этом же р-не; **Челмужи** — н. п. в Медвежьегорском р-не. В Пудожском р-не (Авдеево) отмечено слово **чолмуши** ‘пространство между печкой и стеной’, воз-

можно оно связано с близким по форме топонимом **Челмужи**. По данным КСРГК саамская форма фиксируется восточнее: **чолма** ‘пролив’ — в Плесецком, Кирилловском р-нах; **чолма** ‘болотистое ягодное место’ (Где **лухта** выше, там и **чолма**) в Белозерском р-не. В Вашкинском р-не бытуют два варианта: **чолма** и **чойма**, в значении ‘узкая часть мережки’.

Резюмируя вышеизложенное, следует обратить внимание на неоднородность субстрата и повторное адстратное влияние прибалтийско-финских языков, в силу чего на достаточно ограниченной территории бытуют сходные по значению слова, заимствованные в разное время, — **салма** / **соломья**, или из разных источников — **чолма** / **салма**. Ареальная дистрибуция свидетельствует в пользу карельско-людиковского происхождения заимствования. Мурзаев относит сюда же **салма** ‘глубокое место, омут, где собирается рыба’, бытующее на реках Западной Сибири, в низовьях Оби. Приводимое Клыковым наименование невода — **салмочный невод** ‘невод, которым ловят рыбу в проливах между берегом и островами’, отмеченное им в Якутии, на наш взгляд, является этим же типом заимствования, занесенным миграционными потоками русских переселенцев.

Несколько слов вызывают сомнение в принадлежности к анализируемому заимствованию. **Салм** ‘мель посреди реки’, даваемое Словарем красноярских говоров (1988 г.), Аникин сравнивает с ненец. *sālm* ‘мелководье на реке’ [Аникин 2000: 480]; **салма** ‘высохшее болото’ в Пудожском р-не (Канзанаволок), ‘почва, на которой растут хвойные деревья’. Глагол **салмит** ‘о начале льдообразования’, представленный Балигиным, может быть связан с **салма** ‘промоина’ или с **сало** ‘мелкий битый лед’.

В Прионежье гидронимы **Сальмозеро**, **Салмакса**, **Салма**, по-видимому, восходят к вепс. *sal'm* ‘пролив’ [Муллонен 1988: 96].

СÉЛЬГА

С иным ударением **сельгá** первое описание этого слова дает Бурнашев: «**Сельгá**, в Олонецкой так называется срубленная часть леса, выжигаемая весной или летом для хлебопашества. . . место это прорастает большей частью сосновником. . . На **сельгах** этих бывает сочная хорошая трава, и поэтому тут лучше выгоны для пасущего скота». В Доп. Опыт: **сельгá** 'лес' употребляется в названиях деревень **Кленсельга**, **Ревсельга**, **Еремина Сельга**, Олон. В Опыте: **сельгá** 'высокое пахотное место в лесу' (Олон.). Даль дает различные синонимы к слову **сельгá**: «поседа, росчисть, огнище, чишоба, **кулигá**» (Олон.). Певин в заонежских материалах отмечает **сэльга** 'возвышенное ровное место'. Обширное описание данной реалии предлагает Куликовский: **сэльга** 'продолговатая возвышенность, покрытая лесом' в Петрозаводском, Пудожском, Каргопольском уездах: «В Олонецкой губернии, стране озер и болот, такие возвышенности всегда играли большую роль, на них селился олончанин и поселки свои именовал, прибавляя к тому или другому слову, характеризующему поселок с какой-либо стороны, слово **сельга**, а в восточной половине губернии местами **шалга**; таким образом получились **Педасельга**, **Кленсельга**, **Еремина Сельга**, **Кяпсельга**, **Курсельга**, **Ужесельга**, **Мяндусельга**, **Ежесельга** и т. п. Не мало селений, которые зовутся просто **сельгой**; на таких возвышенностях приходилось делать подсеки, почему название **сельга** иногда обозначает место, расчищенное ради посева хлеба. На оз. Купецком тем же именем зовется мелкое место, каменная гряда под водой; в Заонежье скалы зовутся кряжевой **сельгой**». В Пудожском уезде Куликовский выделяет также варианты **сэльга**, **сёлга**. Это слово впервые зафиксировано в Книге межевой обводной:

«От Зилиного острова на Торас селгү на вышное место в прамь на трүвү, дъ съ Торась силги съ вышнаго места под Матви селгү» под 1391 годом у Срезневского.

Все исследователи рассматривают это слово как заимствование из прибалтийско-финских языков: кар. *šelkä*, *selga*, ливв. *selgu* ‘спина, хребет; горный кряж, скала, жерди в заборе, коньковый брус, матица; балка; часть граблей, задняя часть черенка лопаты, обух топора’; люд. *šel’g* ‘скала, открытое водное пространство в озере; потолочная балка’; вепс. *sel’g*, *süüg* ‘спина, тетива рыболовной сети’. SKES считает, что это заимствование из ливв., люд., вепс. диалектов [SKES: 996]. Грот [Грот 1876: 472], Лесков [Лесков 1892: 101] предлагают фин. *selkä* ‘спина, хребет’; Калима — карельское [Kalima 1915: 216] .

Значения анализируемого слова, выявленные по ПЛГО, следуют в основном в русле объяснения Куликовского. **Сельга** ‘возвышенность, гора, обычно поросшая лесом’ — в Медвежьегорском р-не (Ламбасручей, Белохино, Челмужи, Лонгасы, Сенная Губа, Шуньга), в Пудожском р-не (Песчаное, Водлозеро, Римское), в Кондопожском р-не (Кулмуksа, Гангозеро, Лижма, Колгостров), в Подпорожском р-не (Важины). На смежной территории данное значение бытует в поморских говорах [Сало 1966]. Значение ‘лес, мелкий лиственный лес, участок леса, лес на сухом месте, лес на небольшой возвышенности’ отмечается в Пудожском р-не (Римское, Колово, Ножево, Черново, Канзанаволок), в Медвежьегорском р-не (Лисицыно, Вицино, Каскесручей, Космозеро: Великая Губа, Великая Нива), в Кондопожском р-не (Тарнога), в Вытегорском р-не (Андома), в Подпорожском р-не (Шеменичи, Курпово, Пидьма, Заозерье), в Прионежском р-не (Суйсарь, Педасельга, Ладва).

Значение ‘поляна в лесу, используемая как пастбище или сенокосный луг’ бытует в Подпорожском р-не

(Усланка, Яндеба, Пидьма, Сидорово, Улыно, Шеменичи), в Пудожском р-не (Кривцы, Колово: Гакукса, Каршево), в Медвежьегорском р-не (Кижы, Лисицино, Мьяльзино, Черкасы). Значение ‘пахотное поле, ранее подсека обычно на возвышенности’ отмечается в Медвежьегорском р-не (Палтега, Великая Губа, Космозеро, Шильтя), в Кондопожском р-не (Тулгуба), в Подпорожском р-не (Пидьма). **Сельга** ‘лес на подсеке’ зафиксировано в Пудожском р-не (Пядьма).

Значение ‘низменное место между возвышенностями’ зафиксировано в Медвежьегорском р-не (Космозеро); ‘каменистый верхний слой почвы’ — в Подпорожском р-не. Имеют единичные фиксации следующие значения **сельга**: ‘ровная местность, равнина’ в н. п. Лижма Кондопожского р-на; ‘место сбора людей’ в н. п. Ладмозеро Кондопожского р-на; ‘мелкое место, подводная каменистая гряда в озере’ в Медвежьегорском р-не (Ламбасручей), в Пудожском р-не (Гакукса, Каршево), в Вытегорском р-не (Ольхово, Гуляево). У Гильфердинга отмечено значение ‘жердь, тонкое бревно’.

На смежной территории зафиксированы следующие значения: **сельга** ‘кладбище’ в н. п. Надпорожье Лодейнопольского р-на, ‘скала’ в Лоухском и Беломорском р-нах. Отмечено несколько вариантов данного заимствования: **сёльги**, мн. ‘продолговатая возвышенность, гряда’ в н. п. Широкие Поля Медвежьегорского р-на; **Сёльга** ‘возвышенность’ на Водлозере. Не удалось выяснить значение лексемы **сёльго** в выражении: — Не ходи туды, там **сельго** (Авдеево Пудожского р-на).

В Среднеобском словаре зафиксировано слово **сельга** ‘ветви пихт, сосен’: — **сельгу** рубишь, ветки, **пифтовник**. Параб. Томской области. Аникин допускает сравнение этой лексемы с севернорусскими данными [Аникин 2000: 490–491].

Перечень топонимов и микропонимов, которые имеют в своем составе эту лексему, обширен. В н. п. Гакукса Пудожского р-на отмечены следующие названия пожен: **Нимсельга, Пурасельга, Габсельга**. В Вытегорском р-не зафиксированы следующие названия деревень: **Кивесельга** (Казаково), **Сельга** (Мегра), а также название гряды **Пасельга** (Ольхово). В Пудожском р-не отмечены следующие микропонимы: в н. п. Каршево **Куксельга, Кивесельга**; в н. п. Авдеево **Пядесельга Ужесельга, Маленькая Сележка**; в н. п. Песчаное — **Гамасельга, Нутрянсельга, Яугансельга**. В Подпорожском р-не: в н. п. Шустручей — **Косельга, Копсельга, Годосельга**; в н. п. Курпово — **Орсельга**; в н. п. Пидьма — **Казачья Сельга, Нижняя Сельга, Лисья Сельга**; в н. п. Заозерье — **Сельгозеро**.

Приведенные выше наименования в Пудожском и Подпорожском р-нах являются в основном названиями сенокосных лугов. В Прионежском р-не отмечены названия деревень, в составе которых имеется анализируемое слово: **Ревсельга, Пяжева сельга, Курсельга**; здесь же представлены названия пожен: **Ерошкина Сельга, Ужесельга**. В Кондопожском р-не зафиксированы микропонимы: **Парсельга, Ямсельга, Михневая Сельга** — в н. п. Колгостров; **Вайнасельга, Тютесельга** — в н. п. Тулгуба; здесь же отмечается название деревни **Паласельга** около н. п. Лижма. В Медвежьегорском р-не отмечены две деревни **Сельга** — в Вырозере и Сенной Губе, а также названия пожен: **Лубосельга** — в Сенной Губе; **Красная Сельга** — в Великой Ниве. В Кузаранде этого же р-на отмечено название сенокосного луга **Хельги**, возможно являющееся вариантом рассматриваемого слова.

В местах проживания карел в Олонецком р-не также широко распространены топонимы, имеющие с своим составе компонент **сельга**: **Большая сельга, Малая сель-**

га, Вартосельга, Кяснасельга, Каласельга. Мамонтова отмечает, что «помимо рек и озер в жизни населения края большое значение имели возвышенные места, поросшие лиственным лесом, именуемые **сельгами**». Достаточен процент населения сележного типа. **Сельги** — важный объект хозяйственного назначения (использовался для устройства подсек), они же служили хорошими ориентирами на местности. Вот потому так часто образуются микропонимы от лексем *selgö* [Михайлова 1982: 41]. Мамонтова приводит 18 типов с компонентами *selgö* в Олонецком р-не. Следует отметить, что термин **сельга** давно вошел в научную терминологию.

Анализируемое значение имеет частотные и устойчивые фиксации и распространено практически по всему Обонежью, но на южном берегу Онежского озера слово **сельга** почти неизвестно и отмечается в Вытегорском р-не только в населенных пунктах, смежных с Пудожским р-ном.

СЭНЬГА

Первая фиксация данного слова в газете за 1912 г., цитату из которой приводит Калима: «Жнитво... **сеньга**, как у нас говорят, — почти у всех вспахано». Статья эта помещена в газете под заголовком: с. Кянда Онежского уезда. В КСРНГ **сэньга** 'стерня, жнивье' в Онежском, Мезенском р-нах, в Беломорье: Как хлеб соймут, **сеньга** называется. Онеж. Кроме того, по КСРГК отмечено **сеньга** 'выжатое поле' и 'мякина' также в Онежском р-не. В материалах Калинина встречается это заимствование (pl. tantum) **сеньги**. **Сеньги** пахать надо. Онеж.

Калима возводит данное заимствование к ливв. *sängi* 'жнивье'. Можно также привести соответствия из других прибалтийско-финских языков: люд. *šängi*, *säng'i*, вепс. *sän'g*, *son'g* 'жнивье, стерня'.

По данным ПЛГО в нашем распоряжении имеется лишь микропоним, зафиксированный в н. п. Сенная Губа Медвежьегорского р-на: **Вилисиньга** — название поля. Этот заимствованный микропоним состоит из двух частей, **сйнга** (рассмотренно выше) и **вйли**, по-видимому заимствованного из фин., ижор. *vilja* ‘зерно, хлеб’, вепс., люд. *vil* ‘хлеб, жито’. По Попову эти прибалтийско-финские слова по происхождению славянские. И встречающийся в летописях и других источниках термин **обилие** в значении ‘хлеб, продовольствие, урожай на корню; изобилие, богатство’ имеет исходную форму **об-вилъ*. «Это заимствование является бесспорно одним из древнейших результатов славяно-финских контактов; несомненно его следует датировать временем задолго до образования Киевского государства», — отмечал Попов [Попов 1972: 6–7]. Вряд ли возможна связь первой части микропонима с фин. *väli* ‘промежуток, расстояние, поле’ [SKES; Мурзаев].

В новгородских говорах отражением этой связи может быть слово **вельга**, зафиксированное в Новгородском областном словаре в нескольких значениях: **вельга**: ‘кочка на болоте’; ‘заросшие травой участки озер’; ‘низкое сырое место’; ‘заливные луга’; ‘болотная трава’. Кроме того, там же отмечается дериват **вельжина** ‘вид осоки’.

Колосов в Устюженском уезде Новгородской губернии зафиксировал слово **вельги** ‘покос на болотистом месте’; по КСРГК в Онежском р-не (Пурнема) бытует лексема **вейга** ‘участок земли’, по-видимому связанная с предыдущим новгородским материалом.

СЮРГА

Сюрга в значении ‘крутая гора, холм’ зафиксировано нами впервые в Подпорожском р-не (Курпово, Важины), в

Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора). Это слово можно соотнести с вепс. *sür'g'*, при ижор. *syřja* 'более высокая по сравнению с остальной частью местности, холм, кряж', фин. *syřjynen* 'острый склон холма', сев. кар. *surë* 'холм, высокая гора', водск. *sürjä* 'кряж', *sürju* 'высокое место на болоте', 'остров на болоте, поросший лесом'; хотя в СВЯ представлено только *surg'* 'пришва (часть ткацкого станка)', но в местах проживания вепсов имеются топонимы, в основе которых лежит анализируемая лексема, например деревня *Sürg*, русское — **Сюрга**, в ныне несуществующем Шимозерском с/с бывшего Оштинского р-на.

И. Муллонен фиксирует гидронимы **Сюрга**, **Сюргозеро**, относя их к вепс. *sur'g* 'край, сторона' [Муллонен 1988: 99].

ТАЙБОЛА

По данным ПЛГО это заимствование зафиксировано в Медвежьегорском р-не — **тайбола** 'густо поросшее лесом низменное болотистое место' в н. п. Космозеро, Великая Нива; в н. п. Космозеро в Палтега зафиксирован переход данного слова в микротопоним, здесь **тайбола** означает также конкретный участок леса, а также дорогу, проходящую рядом с ним. На островах Онежского озера в н. п. Сенная Губа, Петры, Лонгасы **тайбола** имеет значение 'большой пахотный участок, сенокосное угодье'. В Кондопожском р-не (Диановы Горы) зафиксирован вариант **тайбалло** 'лес у болота'. — За **тайбалом** дорога.

Широко распространено слово **тайбола** на территории Архангельской области. Дерягин и Комягина показывают его бытование в значениях 'густой дремучий лес, болотистое непроезжее место', 'дорога в лесу' в основном на севере и северо-востоке области в Мезенском,

Пинежском, Холмогорском, Архангельском, Онежском р-нах [Дерягин, Комягина 1972]. Sporадические фиксации присутствуют также в Каргопольском, Шенкурском, Котласском, Вельском р-нах (см. также ЛААО, карта «Распространение и значение слова **тайбола**). По данным КСРГК **тайбола** ‘просека в лесу’ отмечено в Кемском р-не. По КСРНГ **тайбола** ‘окно в болоте’ — в Онежском р-не, ‘дорога через большой дремучий лес’ в Беломорье, ‘дорога через болото’ — в Нарьян-Маре; в новгородских материалах под 1877 г. отмечено **тайбола** ‘лес’. У Ивашко — **тайбола** ‘дорога болотистыми лесами, дремучие леса’. Зафиксировано **тайбола** ‘густой темный лес’ в вологодских говорах и в Вашкинском и Кирилловском р-нах. В словаре Меркурьева: **тайбола** «1. Дорога, кратчайшее расстояние между двумя озерами. Там идет **тайбола** до Пинозера. Кандалакш. 2. Топкое болото. Зашел в **тайболу** — чуть выбрался назад. Поной Ловозер. 3. Поляна на болоте или у водоема. Скосили **тайболу**. Варзуга Терск.».

В работе Сало — **тайбола** ‘место для сенокоса у взморья, сырое место у взморья; название места для сенокоса’. Данное заимствование распространилось на восток — Анучин зафиксировал в значении ‘тайга’ в старожильческих говорах Енисейской губернии [Анучин 1904]. Кроме того, **тайбола** ‘далекая необитаемая глушь’ фиксируется в н. п. Русское Устье в Якутии [Чикачев 1990].

Анализируемое слово широко представлено в источниках XIX века. Первая фиксация в архангельских материалах Боричевского: **тайбола** ‘дремучий непроходимый лес’. Опыт дает **тайбола** ‘покрытое лесом пространство земли без всякого жилья; также дорога, пролегающая такими необитаемыми местами’ (Арх.). В словаре Даля **тайбола** (с пометой финское) ‘обширные сплошные леса, непроходимая исконная глушь, где нет никакого жилья на огромном пространстве, кой-где зимовка лесовальщи-

ков или кущника, поселяемого нарочно для приюта проезжим'. — Ехать **тайболой**, дремучими лесами, болотами, где пролегает зимняя дорога. Арх. Материалы Кузмищева конкретизируют значение слова в Кемском уезде: «**Тайболой** называют летнюю дорогу на том же месте, где была зимняя. . . **Ступать по тайболе** значит идти по дороге, берегом».

Обширное описание лексемы у Подвысоцкого — **тайбола** «1. В Пинежском и Мезенском уездах так называются лесные дебри между реками Пинегою, Кулоем, Мезенью и Печорою, а также низменные болотистые, только зимой проезжие лесные пространства с проложенной через них дорогой, где кроме станций и лесных избушек нет никакого жилья. Таковы, например, **Тайболы: Верхняя** и **Нисегорская** между реками Мезенью и Пинегою, Нижняя или Кулойская между реками Мезенью а Кулоем, Вожгорская между с. Вожгорским при р. Мезени и с. Усть-Цильмою при р. Печоре. 2. В Кемском уезде, где, как и в Мезенском уезде, есть особые летние и зимние дороги, **тайболою** называется дорога, по которой ездят летом и зимою; такие дороги пролагаются обыкновенно по морскому берегу (ступать по **тайболе** — идти морским берегом). 3. На Кольском полуострове **Тайболою** (говорят и **Тайпола**) называется лесная дорога». Грандильевский предлагает сходное значение **тайбола** 'непроходимые и ненаселенные болотные дебри'.

Шренк считает, что русское **тайбола** из фин. *taipale*, Погодин [Погодин 1904: 60–61] и Калима уточняют — из кар. *taibale* 'перешеек, перегон между станциями; расстояние, дорога' [Kalima 1915: 223]. SKES, приводя люд. *taibalch*, ливв. *taival*, фин. *taipale*, *taival* в значении 'расстояние, путь между двумя местами', указывает на общий прибалтийско-финский источник для русского диалектного слова [SKES: 1200].

В Онежском р-не по данным КСРГК зафиксировано употребление заимствования как микропонима: **Тайбола** — название деревни в селе; **Тайбила** — название болота.

Данное слово через посредничество русского языка, по мнению Лыткина и авторов SKES, попало в коми *тайбала* ‘обширные лесные пространства с проложенной через них дорогой’ [КЭСКЯ: 277]. В обследуемых говорах данное заимствование бытует только в Заонежье.

Анализируемое слово было помещено в БАС — **тайбола** ‘глухой труднопроходимый лес’ (с пометой обл.).

В СРНГ зафиксировано префиксное образование **затайбола** ‘место, находящееся за тайболой’, Арх., Слов. карт. ИРЯЗ. Спорадические фиксации слова **тайбола** в Заонежье с тяготением превращения его в микропоним и широкое бытование в архангельских говорах позволяют говорить о разных субстратных основах говоров Обонежья и Архангельской области, хотя одного прибалтийско-финского типа.

УЙТА, УЙТ, УТИ, ЮТА

Первая фиксация варианта **уйта** ‘чистое моховое безлесное болото’ у Даля с пометой Арх. В КСРНГ есть неопубликованные пока более ранние материалы за 1854 г.: ‘болотистая безлесная местность’ в Шенкурском уезде. Калима выдвигает два предположения: заимствование из прибалтийско-финских языков — фин. *uittu* ‘небольшая бухта’, водск. *uitto* ‘лужа’, эст. *oit* (ген. *oidu*) ‘лужа, промоина во льду’ либо из коми-зыр. *uit*, *voit* ‘затопляемое место, пастбище’, далее сопоставляемое с хантыйскими данными [Kalima 1915: 231]

По данным ПЛГО **уйта** ‘место покоса’ отмечено в н. п. Теревовская Пудожского р-на, **уйта** ‘продолговатая низ-

менность длиной несколько километров с крутыми склонами' в н.п. Ковжа Вытегорского р-на. Как видно из первых фиксаций, основная территория распространения данного заимствования лежит на северо-востоке от Обонежья, это говоры Архангельской области и Республики Коми. По КСРГК **уйта** 'топкое болото' в Онежском р-не. Калинин фиксирует сходное значение **уйта** 'гиблое, непроходимое место среди мхов, болот'. Гусева, представляя свой материал по Каргопольскому р-ну, **уйта**: 1. 'узкое болотистое место между возвышенностями', 2. 'тропа через болото' — помещает в рубрику «прибалтийско-финские заимствования» [Гусева 1971: 130].

По КСРНГ в Шенкурском уезде отмечена **уйтина** 'болотистая безлесная местность'. В Усть-Цилемском р-не **уйта** 'низменность, затопляемая весной и высыхающая летом' явно соотносится с коми *уйт* 'низменность, затопляемая в половодье', совпадающее по форме с коми словом. Лыткин и Гуляев считают, что коми слово заимствовано из манс. *ойта* 'заливной луг'. SKES предлагает материалы по прибалтийско-финским языкам, которые показывают широкое распространение этого словарного гнезда: фин. *uitto* 'низменный, заливаемый весной сенокосный луг', ливв. *uitto* 'пространство между двух возвышенностей, долина', 'низменный сенокосный луг', 'маленькое озерко'; люд. *uitto* 'узкий и длинный сенокосный луг между холмов или гор'; водск. *uitto* 'топкое, зыбкое место', эст. *oit* 'довольно большой пруд, низменное место, покрываемое водой, яма с водой', вепс. *uit* 'большая лужа, мелкий пруд'. Авторы SKES допускают, что из прибалтийско-финских языков данное слово могло быть заимствовано саамским языком и русскими говорами, но и они предпочитают гипотезу коми основы [SKES: 1522]. Несомненно, что рассматриваемое заимствование имеет общую финно-угорскую основу, но и наличие соответ-

ствий во всех прибалтийско-финских языках позволяет предположить, что в коми язык в форме *-уйт-* слово могло прийти из вепсского языка [Лыткин 1963]. Сюда же относится **юта** ‘болото’ в н. п. Пянтино Онежского р-на, а также **ути** ‘топкое место’ у Барсова. Калима возводит его к фин. *ukki* ‘лужа’ [Kalima 1915: 234], но, по-видимому, в данном случае фонетический вариант одного и того же заимствования, также считают авторы SKES и Погодин (фин., кар. *utu*) [Погодин 1904: 64].

ЧУПА

Чупа ‘залив, губа’ отмечено в Медвежьегорском р-не (Петры); на смежной территории это слово зафиксировано в Лодейнопольском р-не. В ином значении ‘поляна в лесу’ оно бытует в Пудожском р-не (Каршево). Кроме того, нами отмечен топоним — д. **Чупа**, н. п. на оконечности озерного залива близ Тулгубы Кондопожского р-на.

В вологодских говорах по материалам КСРГК можно выделить: **чупа** ‘огороженное поле’ в Бабаевском и Кадуйском р-нах; ‘участок покоса, окруженный кустами’ — в Кадуйском р-не; ‘сенокос в лесу’ — в Череповецком р-не. В Бабаевском р-не бытует значение ‘яма с водой в лесу или на пожне’.

Отмечаются дериваты **чупка** ‘участок покоса, окруженный кустами’, **чупак** ‘глубокое место перед перекастом в реке’, бытующее в Кадуйском р-не. Куликовский приводит — **чупа** ‘узкий залив озера’ в Повенецком и Петрозаводском уездах. Герасимов отмечает **чупа** ‘залив на реке, берега которого поросли лесом’ в череповецких материалах [Герасимов 1893]. В Псковской губернии (КСРНГ) слово **чупа** имеет значение ‘узкая часть мережи’.

Следует обратить внимание на то, что если ареальная дистрибуция слова **чупа** ‘залив, губа’ и сходных значений довольно рассеянна и не образует четких изоглосс, то **чупа** в значении ‘задняя часть мережи, мотня невода’ имеет обширную территорию распространения и частотные фиксации в Медвежьегорском, Кондопожском, Прионежском, Пудожском, Подпорожском, Лодейнопольском, Волховском, Беломорском, Чудовском, Вашкинском, Кадуйском р-нах. По-видимому, вариантами к слову **чупа** является **щупа** ‘сенокосный луг’, бытующее в Медвежьегорском р-не (Габнаволок), и **щупы**, в том же значении, отмеченное в Вытегорском р-не (Щекино).

Калима предлагает в качестве источника кар., ливв. *širri* ‘угол’, люд. *širr* ‘конец мережи’ [Kalima 1915: 242]. Сало приводит пример из люд. *širri* ‘конец озера, залив’ по н. п. Пелдожи Пряжинского р-на. Воронова присоединяется к мнению Фасмера, который идет вслед за Калимой. В СВЯ вепс. *šir* ‘угол, тупик, пространство, не имеющее выхода’ и ‘мотня, матица невода, бредня и т. п.’.

Лексема **чупак** ‘глубокое место перед перекатом’ (Кадуйский р-н), вероятно, связано с саам. *tjirra* ‘острие, вершина’.

ШАЙМА

Материалы ПЛГО отмечают эту лексему только в Пудожском р-не, **шайма** ‘топкое место на болоте’ (Гакукса) и ‘яма для мочения льна’ (Каршево).

Первая фиксация в материалах Иваницкого **шайма** ‘срубленный и зажженный лес, который истаял, т. е. превратился в пепел’ (Кадниковский уезд); у Светлова **шайма** ‘низкое болотистое место в Каргопольском уезде’. Данные Светлова повторяет Куликовский в своем словаре. В словаре Герасимова — **шайма** ‘болотистое пространство,

покрытое чахлым березовым лесом'. Отмечается также **шаймовина** 'яма на пожне, вырытая для мочения льна' в русских говорах Пудожья [Шайжин 1903а: 133]. Топонимические данные зафиксированы также в Пудожском р-не: **Шаймозеро** [ПФГЛК: 84]. Погодин относит данное слово к прибалтийско-финским заимствованиям и реконструирует гипотетический этимон **soimen*. Калима не видит здесь прибалтийско-финского влияния и сопоставляет с удм. *s'um* 'болото, пруд', манс. *sojim* 'ручей, топь', хант. *sojim* 'маленькая горная речка', предполагая, что эти данные являются соответствием неизвестного финно-угорского субстрата [Kalima 1915: 243].

В вепском языке *šaim* 'болото с мелким лесом', отмечается СВЯ в Бабаевском р-не, но вряд ли оно исконно на вепской почве. Трудно сказать относится ли сюда вепс. *sošahm* 'болотный мох'.

На смежной территории анализируемая лексема отмечена у Гусевой в Каргопольском р-не: **шайма** 'болотистое сырое место, заросшее елью и сосной или низкой травой', 'очищенное под покос место' [Гусева 1971: 131].

ШАЛГА

По данным ПЛГО **шалга** 'островок леса, полянка, где заготавливают дрова' зафиксировано в Медвежьегорском р-не (Великая Нива, Кижы, Кузаранда, Палтега, Федотово, Челмужи, Пабережье), в Вытегорском р-не (Нижняя Водлица) **шалга** имеет значение 'возвышенное сухое место над лесом' (Амосов). В Кондопожском р-не (Гангозеро) **шалга** бытует в значении 'участок леса', здесь же отмечается переносное значение 'компания, толпа' — Всей **шалгой**.

На смежной территории **шалга** 'место в лесу, где рубят дрова', представлено в Беломорском, Онежском р-

нах, в Холмогорском р-не слово **шалга** имеет значение ‘густой лес’, в Каргопольском — ‘возвышенное сухое место, поросшее лесом’, ‘дальний сенокос’, Сало отмечает основное наиболее распространенное значение слова **шалга** ‘участок в лесу для рубки дров, место для рубки дров’ в Сумском Посаде, Колежме, Вирме, Нюхче, Шуецком, Юково. В материалах ПЛГО зафиксирована метатеза согласных — **ша́гла** в н. п. Палтега Медвежьегорского р-на и на Выгозеро в значении ‘делянка в лесу’.

Анализируемое слово широко представлено в источниках прошлого века. В Опыте — **шалга** ‘чернолесье’ в архангельских и сибирских говорах; в Доп. Опыт **шалга** ‘густой, раскинувшийся на большое пространство сосновый и еловый лес’ в Архангельской губернии; у Даля — **ша́лга** ‘большой вхожий лес, дровосека’ (Арх., Сиб.); в словаре Подвысоцкого **шалга** представлено как: 1. ‘сырая поросшая ельником местность’, 2. ‘место, где рубят дрова’ Мезен. 3. ‘гора, где не растет трава’ Холм., Онеж. 4. ‘болото’ Арх. 5. ‘жердь в тарье’. По данным Грандилевского **шалга** ‘топкая болотина’, в словаре Куликовского представлено **ша́лгá** в значении ‘возвышенное сухое место, поросшее лесом’ в Каргопольском и Вытегорском уездах. Лексема **шалга**, **шалога** ‘необитаемый лес’ зафиксирована также в памятниках письменности под 1535 г. [Строгова 1975].

Калима считает это заимствованием из кар. *šelgone* ‘большой необитаемый лес, глушь’, а также кар. *šelga* ‘спина, возвышенность’. Веске, Меккелейн полагают, что это заимствование из кар. *šalo* ‘большой необитаемый лес, глушь’ [Веске 1890: 59–60; Meckelein 1913: 71]. К точке зрения Калимы присоединяется Сало, мотивируя тем, что у карел-людиков встречается слово *šelg*, *šelga* ‘спина, гряда’. Гусева относит данное слово к заимствованиям неясного происхождения. Авторы SKES придержи-

живаются точки зрения Калимы.

Рассматривая приведенные выше этимологии, следует отметить, что мнение Калимы не подтверждается фонетическими данными: переход [e] в [a] после [š] под ударением вряд ли возможен; к тому же не соотносятся значения предполагаемого этимона и слова в говорах кар. *šelga* 'спина, кряж, каменистая возвышенность', а в говорах **шалга** — 'островок леса'. Этому значению в большей степени соответствуют карельские данные: кар. сев. *šalo* (KKS) фин. *salo* 'обширная лесная местность', 'островок леса', 'большой остров', кар. люд. *salo* 'лес', ливв. 'необитаемый глухой лес', эст. *salu* 'лесок, остров на болоте', 'холм на болоте'. SKES полагает, что в прибалтийско-финские языки *salo* пришло из балтийских: литов. *salà*, латыш. *sala* 'остров', против этого категорически возражает Попов в заметках на полях SKES, полагая, что здесь имеет место саамский источник: «лопарский источник — не балтийский», приводя в качестве примера Соловецкие острова [SKES: 956].

ШОГРА, СОГРА

Лексема **шогра** 'заболоченное место в лесу' отмечена в н. п. Ковжа Вытегорского р-на. Это самая западная фиксация лексемы. У Даля находим **шогра**, **шохра** «лес по болоту» (Костром., Зап.), отмечен также вариант **согра** с тем же значением и географическими пометами. Гусева фиксирует в Каргопольском р-не и **согра**, и **шогра** 'низменное сырое место, поросшее чахлым лесом', 'ельник, растущий в низине или на болоте' [Гусева 1971: 131; 1972: 124].

В КСРНГ отмечено **шóгра** 'заболоченный ельник' в Кирилловском р-не. В Опыте зафиксировано **шохра** 'болото, поросшее лесом' (Вят.), это же слово имеет совре-

менные фиксации в Кировской области. В Вашкинском р-не в н. п. Остров бытует **шóгра** 'болотистое место, используемое как сенокос или поросшее лесом'. С другим ударением **шогра́** 'болотистое место' [Ветлуж. Нижегород. 1961, КСРНГ].

В соликамских говорах распространено два варианта **шогра** и **сóгра** 'труднопроходимая сырая местность, поросшая густым лесом, кустарником' [Беляева 1973].

Вариант **сóгра** отмечен в смежных р-нах к востоку от Обонежья. Куликовский дает **сóгра** «мокрое вязкое болото с редким невзрачным ельником» в Каргопольском уезде. Материалы КСРГК фиксируют — **сóгра** 'лес на болоте' и согровый лес с тем же значением. Имеется большое число фиксаций варианта **согра** 'болото, поросшее кустарником', в КСРНГ в вологодских говорах: в Кадниковском, Великоустюгском, Тотемском, Никольском, Сольвычегодском, Яренгском уездах, в этом же значении **согра** отмечено во Владимирской губернии. С иным значением **согра** 'вязкое болото' отмечено в Кадуйском, Нюксенском, Вожегодском р-нах Вологодской области.

В значении **согра** 'густой лес' бытует в Великоустюгском р-не. В архангельских говорах также более распространен вариант **согра** «сырая, поросшая высоким, частым ельником и вереском местность» (Мезен., Подвысоцкий); с тем же значением в Шенкурском уезде (Опыт) и в Коношском р-не (КСРНГ); Федоров дает эту форму с аналогичным значением в Беломорье.

Единственная фиксация в КСРНГ — **согра** в значении 'кочковатое болото' в Кировской области.

В пермских говорах представлены варианты **сóгра** «болотистое мокрое место, на котором растет мелкий лес, большей частью кустарник» (Кунгур., Луканин), и в Ирбитском уезде (Опыт); с иным ударением **согра́** 'густой непроходимый лес' (Чусовский р-н, Кагорина).

Известно слово **со́гра** 'болотистая пойма реки' в Серовском р-не Свердловской области; в значении 'кочковатое болото' зафиксировано на Южном Урале (Челяб. Оренб., 1848, КСРНГ).

Вариант **сохра** 'болото, поросшее кустарником' зафиксирован в Кадуйском уезде (Дилакторский); с метатезой согласных **сорга** 'сенокосный луг' в Онежском р-не (КСРГК). Вариант **согра** 'низменное поросшее ельником место' и **согрётное место** в том же значении отмечено в пермских памятниках XVII века. [Полякова, Новиков 1972: 161],

Вариант **согра** 'болото, поросшее кустарником, лесом, лес на болоте' распространилось на восток, он зафиксирован по КСРНГ в Омской, Кемеровской, Томской областях, Алтайском крае, отмечен он в словаре Элиасова, Среднеобском словаре, Словаре русских говоров Новосибирской области. Вариант **согры** 'заболоченная пойма реки, болотистое место' бытует в говорах Воронежской области (Дьякова). В КСРНГ имеется значение **согра** 'возвышенность, поросшая лесом' в Курганской области, Хакасской авт. области; в Иркутской губернии. Отмечено также **согра** 'сосновый лес, тайга' в Курганской области; 'лес между возможностями' в Семипалатинской области.

Этимология данного заимствования до сих пор остается спорной. Калима не относит это слово к финно-угорским заимствованиям, сближая с **со́дера** 'частый мелкий лес по кочкарнику' (Арх., Даль), Даль при этом слове приводит в скобках вопрос (**согра?**). Попов сопоставляет с фин. *suo* 'болото' и полагает, что топонимы верховья Волги — **Согожа, Согора, Сога, Согойда, Согорса** связаны с этим заимствованием [Попов 1947]. Мурзаев сопоставляет с селькуп. *согыр* 'топкое болото'. Гусева относит данную лексему к заимствованиям неясного происхождения [Гусева 1972: 131]. Никонов, приводя **согра**

‘мелкий кустарник у берега’ (Олон., 1823), также предполагал связь с финно-угорским *су, со*. Березин вариант **шóхра** возводил к чуваш. *шор* ‘болото’. Романов в своих северодвинских материалах **согра** ‘болотистый лес’ приводит этимологию — швед. *seg* ‘вязкий, клейкий’.

Практическое отсутствие анализируемых вариантов в Обонежье, на наш взгляд, исключает возможность рассмотрения этого слова как результата прибалтийско-финского влияния. Однако, наличие в соседних каргопольских говорах разных вариантов — **сóгра, согрóвина, сýгра, сугрýк, чагрóвник, шóгра** ‘низменное сырое место, поросшее чахлым лесом’ [Гусева 1972: 131], и значительное распространение слова **согра** ‘болото, поросшее кустарником’ в вологодских говорах, позволяет все же предположить его субстратное происхождение, хотя затруднительно определить тип субстрата [См. Серебренников 1968]. Шилов предполагает, что вариант **шохра** заимствован из мерянского языка [Шилов 1997: 16]. Присутствие в вепском языке лексемы *sohring* ‘болотина, заболоченное место’, фонетически соотносящейся с формой в русских говорах, несколько не проясняет дело, в связи с отсутствием подобной лексемы в сфере адстратного влияния вепского языка на русские говоры. А территориальная дистантность была бы невозможна в случае прямого заимствования из вепского языка.

Отмеченное в Медвежьегорском р-не слово **шогра** ‘остатки снега весной на льду’ (КСРГК) результат простого совпадения формы. Этимологически эти лексемы относятся к вепс. *šadr* ‘неровный, рябой’.

ЩЕЛЬГА

Щельга ‘каменистая возвышенность, холм, скала’ отмечено в Медвежьегорском р-не (Вырозеро, Ламбасручей, Шуньга, Кижы, Кузаранда, Загубье, Лисицино, Толвужа, Никитинская, Сенная Губа, Петры, Лонгасы, Великая Нива, Черкасы, Фомино); в Пудожском р-не (Каршево, Песчаное); в Кондопожском р-не (Тулгуба, Гангозеро, Лижма, Горка, Ладмозеро); в Прионежском р-не (Суйсарь). В н. п. Пабережье Медвежьегорского р-на отмечено значение ‘возвышенность, поросшая лесом’: — В **щельгах** лес рубили. В н. п. Пяльма, Авдеево Пудожского р-на зафиксировано значение ‘скалистый берег’.

В н. п. Великая Губа Медвежьегорского р-на бытует значение ‘возвышенность на болоте’: — На **щельгу** за грибами ходили. В словаре Куликовского дается **щельга** ‘скала, каменный кряж’ в Пудожском уезде (Купецкое озеро, Корбозеро, Почезеро).

На смежной территории данная лексема зафиксирована в Беломорском р-не — **шельга** ‘скала, безлесная возвышенность’. На наш взгляд, в данном случае вероятнее всего заимствование из кар. *šelga* ‘кряж’ с безусловной контаминацией с русским *щелье*, *ущелье* и т. д. См. также [ПФГЛК: 87]. Распространение анализируемой лексемы в сфере влияния карельских диалектов, на наш взгляд, подтверждает прибалтийско-финскую этимологию.

Отмеченное в архангельских говорах **шелёга** ‘подводный камень’ также относится к данному заимствованию (Опыт). В ПЛГО зафиксирован ряд микропонимов: **Голая Щельга**, **Великая Щельга** в н. п. Лижма Кондопожского р-на; **Богомольные Щельги** в н. п. Пабережье Медвежьегорского р-на. Наименование **Красная Щельга** отмечено в н. п. Колежма Беломорского р-на по КСРГК.

ЮГА

В материалах ПЛГО слово **юга** зафиксировано в значении 'ручей' в Пудожском р-не (Черново: «Эта **юга** через пудожскую дорогу протекает». В н. п. Каршево этого же р-на лексема фигурирует как топоним: «Реки у нас: Лохтинский ручей, **Юга**, Виксенда». Также как название реки, протоки **Юга** отмечается в материалах Шайжина в Олонецкой губернии (1903 г., КСРНГ). В словаре Герасимова дается **Юги** как название реки.

По фонетическому облику (консонантизм) это заимствование можно возвести к вепс. *gögi*, люд. *dögi*, кар. *jogi* 'река', а по вокализму с саам. *juxke*, коми *ю* 'река'.

В КСРГК отмечено также **Юкова** — река в н. п. Посад Онежского р-на, **Юкса** — река в н. п. Усть-Ковжа; ср. также Юксозеро в том же р-не.

Матвеев считает *ю, юг, юган* древнепермским образованием, др.-перм. *юг, юк* [Матвеев 1964]. Он выступает против сопоставления гидронимических вариантов *-еньга, ньга* с **юга, юг** [Матвеев 1966]. Фасмер замечает, что «**юг**» — распространенное речное название, например, левый приток Шексны... правый приток Немды... Несколько рек с таким названием во Владимирской губ., исток Северной Двины... Все они финно-угорского происхождения». Мурзаев отмечает гидронимы с формантом **юг-** в бассейне рек Вятки, Костромы, верховьев Волги.

ЯНГА

По данным ПЛГО заимствование зафиксировано только в Пудожском р-не в н. п. Кривцы — **янга** 'болото, поросшее лесом'. Михайлова утверждает, что слово **янга** употребляется в говорах Медвежьегорского р-на в трех значениях: 1. 'топкое место в болоте', 2. 'глубокая яма в

поле', 3. 'каменистый берег озера'.

Анализируемая лексема распространена в основном в говорах Архангельской области и на Северном Урале. В Каргопольском р-не отмечено **янга** 'болото, поросшее лесом' (КСРГК). В Плесецком, Беломорском, Онежском р-нах, на Северном Урале **янга** 'топкое болото'; в Каргопольском, Плесецком р-нах **янга** 'сухое болото' (КСРНГ). Матвеев фиксирует также **янга** 'чистое моховое болото'; в н. п. Прилуки Онежского р-на отмечено **янга** 'место в лесу после пожара'.

Первая фиксация по КСРНГ **янга** 'сухое лесистое болото' в Олонецкой губернии под 1822 г. Это слово имеется у Барсова — **янга** 'топкое болото', у Рыбникова — **янга красная** 'болота и топи, поросшие мхом, елью и сосною' в Каргопольском уезде. В словаре Куликовского — **янга** 'моховое, топкое болото, поросшие небольшим сосновым лесом' Мошинское оз., Лепша Каргопольского уезда.

Куликовский приводит топоним **Янгозеро** (Пудожский уезд). Возможно, сюда же относится **Янгáлово** — название пустоши в словаре Герасимова. Матвеев приводит два топонима: пос. **Янга** и название сырого леса **Подьянга** в Гаринском р-не. Там же он фиксирует уменьш. **янгочка**. Обнорский приводит интересные топонимы, которые, возможно, относятся к этому слову **Янгосорье** — волость в Вологодском уезде и **Янгосорка** — дорога, ведущая в **Янгосорь**. Мурзаев фиксирует названия болот — **Пустая Янга** и **Малая Янга** в Прионежье. Кроме того, по данным КСРГК **Янгосóрье** отмечается как название покоса в н. п. Музога Череповецкого р-на. Калима возводит это слово к фин. *jänkkä* 'болото, трясины, болотистая долина'; Погодин предлагает реконструированное кар., вепс. **janga*. Т. Итконен — саамскую этимологию. Кальман, а вслед за ним Матвеев говорят о

ханты-мансийском происхождении анализируемого слова — манс. *jonk*, хант. *jenk*.

SKES фиксирует слово *jänkä* ‘большое болото среди тундры’ у северных карел, а также дает его саамское соответствие — *jegge* ‘болото’ и коми *jogir* ‘болото, лес на болоте’. Из коми слово попало, по мнению авторов SKES, в манс. и хант. языки, откуда пришло в русские говоры.

На наш взгляд, присутствие слова в Обонежье и на северном Урале подлежит дифференциации. Так, на основании исследования гелонимов **Янгболото**, **Янгимское болото** на р. Оять, И. Муллонен совершенно справедливо делает вывод о саамском происхождении части **Янг** [Муллонен 1988: 82]; тогда как восточная локализация действительно свидетельствует об обско-угорской основе лексемы **янга** [см. Матвеев 1959: 81].

Метеорологическая лексика

Данная группа лексики широко представлена в говорах Обонежья. В этом разделе рассматриваются примерно 70 слов и вариантов.

ГА́ЛОГА, ГА́ЛАГА

Анализируемое заимствование в значениях ‘иней’, ‘заморозки’ зафиксировано в двух фонетических вариантах, которые имеют различную ареальную дистрибуцию. **Га-лага** — отмечен в Кондопожском р-не (Кулмукса, Гангозеро, Новинка). Вариант с заударным [o] преобладает в Прионежском р-не (Суйсарь, Вороново, Заозерье), а также в Кондопожском р-не (Тулгуба, Лижма, Чеболакша). Кроме того, в н. п. Лижма отмечен вариант с ударением

на втором слогe — **галóга**. В н. п. Машезеро Прионежского р-на зафиксировано произношение фрикативного [y] в первом слогe.

В Кондопожском р-не, наряду с основным значением отмечается иная семантика, в н. п. Лижма — **га́лога** ‘ледяная корка на почве’; в н. п. Чеболакша — ‘подтаявший первый снег’ и ‘снег’.

Первые фиксации анализируемого заимствования представлены Певиным: **га́лога** ‘иней’ в Кондопожской, Великогубской, Толвуйской волостях Петрозаводского уезда; а также Куликовским в: **галага** ‘туман’, и в Дополнении к Словарю (1899), где даны два варианта — **га́лага** ‘иней’ в н. п. Косалма Петрозаводского уезда и **га́лога** в том же значении в Заонежье.

Погодин возводит анализируемое слово к фин. *halla* ‘заморозки’, причем он предполагает, что русская форма на *-ага* связана с гипотетической вепсской формой **hallaga*, против чего возражал Калима, отдающий предпочтение карельско-вепсской этимологии: кар. *halla*, южно-вепс. *hal*, северновепс. *hala* ‘иней’, при водск. *алла*, эст. *hall*, ливск. *ala* также в значении ‘иней’ [Погодин 1904: 21–22; Kalima 1915: 89–90]. Авторы SKES также говорят о заимствовании в русские диалекты, но не указывают язык-источник [SKES: 51].

Ареальная дистрибуция заимствования свидетельствует в пользу этимологии Калимы. Распространение варианта **галага** в южной части Кондопожского р-на, а **галога** в Прионежском р-не и в н. п. севернее г. Кондопоги связано с влиянием карельских диалектов (**галага**) и вепсского языка (**галога**). Возможно, что вариант с [o] во втором слогe является следствием адстратного воздействия вепсского глагола *halloita* ‘прихватить заморозками’, ‘сильно похолодать’.

ЖУЖКА

Жужка ‘мелкий битый лед со снегом на водной поверхности’ отмечено в Подпорожском р-не (Корба, Усланка, Шеменичи, Пидьма, Яндеба, Курпово, Ульино); в н. п. Заозерье зафиксирован вариант **шүшка** в том же значении. Представленные материалы ранее не рассматривались в этимологической литературе как прибалтийско-финское заимствование. В Водном словаре Маштакова **жужга** имеет значение «иглообразный мелкий лед, поднимающийся со дна реки перед ее замерзанием», в материалах Неуструева **жужга** описывается следующим образом: «В воде образуются так называемые снежинки или **жужга** (сало), которые представляют из себя комки снега, смешанного с поднимающимся со дна реки на поверхность илом»; автор отмечает данную лексему как волжскую. Фасмер слово **жугá** ‘первый лед на реке осенью’ возводит к селькуп. *šoŋa*, что вряд ли возможно по территориальным соображениям [Фасмер 2: 63]. На наш взгляд, как материалы ПЛГО, так и Маштакова и Неуструева восходят к общему со словом **шуга**, этимону (см.), а частичное совпадение их формы — результат независимого развития на собственной почве заимствованной ранее лексемы, либо, что более вероятно, слово было занесено в Поволжье русскими миграционными потоками с Севера, где оно ранее было заимствовано. Кроме того, локализация слова **жужка** в Подпорожском р-не не позволяет пройти мимо вепс. *šohi* ‘шуга’. Однако, этимология данной лексемы нуждается в дополнительных исследованиях.

КАЛТА́К

Калта́к ‘растаявший лед’ по данным КСРГК отмечено в Сегежском р-не. В основном это слово характерно для поморских говоров. Впервые оно отмечается в Опыте — **калта́к** «мелкая льдина в море» в Кемском уезде; Даль дает с другой огласовкой — **колта́к** «мелкий плавучий лед и снежные комья, **шуга**» в Архангельской губернии. В словаре Подвысоцкого два варианта — **калта́к** со значением, данным в Опыте, и **колта́к** ‘обмерзший ком снега в море’ (Онежский, Кемский уезды) и дериват **колту́жник**, с тем же значением приводится словообразовательный вариант **колту́жник**. Отмечается анализируемое слово в современных мурманских говорах **колта́к** «кусок». — Льду **колтак** отколотил. (Кандалакша, Меркурьев). С другим суффиксом *-ан* отмечается по данным КСРГК в Кемском р-не в н. п. Гридино — **колта́н** со значением ‘тающий лед’: — **Колтан** весной тает, размерзается, вот **колтаном** таким делается.

Шегрен и вслед за ним Калима предлагают финскую или эстонскую этимологию — *kalto, kaltto* ‘голледица, грязь на дороге весной’ эст. *kalts* ‘льдина’ [Шегрен 1854; Калима 1915: 101]. На наш взгляд, исходя из ареальной дистрибуции, вероятней всего предположение о саамском заимствовании: саам. лул. *kaltō* ‘замерзшая прорубь’, саам. кильд. *ko^llte* ‘прорубь’. В прибалтийско-финские языки данная лексика попала из германских — др.-норв. *kelde*, др.-швед. *kœlda* ‘прорубь’ [SKES: 152].

КА́РЕГА

По данным ПЛГО **карега** ‘волна’ отмечается в Подпожском р-не, также в значении ‘рябь по речной поверхности’ в н. п. Колгостров Кондопожского р-на.

В словаре Куликовского **ка́рега** ‘волна’ зафиксировано в Песчановской волости Пудожского уезда. Калима сравнивает русское диалектное слово с кар. *kare* ‘рябь на поверхности воды’, фин. *kare* ‘зыбь, рябь морские волны после шторма’. Сюда же, по мнению Калимы, относятся глаголы **ка́режить** и **каре́жить** ‘вызывать рябь, лёгкое волнение на поверхности воды’, зафиксированные Куликовским в том же Пудожском уезде; а также лексема **калежка** ‘волнообразное движение поверхности воды при слабом ветре’, представленная словарем Грота-Шахматова в Петрозаводском уезде [Kalima 1915: 106].

В КСРНГ имеется лексика, зафиксированная восточнее от обследуемого региона: **ка́режить** ‘волновать поверхность воды’ в Шадринском р-не Пермской области; **каре́жить** в том же значении в Свердловской области. Не исключая прибалтийско-финскую этимологию, на наш взгляд, все-таки следует учитывать возможность связи анализируемого слова с русским **корёжить**, которое трактуется КЭСРЯ как исконное, связанное со словом **коряга**. Хотя ареальная дистрибуция обонежских лексем свидетельствует о вепсском влиянии, ср. вепс. *kare* ‘рябь на воде’ (ген. *karegen*).

КЕРЖ, КИРЫШ

Отмеченное по данным КСРНГ слово **керж** ‘комочек смерзшейся земли’ в Подпорожском р-не (Берег, Смирново), на наш взгляд, относится к люд. этимону *kirž* ‘мерзлота’; также как и слово **кирыш** в том же значении.

КИРЗА

Данное слово очень частотно и фиксируется в речи всех без исключения информантов. **Кирза** ‘верхний мерзлый

слой земли, мерзлая земля под оттаявшей сверху почвой' бытует в Медвежьегорском р-не (Космозеро, Шильтя, Сенная Губа, Лонгасы, Кижы, Кузаранда: Великая Нива, Шуньга, Ламбасручей, Великая Губа, Толвуя, Палтега, Черкасы), в Подпорожском р-не (Яндеба, Заозерье, Ульино, Юксовичи, Вознесенье, Шеменичи, Усланка, Курпово), в Пудожском р-не (Авдеево, Песчаное, Гакукса, Римское), в Прионежском р-не (Педасельга, Ладва, Суйсарь, Лехнаволок), в Кондопожском р-не (Тулгуба, Лижма, Колгостров, Новинка, Кулмукса, Гангозеро), в Вытегорском р-не (Андома, Мегра, Бабино). В части н. п. отмечено вариативное ударение на последнем слоге: **кирза́** — в Пудожском р-не (Каршево, Черново), в Кондопожском (Лижма), в Подпорожском (Пидьма).

Вариант **кёрза** в том же значении бытует в Медвежьегорском р-не (Палтега, Зажогоино). В н. п. Толвуя этого же р-на слово **кирза**, кроме приведенного выше, имеет значение 'непрочный рыхлый лед' и 'промоина во льду'. В говорах Заонежья лексема **кирза** употребляется также в переносном значении — 'о состоянии похмелья', обычно в словосочетании: — **Кирза** выходит — 'о болезненном состоянии после выпивки'. Первые фиксации анализируемого слова относятся к XIX веку. В Опыте **кёрза** 'верхний слой земли; почва', хотя цитата, на наш взгляд, представляет зафиксированное ПЛГО значение, но в негативном аспекте: «**Кирза** еще не промерзла» (Ср. Лед ещё не замерз). Опыт отмечает эту лексему в Олонецкой губернии. В Доп. Опыт дается обширное описание слова **кирза** — «если вода весной или осенью подступает под дом, то от сырости иногда поднимается пол, и двери худо затворяются, — это действие сырости называется **кирзою**»; фиксируется оно в Вытегорском уезде. В словаре Куликовского **кёрза** «слой промерзшей земли, находящийся под оттаявшим верхка 1,5–2 верхним сло-

ем» отмечено в Петрозаводском, Лодейнопольском, Вытегорском уездах. Следует отметить, что толкование Куликовского наиболее точно отражает семантику слова. У Барсова представлено слово **кирза** в значении 'топкое место, бывающее весною' в Олонецкой губернии. В КСРНГ **кирза** 'мерзлая земля' отмечено Георгиевским в Петрозаводском уезде; Певин дает сходное значение **кирза** 'замерзший нижний слой земли' в Заонежье. Певин отмечает также словосочетание с переносным значением: иметь **кирзу** 'сердиться, быть недовольным чем-л.'

Впервые это слово определено как заимствование из фин. Шегреном — фин. *kirsi* [Шегрен 1854: 153]. Калима полагает, что фонетически ближе форма ливв. *kirzi* 'заморозок на земле, замерзшая почва' [Kalima 1915: 118]. Фасмер присоединяется к мнению Калимы [Фасмер 2: 237]. На наш взгляд, лексема **кирза**, представленная в говорах Приладожья, Посвирья, Западного Прионежья и Заонежья, является результатом влияния ливвиковского типа, ср. ливв. *kirzi* 'слой промерзлой почвы под оттаявшей землей; мерзлота' [СКЯМ: 143]. Данные этого гнезда прибалтийско-финских языков, ср. фин. *kirsi* 'мерзлота', эст. *kirs* 'мерзлота', ливск. *kirt*, *kirk* 'тонкий слой льда', люд. *kirz* 'мерзлота', при саам. норв. *gir'si* 'мерзлота' из фин. [SKES: 200], являются результатом балтийского влияния, ср. литов. *skiřsti* 'покрываться снегом', *apskiřsti* 'замерзать, покрываться льдом' [SSAP 1: 372].

К востоку от обследуемого региона фиксируется лексика, которая по мнению Калимы является вариантами данного взаимодействия **хирзы́** 'неровности на замерзлой грязи' в Вятской губернии (Опыт); «мерзлые кочки грязи по дороге, колоть» — также в Вятской губернии (Даль): **хырзы́**, **хорзы́** «замерзшие шохры, комки грязи на дороге, замерзшая скомканная грязь на дороге» (Васнецов). КСРНГ представляет также современные

материалы: **хырзы́** ‘замерзшие комья грязи на дороге’ в Вожгаловском р-не Кировской области. Трудно сказать относится ли сюда слово **со́хры** ‘бугры на льду’, зафиксированное Богоразом на Колыме. Кроме того, Куликовским (1899) отмечен вариант **ти́рза** ‘осенняя или весенняя грязь на улице’ в Заонежье (Великая Губа); в современных материалах записи этого слова отсутствуют.

Таким образом, слово **кирза** распространено во всем обследуемом регионе, исключая только небольшой участок Вытегорского р-на, ограниченный н. п. Ошта, Нижняя Водлица и н. п. Шустручей Подпорожского р-на, где доминирует в этом значении лексема **ровда** (см.).

КОВА́, КУБА́, КУВА́

Вариант **ко́ва** ‘тень человека’, ‘тень’ с вариативным ударением в одних и тех же населенных пунктах отмечен в Медвежьегорском р-не (Кефтеницы, Шуньга, Пабережье, Федотово, Падмозеро, Кажма, Фомино): в Кондопожском р-не (Горка). — Боится своей **ковы** (Падмозеро).

Вариант **кува́** с тем же значением бытует только с ударением на втором слоге в Пудожском р-не (Сумозеро, Авдеево, Колово, Куганаволок), в Вытегорском р-не (Гуляево). По-видимому словообразовательный вариант **кува́ка** с тем же значением записан в Пудожском р-не (Колово, Кушаково, Гладкино).

В варианте **куба́** ‘тень’ преобладает ударение на втором слоге, эта лексема отмечена в Пудожском р-не (Авдеево, Песчаное, Бураково), а в н. п. Римское зафиксировано ударение на первом слоге — **ку́ба**. Ардентов [Ардентов 1955], анализируя это заимствование, отмечает дифтонгоидный характер произношения в слове **кова** — **ко́ва**. Смеряй **коаву**, скоро ли домой.

Первые сведения об анализируемых вариантах нахо-

дим в словаре Куликовского: **кóва** (Шуньга), **кúба** (Выгозеро Повенецкого уезда), **кувá** (Водлозеро Пудожского уезда; Видлица, Олонецкого уезда, Усть-Велга Каргопольского уезда). «Отпечаток, остающийся на снегу от упавшего живого существа или какого-л. предмета, тень... “По **кубы**”, т. е. по тени человека крестьяне измеряют время дня, измеряя тень человека».

Калима полагает, что это заимствование из кар. *kiiva* ‘картина’, ‘сапожная колодка’, ливв. *kiiva*, вепс. *kiiva* ‘сапожная колодка’ [Kalima 1915: 134–135]. В SKES приводятся кар. *kiiohaine*, ливв. *kiivahaine*, вепс. *kiivahain’e* ‘тень’, люд. *kiiva*, *kiivahain’e* ‘тень’ что семантически более соответствует заимствованным словам в говорах [SKES: 253].

Территориальная дистрибуция данных вариантов различна: **кова** отмечено в основном в Заонежье и в прилегающем к нему Кондопожском р-не; **кува**, **куба** в восточном Прионежье — в Пудожском и Вытегорском р-нах.

Наличие разных вариантов в говорах, возможно связано с неоднородным субстратным влиянием. В КСРГК отмечена лексема **кóуд** ‘неясные смутные очертания чего-л.’. — Я тебя как **коуд** вижу! (Мягрозеро Медвежьегорского р-на). В силу единичности данного слова, довольно трудно судить о его достоверности.

КОГМА, КОЛМА

Кóлма ‘второй, верхний слой льда, образовавшийся поверх первого слоя льда’, отмечено в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора, Полга). Вне обследуемого региона данное слово зафиксировано в Терском р-не (Ковда, Умба). Присутствует эта лексема у Меркурьева — **колма** ‘вода, выступившая на поверхности льда’: — Когда внизу лед, а сверху вода, то называют **колма** или **ша́пня** (Порья, Тер-

ский р-н). Отмечено это слово в словаре Дурова: **колма** «ледяная корка на снегу, покрывающем лед, которая тает ломается под весенним солнцем».

В КСРГК имеется фонетический вариант **калма** 'слой воды поверх льда' в Беломорском р-не (Ендогуба). В Опыте представлен иной вариант заимствования — **когма** «тонкий лед, образующийся весной после приливов, поверх зимнего льда» (Кем. Арх.). У Подвысоцкого представлено два варианта — **когма, когва** «1. Образующийся весной от морских приливов тонкий лед поверх толстого зимнего. 2. Выступающая в зимние оттепели поверх льда вода от дождя или подтаявшего снега. 3. Обледеневший сверху после оттепели снег». В СРНГ отмечен вариант **комга** «второй тонкий слой льда на поверхности воды, скопившейся поверх старого льда» (Арх, 1968).

Два варианта зафиксировано у Даля, **когва, когма** «наслуд, наслуз, второй слой льду, намерзающий от морских приливов, сверх коренного». — Лошади весной на **когме** проступаются (Арх.).

Шегрен предлагает этимологию, которая а дальнейшем отвергается Калимой — из фин. *huhmä* 'лед, смешанный с водой' [Шегрен 1854: 153]). Веске сравнивает это слово с фин. *kohva* 'ледяная глыба, куча, кора, слой льда'. Он полагает, что этимон у вариантов **когва, когма** один, а варианты получились в результате изменения согласного [в] в согласный [м] [Веске 1890: 79].

Калима и вслед за ним Фасмер приводят в качестве этимона кар. *kohva*, при фин. *kohma*, а чередование *m/v* объясняют чередованием сильной и слабой ступеней [Калима 1915: 121]. Меркурьев в словарной статье **колма** не совсем обоснованно замечает, что это заимствование из фин. *kohma*. В прибалтийско-финских языках имеются близкие по форме и по семантике лексемы: кар, *kohva* 'талый снег, шуга', *kohmakko, kohmahko* 'окоченевший,

замерзший’, фин. *kohma*, *kohme* ‘окоченелость от холода’, *kohva* ‘наледь’ [SKES: 205], что могло привести к фонетическому разнообразию слов в русских говорах.

Ареальная дистрибуция (северная часть Карелии и Мурманская область) также подтверждает карельскую этимологию.

ЛІСТЕГА

Лістега ‘тонкий лед при ледоставе’ отмечено в Медвежьегорском р-не (Толвуя, Кузаранда, Загубье, Великая Нива, Кижы, Великая Губа, Ламбасручей, Космозеро, Петры, Сенная Губа); в Пудожском р-не (Пяльма, Римское); в Кондопожском р-не (Чеболакша, Колгостров, Гангозеро, Лижма, Новинка); в н. п. Шустручей Подпорожского р-на. В н. п. Гангозеро и Новинка зафиксировано также употребление деривата — **лістежка** с тем же значением.

Данное слово бытует в основном в Заонежье и в примыкающих к нему р-нах, только фиксация в н. п. Шустручей не имеет прямой связи с Заонежскими говорами.

Первые данные в Дополнении к словарю Куликовского — **листега** «тоненький лед в лист толщиной» в Петрозаводском уезде (Федоров).

Анализируемая лексема не рассматривалась в этимологической литературе. На первый взгляд несомненна связь с русским *лист*, что и делает Куликовский при толковании этого слова, включая в него сравнение с листом. Но вследствие территориальной ограниченности данного слова возможно предположить его неисконность.

Материал финского языка — фин. *liisteet* ‘настил’, *jääste* ‘ледяная преграда’, на наш взгляд, не следует сопоставлять с русской лексемой, более вероятно, что локализация данного материала на ограниченной территории,

при явно вторичной общерусской ассоциативной мотивации, заставляет искать сходный материал в смежных карельских диалектах, ср. кар. *riito, rite* 'тонкая ледяная корка, пленка льда' [KKS 5: 96–97]. Причем мена сонорных, приведшая к переосмыслению слова, по-видимому, произошла непосредственно при вхождении его в русские говоры. А поскольку первичная ассоциация с лексемой «лист» не вызывала сомнений, то данный материал и не рассматривался в этимологической литературе.

Зафиксированный по данным ПЛГО глагол **ли́стежить** 'покрываться льдом', по-видимому, образован от существительного. Он отмечен в Медвежьегорском р-не (Сенная Губа, Космозеро, Ламбасручей, Великая Нива, Загубье); в Пудожском р-не (Пяльма). В н.п. Великая Нива отмечено безличное употребление: **зали́стежило**. В н.п. Ламбасручей — единственная фиксация варианта **ли́стеж** 'верхний тонкий лед', наряду с **листега**.

ЛУБА́НДА, ЛУ́МБА, ЛУ́МБЕГА, ЛУ́БЕГА

Крайне важны для жителей Обонежья понятия, слова, обозначающие различные состояния льда. Зимой в результате оттепели или оседания льда на нем появляется вода, которая в обследуемом регионе получает разные наименования. Затем эта вода замерзает и образует верхний, часто очень непрочный лед. Нижний лед, верхний лед, вода между ними также имеют разные наименования.

Луба́нда 'верхний непрочный слой льда часто со снегом и водой' отмечается в Медвежьегорском р-не (Сенная Губа, Кажма, Черкасы, Петры, Космозеро, Мягрозеро, Толвуя, Палтега, Федотово, Лонгасы, Ламбасручей, Великая Нива), в Прионежском р-не (Ялгуба, Суйсарь, Машезеро), в Кондопожском р-не (Колгостров, Ладмозе-

ро, Диановы Горы, Гангозеро, Тулгуба, Лижма). В Кондопожском р-не зафиксированы также иные значения: 'вода на льду' в н. п. Новинка; 'промоина' — в н. п. Кулмукса. В н. п. Великая Губа Медвежьегорского р-на бытует вариант **лоба́нда** в значении 'снег на льду'.

Лу́мба 'второй, непрочный лед, часто покрытый водой; вода на льду' отмечается в Медвежьегорском р-не (Перхино, Лисицино, Мьяльзино, Белохино, Кефтеницы, Шильтя, Кажма, Федотово, Шуньга, Толвуя, Палтега, Загубье, Кузаранда). Причем в н. п. Толвуя, Кажма, Палтега, Федотово зафиксированы как **лубанда**, так и **лумба**.

Лексема **лу́мбега**, распространенная в Пудожском р-не (Каршево, Песчаное, Авдеево) имеет следующую семантику 'снег в воде; снег на втором льду; снег с водой на льду'. В н. п. Авдеево представлен дериват **лу́мбежка** со значением 'второй лед'. В н. п. Челмужи Медвежьегорского р-на бытует слово **лумба** в значении 'двойной лед с водой между слоями'. Здесь же отмечается лексема **лу́мбица** 'промоина весной'.

Лу́мбега 'непрочный верхний лед; вода между слоями льда' имеет редкие фиксации в Пудожском р-не (Пяльма), в Медвежьегорском р-не (Челмужи), в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора). Первая фиксация слова **лубанда** 'растаявший снег на льду, потом снова замерзший' у Князева в «Кижском наречии». В словаре Куликовского отмечается **лумба** в значении 'вода, выступившая поверх льда' (Шуньга); 'второй слой льда, образовавшийся на этой воде' (Кажма). Лексема **лумбега** в значении 'оттаявший после вскрытия реки лед на берегу' зафиксирована Подвысоцким в Онежском, Холмогорском, Пинежском уездах.

В работе Калимы и в словаре Фасмера материалы на анализируемое слово отсутствуют. На наш взгляд, здесь возможна связь с фин. *lumi* 'снег', вепс., люд., ливв.,

водск., эст., *lumi*, хотя предпочтительнее саамская этимология: саам. *lobme, lubme* 'снег'.

Возможно связано со словом **лумба** — **балумба**, мн. «донный лед, имеющий форму ледового столба в виде перевернутого конуса при всплывании на поверхность реки»; на Ангаре [Мурзаев 1959].

МАЙНА

Майна имеет два значения, различающиеся территориально: 1. 'незамерзающее место в реке, озере, полынья, промоина' отмечено в Подпорожском р-не (Сидорово, Пидьма, Корба, Усланка, Юксовичи, Заозерье, Шеменичи); в Вытегорском р-не (Мегра, Ошта); в Кондопожском р-не (Кулмукса); 2. 'прорубь для подледного лова' зафиксировано в основном в Заонежье в Медвежьегорском р-не (Сенная Губа, Космозеро, Вицино, Ламбасручей); в Кондопожском р-не (Лижма); в н. п. Пяльма, Римское Пудожского р-на; в северо-восточной части Вытегорского р-на (Казаково). Причем в н. п. Римское отмечено также и значение **майна** 'промоина'. В СРГК значение 'полынья' фиксируется в Сланцевском, Киришском, Волховском р-нах [СРГК 3: 187]. Материалы прошлого века имеют такую же ареальную дистрибуцию значений. Куликовский дает **майна** «полынья, широкая трещина, прогалина в ледяном поле» в Лодейнопольском уезде. В словаре Подвысоцкого **майна** «прорубь во льду для лова рыбы, также и для полоскания белья» в Онежском, Холмогорском, Пинежском уездах. У Грандилевского совмещены эти два значения **майна** «широкая прорубь или пролом во льду» (Холмогор.). В Опыте — **майна** 'полынья' (Волог., Олон), 'ледоколья' (Петерб.), последнее значение впервые отмечено Бурнашевым в Астраханской губернии.

Майна 'незамерзающее место, промоина' отмечено по

КСРНГ на Волхове, Ильмене (Шамахов), в Кировской, Свердловской, Пермской, Курганской областях; в Сибири зафиксировано в материалах по Тобольской губернии Маляревского; имеется оно также в донских говорах (Миртов).

Майна ‘прорубь для подледного лова’ имеет более широкое распространение в печорских говорах, на территории Вологодской губернии (Иваницкий), современные данные отсутствуют; в Кировской, Архангельской, Горьковской, Томской, Кемеровской, Новосибирской, Чкаловской областях, Марийской АССР и на р. Волга. Отмечается **майна** ‘прорубь для подледной ловли’ на Северном Урале (Матвеев) и в беломорских говорах (Воронова).

По данным Шмелева **майна** употребляется в южно-русских документах с 1654 г.

Мурзаев приводит **майна** «прорубь, полынья, широкая трещина во льду (Северные моря); открытый участок воды между льдинами; большая яма, вырубленная в толще льда реки и имеющая на дне небольшое отверстие для пропуска воды из реки. Делается для прохождения красной рыбы (икряной) во время багренья, чтобы не заморозить ее (р. Урал)».

Калима полагает, что это заимствование из фин. *mainas* ‘большая полынья’, водск. *maina* ‘прорубь во льду для ловли рыбы’. Но для Калимы неясно, имеет ли русское **водомина, водомойня** отношение к прибалтийско-финским лексемам [Kalima 1915: 160–161]. Для Фасмера также неясно направление заимствования [Фасмер 2: 559]. Матвеев считает, что распространение свидетельствует в пользу финского происхождения [Матвеев 1959: 15]. Воронова также высказывается за прибалтийско-финскую этимологию. Мурзаев предлагает водское *maina* в качестве этимона.

Очевидно, что опасения Калимы имели под собой поч-

ву, и присутствие в СРНГ слов **мо́йна** ‘полынья’ (Охан. Перм.), **мо́йна** ‘прорубь, в которой полощут белье’ (Арх.) и ‘впадина в земле’ (Вят.), возможно, могут свидетельствовать о славянской природе лексемы **майна**, однако не исключается и контаминация прибалтийско-финского слова с русским корнем. Калима как источник финского слова предложил саам. *mana* ‘глубокое и широкое место в реке, озере’. В SKES в разработке слова *mana* ‘загробный мир, царство мертвых’ в диалекте Хайлуото лексема *mana* употребляется по отношению к весеннему слабому льду — *mana* — ‘по талому льду последний шаг’; «*jäät manoksi menee*» ‘лед ведет на тот свет’; «*aivan manona jää*» — об очень слабом льде. Употребляется также *mana* в загадке: «*Aamulla rauvuksella ja illalla vesillä, muutaman päivän päästä manalla*» ‘Утром на твердом, вечером в воде, через несколько дней на том свете’ (отгадка — весенний лед). В качестве метафорического переноса слово могло закрепиться в финском языке и проникнуть в русские говоры [SKES: 332]. Хотя, конечно, окончательно эту проблему решить довольно трудно.

Зафиксированное в н. п. Авдеево Пудожского р-на слово **майда** ‘прорубь для подледного лова’ (в СРГК — в Беломорском р-не) по мнению Калимы также относится сюда. Эта лексема отмечена также в Архангельской губернии (словарь Грота–Шахматова).

МЙЛАС

Мйлас ‘тонкий лед, гонимый ветром по водной поверхности’ отмечено в н. п. Вожма Гора, Валдай Сегежского р-на. С иным начальным согласным зафиксирован в смежных беломорских говорах Федоровым (КСРНГ) — **нилас** ‘тонкий осенний лед, носимый ветром или течением в море и устьях рек при их замерзании’. По данным КСРНГ

данное слово отмечается только в архангельских говорах, причем в основном в источниках прошлого века. В словаре Подвысоцкого предлагается три варианта заголовочных слов — **нілас**, **ніласы**, **ні́лас** с тем же значением в Онежском, Кемском, Кольском уездах; в ином значении — «намерзающий у берегов о. Новой Земли лед» в Поморье.

Вариант **нілас** «тонкий не сплошной слой льда, носящийся осенью, во время замерзания вод, в реках и на взморье» дан в словаре Дурова с пометой «Южн.».

Впервые отметил данное слово как прибалтийско-финское заимствование Шегрен, он приводит фин. *nila, nilas, nilakas, niljakas*, не исключая и саамские материалы — саам. *njalakas* 'склизкий; склизкий как осенний лед'. Погдин также полагает, что это может быть заимствование из фин. *nila* или коми-зыр. *nilés, nilós*. Калима не включает данное слово в перечень прибалтийско-финских заимствований. В словаре Фасмера также отсутствует эта лексема.

Вариант с другой сонорной в начале слова, по-видимому, возник не так давно под влиянием народной этимологии, т. е. возможна связь с рус. *мелкой, мелочь*. Ввиду маргинальной дистрибуции предпочтительней саамская этимология, хотя из-за отсутствия прямых семантических соответствий невозможно однозначно говорить об источнике анализируемого материала.

ПІХТА

Лексема **пихта** в значении 'иней', бытующая в Заонежье, имеет вариант **пихка**, зафиксированный на Кольском полуострове, хотя и несколько в ином значении 'подмытый волною и вследствие этого затвердевший снег на проложенной по берегу моря дороге' [Подвысоцкий: 122; СРНГ:

27, 57], что позволяет сопоставить их с саамскими данными, ср. саам. *peotse* ‘иней’ [KOLTKS: 361].

РÓВДА, РÓВГА

Ровда в значении ‘слой мерзлого грунта с оттаявшей сверху земель’ отмечается в Вытегорском р-не (Мегра, Девятины, Бараново, Нижняя Водлица), в Подпорожском р-не (Шустрочей): в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора). На смежной территории слово **ровда** зафиксировано в Вашкинском р-не. В материалах КСРГК лексема **ровда** представлена в значении ‘вода, образовавшаяся из оттаявшей почвы’ в Кадуйском и Вашкинском р-нах. В говорах Беломорья Федоров записал слово **ровда** в значении ‘лед под землей, мерзлая земля’.

Анализируемое слово было широко распространено в диалектных источниках: Боричевский дает **ровда** ‘мерзлая земля’ в Архангельской губернии; у Подвысоцкого — **ровда** ‘мерзлая в низших слоях никогда не оттаивающая земля’ в Онежском и Кемском уездах. В словаре Куликовского ареал слова **ровда** охватывает и часть Заонежья: **ровда** ‘мокрая земля, смерзшаяся комками, промерзлый верхний слой земли’ в Каргопольском уезде (р. Онега, Усть-Моша, Вохтома), в Пудожском уезде (Корбозеро, Водлозеро, Янгозеро), в Вытегорском уезде (Девятины, Черная Слобода, Ковжозеро, Шимозеро), в Олонецком уезде (Ведлозеро), в Заонежье (Шуньга). В материалах Певина (Заонежье) **ровда** имеет значение ‘мерзлая земля по весне’. Кроме того, Куликовский же фиксирует лексему **ровда** в значениях ‘болотная ржавая вода’ в Каргопольском уезде (Кенозеро), в Вытегорском уезде (Тудозеро), ‘весенний испарения’ — в Каргопольском уезде (Мишковская волость). Куликовский не приводит Повенецкий уезд как ареал распространения слова

ровда ‘мерзлая земля’, но он предлагает цитату, где это слово употребляется в переносном значении, причем цитата записана именно в этом уезде: «**Ровда** не вышла из земли — т. е. еще нет тепла».

В начале века **ровда** ‘не оттаявшая весной почва’ отмечено в череповецких материалах Герасимова; **ровда** ‘лед в почве весной’ представлено Лаврушиным в Кирилловском уезде.

По данным КСРГК единичные фиксации имеет вариант **ровга** ‘слой мерзлого грунта с оттаявшей сверху землей’ отмеченный только в н. п. Пабережье Медвежьегорского р-на. В этом же значении данный вариант бытует в соседних говорах Онежского, Плесецкого, Кирилловского р-нов. В словаре Меркурьева **ровга** дается в значении ‘лед на болоте под слоем мха’ в Терском р-не.

Гусев отмечает слово **ровга** ‘слой промерзшей земли, верхняя часть которой весной оттаивает’ в каргопольских говорах [Гусев 1971].

Опыт представляет оба анализируемых варианта: **рòвда** ‘лед, находящийся в земле’ в Кемском и Онежском уездах; **ровга** с тем же значением — в Шенкурском уезде. Даль также отмечает лексемы **ровга**, **ровда** «поддина, лед в земле под почвой, в глубине; вечно мерзлый пласт, который никогда не оттаивает» (Арх.), и далее он дает **ровда** «земляная вода, мокредь, выступающая весной в ростепель из земли» (Орл.). Мурзаев без всякого анализа повторяет орловскую географическую помету Даля, хотя еще Калима, имея все основания, полагал, что в данном случае просто опечатка — вместо «Олон.» — «Орл.».

На наш взгляд, в этом материале тесно переплетены более раннее общеприбалтийско-финское влияние с поздним воздействием уже обособленных языков этой группы. Так, варианты **ровда**, **роўда**, вероятно, являют-

ся рефлексамии общеприбалтийско-финского ландшафта, они фиксируются как в зонах сегодняшнего карельского, так и вепсского влияния, при естественно наложении современного кар. *rouda* 'мерзлота' [Ругозеро, Паданы, Суоярви, Тихв., KKS 5: 172], хотя, конечно, нельзя исключать и того, что вариант **ровда**, как более ранний, получил широкое распространение на русской почве в результате миграционных процессов. Однако фиксация варианта **ровда** в зоне вепсского влияния, ср. вепс. *roïg, ruiïg* 'мерзлота, мерзлая почва' [СВЯ: 481], все-таки говорит о двуслойности прибалтийско-финского влияния. Обобщая данные современных прибалтийско-финских языков, ср. кар. твер. *rowda* 'мерзлота, мерзлый слой земли' [СКЯП: 241], ливв. *rowdu* 'мерзлота, мерзлая почва — обычно весной', вепс. сев. *roïd, ruiïg* 'мерзлота' [SKES: 850], можно говорить, что вепсские материалы (исключая северный диалект) стоят особняком. Поэтому, совершенно очевидно, что вариант **ровга** связан с вепсским влиянием более позднего времени (см. выше), причем в Беломорье дистрибуция вариантов **ровга**, **ровда** наиболее пестра: Дождь пройдет — скорее **ровга** выйдет (Колежма). **Роўга** выходит, можно пахать землю (Нюхча). При отмеченном варианте **ровда** в н. п. Сумский Посад и Вирма [ПЛГО; Сало 1966: 235]. Попов в заметках на полях SKES связывает с чешским *hruda* 'глыба, ком', польским *gruda* 'глыба' и приводит также польское название декабря — *grudzien*; который, по-видимому, мог бы быть мотивирован как месяц замерзшей грязи.

Гипотеза Сало о различной природе вариантов **ровга** и **ровда**, на наш взгляд, требует корректировки. Трудно говорить о заимствовании того или иного варианта из какого-либо определенного языка или диалекта, поскольку неизвестно, вариация [г] / [д] в данном случае является русской или прибалтийско-финской. Предложение Са-

ло о вепсской этимологии варианта с [г], во-первых, не совсем соотносится территориально, так как в вепсском языке слово *roïg* отмечается в диалектах Бабаевского р-на (СВЯ), а в средневепсском диалекте зафиксирована лексема *ruïg* как вариант *ruïd*; как раз в сфере адстратного влияния средневепсского диалекта в Вытегорском р-не отмечен вариант **рÓвда**; во-вторых, чересполосное проживание носителей прибалтийско-финских языков и русского языка предполагает смешанное взаимовлияние иногда трудно разграничиваемое. Например, приводимые выше данные Меркурьева совершенно очевидно возводятся к саамскому этимону саам. *rowda* 'тонкий лед особенно на болоте', и такой вывод возможен только благодаря относительной территориальной обособленности кольских говоров. Более вероятна людиковско-вепсская этимология.

Сужение ареала **ровда** по сравнению с XIX веком, на наш взгляд, объясняется отсутствием адстратного выравнивающего влияния вепсского языка в настоящее время в Заонежье, а как раз этим влиянием объясняется островное распространение данного слова в южном Прионежье. К тому же в вепсском языке не отмечено соответствие фин. *kirsi*, ливв. *kirzi*, люд. *kirž*, что могло послужить причиной широкого распространения слова в Обонежье.

По данным КСРГК зафиксированы также два варианта **рогда** 'мерзлый слой почвы' в н. п. Ундозеро, Бабино Вытегорского р-на; **ронда** в том же значении в н. п. Деметьевская Череповецкого р-на. В ряде н. п. Кирилловского р-на зафиксирована производная **рÓвгонье** в том же значении.

РОВКА

Калима связывает также с кар. *ruuda* лексему **рówka** ‘образующийся в земле на сырой почве лед’ (Шенкур. Арх., Подвысоцкий), в Опыте зафиксированы аналогичные материалы. Слово **рówkaч** ‘замерзшая комками земля’, зафиксированное в Пудожском уезде (оз. Купецкое, Куликовский) Калима возводит к фин. *roukko* ‘неровный лед’ [Kalima 1915: 203]. Современные материалы на данное слово отсутствуют.

РОПАК, РОПАСА

Ропак ‘неровность, бугор на льду или на дороге’ отмечено в Прионежском р-не (Ладва, Заозерье, Педасельга); в Подпорожском р-не (Шустрочей); в Пудожском р-не (Римское); в Медвежьегорском р-не (Тихвин Бор). Вариант **ропáк** «груда льда на берегу реки или морских мелях» отмечается в словаре Меркурьева; в значении ‘лед на камнях’ в Онежском и Беломорском р-нах по КСРГК. **Ропакí, ропака**, мн. ‘кучи льда на берегу’ зафиксировано в р-не г. Кандалакша. В Терском р-не отмечается **ропáк** ‘большая льдина в море’. Вариант **ропоки** ‘лед на камнях’ бытует в н. п. Летняя Речка Кемского р-на, а также — **ропока** (ж.) — в значении ‘камень, торчащий из подо льда’; в н. п. Валдай, Вожма Гора отмечено **ропака** (ж.) ‘куча льда на берегу’. Сало дает три варианта **ропак, ропакá, ропакí**, добавляя к вышеперечисленным значениям еще ‘груда льда вокруг проруби’.

Данное заимствование широко отражено в материалах XIX века. В Опыте — **ропáк** 1. Лед в реке, образовавшийся кучами, неровно. Онеж. Арх. — **Ропакими** ехать трудно ночью; 2. Стекловидная поверхность таявшего при оттепели и вновь замерзшего льда на море.

Кольск. Арх.; там же **ропака**. Лыдина, торчащая стоймя. Арх. У Шренка — **ропак** 'лыдина небольшого размера' (Арх.); у Ефименко — **ропак** 'маленький островок, возвышающийся в виде голого камня над поверхностью моря и покрываемый во время приливов водою' в Мезенском, Кемском уездах. Отмечается один из вариантов в словаре Дурова — **ропак** 'куча льда около ердана или других прорубей... Вообще груды льда на ровной поверхности реки или моря' в Южном Беломорье.

Ропаса́ 'торосы на льду' отмечено по данным ПЛГО в Пудожском р-не (Каршево, Гакукса); в Вытегорском р-не (Гневашевская, Щекино). С иной формой множественного числа **ропасы** фиксируется в н. п. Гангозеро Кондопожского р-на. Отмечается и анализируется данное слово в диссертациях Вороновой (1968) и Сало (1966). Сало фиксирует **ропасьё́** 'лед вокруг проруби', Воронова — **ропас** с тем же значением и кроме того, с более широкой семантикой 'нагромождение его на ледяной поверхности'.

В Опыте **ропас** «ледяной бугор от разбросанного по берегам льда» отмечается в Олонецкой губернии; в словаре Куликовского слово дается с несколько иным толкованием — **ропас** «бугор изо льда, ломанного людьми или нанесенного на берег рекою» в Пудожском, Вытегорском, Олонецком уездах и в Заонежье, в ином значении «куча камней на поле» в Олонецком уезде.

Лексема со второй гласной [y] — **рупас, рупаса** в Обонежье не зафиксирована. По КСРНГ отмечается **рупаса́** 'масса мелкого льда в море' и 'горы разбитого льда' в Холмогорском р-не. В смежном к обследованному региону Лодейнопольском р-не бытует переносное значение — **рудас** 'толстый, полный человек', по-видимому, связанное с основными номинативными значениями.

Даль разграничивает территориально **ропака** (ж.), **ропак** и **рупак** «громоздкая лыдина, ледяная гора, пло-

вучая или выкинутая на берег»; «нагромождение льдины горой». **Ропак** также ‘небольшой торос’ в Архангельской губернии, а **ропас**, по-видимому, в тех же значениях — в Олонецкой губернии. Подвысоцкий представляет 5 вариантов **ропака, ропак, ропас, рупака, рупас** в двух значениях ‘обледенелые прибрежные камни у моря’ и ‘торчащие стоймя или нагромоздившиеся одна на другую у морского берега или на земле льдины’.

Этимология приведенных выше вариантов у различных авторов весьма противоречива. Грот к материалам **ропака, ропак, рупака** ‘стоячая льдина, лед’ предлагает в качестве этимона фин. *ropaakko* ‘грязь по дороге’, а к **ропас** ‘ледяной бугор’ — фин. *rara* ‘грязь вообще, что-нибудь ломкое и рассыпающееся’ [Грот 1876: 472]. Калима, считая этимологию Грота ошибочной, на первое место ставит вариант **ропас** (материал Куликовского) с соответствием из люд. *riopaz* ‘куча камней’, кар. *riopaš* ‘куча льда’, фин. *rioras* ‘куча камней’ [Kalima 1915: 205]. Сало сомневается в возможности сравнения слов **ропас, рупас** с кар. *riopaz, rioras, рупас* с кар. *riopaz, rioras*, вариант **ропак** она возводит к люд. *ropak* ‘неровная, негладкая поверхность’ либо к вепс. *ropak* ‘неровный, негладкий, шербистый’. Не исключает она также вслед за Итконеном и возможности влияния саамского языка — саам. кильд. *riebrax*, саам. терск. *rie^brag* ‘груда на берегу моря’ [Itkonen 1932: 57]. Воронова присоединяется к мнению Калимы.

По-видимому, ареальный подход к проблеме нахождения этимона этого заимствования, лежит в соединении всех субстратно-адстратных языковых взаимодействий региона, именно этим, на наш взгляд, объясняется многообразие вариантов заимствования.

Так, например, вариант **ропак**, отмечаемый в юго-западном Прионежье, связан с вепсским влиянием (см.

выше), исключая однако значение, скорее всего производное *gorak* 'рябой, с оспинами', как заимствование **ропак**, **ропаковитый** 'корявый от оспы'. Вишь **ропаков-то** на лица — будто боронил кто. (Вытегорский уезд, Филимонов); **ропак** 'рябой' отмечено в Заонежье в н. п. Патрово, Космозеро. Распространение слова **ропак** на севере, в Мурманской области и на севере Карелии, возможно, связано уже с саамским материалом саам. *rõappik*, *rie^brag* 'груда льда на берегу моря'. Дистрибуция варианта **ропас**, **рупас** вероятнее всего связана с карельскими диалектами, тем более, что в зоне вепсского влияния данные варианты не зафиксированы.

По КСРНГ единственная фиксация варианта **ропах** 'тонкий лед с неровными краями' в Усть-Цилемском р-не Республики Коми. В Опыте и словаре Подвысоцкого имеется значительное число производных глаголов, прилагательных, которые не зафиксированы в обследуемом регионе.

РЎМБЕГА

В значении 'иней, иней над притолокой' слово впервые зафиксировано по данным ПЛГО в н. п. Каршево Пудожского р-на. Оно имеет в качестве этимона саамский источник, ср. саам. кильд. *rums*, ген. *rumtas* 'туман, пар' [KOLTKS: 454], но непонятно место этой единицы в саамских диалектах и в финно-угорских языках. Вряд ли связаны с русским диалектным словом фин. *rompe* 'прибрежный лед' (записи Ленрота), 'глыба льда', ливв. *rompeh* 'глыба льда' [SKES: 832], так же ливв. *huwrme* 'иней' [СКЯМ: 80].

РЯНДА, РЯНЬГА

Анализируемое ниже заимствование имеет ряд фонетических вариантов. **Рянда** ‘снег с дождем, мокрый снег, ненастная погода осенью’ отмечено в Подпорожском р-не (Шустрочей, Корба, Ульино, Пидьма, Шеменичи, Курпово, Юксовичи); в Прионежском р-не (Заозерье, Ладва, Машезеро), причем в н.п. Педасельга **рянда** имеет значение только ‘дождливая погода’, а лексема **шлякоть** ‘снег с дождем’; в н.п. Суйсарь **рянда** отмечено в значении ‘ливень’. В Кондопожском р-не **рянда** зафиксировано только в значении ‘дождь со снегом’ в н.п. Гангозеро, Тулгуба, Новинка, Лижма, Чеболакша, Кулмукса, в Медвежьегорском р-не **рянда** ‘мокрый снег’ отмечено только по материалам КСРГК в н.п. Тихвин Бор. В Сеgezском р-не **рянда** ‘дождь со снегом’ бытует в н.п. Вожма Гора, Валдай. На смежной территории **рянда** ‘снег с дождем’ отмечено в Кемском р-не; **рянда** ‘затяжной осенний дождь’ в Терском р-не зафиксировано у Меркурьева и в КСРГК. Словосочетание **гусиная рянда** ‘о ненастной погоде осенью’ отмечено в н.п. Юксовичи Подпорожского р-на. В Лодейнопольском р-не зафиксирован вариант во множественном числе **рянды** ‘дождливая ненастная погода осенью’ в н.п. Ефремково; а также в Подпорожском р-не в н.п. Бараны — **Рянды** скоро начнутся.

В материалах Георгиевского, помеченных Лодейнопольским уездом, **рянды** отмечено в значении ‘низкое грязное место’, что можно подвергнуть сомнению в силу единичности фиксации и семантического несоответствия.

Вариант **ряндега** ‘снег с дождем, ненастная погода осенью’ распространен преимущественно к востоку от Онежского озера в Пудожском р-не (Песчаное, Авдеево, Римское), а также в Медвежьегорском р-не (Шуньга); в н.п. Юксовичи употребляется **ряндега** наряду с **рянда**.

С иным вокализмом и с ударением на втором слоге **рендá** 'мелкий морозящий дождь' отмечено на всей территории Онежского р-на в н. п. Остров Вашкинского р-на.

В Заонежье фиксируется в основном вариант **ряньга** 'снег с дождем, ненастная погода осенью' (Ламбасручей, Толвуя, Шильтя); а также в н. п. Каршево Пудожского р-на и в н. п. Диановы Горы Кондопожского р-на. Отмечено употребление лексемы только во множественном числе **ряньги** с тем же значением в н. п. Великая Губа, Космозеро. — **Ряньги** осенью (Лахново).

С иным вокализмом отмечено употребление данного заимствования в качестве наречия и безличного сказуемого. **Рёнко** 'мокро, сыро'. — **Ренко** идти утром по траве. (Мягрозеро Медвежьегорского р-на). **Рёнго** — Сегодня на улице **ренго**. (Черкасы того же р-на).

Зафиксировано некоторое изменение семантики — **ряньга** 'слякоть, грязь' в Пабережье Медвежьегорского р-на и **ряньга** 'лужа после дождя' в н. п. Лодмозеро Кондопожского р-на.

В Княжьей губе (окрестности г. Кандалакша) по данным КСРГК отмечается вариант **шрянда** 'снег с дождем', появление которого можно объяснить неясной внутренней формой слова.

Первые фиксации анализируемого заимствования дают только вариант **рянда**. В Опыте — **рянда** «1. Густой снег, валящий хлопьями в теплую погоду, более осенью. Арх. 2. Дурная погода с дождем, снегом и ветром. — Экая **рянда** поднялась. Олон.». В словаре Даля примерно то же: **рянда** «мокрый снег хлопьями, лепень, дрябня, хижá; снег с дождем, слякоть, мокропогодье со снегом» в Архангельской и Олонецкой губерниях. У Подвысоцкого — **рянда** «густой, падающий густыми хлопьями при

теплой погоде снег» в Архангельском, Онежском, Мезенском уездах. Куликовский фиксирует **рянда** 'мокрая погода, слякоть, дождь со снегом' в Вытегорском, Лодейнопольском, Повенецком уездах, а также в Заонежье; он отмечает также вариант **рянжа** с тем же значением в Каргопольском уезде. Слово **рянда** «слякоть, осенняя непогода» представлено в материалах Филимонова (Вытегорский уезд) и Георгиевского — **рянда** «погода со снегом и дождем» (Петрозаводский уезд).

В говорах Обонежья был зафиксирован ряд глагольных дериватов — **заряндить** 'о начале продолжительной ненастной погоды обычно осенью' (в н. п. Машезеро, Ладва, Суйсарь Прионежского р-на). Кроме того в н. п. Суйсарь отмечен бесприставочный глагол **ряндить** 'лить о дожде', в н. п. Машезеро бытует прилагательное **ряндистый** — **ряндистая** погода.

На смежной территории по КСРНГ отмечается **рендить** 'моросить, о дожде' в Онежском и Вашкинском р-нах. В материалах XIX века у Подвысоцкого **рындать** '(о снеге) падать' в Поморье. В КСРГК представлен единственный вариант с [ж] **рэнжить** 'моросить о дожде' в н. п. Тихманга Каргопольского р-на.

В Вытегорском р-не в н. п. Бараны бытует лексема **рындяга** 'иней, иней на стенах' с вариативным ударением, возможно это также является производным от заимствованной основы.

У этимологов, разрабатывающих данное гнездо, имелись в распоряжении только лексемы **рянда** и **рянжа**. Калима вариант **рянда** возводил к кар. *rändä*, при фин. *räntä* 'снегопад' [Калима 1912: 90], тогда как Погодин реконструирует вепс. **ränža* в качестве источника этой формы [Погодин 1904: 57]. См. также [Грот 1876: 472; Mesckelein 1913: 62; Фасмер 3: 58]. Сало предполагает заимствование **рянда** из ливв. или люд. [Сало 1966: 228].

Вариант **ряньга**, вероятно, восходит к более позднему карельскому типу, ср. ливв. *ränne* ‘слякоть’ [СКЯМ: 322], при фин. *ränne* ‘мокрый снег, слякоть’, люд. *ränne* ‘сырая погода осенью’ [SKES: 913], *ränñä* ‘мокрый снег’ [KKS 5: 234].

Вариант **рянжа** можно трактовать как результат влияния ливвиковского типа, ср. ливв. *ränžu* ‘грязный, слякотный (о погоде)’ [СКЯМ: 322], *rändžu* ‘то же’ [SKES: 913], ср. также кар. сев. *räntšä* ‘мокрый снег’ после утраты затвора смычного карельского звука.

Следует отметить, что прибалтийско-финское гнездо *ranta* также имеет неисконные корни, ср. литов. *dreñgti* ‘моросить, идти, падать (о снеге с дождем, мокрым снеге)’ [SSAP 3: 126].

В обследуемом регионе анализируемое заимствование имеет три ареала с разной лексической наполняемостью: **рянда** преобладает в Подпорожском, Прионежском, Кондопожском р-нах; **ряндега** в Пудожском и в восточной части Медвежьегорского р-на; **ряньга** в Заонежье. Последний вариант, по-видимому, фонетический вариант недавнего происхождения.

РЯЧКАТЬ

Анализируемое ниже слово уже подвергалось анализу в статье Арзумановой «К вопросу об освоении финно-угорских глагольных заимствований в севернорусских говорах (глагол **рячкать**)» [Арзуманова 1975: 85–90]. Поскольку данная оноματοпоэтическая и дескриптивная единица фиксируется в контексте речи в значительном семантическом объеме звукоподражательной природы, то из большого числа значений глагола **рячкать** мы анализируем значение, тематически связанное с метеорологической лексикой. **Рячкать** ‘греметь, о близких раскатах

грома' отмечено практически на всей территории обследуемого ареала в Медвежьегорском р-не (Палтега, Сенная Губа, Кузаранда, Космозеро, Шильтя, Шуньга, Петры); в Прионежском р-не (Ладва); в Подпорожском р-не в н. п. Пидьма, Курпово, Шеменичи, Яндеба; в Вытегорском р-не (Казаково, Мегра, Ошта); в Пудожском р-не (Песчаное, Челмужи, Гаукса, Каршево).

В словаре Куликовского отмечается **рячкать** 'греть' в Петрозаводском уезде. В н. п. Согиницы Подпорожского р-на по данным КСРГК отмечается вариант **рѣчкать** в том же значении. Кроме того, фиксируется присоединение к глаголу **рячкать** суффикса мгновенности действия *-ну*, **рячконуть** употребляется примерно в тех же границах: Гром **рячконул**. В КСРГК отмечается **речкануть** в Кондопожском р-не (Гангозеро), в Пудожском р-не (Песчаное).

Калима полагает, что это заимствование из кар. *rätsškeä, rätsätä, rätsis's'ä, räčköä* 'трещать, колотить' при фин. *rätistä, rädätä* [Kalima 1915: 209]. Семантика приведенных Калимой этимонов не соотносится, однако, с семантикой слова в русских говорах, тогда как вепс. *räčkta* имеет именно данное значение 'гроыхать (о громе)'. Но трудно сказать, является ли это значение в вепсском языке исконным или в данном случае перед нами заимствование из русских говоров.

СІБАЙДАТЬ, СІБАНДАТЬ, СИМАЙДАТЬ, СИМАНДАТЬ

Оба варианта отмечаются в значении 'моросить (о дожде)'. Вариант на *-анда-* отмечен в Подпорожском р-не (Юксовичи, Шустрочей); в Вытегорском р-не (Ольхово, Бараново, Казаково, Мегра, Нижняя Водлица); в Прионежском р-не (Суйсарь). В Кондопожском р-не, смеж-

ных с Прионежским р-ном н. п. Лижма также отмечается этот вариант — **сибандать**, ; вариант **сибайдать** зафиксирован в н. п. Кулмукса, Новинка. В Пудожском р-не по данным ПЛГО бытует вариант **сибандать** (Гакукса, Семеново, Шала). В н. п. Лижма **сибандать** употребляется также в значении ‘семенить — о человеке’.

В словаре Куликовского данное заимствование представлено без территориального выделения вариантов: «**сибандает, сибайдает** (Никул. вол., Песчан. Кондужи, Коштуги, Ошта). Идет мелкий дождь». Выделенный Куликовским ареал включает в себя в современном административном делении Вытегорский и Пудожский р-ны.

Погодин полагает, что это заимствование из вепсского языка — вепс. *sibaita*. Калима не включает анализируемые лексемы в перечень прибалтийско-финских заимствований, вследствие чего Фасмер говорит о неясности происхождения этих слов [Фасмер 3: 615].

На наш взгляд, локализация данного заимствования в основном в местах адстратного влияния вепсского языка позволяет держать предположение о вепсских корнях этих слов. В СВЯ отмечается лексема *sibaitta* с тем же значением.

Очень близко к приведенному выше заимствованию **симандать, симайдать** ‘моросить — о дожде’. Вариант **си́майдать** зафиксирован в н. п. Шуньга Медвежьегорского р-на и в н. п. Каршево, Семеново, Авдеево Пудожского р-на; **си́мандать** отмечено только в н. п. Вознесенье Подпорожского р-на. По-видимому, он восходит к вепс. *simotada* ‘моросить’.

Распространен вариант **сибандать** преимущественно в Подпорожском, Вытегорском, Прионежском, части Кондопожского р-на. Причем, в Заонежье слово **сибайдать** не зафиксировано.

СИТЕГА

Ситега ‘моросящий дождь’, **ситежить** ‘моросить о дожде’ зафиксировано в основном в Заонежье (Кузаранда, Космозеро, Ламбасручей, Шильтя, Палтега, Великая Нива, Сенная Губа, Кижы, Загубье, Челмужи); а также в прилегающих к Медвежьегорскому р-не н. п. Пяльма, Каршево, Песчаное Пудожского р-на и в н. п. Валдай, Вожма Гора Сегежского р-на. Сало записала варианты **ситега**, **ситёга** в н. п. Колежма, Шуерецкий, Вирма, Беломорья Карелии.

В словаре Куликовского имеются четыре лексемы **сетуха** ‘мелкий дождь’ в Каргопольском уезде и **ситега** с тем же значением в Петрозаводском, Пудожском, Вытегорском уездах и в Заонежье; **ситоха** — только Каргополье, также как и **ситуха**.

Ситега, **ситежить** отмечаются также в материалах Певина и Георгиевского. В современных говорах Обонежья наблюдается некоторое сужение ареала, хотя по данным КСРНГ **ситега** отмечается в н. п. Девятины Вытегорского р-на, это единичная фиксация.

Калима, не опровергая совсем мнение Погодина об финском этимоне *siide*, считает, что варианты **ситяга**, **ситник**, **ситуха**, **ситовник**, **ситивень** (Север, Даль), являются результатом более поздних процессов народной этимологии из **чилега**, **чит** ‘моросящий дождь’.

Сало, соглашаясь в общем с рассуждениями Калимы, полагает, что «поморское **ситега**, **ситёга**, по всей вероятности, заимствовано из карельского языка: *tšite* ‘мелкий дождь’» [Сало 1966: 251]. Достаточно трудно сказать, является ли данный материал изначально мотивированным на русской почве (*дождик, как из сита*), или все же испытал какое-либо воздействие смежных прибалтийско-финских языков, материалы которых близки к русским диалектным по форме и семантике, ср. фин. *siide*, *siitää*,

ливв., люд. *tšite*. Ср. **сйтить** 'идти — о мелком дожде' (Рыбинский р-н Ярославской области), **ситóша** 'морозящий дождь' (Судайский р-н Костромской области), отмеченные в ЯОС.

ТУХА, ТУХКА

Туха 'метель, пурга' отмечено в Вытегорском р-не (Андома); в Подпорожском р-не (Юксовичи, Шустручей). Кроме того, в н. п. Андома отмечен вариант **туша** в том же значении. на смежной территории по данным картотеки КСРГК **туха** 'метель' отмечается в основном в говорах Вологодской области в Кирилловском, Череповецком, Белозерском р-нах.

Впервые данная лексема отмечается Герасимовым: **туха** 'снежная метель' [Герасимов 1893]. Он же предположил, что это слово восходит к фин. *tuisku* 'метель'. Калима считает, что это заимствование из вепс. *tuhu* 'метель, пыль' [Kalima 1915: 229]. В прибалтийско-финских языках соответствующая лексема имеется в ливв., люд. *tuhu* 'метель, пурга'. Авторы SKES классифицируют прибалтийско-финское гнездо как оноματοпоэтическое, дескриптивного характера [SKES: 1383]. Вариант **туша** находит сопоставимые единицы на карельской почве, ср. ливв. *tuišku* 'метель'. Подтверждением вепсской этимологии служит ареальная дистрибуция этой лексемы — Южное Прионежье и Белозерский край.

В н. п. Ошта Вытегорского р-на зафиксирован, по-видимому, словообразовательный вариант **тухка** 'метель', хотя наличие в вепс. слова *tuhk* 'пепел, зола' не исключает возможности контаминационного влияния.

УЖБЕГА

Весьма примечательна лексема **ужбега** ‘иней’, зафиксированная автором в 2001-ом году в Сегежском р-не (Дуброво). Первоначально в нашем распоряжении имелся только глагол **обужить** ‘покрыться инеем’, что и вызвало предположение о существовании субстантива, который и был обнаружен. Данная единица восходит к карельским источникам, ср. кар. сев. *usva*, *ušva*, *ižva* ‘иней’, ‘очень легкий сухой снег’, ‘туман’ [SKES: 1555], ливв. *udžu*, *udžve* ‘иней, изморозь’, ‘инистая мгла’ [СКЯМ: 402], кар. твер. *ižva* ‘иней’ [СКЯП: 320], люд. *udžve* ‘иней’, при сам. норв. *osve* ‘мокрый, липкий снег’, фин. *usva* ‘туман, густой туман’, ‘толстый слой инея’ [SKES: 1554, 1555]. Переход [в] > [б] произошел уже на русской почве.

УХКА, УХТА, УШКА

Ухка ‘снег с битым льдом на поверхности воды’ отмечено в Прионежском р-не (Ладва, Машезеро, Заозерье, Ялгуба); в Кондопожском р-не (Лижма, Тулгуба, Гангозеро). В н. п. Новинка Кондопожского р-на и в Прионежском (Суйсарь) отмечено значение **ухка** ‘снег с водой, вода на поверхности льда’. В н. п. Юковичи Подпорожского р-на бытует значение ‘лед, образовавшийся поверх основного’.

Вариант **ухта** ‘снег со льдом на поверхности воды’ отмечен в н. п. Колгостров Кондопожского р-на; вариант **ушка** ‘снег на поверхности воды’ — в н. п. Согиницы Подпорожского р-на. Словарь Куликовского представляет два варианта заимствования — **ухка** ‘снег на льду или мелкий раскрошившийся лед’ в Петрозаводском и Каргопольском уездах; **ухта** в Колодозере Пудожского уезда.

По ПЛГО слово **ухка**, зафиксированное в Пудожском уезде Куликовским, обнаружить не удалось, только в КСРГК

имеется **ухка** ‘верхний слой льда белого цвета’, отмеченное в н. п. Колгостров Пудожского р-на. На смежной территории **ухка** ‘снег с водой на льду’ бытует в Плесецком р-не. Сравнивая материалы прошлого века с современными, можно сделать вывод о сужении ареала анализируемого заимствования.

Погодин считает, что это заимствование из фин. *uhku* [Погодин 1904: 64]. Калима ставит на первое место карельские материалы кар. *uhku* ‘снежное месиво, шуга’, не исключая при этом вепсскую этимологию — вепс. *uhk* ‘шуга, сало’ [Kalima: 234–235]. SKES, анализируя этимологию слова фин. *uhku* ‘тонкий слой льда, образовавшийся из воды, вышедшей из-под льда или поверхности земли’ более распространенном в диалектах, также придерживается версии карельско-вепсского происхождения русских данных. Ср., однако, ливв. *uhku* ‘замерзающая вода, выступившая на лед’, люд. *uhku*, *uhk* ‘шуга, снег с водой на льду’, вепс. *uhk* ‘шуга’ (SKES, 1514–1515).

В словаре Даля дана лексема **бұхта** «вода, насыщенная снегом на льду», зафиксированная в Архангельской губернии. Фасмер, вслед за Калимой, относит ее к заимствованиям из фин. *uhku* [Фасмер 1: 256]. Но отсутствие других фиксаций данного слова ставит под сомнение форму слова Даля.

ЧИБАНДАТЬ, ЧИБАЙДАТЬ, ЧИБАДАТЬ, ЧИБОНДАТЬ, ЧИБОДАТЬ, ЦЫБАНДАТЬ

Вариант **чйбандать** в значении ‘моросить — о дожде’ зафиксирован в Подпорожском р-не (Заозерье, Ульино, Курпово, Пидьма, Согиницы); вариант **чйбайдать** с тем же значением бытует в Прионежском р-не (Заозерье, Паднаволоок), В Кондопожском р-не (Кулмукса, Тулгуба). Причем в Кондопожском р-не (Тарнога) имеют распро-

странение оба варианта: **чибандать** и **чибайдать**. В Подпорожском р-не отмечена форма **чйбадать** — (Яндеба), **чйбондатель** — (Согиницы). Установлена изолированная фиксация варианта **чибандать** в Пудожском р-не (Авдеево), где также употребляется глагол **сймандатель**. Вариант **цйбандатель** ‘моросить’ бытует в Пудожском р-не (Корбозеро), сходный вариант дает Куликовский: **чйбарить** с тем же значением в Пудожском уезде.

Калима, оперируя материалами Куликовского, возводит их к кар. *čibaŋtta* ‘моросить, накрапывать — о дожде’ [Kalima 1915: 240]. На наш взгляд, более вероятна вепсская этимология, вепс. *čibaita, čibaidota, čipitada* с одним и тем же значением ‘моросить — о дожде’. Ареальная дистрибуция этого заимствования также свидетельствует в пользу сопоставления вепских данных, поскольку анализируемые лексемы распространены в основном в р-нах с вепским адстратным влиянием. Варианты на *-анда-*, характерные для южного Прионежья [см. Азарх 1973] доминируют в прионежской части Подпорожского р-на; варианты на *-айда-* фиксируются в близких к Заонежью ареалах в Кондопожском и Прионежском р-нах, они могут являться результатом людиковского влияния или аналогии более распространенных здесь моделям на *-айда-*.

ША́КША

Шакша ‘слякоть, грязь’ отмечено только в Кондопожском р-не (Гангозеро). По-видимому, это сдвиг значения от **шакша** ‘остатки от вытопленного масла’, зафиксированного в Прионежском, Вытегорском и Подпорожском р-нах.

Материалы прошлого века отмечают оба эти значения; у Певина — **шакша** ‘грязь, несколько подсохшая’;

в н. п. Коштуги Вытегорского уезда 'засохшая грязь' и в Заонежье.

Вне Обонежья слово зафиксировано по данным КСРНГ в Костромской области — **шакша** 'грязь'. — Весной на дорогах **шакша**. По КСРГК — **шакша** 'осадок, в жидкости' — в Чудовском р-не.

Калима, оперируя данными Куликовского, возводит их к кар. *tšakšu* 'остатки от растопленного масла': «Русское слово кажется подлинным в выражение начального š, удивительным кажется слово **рокша** 'шкварки'», которое он также предлагает выводить из карельских данных, хотя ему не известна мена [š] > [r] на прибалтийско-финской почве, но он полагает, что имеется чередование в эстонском: эст. *hähn* — *rähn* 'дятел' [Kalima 1915: 244].

По-видимому, данную лексему следует отнести к вепсскому этимону, ср. вепс. *šakšud* 'выжимки, остатки после выжимания сока, масла; шкварки, вытопок'. Сходная форма топонимического наименования **Шокша** — н. п. в Прионежском р-не, по-видимому, подтверждает вепсскую этимологию.

ШУГА

Слово **шуга** с семантикой 'мелкий битый лед, мелкий лед со снегом на поверхности воды' отмечено на всей территории обследуемого региона, но фиксации его не выявляют сплошного распространения, только спорадическое бытование в говорах. **Шуга** отмечено в Пудожском р-не (Авдеево, Римское); в Сегежском р-не (Валдай, Вожма Гора); в Вытегорском р-не (Ошта, Мегра, Андома); в Подпорожском р-не (Шустрочей); в Кондопожском р-не (Кулмукса); в Медвежьегорском р-не (Шуньга, Кузаранда, Великая губа). В Пудожском р-не отмечено значение **шуга** 'донный лед в болотных ямах'.

На смежной территории лексема **шуга** зафиксирована по данным КСРГК в Североморском, Терском, Беломорском р-нах, а также в окрестностях г. Кандалакша. С ударением на втором слоге, как в литературном языке, **шугá** спорадически бытует в Медвежьегорском, Пудожском р-нах, а также в Онежском, Терском и в р-не г. Кандалакша.

В обследуемом регионе зафиксированы также фонетические варианты заимствования: **шуг** с основным значением в Пудожском р-не (Кривцы), в Медвежьегорском р-не (Федотово, Кузаранда, Шуньга) и в Сегежском р-не (Вожма Гора, Валдай); на смежной территории в Беломорском, Терском, Каргопольском, Кемском, Белозерском, Кирилловском р-нах. Материалы по Терскому р-ну даются также словарем Меркурьева — **шуг** 'шуга' (Оленица).

Вариант **шух** с основным значением бытует в Пудожском р-не (Корбозеро), а также на смежной территории в Терском, Плесецком, Каргопольском, Кирилловском р-нах.

Вариант **шук** с основным значением отмечен в н.п. Бураково Пудожского р-на: — Мелкий лед больше **шуком** зовут.

В примыкающих к Обонежью р-нах по КСРГК отмечено еще три варианта **шуйгá** 'мелкий битый лед' в Чудовском р-не; **шуй** 'то же' в Лодейнопольском р-не (Бор) и **шугóй** 'то же' в н.п. Чапома Терского р-на.

Материалы КСРНГ предлагают обширный свод территориальной дистрибуции данного заимствования. С ударением на втором слоге, аналогично литературному варианту **шугá** распространено по всей Сибири, включая области Иркутскую, Томскую, Новосибирскую, Красноярскую, Кемеровскую, Тюменскую, а также Камчатку и Приамурье. В пермских и вологодских говорах это слово

также употребляется с таким же ударением. В Архангельской области фиксации прошлого века дают ударение на первом слоге **шúга** ‘пльвущий мелкий лед’, ‘появляющийся осенью на реках лед или обмерзлые комья снега’ (Опыт), а материалы недавнего времени — преимущественно с ударением на втором слоге. В словаре Даля имеются три варианта **шугá**, **шуг** ‘сало, первый осенний лед, который сплошь несетя по реке с обмерзлыми комьями снега’ (Волог., Перм., Арх., Сиб.) и **шúя** ‘шуга, мелкий лед’ (Вят.). В словаре Куликовского представлены также три варианта **шúга** с ударением на первом слоге в Вытегорском, Лодейнопольском, Пудожском уездах; **шух** — в Каргопольском уезде; **шуг** — в Пудожском уезде с общим толкованием «большие комья снегу, пльвущие по реке, снег вместе со льдом, образующийся в реке осенью от заморозков». — **Шугу** понесло, дак скоро станет река.

Подвысоцкий дает четыре варианта: **шúгá**, **шуг**, **шух** в Онежском, Мезенском, Кемском, Кольском уездах и **шúя** ‘лед, носящийся густыми массами в море, опасный для судов’ в Поморье.

Следует отметить, что выводы об ареальной дистрибуции анализируемого слова делать неправомерно, ввиду естественного влияния общенародного **шугá**, с ударением на втором слоге. Однако, следует отметить, что в Обонежье более распространен вариант с ударением на первом слоге.

Веске рассматривает анализируемое заимствование как результат эстонского влияния эст. *soga* [Веске 1890: 80]; Калима сопоставляет с фин. *sohjo*, *sohju* ‘слякоть, шуга, сало’, замечая при этом некоторое фонетическое несоответствие [Kalima 1915: 248]. Ольгович считает, что фонетического несоответствия нет, и что «фонетические изменения, происшедшие в слове, вызваны определенными причинами. Так, исконно мягкий для русского языка

звонкий звук фрикативный [ɣ] оказал воздействие (меж-слоговая ассимиляция) на глухой звук [h] (который русскому языку не свойственен, а потому в данном положении оказался замененным русской звонкой фонемой /ɣ/). Начальный свистящий согласный перешел в шипящий, возможно, под влиянием звукоподражательных слов, обеспечивающих шумы. Наличие лабиализации в безударном первом слоге привело к замене звука» [Ольгович 1963: 51].

SKES, считая прибалтийско-финское слово оноματο-поэтическим, дает материалы записей Элиаса Ленрота, Даниеля Услениуса, Густава Ренвала, Христфрида Ганандера, у которых была зафиксирована форма *suhju*, как наиболее близкая для русских говоров [SKES: 1054].

Тюркская этимология Преображенского скорее всего должна быть отвергнута, но столь широкое распространение лексемы **шуга** вне зависимости от его литературного эквивалента, вызывает, по нашему мнению, определенные сомнения только в прибалтийско-финском источнике. Матвеев также сомневается в карельской этимологии Калимы, исходя из анализа формы этимона и русского слова [Матвеев 1959: 19]. Вряд ли стоит пренебрегать тюркскими данными, как одним из источников слова **шугá**, акцентологический тип которого вступает в явное противоречие с прибалтийско-финской версией происхождения, ср. тюрк. **sohuq* ‘холод, мороз’ [СГТЯЛ: 15].

ЮДЕГА

Юдега ‘первый тонкий лед’ отмечено только в н. п. Юксовичи Подпорожского р-на, там же отмечен глагол **заю-дять** ‘замерзать — о начале ледостава’ в безличном употреблении — **заюдило**.

В словаре Куликовского отмечается **юдать** «покрываться льдом» как свирское, также в материалах Георгиевского по Петрозаводскому уезду. Возможно сюда же относится **юга** «гололедица» (р. Свирь), зафиксированное в словаре Куликовского.

Калима полагает в отношении глагола **юдать**, что это заимствование из фин. *hyytää* ‘покрываться льдом’ [Kalima 1915: 249]. На наш взгляд, предпочтительней вепсский этимон вепс. *üüdada* с тем же значением, вследствие более близкого фонетического соответствия. SKES, анализируя фин. *hyu* ‘ледяная каша, шуга; иней’, при фин. *hyude* ‘иней, шуга’, вепс. *hüdeg* ‘иней’, водск. *üü* ‘ледяная каша, шуга’, эст. *üüde* ‘лед на дне моря осенью’, склоняется также к вепсской этимологии, хотя и допускает ливвиковскую [SKES: 94].

Лексема **юдега** ‘иней’ (р. Свирь) у Куликовского, по данным КСРГК отмечена в Тихвинском р-не. В архангельских говорах отмечается вариант **гүдега** ‘иней’ (Второе Доп.); ‘густой в виде снега иней на деревьях’ (Подвысоцкий — с пометой «повсеместно»). У Подвысоцкого и Даля отмечается вариант **густега**, по мнению Калимы это результат народной этимологии. В КСРГК фиксируется **гудевá** ‘иней’, ‘сосульки на бороде’ в н. п. Сумский Посад Беломорского р-на; а также глагольный дериват **огүдеветь** ‘заиндеветь’: — Борода **огүдевила**.

Калима рассматривает оба эти варианта вместе, предполагая карельский источник, ср. кар. *huueh*, ген. *huudehen* [Kalima 1915: 93–94], Погодин возводит к теоретически им выведенной вепсскую форму **huudege* [Погодин 1904: 23]. На востоке Северо-Запада фиксируется вариант **хүдега** ‘снег на ветках’, что Матвеев рассматривает как более точное соответствие прибалтийско-финскому оригиналу [Матвеев 1995: 31]. На наш взгляд дифференциация [г], [j] и [x] связана с различными субстратными

основами этих вариантов, в большинстве своем имеющих различную ареальную привязку. Начальному [г] обычно соответствуют вепские источники, ср. вепс. *hudeg*, *hüüdög* или люд. *hüdeh*; начальному [х] — карельские; появление [j] возможно и на русской почве.

ЮРАНДАТЬ, ЮРАЙДАТЬ, ЮРАХТАТЬ

Представляемая ниже лексика также распространена практически по всему региону, но фиксируется с невысокой частотностью. Семантика ее имеет четко выраженную оппозицию глаголу **рячькать**,. Если последний имеет значение 'греть — о близких раскатах грома', то приводимые слова с различной ареальной дистрибуцией имеют значение 'гроыхать — о далеких раскатах грома'.

Юрандать распространено в Подпорожском р-не (Пидьма, Яндеба, Шеменичи, Шустручей, Согиницы, Курпово), в Вытегорском р-не (Казаково), в Пудожском р-не (Гакукса), в Прионежском р-не (Суйсарь, Ладва), в Кондопожском р-не (Тулгуба).

Слово **юрахтать** по данным ПЛГО зафиксировано в н. п. Челмужи Медвежьегорского р-на и в н. п. Заозерье Прионежского.

Куликовский в словаре не разделяет территориально два варианта **юрайдать**, **юрандать** «шуметь, гроыхать» фиксируя их в Пудожском, Вытегорском уездах, по р. Свири. Филимонов отмечает **юрандать** «греть». — Начало **юрандать**, дак даст Бог и дождика.

Калима приводит в качестве этимона ливв. *jürize-*, вепс. *guraidab* — 3-е л., фин. *jyristä*. Лесков предпочитает только карельскую этимологию. Погодин на первое место ставит вепские источники [Лесков 1892: 103; Погодин 1904: 12, 71; Kalima 1915: 249].

В Пудожском р-не (по КСРГК) и в н.п. Яндеба Подпорожского р-на отмечено также **юркать** в том же значении, а в н.п. Курпово у некоторых информантов прослушивается [o] после [p] — **юрондать**. По данным КСРГК вне обследованного региона представлены также слова **юрнуть** в Чудовском, Лодейнопольском, Тихвинском р-нах; **юрить** в Тихвинском, Киришском р-нах.

Префиксальный дериват **заюрить** ‘загремять — о грома’ бытует в Чудовском р-не. Не удалось зафиксировать **юрá** ‘гром’ (Шуньга), представленное в словаре Куликовского; у него же отмечено **гурандать** ‘тихо греть — об отдаленном грома’ (Петрозаводск., Вытегорский уезд) также, по-видимому, вышедшее из употребления в данном значении в связи с омонимией **гурандать** ‘ворковать — обычно о голубях’, зафиксированной на той же территории. Омонимия в достаточно близких по значению словах, по выражению Доза, *homonymie intolérable* [Dauzat 1922], часто приводит к вытеснению одного из слов, в данном случае слова со значением ‘тихо греть — об отдаленных раскатах грома’.

В КСРНГ отмечено также **гурать** ‘греть — о грома’ в н.п. Ендогуба Беломорского р-на. По материалам ПЛГО впервые отмечено слово **юлейдать** ‘греть — о близких раскатах грома’ в н.п. Авдеево Пудожского р-на. Это слово можно соотнести с кар. *julissa* ‘шуметь, греть, выть’ [KKS 1: 520], при вепс. *jurāta, güreita* ‘греть, гроыхать’, фин. *juristä, ylähtää* ‘об отдаленном грома’.

В КСРГК отмечается **гумайдать** ‘греть — о грома’ в Кемском р-не, по нашему мнению, возможный этимон в кар. *jumissa* ‘гудеть, шуметь’ [KKS 1: 524] фин. *jumistä, jumähtää* ‘греть, грохнуть’.

ЯРМЕГА

Слово **ярмега** ‘иней, иней над притолокой’ зафиксировано в Пудожском р-не (Авдеево, Каршево, Песчаное, Пяльма), в примыкающем к Пудожскому р-ну н. п. Челмужи Медвежьегорского р-на; в н. п. Ладва Прионежского р-на; в н. п. Шустручей Подпорожского р-на. Кроме того, в н. п. Пяльма отмечен глагол **объярмовать** ‘заиндеветь — о бороде, усах’.

Первая фиксация представлена в КСРНГ в материалах Георгиевского: **ярмега** «иней от дыхания в зимнее время, покрывающий воротник и проч.» в Петрозаводском уезде. Лексема **ярмега** с фиксацией на территории Обонежья и Посвирья позволяет предположить, что данная единица может являться результатом вепско-саамского влияния, ср. саам. норв. *œrbme* ‘мелкие снежинки’, *œrmo* ‘туман со снегом’, при саам. лул. *häremu* ‘дождь, перемежающийся с выпадением измороси’, которые восходят к источникам финского типа [SKES: 99], при исторически первичном саамском варианте *sina* ‘иней на земле’ [KOLTKS: 498], финскому [h] довольно регулярно соответствует саамское [s]. Бытование лексемы **ярмега** преимущественно в зоне вепского воздействия позволяет возводить ее к вепскому источнику, а начальный [j] объясняется следующим образом: на территории с вепским субстратно-адстратным воздействием начальное прибалтийско-финское [h] субституируется русским [г], с карельским — фонемой [x] (см. также выше слово **юдега**). Ср. также: люд. *härm*, ‘иней’, при фин. *härmä*, эст. *härm*, прибалтийско-финское гнездо в свою очередь возводится к латыш *sarma* ‘иней’, литов. *šarma* ‘иней, замерзшая роса’. В вепском языке, по-видимому, заимствование из балтийских языков или не нашло места, или не сохранилось. Исходя из ареальной дистрибуции,

а также из анализа современных адстратных отношений можно предположить, что как в западном, так и в восточном Прионежье данное заимствование имеет люди-ковские корни. Однако преимущественное распространение слова **ярмега** на востоке Онежского озера требует дальнейших исследований.

Сельскохозяйственная лексика

Сельскохозяйственная терминология крайне важна для лексической системы говоров Обонежья. Для ряда реалий существуют только неисконные наименования. Кроме того, удалось зафиксировать ряд материалов, которые не отмечались ранее вообще либо не анализировались с этимологической точки зрения. Доминируют в этой тематической группе наименования подсечно-огневого земледелия и лексика сенокосения.

ВЕРА́НДА

По данным ПЛГО анализируемое слово имеет значительную частотность фиксаций в значении 'куча сучьев на подсеке', предназначенная для сжигания; оно отмечается в Медвежьегорском р-не (Шильтя, Великая Нива, Вырозеро, Палтега, Фомино, Толвуя, Шуньгский Бор, Тявзия, Падмозеро, Ольфимово), в Пудожском р-не (Римское, Песчаное), в Кондопожском р-не (Гангозеро, Лижма), в Прионежском р-не (Суйсарь), в Подпорожском р-не (Юксовичи). По данным КСРГК и КСРНГ эта лексема в форме **вирáнда** бытует в Онежском, Холмогорском, Каргопольском р-нах в том же значении. Гусева добавляет еще одно значение — **верáнда** 'скривленное дерево, годное только на дрова' [Гусева 1971: 128]. Михайлова, на

наш взгляд, не совсем оправданно включает слово **виранда** в тематическую группу болотной лексики на основании, по-видимому, окказиональной фиксации — **виранда** ‘густой непроходимый кустарник, частый мелкий лес на болоте’ [Михайлова 1986: 85].

В словаре Куликовского представлены варианты, которые отсутствуют в настоящее время в говорах: **выр́анда** «новь в лесу», **выр́анда**, **выр́и́нда** ‘куча хвороста’. У Подвысоцкого слово **ви́ранда** дано в двух значениях: ‘нарубленный сухой хворост’ в Онежском уезде и ‘распаханное поле, где был лес’ в Кемском. В СРНГ в материалах прошлого века слово **виранда** ‘куча хвороста на подсеке’ зафиксировано в Каргопольском уезде.

В АОС представлены варианты с точной географической пометой и абсолютно адекватным толкованием: **выр́анда** ‘большая куча веток, сучьев и т. п., предназначенная для сжигания на месте, очищенном от леса под пашню’ в Няндомском районе (Ступино) [АОС 8: 133]; сюда же относятся варианты **вор́анда**, **бор́анда** (Няндомский р-н), **вира́ш** (Плесецкий р-н).

Калима возводит данные Подвысоцкого и Куликовского к люд. *verand* ‘куча хвороста в поле’, но дает не совсем точный эквивалент, фин. *rovio* ‘костер’ с иллюстрацией из люд.: — «*Rižut kerätou verandō peldol, nurmel poltetau*». ‘Хворост собирают в кучи на поле, на лужайке сжигают’ (С. М.) [Калима 1915: 87]. На наш взгляд, вепс. *verand* ‘костер при сжигания подсеки’, входящее в гнездо вепс. *viritada* ‘зажигать, разжигать’, *vir’itez* ‘растопка’ (СВЯ, 635, 636), также может являться источником русского диалектного слова. Ср. также ливв. *virittä* ‘разгореться, загораться, зажигаться’, *virites* ‘растопка’ [СКЯМ: 436], фин. *virittä* ‘разжигать’ [SKES: 1783]. Фасмер повторяет версию Калимы [Фасмер 1: 318]. Лексема **вира́ха**, согласно Калиме, также связана с преды-

дущим материалом [Калима 1915: 87]. Следует отметить, что ранее лексема **вира́нда** / **верáнда**, вероятно, имела более широкий ареал, об этом свидетельствуют данные гидронимии, ср. **Веранда** — река в Подпорожском районе близ н. п. Юксовичи [ПЛГО, СГБРС 2], **Верандозеро**, **Верандручей** в бассейне р. Свири [СГБРС 2], **Вирандозеро** — в Беломорском районе (ПЛГО), **Веронда** — река в Новгородской области [Агеева 1989: 213].

В вепсском языке *verand* ‘костер при сжигании подсеки’, мотивируемое, на наш взгляд, глаголом *viritada* ‘зажигать’ является исходным словом.

ГУМЕЖИ

Лексема **гу́межи** ‘поле’ отмечается в Петрозаводском уезде (Куликовский; СРНГ). Вероятно ее сопоставление с вепс. *haimeh*, *houimeh* ‘подсека’, ‘подсечное поле’ [СВЯ: 111], кар. *halmeh*, *halme* ‘подсека, заброшенная подсека’ [KKS 1: 158], люд. *halmeh* ‘подсека’, которые, в свою очередь, являются единицами балтийского происхождения, ср. литов. *želmiõ*, *žalmuo* ‘побег, отросток, саженец’ [SKES: 52].

ЁРПА, ЕРПЯК

Лексема **ё́рпа** ‘кол с сучьями, на котором сушат сено’ отмечается в Кондопожском (Чеболакша), Прионежском (Суйсарь) р-нах; вариант **ёрпа** — в Ладве Прионежского р-на. **Ерпя́к** ‘кол с сучьями в кладке сена’ имеет широкую дистрибуцию в Подпорожском р-не (Сидорово, Ульино, Шеменичи, Яндеба), отмечается в Прионежском р-не (Педасельга). С другим вокализмом — **ярпя́к** ‘кол для снопов’, бытует в Лодейнопольском р-не (Печеницы). **Гёрпы** ‘колья, на которые ставят бабки ржи’ фиксируется

в СРНГ в Петрозаводском уезде. Фонематический вариант **терпяк**, отмечается на той же территории в Подпорожском р-не (Курпово) по данным ПЛГО. Возможно сопоставить данный материал с ливв. *häräkeh* ‘кол с недорубленными сучьями (приспособление для сушки сена)’ [СКЯМ: 86], кар. твер. *häräkeh* ‘кол с недорубленными сучьями (для устройства вешал при сушке гороха, сена); подпорка к изгороди’ [СКЯП: 65], кар. *häräkeh* ‘кол с сучьями, на который кладется сено для сушки’ [KKS 1: 394]. Однако, при сходстве семантики прибалтийско-финских лексем с русскими диалектными смущает не полное фонетическое соответствие кар. [к] и русск. [п], тогда как такого рода варьирование отмечается только в гдовских говорах.

ЁРЧА

Лексема **ёрча** также имеет небольшой ареал — Кондопожский район (см. СРГК, 2, 28), восходит она к карельским источникам, ср. кар. *härtsä* ‘находящийся внутри бабки суковатый кол, который не позволяет снопам развалиться’ [KKS 1: 393]. Вокализм однако, более соответствует вепс. *hörč* ‘жердь с сучками для сушки сена, снопов’ [СВЯ: 142]. Вероятно сюда же относятся слова **ерши, ёрши**; [ш] появилась в результате контаминации с русск. *ёрш*, хотя нельзя исключать и процесс обратного заимствования.

КАГАЧИ

Слово **кагачи** в значении ‘связанные или сплетенные ветви, прутья (ивы, березы и т.п.), которые кладутся на верхнюю часть кладки сена для защиты от ветра и дождя’ в Медвежьегорском р-не (Вырозеро, Загубье, Кос-

мозеро, Палтега, Таммичозеро, Толвуя), Пудожском р-не (Авдеево, Гакукса), Вытегорском р-не (Казаково, Мегра, Ошта), Подпорожском р-не Шустручей), при спорадических фиксациях на этой же территории вариантов: **кóгочи, кóгачи́, кáгочи, кагачи́на**.

Калима возводит данное слово к кар. *kahatšu* 'тонкие, в два пальца толщиной березовые ветки, которые надевают на стоjar, чтобы ветер не уносил сено' [Калима 1915: 98]. Ср. также: ливв. *kahačši* 'связанные прутья, которые кладут на сметанный стог сена, ветреница' [СКЯМ: 116], вепс. *kahač* 'связанные прутья, которые кладут на сметанный стог сена' [СВЯ: 166], кар. сев. *kahattšu* 'сплетенные верхушки ветвей, которые кладут на стог, надевая их на стоjar и прижимая сено' [KKS 2–3]. На наш взгляд, вряд ли стоит возводить слово **кагачи́** к одному источнику, нельзя исключать и вепско-ливвиковское влияние [см. также: Мызников 1995: 22]. Вариант **гáгачи** в основном значении, зафиксированный в Терском р-не Мурманской области КСРГК, вероятно, можно трактовать как недавнее новообразование, определенное современными фонетическими процессами, вследствие неясности внутренней формы. В СРГК толкование этой единицы не дает понятия о реалии, ср.: **гагачи** 'срубленные тонкие березки, связанные или сплетенные вместе, которыми закрепляется сено в стогу' [Терск., Онеж., СРГК 1: 321].

КАЛУ́ГА

Лексема **калу́га** отмечается в нескольких значениях: 'сухие сучья, ветки, несгоревшие остатки на подсеке' — в Пудожском, Плесецком р-нах; в Бабаевском р-не — 'ветви на деревьях'; в Каргопольском р-не — 'выращенная на подсеке репа, собранная в кучу'; 'куча сучьев на подсеке'

в Плесецком, Бабаевском, Устюженском районах. В тематически близком значении однокоренное слово **калужье** отмечается уже в источниках XIX века — ‘выкорчеванные пеньки, мелкие, и обгоревшие сучья и т. п. в лесу (на лесных подсеках, на лесосеках)’ [Бурнашев, СРНГ 12: 368].

Калима, оперируя материалами Куликовского — **калужина** ‘большой кусок, обломок дерева’ [Олон., Куликовский; Вытегор., СРНГ 12: 368], предлагает вепскую этимологию, ср. вепс. *kaluine*, мн. *kaluižed* ‘дубинка’ и *kalu* ‘сожженное дерево на поле’, при ливв. *kalu* ‘дубинка’, с возможной связью русск. диал. **калужина** ‘болото’ (на наш взгляд — мало вероятной) [Калима 1915: 101–102]. Фасмер совершенно справедливо разделяет гетерогенные омонимы **калуга**, **калужа** ‘болото, топь, лужа’, общеславянского происхождения и представленное выше прибалтийско-финское гнездо. К материалам Калимы добавляются новые данные, подтверждающие вепско-карельскую этимологию, ср. ливв. *kalu* ‘щепка, щепка, чурка’ [СКЯМ: 122], кар. *kalut* ‘высохшая часть дерева, хворост, палка, сук, щепка’, ‘несгоревшие остатки ветвей на подсеке’ [KKS 2: 39], люд. *kalu* ‘наполовину сгоревшие остатки деревьев на подсеке’. Авторы SKES полагают, что прибалтийско-финское *kalu*, праформа **kalvi* ‘сухая палка, часть дерева’ соотносится с саам. швед. *kalwo* ‘предмет, вещь’, хотя и не исключают того, что ливв.-люд.-вепс. *kalu* может быть единицей не входящей в это гнездо. Действительно, карельско-вепское значение данного слова отличается от финского, ср. вепс. *kalu* ‘палка’ [СВЯ: 175], и фин. *kalu* ‘вещь, предмет, инструмент’, при том, что вепс. *kaluižed* ‘палки, палочки’ (С. М.) ливв. *kalu* ‘щепка’ явно соотносятся с русскими данными.

Непонятно, однако, в какой связи в вепс. *kalu* ‘палка’ находится русск. *кол*, стар.-слав. **колъ** и ливв. *kalu* ‘щеп-

ка' с литов. *skala* 'щепка' [Фасмер 2: 285], этот вопрос обходят как авторы SKES, так и Фасмер.

КАТАЧ

Катач 'жердь, которую ставят наклонно к стогу для при-
давливания сена' в Медвежьегорском р-не (Кузаранда,
ПЛГО), возводится к прибалтийско-финскому влиянию,
ср. вепс. *katta* 'крыть, накрывать, покрывать' [СВЯ: 188],
ливв. *kate* 'предмет, которым покрывают что-л.; крышка,
покрышка' [СКЯМ: 129], кар. твер. *kate* 'то же' [СКЯП:
91], кар. сев. *kate* 'то же' [KKS 2: 94], люд. *kate* 'то же',
фин. *kattaa* 'крыть, покрывать' [SKES: 171].

КЕДОВИНА, КЕДОВИНЫЕ, КЕТОВИНА, КИТОВИНА

Материалы ПЛГО дают следующие варианты: **кедовина**
(мн. **кедовинья**) 'заброшенная подсека' в н.п. Суйсарь
Прионежского р-на; **кедовинье** 'заброшенная подсека' —
в Кондопожском р-не (Гангозеро, Кулмукса); **кетовина**
'подсека, засеянная во второй раз' в н.п. Черкасы Мед-
вежьегорского р-на; **кедовина** 'место в лесу' в н.п. Ган-
гозеро Медвежьегорского р-на; **китовина** 'скирда' в н.п.
Песчаное Пудожского р-на.

Первая фиксация в словаре Даля: **кедовина** 'залежь,
запуши, запущенная пашня' в Олонецкой губернии с во-
просом к слову. Куликовский дает три варианта: **кедови-**
на 'оставленная, брошенная подсека, уже поросшая ле-
сом' в Янгозере, 'второй раз засеянная подсека' в Кедо-
зере Пудожского уезда; **китовина** 'второй раз засеянная
подсека' в Авдеево того же уезда; **кядовина** 'чаша, за-
росли' в Петрозаводском уезде.

В Доп. Опыт **кедовина** имеет значение ‘заброшенная нива’ в Петрозаводском уезде. В Заонежских материалах Певина **китовина** — ‘лесная поляна’: «На этой **китовине** всегда бывает много ягод. Этих обабков на **китовиньях** сколько хочешь есте».

Калима относит приводимый материал к разным этимонам, слова **кедовина**, **кядовина** (по Куликовскому) — к карельско-ливвиковскому или вепсскому влиянию, давая при этом финское соответствие *ketö*, ген. *kedon* ‘поляна, луг’; лексему **китовина** он возводит к фин. *kytö* ‘подсека’, так же обращая внимание на возможную карельско-вепсскую этимологию [Kalima 1915: 110–111]. SKES представляет карельские соответствия фин. *keto*, которые по форме и семантике близки к русским диалектным словам: ливв. *kedo* ‘подсека со стерней’, люд. *kedo* ‘подсека после первого урожая зерна, поляна’. Вероятно, лексема **кедóвина** с вариантами, репрезентирует карельское влияние, ср. кар. *keto* ‘пар, поле под паром’ [KKS 2: 152], *kytö* ‘выжженный болотистый участок, пожог’ [KKS 2: 539], ливв. *kedo* ‘подсека со стерней’, люд. *kedo* ‘пожог, подсека после первого урожая зерна’ [SKES: 186].

Лексема **китовина** ‘скирда’ своей семантикой несколько выбивается из приводимого ряда заимствований. Изменение значения может быть связано с его диффузией или контаминационным влиянием люд., вепс. *kego* ‘стог’.

КОРГАЧА

Лексема **кóргача** ‘кол с сучьями для сушки сена’ (вероятно мн.) имеет фиксации в Лодейнопольском р-не (Тененичи): — На **коргача** вешали, ветром выдувало сено. Там же (ПЛГО). Возможно, она представляет субстрат вепсского типа, но в настоящее время затруднительно привести сопоставимые данные.

КОРВА

Лексема **корва** ‘нижняя подпора с развилкой на конце’, отмеченная в Прионежском р-не (Суйсарь, ПЛГО), «подпорка стога» Прионеж. [СРГК 2: 421], восходит к вепсским источникам, ср. вепс. *korv* ‘торцовая (с развилкой) подпора для зарода’ [СВЯ: 228], при люд. *korv* ‘подпора в стоге сена’ [SKES: 221]. У Куликовского фиксируется два варианта, относящиеся к этому гнезду — **кóрвач**, **кóрбач** ‘приспособление для развешивания невода’, которые могут быть сопоставлены с ливв. *korvačši* ‘проушина’ [СКЯМ: 154], люд. *korvatš* ‘одна из подпор вокруг стога или скирды’, при саам. кольск. *koarv* ‘кол с развилкой для опоры’ [SKES: 221], ср. также кар. *korvakko* ‘подпора с развилкой на конце, подпирающая кладку сена или костер дров’ [KKS 2: 336]. Имеющиеся значительные данные сибирских русских говоров: **корбас** ‘длинная жердь для развешивания вяленой рыбы’ Колым., Камч. [СРНГ: 14], **карбасина** ‘жердь толщиной в руку’ Сиб., Камч. [СРНГ 13: 81], вероятно, получили распространение в результате русской колонизации. Предшествующие этимологии смешивали гнездо **корва** и **кярбуз**, в силу недостатка данных, против чего свидетельствует различие в типе вокализма [см.: Kalima 1915: 145; Фасмер 2: 322, 441; Аникин 2000: 302].

КУБАЧ

Лексема **кубач** в значении — ‘связка, вязанка соломы, сена, льна’ отмечается в Медвежьегорском, Кондопожском, Прионежском, Пудожском р-нах по данным ПЛГО, а также имеет многочисленные фиксации в Бологовском, Удомельском, Лужском, Окуловском, Демянском, Парфинском, Шимском, Любытинском, Боровичском, Вал-

дайском, Крестецком, Поддорском, Холмском, Хвойнинском, Маревском, Чудовском, Солецком, Батецком, Маловишерском, Мошенском, Старорусском р-нах; сходные данные представлены в лексикографических источниках: **кубач** ‘большая вязка соломы зерновых культур после молочения’ [НОС 4: 167]; ‘связка, вязанка соломы’ — Новгородском, Бокситогорском, Киришском, Любытинском, Чудовском р-нах [СРГК 3: 45]; в СРНГ значение ‘большая вязанка соломы (из нескольких обмолоченных снопов)’ отмечается несколько шире — в Онежском, Тосненском р-нах [СРНГ 15: 380]. Анализируемый материал имеет фиксации в памятниках письменности: **кубача**, **кубачь** ‘сноп; большая связка соломы из нескольких обмолоченных снопов’ в архиве Онежского Крестного монастыря под 1669 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 8: 102]. Фиксируется в произведениях фольклора: — Как бывала тут корова обжорища, По **кубоче** соломы на раз едала [Повен, Гильфердинг 1: 122]. Калима возводит диалектные данные к кар. *kubo* ‘сноп’, ‘связка’, ‘ноша’ [Kalima 1915: 134]. См. также [Фасмер 2: 395–396; Погодин 1904: 34; Meskeleip 1913: 44]. Ср. современные данные по прибалтийско-финским языкам: кар. сев. *kuro* ‘пучок, связка’, ‘пучок, связка соломы’, кар. твер., тихв. *kubo* ‘то же’ [KKS 2: 461], кар. твер. *kuboŕci* ‘связка обмолоченной соломы’ [СКЯП: 118], ливв. *kubo* ‘сноп, связка (льна, соломы и т. п.)’ [СКЯП: 150], ижор. *kuro* ‘вязка соломы, вязанка прутьев, лучины’ [IMS: 210], водск. *kuro* ‘связка соломы, сена’, ‘пук сучьев, цветов’ [VKMS: 128], эст. *kubi*, эст. южн. *kubo*, *kobi* ‘связка соломы, лучины, хвороста’, ливск. *ku’v* ‘пучок, связка, вязанка лыка’, фин. *kuro* ‘связка соломы, льна’ (SKES, 243). Авторы SKES трактуют прибалтийско-финский материал как балтийский по происхождению, сравнивая с литов. *guba* ‘стог

сена', 'укладка из снопов', латыш. *guba* 'куча, ворох', при саамских данных из финского, ср. саам. норв. *guppa* 'куча, стог', 'большая куча ягеля', 'стог со стожаром' [SKES: 243]. На балтийской почве субстантивы являются производными от глаголов, ср. литов. *gaubti* 'покрывать, укутывать, закутывать, выводить свод', латыш. *gubat* 'сгребать сено в копны, зерно в гурты' [Fraenkel 1: 140].

Варианты и дериваты при доминанте **кубач** представляют собой единицы нечастотного употребления, причем даже для лексемы **кубак** можно предположить развитие от **кубач**, а не непосредственно от прибалтийско-финских этимонов: **кубач** — *куб-ач* — *куб* + *ак*.

КЎГРЌВИНА, КЎГРЫ

Данные лексемы до недавнего времени не рассматривались как заимствования. Впервые Михайлова возвела их к вепс. *kuhr* 'небольшая ямка в лесу, на болоте' [Михайлова 1986: 84]. По данным ПЛГО **кугровина** 'куча сучьев на подсеке, предназначенных для сжигания', синоним слова **верáнда**, зафиксирована в Медвежьегорском р-не (Падмозеро, Черкасы, Шуньга, Кефтеницы, Никонова Губа, Фомино). С иным ударением **кугровiна** в н. п. Федотово того же р-на. В н. п. Шуньга также отмечено значение **кўгровина** 'куча мусора на пожне'. В Кондопожском р-не семантика иная — **кўгровина** 'корни вырванного ветром дерева' в н. п. Ладмозеро и 'кочка на болоте' в н. п. Диановы Горы.

Впервые слово **кугры** отмечается в материалах Филимонова в Вытегорском уезде: **кугры** (ед. **кугор**) 'подмытые водой берега реки или озера'. Куликовский повторяет его данные. В СРНГ — **кугровина** 'куча хвороста на лугу' в Петрозаводском уезде.

По данным КСРГК слово **ку́гра** (ж.) зафиксировано в нескольких значениях: ‘яма с водой в лесу’ в Пудожском р-не (Кривцы), ‘яма с водой, прикрытая мхом’ в Плесецком р-не, ‘яма с водой, где мочат лен’ в Каргопольском р-не, ‘сухие, кочковатые места на болоте’ в Вытегорском р-не.

Этимология анализируемых лексем сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. В данном случае **кугры**, **кугра** и **кугровина** синонимы, имеющие разное происхождение. Первые два слова, вероятно, вепсского происхождения, по-видимому, вепсское слово связано с латыш. *kūdra* ‘болото, долина, яма с водой, небольшой пруд, заросшее озеро’ (Мурзаев). Лексема **кугровина** ‘куча сучьев на подсеке, предназначенная для сжигания’, вероятно, следует разграничивать от единицы с семантикой ‘яма в лесу’. Вполне возможна ее связь с фин. *kuhja*, *kuhjo* ‘стог сена’, водск. *kuhja* ‘стог, скирда’, эст. *kuhi* ‘ворох, куча, груда, кипа, стог’, фин. *kuhilas*, *kuhläs*, кар. *kuilaš*, ливв. *kuhlas* ‘суслон, бабка’, вепс. *kuh'ilaz* ‘то же’; возможно, это гнездо восходит к герм. **skūilaz*, швед. *skyl* ‘суслон, бабка’ [SKES: 231; SSAP 1: 425]. Деривация произошла на русской почве, вряд ли **-ровин(а)** восходит к ливв. *rohjo* ‘костер из хвороста, сучьев’, *roblo* ‘большой костер’ [СКЯМ: 310]. Ср. также фин. *kyäs* ‘суслон’, *kyky* ‘то же’, *kykö*, *kykkö* ‘то же’ из балтийских источников, ср. литов. *kūgis* ‘большой стог, скирда’ [SKES: 258].

Ареал распространения слов **кугра**, **кугры** связан с говорами к востоку от Онежского озера и далее с каргопольско-лачскими говорами; фиксация лексемы **кугровина** представлена преимущественно в Заонежье, что, на наш взгляд, также подтверждает их разное происхождение.

КУ́ЛА, КУ́ЛОГА, КУ́ЛОХА, КУ́ЛОЧА

Все варианты употребляются в значении 'прошлогодня некошенная трава'. Вариант **кула** распространен в Пудожском р-не (Гакукса, Римское, Бураково, Колгостров, Авдеево), в Медвежьегорском р-не (Челмужи). На смежной территории форма **кула** отмечается в Вашкинском, Каргопольском, Плесецком, Няндомском р-нах. В ответах на Вопросник ДАРЯ **кула** зафиксирована в Усть-Кубенском р-не.

Потахина записала вариант с иным ударением **кула́** в Каргопольском и Пудожском р-нах. В словаре Куликовского вариант **кула** 'прошлогодня трава' отмечается также на востоке Обонежья в Пудожском уезде (Корбозеро, Колодозеро).

Вариант **кулога** и близкий к нему **кулага** отмечается в Прионежском р-не (Шуя, Кончезеро, Лехнаволок, Ялгуба, Вороново, Заозерье, Машезеро), в Медвежьегорском р-не (Есино). Вне Обонежья материалы на форму **кулага**, **кулога** отсутствуют. В словаре Куликовского **ку́лага** фиксируется в Прионежском уезде (Данилово), а **кулога** в Заонежье. (Весной коровушки и **кулогой** кормятся).

Варианты **кулоха**, **кулаха** также дистрибутированы, как и предыдущие, в одном ареале. **Кулоха** отмечается в Подпорожском р-не (Ульино, Пидьма, Заозерье, Яндеба), в Прионежском р-не (Педасельга, Ладва). Форма **кулаха** записана в Подпорожском р-не (Юксовичи, Курпово). В материалах XIX века зафиксирован вариант с [о] — **кулоха** в значении 'трава, оставшаяся нескошенной' Барсовым; в значении 'трава на лугу от прошлого года' по р. Муромле — Георгиевским. В словаре Куликовского **кулоха** отмечена в Петрозаводском уезде.

Вариант **ку́лача** в основном представлен в южном Прионежье в Вытегорском р-не (Андома, Казаково, Ме-

гра, Ошта); в Пудожском р-не (Шала) по КСРГК зафиксирован вариант с иным ударением — **кулача́**. У Даля — **кулоча** (Олон.), в словаре Куликовского **ку́лача** представлена на той же территории, что и по данным ПЛГО и КСРГК в Вытегорском уезде (Кондужи, Коштуги, Ошта), в Пудожском р-не — на Водлозере. Следует отметить, что в ряде н. п. в значении 'прошлогодняя трава' употребляется словосочетание **лонская́ трава** — Мегра Вытегорского р-на, Челмужи Медвежьегорского. Данный материал имеет давнюю традицию этимологической интерпретации. Погодин возводит его к фин. *kulo*, ливв. *kulo* 'прошлогоднее сено' [Погодин 1904: 37]. Калима предлагает карельско-ливвиковскую этимологию: кар. *kulo*, ливв. *kulo* 'прошлогодняя трава' [Kalima 1915: 140], полагая, что дериваты возникли уже на русской почве. Новые данные по прибалтийско-финским языкам более точно передают их реальную семантику, ср. ливв. *kulo* 'прошлогодняя трава на корню' [СКЯМ: 163], вепс. *kulo* 'прошлогодняя трава' [СВЯ: 244], кар. твер. *kulu* 'сухая прошлогодняя трава' [СКЯП: 121], ижор. *kulo* 'старое сено' [IMS: 217], кар. сев. *kulo* 'о сожженной солнцем, оставшейся нескошенной или слишком поздно скошенной траве' [KKS 2: 426–427]. Авторы SKES, анализируя данный материал в контексте межъязыковых контактов и принимая во внимание латыш. *kula* 'засохшая прошлогодняя трава', 'старая шерсть животного', 'старая шкура змеи' не исключая возможность балтийского заимствования в прибалтийско-финские языки, предпочитают следующие направления заимствования: латыш. — ливск. *kul*, *kul-aina*; при саам. норв. *gullo* 'прошлогодняя трава' из фин. [SKES: 234–235]. Но авторы SSAP уже более определенно говорят о балтийской основе прибалтийско-финского гнезда, приводя соответствия латыш. *kula*

‘высохшая прошлогодняя трава’, литов. *kule* ‘пожар, горение зерновых’, *kuleti* ‘пахнуть горелым’, ‘чадить’ [SKES 1: 432]. Френкель также склоняется к балтийской основе прибалтийско-финского гнезда [Fraenkel 1: 306].

В СВЯ даются лексемы *kulo* и *kulohi̇n* в значении ‘прошлогодняя трава’; нами отмечено, что вепсы, проживающие в Вытегорском р-не, употребляют слово с русским суффиксом: «*Nened kulačud tariš nit'tä neciš sijas huba hi̇n*» (Эту траву надо скосить, здесь плохое сено). А так как суффикс *-č* заимствован в вепсский уже давно, и на его основе идет словообразовательный процесс, то можно предположить, что вариант **кулача** результат субстратно-адстратного влияния вепсского языка.

Выделяя варианты ареалов заимствования, следует остановиться на том, что в Заонежье в значении ‘прошлогодняя нескошенная трава’ употребляется слово **вѣтошь** — в Медвежьегорском р-не во всех обследованных нами н. п., в Кондопожском р-не (Кулмукса, Новинки), в Прионежском р-не (Суйсарь). В н. п. Шеменичи Подпорожского р-на **ветошь** отмечается в значении ‘выкорчеванный, но не вспаханный участок в лесу, поросший травой’. В н. п. Гангозеро Кондопожского р-на зафиксировано сращение предлога с корневой морфемой — **навѣтошь**.

Вариант **кула** преобладает в восточном Заонежье (Пудожский р-н), а также в каргопольско-лачских говорах, где по данным КСРГК эта форма довольно частотна.

Слово **кулага** и фонетический вариант **кулога** образуют островной ареал в Прионежском р-не, не выходя за его пределы.

Вариант **кулоха**, **кулаха** преобладает в Посвирье в Подпорожском р-не и отмечается в смежных населенных пунктах на побережье Онежского озера.

Вариант **кулача**, как и сто лет назад, фиксируется в южном Прионежье в Вытегорском р-не. Теуш приво-

дит еще варианты **күлочь**, **күля** 'прошлогодняя, сухая, оставшаяся нескошенной трава' по данным ЛК ТЭ, но без указания места [Теуш 2003: 107].

Приведенная выше лексика устойчива и имеет многочисленные фиксации у информантов различных возрастных групп. Отсутствие заимствования в Заонежье, по-видимому, связано с более поздними миграционными потоками. Кроме говоров Заонежья по СРНГ данное слово — **ветошь** имеется в вологодских, архангельских и псковских говорах, а также зафиксировано в Сибири. Как микропоним в словаре Герасимова отмечается слово **кулатка** 'пожня'.

КЯРБУС

Лексема **кярбус** 'жердь с сучьями для сушки сена, снопов' фиксируется в Прионежском р-не (Ладва) по данным ПЛГО. В КСРНГ отмечается значение 'сучковатый кол, жердь, служащие остовом кладки снопов' в этом же р-не. В СРНГ превратилось в толкование 'сучковатый кол, жердь, служащие остовом снопа' [СРНГ: 16, 210]. Лексема **кярбус** имеет прямое соответствие в вепском языке, ср. вепс. *kärbuz* 'жердь с сучками для сушки сена, снопов' [СВЯ: 262], ср. также фин. *kärväs* 'высохшее сучковатое дерево, используемое как подставка для просушки сетей', эст. *kärbis*, *kärvas* 'сучковатое дерево, используемое в качестве приспособления для сушки сена, гороха' [SKES: 262]. Из эстонского языка слово вошло в латышский язык, ср. латыш. *kerpas* 'сучковатое дерево, на котором сушат горох, хлеб', 'вешала' [SKES: 263]. Калима, имея в распоряжение только материалы Куликовского: **кярба** 'ствол срубленного нетолстого дерева с обрубками сучьев, служащий примитивной лестницей, по которой поднимаются на верх скирды (преимущественно

на лесных сенокосах' Вытегор., Лодейноп. Олон. [Куликовский; СРНГ 16: 210], сопоставляет их с фин. *kärvoäs* 'суковатая жердь — остов копны; стояк для сети' [Kalima 1915: 145].

КЯРЕГА

Лексема **кярега** 'приспособление для прикрепления косы на рукоятке' фиксируется в Посвирье в Подпорожском р-не (Пидьма, Корба, Усланка, Курпово, Шустручей); вариант **тярега** отмечается в Вытегорском р-не (Казаково, Мегра). Ранее вариант **тярега** 'ремешок из ивовой коры, которым привязывают косу' был представлен в словаре Куликовского в Лодейнопольском (Ошта), Вытегорском (Коштуги, Кондуши) уездах. Калима, а вслед за ним Фасмер сопоставляют слово **тярега** с фин. *tere, teri, terä* 'кожаный ремень, рант обуви' [Kalima 1915: 230; Фасмер 4: 141] Такое этимологическое прочтение было связано с тем, что в словаре Куликовского, на который опирался Калима, отсутствовала основная опорная лексема **кярега**, имеющая прочные семантические и фонетические основания для сравнения с вепс. *käreg* 'завязка, завертка' [СВЯ: 253]. Вепсский этимон мотивирован глаголом вепс. *karauta, karouta, karalta* 'завернуть' [СВЯ: 262], при фин. *kaarria* 'завертывать, обертывать' [SKES: 265]. Впервые на это обратила внимание Рут [Рут 1981: 66–67].

ЛУДЕГА

Слово **лудега** 'место, где полотно косы прикрепляется к косовищу' представлено в словаре Куликовского в Петрозаводском уезде (ныне Прионежский район). Калима возводит данное слово к кар. *luda* 'завязка косы' [Kali-

та 1915: 156]. Исходя из ареала, эта лексема может быть возведена к вепс. **ludeh*, при люд. *luda, lude* ‘завязка косы, полоска бересты’, кар. *luda* ‘завязка из гибкого прута для прикрепления лезвия косы, связывания веника’ [SKES: 315; KKS 3: 190].

НИДЕГА

Слово **нидега** ‘полоска коры, лыка, жести, которой лезвие косы прикрепляется к рукоятке’ бытует в Вытегорском р-не (Анхимово); его вариант **инега** здесь же (Тудозеро, Макачево, Андома, Самино). Рут фиксирует также вариант **мидега** в Вытегорском р-не (Анхимово) [Рут 1981]. Судя по ареалу данный материал восходит к вепсским источникам, однако, соответствия ему можно найти только в карельских диалектах, ср. люд. *niteh* ‘завязка, которой привязывают косу к ручке’, ливв. *nive*, ген. *nidien* ‘завязка’, при фин. *nide* ‘завязка, перевязь’, эст. *nidu, nide* ‘завязка, прут’ [SKES: 368]. Вряд ли правы авторы SKES, помещая вепсский глагол *viioida* ‘закреплять косу на рукоятке’ в прибалтийско-финское гнездо *nitoa, nikoа*, поскольку вепсский материал, в данном случае, восходит к русск. *вить* [SKES: 383]. Хотя вепсский этимон и не зафиксирован в лексикографических источниках, но легко реконструируется — **nideh*.

НУТЬЯ

Слово **нутья** ‘подпоры стога (иногда с развилкой на конце)’ фиксируется в Пудожском р-не (ПЛГО): — Раньше заколья метали, два кола ставили и **нутья** ставили, подпоры-то, сучья с вилкой на конце раздвоенные, а потом сено метали. Пудож. (КСРГК). Ранее фиксировался вариант **нютяги** ‘жерди вокруг стога, перевязанные ве-

ревкой' Петрозав. Олон. [СРНГ 21: 329]. Данный материал не рассматривался ранее в литературе. Вероятно, его возможно соотнести с вепс. **nüteh*, при вепс. совр. *nüt* 'подпора к стогу' [СВЯ: 370], кар. *nyte* 'подпора в заборе' [KKS 3: 564], фин. *nyde, nyte* 'подпора в заборе, в скирде, в стогу', ливв. *nüte* 'подпора в заборе'; прибалтийско-финский материал соотносится с саам. норв. *nitta* 'подпора', морд. эрз. *neze* 'подпора' [SKES: 406]. В СРГК в результате специфического подхода к подаче вариантов слова, оказались смешанными в одной словарной статье гетерогенные омонимы **нудья** 'охотничий костер' и анализируемое слово **нутья** [см. СРГК 4: 52].

НЯРЕГА

Лексема **нярега** в значении 'полоска коры, лыка, жести, которой лезвие косы прикрепляется к рукоятке' фиксируется вблизи Онежского озера — Подпорожский район (Шустручей). Слово **нярега** отмечается на территории, где доминирует вепсское влияние и восстанавливаемый этимон вепс. **näre*, при фин. *näre* 'молодая небольшая ель', фин. диал. 'ель вообще', 'росток, побег ели или сосны', 'маленькая чахлая ель или сосна', ливв. *näre* 'маленькая растущая ель', люд. *näre* 'молодая ель' [SKES: 414], кар. сев. *näre*, кар. твер. *näre* 'молодая ель' [KKS 3: 579]. Сохранившееся в ливв. *näre* 'молодая сосна' является, скорее всего, результатом вепсского влияния в прошлом [SKES: 414].

ПАЙКА

Лексема **пайка** 'прут, которым привязывают косу к рукоятке', зафиксированная в Тихвинском р-не, вероятно отражает влияние языка тихвинских карел, хотя ср. кар.

твер. *raju* ‘вязка, нахлестка, скрепляющая концы грядок в телеге’ [СКЯП: 197], хотя на общеприбалтийско-финской почве эта единица имеет семантику ‘ива’, ср. фин., кар. *raju* [SKES: 465]. Однако нельзя исключать и исконность происхождения этого слова.

ПА́ЛТЕГА

Лексема **пáлтега** в качестве наименования подсеки фиксируется в Прионежском и Подпорожском р-нах, кроме того как ойконим отмечается в Медвежьегорском и Вытегорском р-нах. Ввиду отсутствия фиксаций возможного, но отсутствующего в СВЯ **ралонтего* ‘устройство подсеки’, ср. сходную модель: вепс. *hiinant’ego* ‘сенокос’ [СВЯ: 120], данная лексема, как название подсеки, вероятно, является результатом метонимического переноса от микропонима, ср. кар. *palte* ‘склон горы’: — *Palttiez on huihta meil, paltties heityt toizeh palttieh nossah* (На склоне у нас подсека, один склон заброшен, другой поднимаем) [KKS 4: 143]. Ср. также вепс. *paute, poude, paude* ‘склон, косогор’ [СВЯ: 404], ливв. *paltt’e* ‘безлесный склон горы’, ‘край поля или леса’, формант *-ga*, скорее всего можно сопоставить с люд. *paltteged* ‘склон’ [SKES: 476, см. также ПФГЛК: 70].

ПА́РСКАНЬЕ

Па́рсканье ‘поле в лесу’ отмечается в Прионежском р-не (КСРГК). Вероятно оно связано с вепс. *parz* ‘бревно’ [СВЯ: 402], ливв. *parzi* ‘бревно’ [СКЯМ: 257], при фин. *parsi* ‘матица’, ‘половая доска’ (SKES, 406); сюда же вероятно относится **па́рсельга**, хотя в КСРГК оно представлено как апеллятивная единица ‘место, очищенное от леса и предназначенное для вспашки’ [Кондоп.,

СРГК 4: 399]. Следует отметить, что топонимы прибалтийско-финского происхождения имеют более широкие и достаточно устойчивые ареалы.

РЁХКАЧ

Лексема **рёхкач** ‘десять ржаных снопов, сложенных в кучу’ фиксируется Куликовским в Петрозаводском уезде [см. также СРНГ 35: 79]. Калима связывает данный материал с вепс. *reuk* ‘копна из двадцати снопов льна’ [Kalima 1915: 198], ср. также вепс. *roukk* ‘скирда из овсяных снопов’, *kiviruuk* ‘куча из камней’, ливв. *roukku* ‘куча, поленница’. Причем, прибалтийско-финское гнездо скандинавского происхождения, ср. швед. *rok*, швед. диал. *rauk* ‘суслон зерновых’ [SKES: 848].

РИГЕЛЯ́

Это слово имеет значение ‘вешала в виде остова шалаша для сушки сена’ со следующими фиксациями вариантов: **регеля́** (Лодейноп., Кондоп., Прионеж., ПЛГО), **ригеля́** [Каргоп., Подпорож., Медвежьегор., ПЛГО, Волх., СРНГ 35: 101], **ределя́** (Бокситогор.), **риделя́** (Волх., ПЛГО). Рихтер отмечает, что «название **редель** и реалия широко распространено в северных р-нах Псковской области и в Ленинградской области и является сравнительно поздним эстонским заимствованием» [Рихтер 1968: 177], однако, она не приводит эстонское соответствие, ср. эст. *rehala* ‘гумно, молотильня, крытый ток’ [ЭРС: 453].

РЙЖИ

Рйжи ‘вал из камней’ отмечено в н. п. Челмужи Медвежьегорского р-на. Это впервые зафиксированное слово.

Скорее всего, оно заимствовано из ливв. *rižu* ‘бурелом в лесу, грязь, хлам, мусор’. Так как при полевых работах собирали с поля, пожни не только ветки, сучья, но и камни, каждый год появлявшиеся на пашне после зимы, вполне мог возникнуть перенос по смежности. По-видимому, это заимствование не получило широкого распространения, сведения в КСРНГ и КСРГК об этом слове отсутствуют.

РÓВНИЦА

Рóвница ‘груда, куча камней, собранных с пашни, поля, луга’. Данное заимствование по ПЛГО отмечено в н.п. Палтега, Кажма, Толвуя, Шуньга, Великая Нива, Лисицыно, Тявзия, Падма, Скурнино, Космозеро, Фомино, Падмозеро, Черкасы, Белохино, Ламбасручей Медвежьегорского р-на; в н.п. Бураково, Песчаное, Колгостров, Римское, Авдеево Пудожского р-на; в н.п. Вожма Гора, Валдай Сегежского р-на; в н.п. Ладмозеро Кондопожского р-на. Отмечено это слово и в КСРНГ: — Камни обирали в **ровницы**, идны грудовым зовут. (Никитинская) Медвежьегорского р-на. На смежной территории данное заимствование зафиксировано в Беломорском р-не.

Первая фиксация слова — у Рыбникова: **ровница** ‘куча камней на поле’ в Заонежье. В словаре Куликовского — **рóвница** (Водлозеро, Купецкое), **рóвница** в Заонежье со значением ‘груда камней, собранных на пахотной полосе’. Сведения об этом слове имеются также в материалах Певина.

Калима и SKES полагают, что в русские говоры данное слово пришло из ливв. *raunivo* ‘куча камней’, при водск., фин. *raunivo* с тем же значением [Kalima 1915: 203]. В ряд прибалтийско-финских языков эта лексема

попала из скандинавских языков, авторы SKES сравнивают с др.-норв. *braun* ‘куча камней’.

Ареальная дистрибуция анализируемого слова также подтверждает версию о ливвиковско-карельском источнике данного заимствования, так как слово бытует только в Заонежье и в прилегающих к нему р-нах. Несомненно также то, что данная лексема, попав в русские говоры, подверглась переосмыслению, и благодаря связи с **ровница** ‘ровное место’ (Куликовский), прочно закрепилась в лексике Обонежья.

РОГО́ЗЫ

Лексема **рогóзы** ‘жердь с сучьями, на которой сушат сено’ отмечается в Лодейнопольском р-не (Акулова Гора, Алеховщина), дериват **рогóзка** в н. п. Тененичи Лодейнопольского, Новинка Тихвинского р-нов. Их можно сопоставить с материалами прибалтийско-финского происхождения, ср. вепс. *rag* ‘шест’, ‘хворостина, большой прут’ [СВЯ: 460], ливв. *ruagahaine* ‘небольшое деревце с редкими листьями или сучьями, хворостина’, *ruagu* ‘тонкая палка, прут, удилище’, ‘длинная палка, вбитая во дно озера, верхний конец которой торчит над водой’ [СКЯМ: 314], фин. диал. *raaki* ‘колодезный шест’, эст. *raag* ‘хворостина, прут; голая без листьев ветка’, ‘жердь’, ливск. *rogez* ‘хворостина, прут, срубленный кустарник’, водск. *raka* (pl. *ragad*) ‘хворостина’, ‘ветка хвойного дерева’, люд. *ruag* ‘удилище’, ‘тонкая ветка’, ‘заостренный кол’. Причем, прибалтийско-финское гнездо — скандинавского происхождения, ср. др.-швед. *raa* ‘жердь, на которую прикрепляют ловчую сеть’, ‘рея парусного судна’, совр. швед. *rage, raga*, ‘сухое или чахлое дерево’ [SKES: 701]. Если предположить метатезу первых слогов лексемы **рогoза**, то можно его также сопоставить с фин. *karahka*

‘молодая ель’, ‘ветвь молодой ели’, ‘ветка ели или вообще хвойного дерева’, ‘полузасохшая ель’, при саам. швед. *karek* ‘сук, ветка’, ‘побег, отросток’ [SKES: 161]. Несмотря на неубедительную прибалтийско-финскую версию, весьма сомнительна также связь этого материала с русск. *рогоз* ‘болотное растение’ [Фасмер 3: 490].

СА́РГА

Лексема **сарга** ‘приспособление для прикрепления косы на рукоятку из тонкого прута, ивы, черемухи, рябины’ фиксируется в Медвежьегорском р-не (Кузаранда, Лонгасы, Челмужи), в Пудожском (Гакукса, Песчаное), а также в Беломорском, Лодейнопольском, Тихвинском, Бокситогорском, Бабаевском р-нах (ПЛГО). С ударением на втором слоге **сарга́** слово фиксируется в Пудожском (Пяльма), Вытегорском (Ковжа, Якшино) р-нах, а также в Вашкинском, Каргопольском, Устьянском р-нах. В сходных значениях слово **сарга** распространено на обширной территории от говоров Новгородской области (Батецкий район) до печорских говоров, в обследуемом регионе представляет собой прибалтийско-финский субстрат общего типа, ср. фин. *sarja* ‘ряд’, *sarka* ‘полоска бересты’, вепс. *sarg* ‘полоска, продолговатый кусок чего-л.’, люд. *sard*’ [см. также Kalima 1915: 214]. Причем, коми *sargi* ‘завязка, которой лезвие косы прикрепляют к ручке’, по мнению авторов SKES, заимствовано из русского языка [SKES: 976].

ТУКА́Ч

Лексема **тукач** ‘сноп, связка, охапка соломы или льна’ фиксируется в Подпорожском р-не (Красный Бор, Курпово), Лодейнопольском (Акулова Гора), Медвежьегорском

(Вырозеро), а также на смежной территории в Белозерском, Чагодощенском, Плесецком, Каргопольском, Тихвинском р-нах. Куликовский отмечает её в Петрозаводском, Олонецком, Лодейнопольском, Каргопольском уездах (Куликовский). Калима приводит для сопоставления карельско-вепские материалы, ср. кар., ливв. ген. *tukku* ‘куча, груда’, люд. *tuk*, вепс. *tukk* ‘связка соломы’ [Kalima 1915: 227]. Фасмер повторяет версию Калимы [Фасмер 4: 116]. Новые данные по прибалтийско-финским языкам позволяют уточнить этимологию Калимы, но весьма незначительно, — на первый план выходят вепские данные, ср. вепс. *tuk*, *tukk* ‘вязанка, охапка (сена, соломы, веников)’, ‘ком, кусок’ [СВЯ: 582], при ливв. *tukku* ‘куча’, ‘большое количество, множество’ [СКЯМ: 388], кар. твер. *tukku* ‘куча, груда’, ‘скопление людей, животных, насекомых’ [СКЯП: 307], фин. *tukko*, *tukku* ‘куча, груда’, ‘связка, пучок’; причем прибалтийско-финское гнездо, по мнению авторов SKES, мотивировано исконным глаголом: фин. *tukkia* ‘затыкать, закрывать, набивать’ [SKES: 1387–1388]. Однако, не следует обходить и другие сходные русские данные: **тюк**, **тючок**, **тючитка**, **тючища** ‘связка, вязанка, кипа; увязанный, закупоренный сверток товара’ [Даль 4: 462], которые возводятся к тюрк. **tük* ‘связка, кипа’ [Фасмер 4: 134; Шипова: 340], но являются источником для контаминационных образований, ср.: **тюкачок** ‘охапка соломы’ (Каргоп., КСРГК), **тючок** ‘кучка, скошенная в один мах’ [Арх., Даль, 4: 462]. Трудно судить о сопоставляемости прибалтийско-финского и тюркского гнезд, ср. однако фин. *tukka* ‘волосы’ и фин. *tukko* ‘куча, груда, связка, пучок’ [SKES 1386, 1387], и тюрк., чаг. *tük*, тур. *tuj* ‘волосы’ [СГТЯЛ 197, 198] и тюрк. **tük* ‘связка, кипа’.

ТЮ́ДЕГА

Лексема **тюдeга** имеет единичную фиксацию в н. п. Кулмукса Кондопожского района. Вероятно, ее следует сопоставлять с кар. сев. *tuveus* ‘край пожоги’, вепс. южн. *tuveduz* ‘край ложбины, подсеки’ [SKES: 1465].

ЧЙ́ЛИКИ

Лексема **чйлики** в значении ‘несгоревшие остатки при выжигании подсеки’ отмечается в Заонежье [см. Логинов 1993: 20]. Она представляет собой, вероятно, саамский субстрат, ср. саам. швед. *sila*, при фин. *hiili* ‘уголь’ [SKES: 73].

ЧУ́НЬГА

Слово **чуньга** ‘укрепляющая стожар подпора с развилкой’ Пудож. (Песчаное), Медвежьегор. (Петры) по ПЛГО, не фиксировалось ранее. Вероятно, оно связано с карельским влиянием, ср. кар. *tünga* ‘короткая, часто обломанная часть ветви, крыла’, ливв. *tüngu* ‘обрубок’, при водск. *tünka*, эст. *tünk* ‘обрубок’, фин. диал. *tynka* ‘место на косе, где лезвие прикрепляется к рукоятке’; причем финские материалы XVII века семантически соответствуют русским диалектным, ср.: *tyngēt ia padzatt* ‘подпоры и столбы (изгороди)’ [SKES: 1453], что позволяет предположить наличие сходных данных и в карельских диалектах.

ШАРА́ГА

Лексема **шара́га** ‘кол с сучьями, используемый при сушке сена, снопов’ отмечаемая в Пудожском р-не (Пяльма, Песчаное), в Медвежьегорском (Загубье, Челмужи)

и **шаряк**, бытующая в Подпорожском р-не (Согиницы), может сопоставляться с кар. *šoara* ‘развилка, развилина, раздвоенный сук’ [KKS 5: 454], кар. твер. *šuaara* ‘развилина, раздвоенный ствол или сук; разветвление’, *šuarakkah* ‘развилем, в виде развилки’, ‘клином’ [СКЯП: 279], ливв. *šuaru* ‘развилина, раздвоенный сук’ [СКЯМ: 366], кар. тихв. *šuaara* ‘развилина, раздвоенный сук’. Т.е. на русской почве выделяется корневая морфема *шар(a)-*, а формант *-га* является поздним наращением либо отражением кар. *šoarakko* ‘о сучковатом дереве’, ‘о дереве с многочисленными развилинами’ [KKS 5: 455]. Лексема **шаряк**, с тем же значением, вероятно, также как и **шарага** репрезентируют ранний карельский вокализм, без дифтонгоидности **sara*, ср. фин. вост. диал. *saara* ‘развилина, раздвоенный сук’, ‘дорожная развилка’, люд. *suar*, *soare* ‘развилка (на дереве, у дороги)’ [SKES: 937], вепс. *sara*, *sar*, *sarak* ‘развилина (раздвоенный ствол или сук)’, ‘развилке сохи’, ‘один из отростков рогов лося’ [СВЯ: 497].

ШАХИ

Лексема **шахи** ‘подпоры стога’, зафиксированная в Прионежском р-не (Вороново, ПЛГО), вероятно, является обратным заимствованием, ср. русск. **сохи** ‘подпоры центральной жерди стога’ Пудож. (ПЛГО) и ливв. *šohku* ‘подпора с развилкой’ [СКЯМ: 365], и русск. **шахи**. Вряд ли следует сходные сибирские данные объяснять через тюркское воздействие [Фасмер 4: 415; Абаев: 3, 12–13; Аникин 2000: 694] или влияние хантыйского языка [Матвеев 1959: 78].

ШОРПА

Лексемы **шорпа**, **шорпак** 'суковатый кол с сучьями в кладке сена', отмеченные в Медвежьегорском, Кондопожском, Подпорожском, Вашкинском р-нах, фиксируются также и в других значениях: 'один из зубьев вил', 'острие рыболовного крючка'. В словаре Куликовского имеются следующие материалы: **шорпы**, **шорпакі** (Вытегор., Лодейноп.), **шурпакі**, **шурпачі** (Повен.) в значениях 'колючки', 'сучки', 'зубья вил' (Куликовский).

Калима возводит данные Куликовского к кар. *šorppa*, при люд. *tšorpad*, кар. *tšorppa* 'зубец, зубцы вил' (Калима, 1915, 248). Лесков, представляя слово **шорпаки** (без удар.) 'сучки, неровности на какой-либо поверхности', говорит о его тождестве с кар. *šorpakko* или *šorpu* [Лесков 1892: 102]. Фасмер идет вслед за Калимой [Фасмер 4: 468]. Однако география данного гнезда, в особенности фиксация лексемы **шорпак** в северном Белозерье, позволяет предположить доминирование влияния вепсского типа, ср. вепс. *šorp* 'острый выступ на чем-л. (зуб, зубец, сучок и т. п.)', 'раздвоение копыта', *šorpad* 'сучки мутовки' [СВЯ: 546], при ливв. *šorppi* 'зуб, зубец вил, бороны' [СКЯМ: 366], кар. *šorppa* 'развилина, развилка, раздвоенный сук', 'ножка скамейки', 'зуб, зубец' [KKS 5: 488], фин. *sorppa* 'зубец вил, мутовки, остроги', 'наименование орудия труда с развилкой' [SKES: 1081]. На прибалтийско-финской почве гнездо фин. *sorppa* рассматривается как исконное [SSAP 3: 202]. Не относятся сюда кар. сев. *soapra* 'стог сена' [KKS 5: 454].

Рыболовецкая и охотничья лексика

Общеизвестно, что в рыболовецкой лексике неисконные материалы имеют довольно большой удельный вес. Ис-

следование по ПЛГО и данные новых лексикографических источников предоставляют сведения, которые расширяют наши знания о данной тематической группе, особенно это относится к богатейшая картотеке СРГК и самому словарю, существующему уже в 5-ти томах, и вводящему в широкий научный обиход ценные материалы. К уже известным материалам в 1-м томе СРГК добавляется лексема **вэйга** 'время дня, наиболее удачное для лова рыбы': — Примечают, что рыба лучше всего по **вейгам** идет, это в семь утра, значит, в два часа и в пять вечера, **вейга** — так время называется (Медвежьегорский р-н). Данное слово явно соотносится с вепс. *eig* 'время' (шимозерский диалект), при *aig* в других диалектах [СВЯ: 23]; материалы других языков не соотносятся по типу вокализма, ср. фин. *aika*, кар. *aiga*, люд. *aig*, ливск. *aiga*, саам. норв. *ai'ge* 'время' [SKES: 8]. Исходя из семантики прибалтийско-финского слова и иллюстрации, вероятно, можно уточнить толкование, представленное в словаре, которое, скорее всего, сходно с семантикой вепсского этимона, но узко по сфере употребления — речь рыбаков.

Данные темы весьма сложны для полевого обследования. Не всякий информант, являющийся носителем того или иного говора, может квалифицированно дать нужную информацию. Кроме того, наличие тех или иных рыболовных снастей, а, следовательно, и лексических манифестаций их репрезентирующих, зависит от величины водоема или его типа: ручей, река, небольшое лесное озеро, большое озеро, море. Еще более осложняется полевая работа по диалектной охотничьей терминологии. Охота имела меньшее значение, чем рыболовство, она была лишь вспомогательным источником питания у населения Северо-Запада, что и отразилось на лексической системе севернорусских говоров. Охотничья лексика представляет собой более изолированную терминологическую си-

стему по сравнению с рыболовецкой. Калима приводит в своей работе в разделе «Охота» только несколько лексем: **гáнгас, кóдань, нóдья, пíстега** [Kalima 1915: 256]. Особое внимание при сборе данных уделялось наименованиям архаических видов ловушек. Рыболовные снасти в виде плетеных из прутьев ловушек с одним горлом распространены повсеместно на территории Северо-Запада, что делало довольно легкой задачу сбора лексических данных, репрезентирующих манифестацию данной реальности. Традиционно такого рода ловушки изготавливались из ивовых прутьев, но реже могли делаться и из тонкой дранки, а в последнее время — из алюминиевой проволоки. В первой половине XX века, когда еще сохранялся традиционный вид ловли с помощью рыболовных заголов, верши устанавливались в их проемы. В последнее время ввиду отсутствия такого способа рыбной ловли, верши устанавливаются вне всякого рода сооружений. Следует отметить, что обычно верши используются на небольших водоемах. Кроме того, довольно близкая по устройству, но более совершенная сеть — рыболовная снасть, изготовленная из деревянных обручей, обтянутых сетевым полотном с крыльями и несколькими горлами, может иметь сходную лексическую манифестацию. В некоторых случаях при сохранении формы и внутреннего устройства верши изготавливались из ниток на деревянных каркасных кольцах. Кроме того, исследовались наименования, связанные с рыбной ловлей неводом, которая представляла для населения Северо-Запада способ наиболее верной добычи рыбы, обычно, в крупных размерах. Ловля неводом производилась и в зимнее время.

ГАРВА, ГАРБА, ХАРВА, АРБА

Лексемы **га́рва**, **га́рба** ‘сеть с крупной ячеей’ имеют широкое распространение — Обонежье, Приладожье, Беломорье. Вариант **га́рва** представлен в Опыте: «сеть для ловли семги, окрашенная обыкновенно ольховою корою и имеющая длины около десяти, а ширины от двух до трех сажень» (Кем., Кольск., Опыт); в словаре Подвысоцкого: «ставная, для ловли семги, сеть на кольях, длиною 10–15, шириною в 1–5, а вышиною в 1 сажень, отороченная сверху и снизу тетивою, и прикрепляемая к верхней тетиве веревочкою. . . , на которую нанизывают верхний ряд ячее сети, привязывая. . . (эту веревочку) к тетиве узлом через каждые три ячее. **Гарвы** окрашивают красною из ольховой коры краскою и ставят их по несколько рядом, в небольшое между собой расстоянии, ребром к берегу. Ячее в **гарвах** крупные, в 2,5–4 вершка. . . **Гарва** образует сетяную в воде стену, на которую устремляющаяся вверх по реке семга натывается и завязает в ячейках. **Гарвы** бывают морские, в несколько верст длины. . . и речные» [Онеж., Кем., Кольск., Мезен., Подвысоцкий: 30]. Лексема **га́рва** ‘снасть для ловли рыбы’ — **Рыбная ловля ловити. . . осмью луки, четырма неводы и поъздами и гарвами. Давати съ тон со всея ръчные ловли съ четырехъ неводовъ и съ поъздов и съ гаровъ четвертага рыба** [Поряндн. Фед. Мал., 1577, Срезневский 3: 71], ср. также **гарва** ‘ставная сеть для ловли крупной рыбы’ [Кн. писц. Обонеж. пятины, 1563, СлРЯ XI–XVII вв., 4: 11], **гаровная** сеть, **гаровные** места [1671, 1478–1480, СРЯ XI–XVII вв. 4: 11]. Андреева, отмечая слово **гарва** в документах Кирилло-Белозерского монастыря, говорит о заимствовании этой единицы «белозерскими говорами XVI века из соседних беломорских диалектов» [Андреева 1984: 87]. Однако, источники, где фиксируется лексема

га́рва относятся к документам по Кольскому полуострову: «Рыбная ловля ловить на усть Унбы реки» (Порядн. Фед. Мал. и его товарищей с Кир. мон., 1577), что лишь свидетельствует о ее употреблении в кольских русских говорах.

В современных русских говорах вариант **га́рва** фиксируется в Беломорье, а **га́рба** — преимущественно в Обонежье и Приладожье. Кроме того, у И. И. Срезневского не совсем корректно восстанавливается заголовочная единица **харь** при иллюстрации: — **А брати имъ та десятата рыба семга со всяково ѹлову... со всякихъ ловцовъ, съ неводчиковъ, и съ харовъ, и съ ръчныхъ заборовъ** [Срезневский 3: 1363 под 1582 г.]. Ср., однако иллюстрацию для слова **гарьва**: «и с **гаровъ** четвертая рыба» (см. выше), где генетив множественного числа такой же, как и у рассматриваемой единицы. Исходя из этого, возможно восстановить форму номинатива **ха́рва**, с другим типом консонантизма в первом слогe. **Ха́рва** «сеть, невод на семгу» фиксируется в Архангельской губернии Далем [Даль 4: 558], а также на Кольском полуострове: **ха́рва** «крупноячейная сеть для ловли семги, натягиваемая... на колья, вбитые в дно водоема» (Ловозер., Терск., Меркурьев).

Данный материал имеет давнюю традицию изучения. Грот и Подвысоцкий предпочитают скандинавскую версию его происхождения, ср. сканд. *garn* 'рыболовная сеть' [Грот 1876: 471; Подвысоцкий 30]. Калима считает эту версию ошибочной и относит материал к карельско-вепсскому влиянию, ср. ливв. ген. *harva-*, вепс. *harv* 'сеть с крупной ячейей' [Kalima 1915: 91]. См. также [Фасмер 1: 392–393; 4: 224]. В прибалтийско-финских языках лексика этого гнезда имеет значение 'редкий, несчастый': кар., фин. *harva*, ливв. *harvu*, люд. *harv*, вепс. *harv*; ср. также саам. терск. *xairv* 'сеть с крупной ячейей на семгу', морд.

эрз. *tšuro*, мокш. *šura* ‘редко, редкий’, удм. *šer* ‘редкий’, хант. *türep* ‘редкий (лес, сеть)’ [SKES 60: 61]. Вероятно, в прибалтийско-финских языках слово *harva* было атрибутивом, либо частью композита, ср. ливв. *harvu verko* ‘сеть с крупной ячейей’ [СКЯМ: 60], вепс. *harosil’meine verk* ‘сеть с редкой ячейей’ [СВЯ: 108], при заимствовании эта единица в русском языке получила субстантивное значение и форму — вид рыболовной сети. Русские диалектные и исторические данные фиксируются с начальными [г] и [х], что объясняется различным произношением фонемы [h] на прибалтийско-финской почве и, следовательно, не тождественной адаптацией ее в русских говорах; вариант **га́рва** — более частотный, **га́рба** — более близок к вепским образцам, **ха́рва** — к карельским. Вариант **а́рба**, отмеченный в Медвежьегорском р-не [см. также СРГК 1: 21], несмотря на соответствие в водск. *arva* ‘редкий, несчастый’: — *Arva verkko pen kala ep putu* (Редкая сеть — мелкая рыба не попадет) [VKMS: 10], является единицей, которую не следует рассматривать на этой почве.

КАДИ́СКА

Лексемы **ка́тиска** ‘брень’, ‘верша’ с фиксацией в Медвежьегорском р-не (Сенная Губа) по ПЛГО (в СРГК — «приспособление для ловли рыбы, ловушка-сеть» в Подпорожском р-не), **ка́тышка** ‘верша’ (Кондоп. Лижма), **ка́диска**, в Обонежье и Посвирье, представляют собой результат обратного прибалтийско-финского влияния; фин. *katiska*, *katsi* ‘рыболовная снасть’, ливв. *katisku* ‘ловушка для рыбы, сделанная из проволочной сетки’ [СКЯМ: 129], кар. сев. *katiška* ‘рыболовный закол’, кар. салм. *kadišku* ‘то же’ [KKS 2: 95] являются заимствованиями из русск., ср. **коте́ц** ‘кошель, запруда для ловли

рыбы’, при укр. *котéць* ‘закол для ловли рыбы’ [Фасмер 2: 351], а затем, вероятно не так давно, рыболовецкий термин пришел уже обратно из карельских диалектов в русские говоры [SKES: 170].

КІ́ЧКА

Лексема **кíчка** ‘мотня невода’ фиксируется в Вытегорском, а также в Гдовском р-нах (в СРГК: «сеть, невод» — вероятно, не совсем корректно). Трудно сказать, находятся ли в прямой связи **кíчка** ‘заплетенные в косы или собранные в пучок и закрученные на макушке или затылке волосы’ [Твер., Дон., Моск., СРНГ 13: 247] и **кíчка** ‘нос, передняя часть речного судна, баржи’ [Перм., рр. Волга, Кама, СРНГ 13: 147]. Однако вряд ли этот материал следует сопоставлять с финно-угорскими данными, ср. фин. *kiita* ‘щит из дранки в рыболовном заколе’, восходящее, в свою очередь к скандинавскому влиянию [SKES: 192].

КО́БРА

Слово **ко́бра** ‘приспособление в виде решетки, подставки для огня, прикрепляемое к носу лодки при ночном лове рыбы острогой’, отмеченное в Подпорожском и Прионежском р-нах, вероятно, связано с вепско-ливвиковским влиянием, ср. вепс. *kobr* ‘приспособление для огня при лучении рыбы’ [СВЯ: 212], ливв. *kobru* ‘устройство для костра на носу лодки, лапа’ [СКЯМ: 147]. Слова вепс. *kobr* и ливв. *kobru* на уровне своих языков представляют результат метафорического переноса, основное значение ‘горсть, пригоршня’. Сходная лексика, обозначающая такое же устройство отмечается у северных карел — *tuolahaš-kobra* и людиков — *kobra* [Тароева 1965: 37]. Лов рыбы острогой был распространен не повсеместно.

Обычно с острогой выезжали в темную осеннюю ночь, когда температура воды уже снизилась, а прозрачность ее улучшилась. Такой вид рыбной ловли был в ходу как у славян, так и у прибалтийско-финских народов [см. Зеленин 1927 (1991): 101]. Однако, в настоящее время он находится под запретом, исходя из чего многие информанты отказывались говорить на эту тему.

КОКУШКА

Слово **кокушка** ‘приспособление в виде решетки, подставки для огня, прикрепляемое к носу лодки при ночном лове рыбы острогой’, зафиксированное в Пудожском р-не, возможно, связано с кар. *kokka* ‘нос лодки’, ‘острие, кончик, угол’ [KKS 2: 285], ср. также фин. *kokka* ‘рыболовный крючок’ [SKES: 208], кар. *kokka* ‘костер’ [KKS 2: 285]. Лексема **кокушка** базируется на метонимическом переносе уже на русской почве.

КУЖА

Лексема **кужа** ‘рыбная ловушка из ветвей, без горла внутри’ отмечается только Куликовским без географии со ссылкой на Барсова, поэтому возникают сомнения в достоверности ее бытования в Обонежье. Поскольку основные данные **кужа**, **куша** отмечаются в Пошехонье и в смежных р-нах Тверской, Ярославской, Вологодской областей по данным ПЛГО и лексикографических источников, ср. **кужа** ‘рыболовный снаряд из прутьев в виде конусообразной корзины’ Брейтов., Весьегон. (ПЛГО), «конусообразная корзина из прутьев, вставляемая в ез» Черепов. Новг. [Герасимов 1910], «род плетеного кувшина для ловли рыбы» Молог. Яросл. (Второе Доп.), ‘приспособление для ловли рыбы’ (ОСГКО). Погодин сопоставля-

ет материалы Куликовского с кар. *kuuže*, фин. *kuusi* 'елка', полагая, что «на ловушку, очевидно идут еловые ветви» [Погодин 1904]. Действительно, еловые ветви клали на дно водоема у рыболовного закола у рыболовных ловушек, которые устанавливали в проемах закола, для привлечения рыбы. Так что версия Погодина вполне имеет право на существование. Калима, отвергая ее, неоправданно, на наш взгляд, сводит в одно гнездо **кўжа** 'верша' и русск. *кудрявый*, польск. *kędzierzawy* 'кудрявый', чеш. *kužel*, русск. *кужель*, имея в виду, что в основе слова **кўжа** лежит значение 'вить' [Калима 1913: 77]. Фасмер идет вслед за Калимой [Фасмер 2: 401]. Вероятно, более правы авторы SKES, освещая русские диалектные данные как результат финно-угорского влияния, при анализе этимологии лексемы фин. *kaħa* 'корзина, корзина из прутьев', 'рыбная корзина, корзина из лучины', 'сооружение из ветвей ели на дне озера по краям которого ставят верши,' сопоставляя его с мар. малмыж. *kuža* 'берестяной сосуд в аршин высотой', коми *kuža* 'верша горшкообразной формы', удм. *kož: kenoz-kož* 'отделение в амбаре, куда ссыпают зерно' (*kenos* 'амбар'), хотя и сомневаются в направлении заимствования [SKES: 138]. См. также [SSAP 1: 270]. На почве коми языка слово *кужа* 'разновидность верши' рассматривается как финно-угорская единица, сопоставляясь с эст. *kaħa* 'маленький невод, бредень', хант. *хиз'а* [ДКЭСКЯ: 411]. Т.е. прибалтийско-финские данные нельзя трактовать как источник ввиду различий в типе вокализма, отмечая то, что прибалтийско-финскому [а] в некоторых случаях соответствует марийское [у], фин. *tammi* — мар. *тумо* 'дуб', фин. *savi* — мар. *шун* 'глина', фин. *parma* — мар. *пурмо* 'слепень' [см. Грузов 1969: 106]. Таким образом, лексему **кўжа**, исходя из типа вокализма, можно рассматривать

как субстратную единицу марийского типа.

КУ́РИК

Лексема **ку́рик** 'деревянная колотушка, дубинка' имеет обширный ареал, фиксируясь в Беломорье, Обонежье, Кенозерье, Посвирье, Поволховье. Первая фиксация этого слова относится к середине XIX века: **куруик** «древкольная палка, которою бьют по обуху топора, чтобы расколоть полено, колотушка» (Арх., Опыт). В СРГК представлено 12 значений слова **куруик** [СРГК 3: 64–65]. Калима вслед за Веске, Лесковым, Погодиным возводит эту лексему к карельским источникам, ср. ливв. ген. *kurikka-*, люд. *kurikk* 'колотушка, дубинка' [Kalima 1915: 143; Веске 1890: 90; Лесков 1892: 100; Погодин 1904: 37; Meckelein 1913: 46]. Этой же версии придерживается Фасмер [Фасмер 2: 425]. На прибалтийско-финской почве данное гнездо представлено широко, ср. вепс. *kurik* 'колотушка для колки дров' [СВЯ: 247], ливв. *kurikku* 'дубина, колотушка, деревянный молот' [СКЯМ: 166], кар. твер. *kurikka* 'деревянная колотушка' [СКЯП: 123], фин. *kurikka* 'дубина', водск. *kurikka* 'дубинка', эст. *kurik* 'дубина', саам. инар. *kurah* 'колотушка, дубинка' [SKES: 244]. Однако, вряд ли может быть признана удовлетворительной версия о родстве анализируемых прибалтийско-финских данных с фин. *kuras* 'нож' [SSAP 1: 447].

Лексему **ку́рлика**, в этом же значении, вероятно, следует возводить к диалекту тверских карел, она фиксируется в Хвойнинском р-не, зоне карельского субстрата. Вставной [л], скорее всего, является результатом фонетической адаптации на русской почве, кар. твер., тихв. *kurikka* 'дубинка, вытесанная из одного куска дерева' [KKS 2: 464].

КУРМА

Лексема **кúрма** как 'рыболовная ловушка из ивовых прутьев' фиксируется в Каргопольском, Вашкинском, Вытегорском, Пудожском р-нах (ПЛГО), кроме того, в других значениях слово представлено гораздо шире, ср. **кúрма** 'мешкообразная сеть, вставляемая в отверстие забора' (Онеж.), «рыболовный снаряд, устраиваемый на быстрых водах, снаряд из вбитых в дно реки толстых кольев, к которым прикрепляют спускаемую до дна реки сеть с мешком» [Холмог., Онеж., Шенкур., Подвысоцкий 79; СРНГ 16: 132]; **кúрма** 'рыболовный снаряд, конусообразной формы' [Сямж., Вожегод., Сокол., СВГ 1989: 22]; **кúрма** 'рыболовный снаряд, представляющий собой конусообразную сеть, натянутую на обручи' [Плесец., Пудож., Каргоп., Вытегор., СРГК 3: 68]. Андреева сопоставляет это слово с **кúрмыш** 'круглая конусообразная яма ледникового происхождения, на дне которой лежат камни' [Петергоф. Петерб., СРНГ 16: 133] и предлагает этимологию этой единицы: фин. *kuurma* 'надрез, разрыв', эст. *kurm* 'залив, угол', которая введена еще Калимой и повторяется Фасмером [Kalima 1915: 143; Фасмер 2: 427; Андреева 1991: 116]. Однако, прибалтийско-финские данные имеют другую семантическую доминанту, ср. фин. *kurma*, *kuurma* 'зарубка, отметина (например на бревнах постройки при переезде) [SKES: 246], а эст. *kurm*, вероятно представляет вариант от *kulm*, южн. эст. *kolm* 'угол, бровь', хотя в SKES это и не отмечается [SKES: 234].

В смежных языках, по нашим данным, отсутствует сходное наименование подобной рыболовецкой снасти, однако, ареальная дистрибуция слова в контактной зоне дает возможность предположить неисконное происхождение, при том, что источник русского диалектного слова может и не быть элементом прибалтийско-финской ры-

боловецкой терминологии. Поскольку, на быстром течении, отверстия в рыболовном заколе вместе со снастью, которая устанавливается в них, представляют собой вид жёлоба, канавки, то вполне возможно сопоставление анализируемого слова с прибалтийско-финским гнездом, где доминирует это значение, ср. фин. *kuurna*, *kurna* 'желоб водяной мельницы', 'желоб', кар. *kuurna* 'желоб', ливв. *kuru* 'желоб' [SKES: 251], вепс. *kurn* 'желоб, лоток для стока воды' [СВЯ: 248], кар. *kuura* 'желоб', 'предмет, в котором имеется желоб', *kuurne* 'то же' [KKS 2: 495–496]. Фиксация варианта **кўрна** 'мережа' [Вытегор., СРГК 3: 68], форма которого довольно близка к прибалтийско-финским источникам, свидетельствует в пользу выдвинутой версии. Замена сонорных [н] — [м], вероятно, произошла уже на русской почве. Вряд ли лексему **кўрма** следует сопоставлять со словом **кульма́** 'средняя или задняя часть бредня', 'мотня невода' с фиксацией в ярославских говорах и на юге Новгородской области (Холмский, Поддорский р-ны по ПЛГО) [см. о последней: Мызников 1999: 35–36].

ЛІПКА

Слово **ліпка** 'спусковой механизм в огнестрельном оружии, курок, собачка' и дериват **ліпáч** [Прионеж., СРГК 3: 125] фиксируется в западном Прионежье [Прионеж. Кондоп., СРГК 3: 126]. Трудно судить о направлении заимствования, ср., однако, фин. *liipaisin* 'курок, собачка, гашетка' [ФРС: 328].

МÉРДА, МЁРДА, МОРДА, МАРДА

Один из значимых ареалов прибалтийско-финского воздействия образует лексема **мёрда**, фиксируемая в Обоне-

жье практически повсеместно, а также в Посвирье, Каргополье, устье р. Онеги. В словаре Куликовского представлено детальное описание реалии: «Делаются **мерды** из ивовых прутьев, переплетенных между собою и укрепленных на поперечных еловых обручах. Лов производится весной и зимой, причем снаряд ставится близ берега реки или озера» (Пудож., Куликовский). Первые фиксации слова **мерда** относятся к 15 веку: «... **рыбные ловли на рѣке водль, въ порогъ на Мневць 25 мердъ, а ловятъ... крестыане на себя**» [Писцовые книги, 1496 — Акты историч. 3: 71]; **мерда** ‘рыболовная снасть, сплетенная обычно из ивовых прутьев’ [Кн. п. Обон. пят. 1563; СлРЯ XI–XVII вв. 9: 95]. Исторические данные также относятся к территории Обонежья. Исходя из материалов прибалтийско-финских языков можно говорить о их непосредственном влиянии, ср. ливв. *merdu* ‘мережа, мерда, верша из прутьев или сети’ [СКЯМ: 205], кар. твер. *merda* ‘мережа, верша из сетки или прутьев’ [СКЯП: 158], кар. тихв. *merda*, кар. валд. *merda*, кар. сев. *merta* ‘верша (обычно из прутьев)’ [KKS 3: 293], люд. *merd*, водск. *merta*, эст. *mõrd*, ливск. *muurda*, *mirda* [SKES: 341], вепс. *merd* ‘мережа’ [СВЯ: 327]. Несмотря на то, что в лексикографических источниках по прибалтийско-финским языкам не всегда отчетливо представлена семантика единиц, составляющих это гнездо, можно сделать вывод о соответствии реалий на русской и неисконной почве, ср.: «**мережа** (сев. кар. *rüsä*, люд. *merež*, ливв. *merežu*) и **морда** (сев. кар. *merta*, люд. *merd*, ливв. *merdu*) по форме похожи, но **морда**, делалась целиком из прутьев, а у **мережи** из прутьев был только каркас, обтянутый сетью» [Тароева 1965: 38]. Хотя у русских Заонежья и, можно сказать, в целом Обонежья **мёрда** представляет собой рыболовную снасть в виде жесткого

каркаса из ивовых прутьев цилиндрической формы, который обтягивался мелкоячейной сетью, в отличие от верш, сплетенных полностью из прутьев [Логинов 1993: 44].

Авторы SKES возводят прибалтийско-финские данные к скандинавским источникам, ср. норв. *merd*, швед. *mjarde*, при саам. лул. *mierte*, *marde* [SKES: 341], однако, непонятно происхождение этого гнезда на скандинавской почве. Веске, напротив, полагает, что финские данные, фин. *merta* 'небольшая рыбная верша', являются источником для скандинавских [Веске 1890: 24]. Авторы SSAP уже без всяких сомнений говорят о скандинавской основе прибалтийско-финского гнезда [SSAP 2:161]. Однако для русских диалектных данных источником являются, вероятно, этимоны прибалтийско-финского типа.

Слово **мёрда** следует рассматривать как вариант, развившийся на русской почве в результате перехода [e] в [o]. Фиксируется **мёрда** спорадически практически по всему региону, не образуя коррелирующих ареалов в Медвежьегорском р-не (ПЛГО), в Онежском, Пудожском [СРГК 3: 223], а также в вологодских, белозерских, ярославских говорах [СРНГ 18: 113; ЯОС 1987: 58].

Лексему **морда** можно трактовать как вариант, исторически более поздний и связанный с вариантом **мёрда**, т. е., после того, как [e] перешло в [o] в положении перед следующими твердыми согласными [Шахматов 1941: 114]. Кроме того, нельзя исключать и омонимической аттракции на возникновении формы **морда**. Данное слово в значении 'рыболовная снасть, сплетенная обычно из ивовых прутьев или толстых ниток' имеет первую фиксацию под 1589 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 9: 261], оно широко распространилось в севернорусских говорах и представляет собой доминант лексической манифестации анализируемого концепта, ср. **морда** «ловушка для ловли рыбы в реках и озерах, сплетенная из ивовых прутьев, а за неимением

их, из лучин в виде сахарной головы или колпака с вогнутым дном» [Ярен. Волог., Протопопов 1853; КСРНГ]. Следует отметить, что также данная лексема **морда** уже явилась агентом процесса обратного заимствования в финно-угорские языки: коми *morda*, удм. *morda*, *murdo* ‘верша’, а далее мар. **мурда́** ‘рыболовная снасть’ [СМЯ 4: 99] уже из удмурдского; а латыш. *murda*, *murds* — из ливского *merda* [SKES: 341], тогда как ливск. *murd* ‘верша’ — обратное заимствование из латышского [SSAP 2: 161]. Данный русский диалектный материал в разных его частях уже анализировался в этимологической литературе, однако не был рассмотрен достаточно полно. Начальные этапы анализа отражены в работах [Шегрен 1854: 161, Веске 1890: 24, Погодин 1904: 43, Meckelein 1913: 50, Грот 1876 1: 461, Преображенский 1: 525–526, Шайжин 1892: 101]. На более обширном материале представлен анализ этих лексем в следующих работах [Kalima 1915: 164–165, Матвеев 1959: 15, Востриков 1981: 10, Аникин 2000: 391].

Лексему **марда** ‘верша’ с фиксацией в Плесецком р-не (Кенозерье), а также в Беломорье и Белозерье [СРГК 3: 223; СРНГ 17: 370] с иным типом вокализма, на наш взгляд, следует рассматривать как результат саамского влияния, ср. саам. *marde* [SKES: 341].

Лексема **мэндры**, зафиксированная в Тихвинском и Кадуйском р-нах, также, вероятно, связана с прибалтийско-финскими данными, ср. кар. *merda* ‘верша, мережа’, вепс. *merd* ‘то же’ [SKES: 341]. Однако, скорее всего, такую форму данная единица получила уже на русской почве, ср. прил. **мердяной** ‘предназначенный для плетения **мерды** — о гибких ветвях’ (ПЛГО), с широкой дистрибуцией. Предположение о расширении формантом *-p* лексемы **мянда**, **мэнда** ‘сосна с толстым слоем заболони’

в данном случае вряд ли возможно.

НОДЬЯ

При основном варианте слово **но́дья** имеет значительное число вариантов со сходной семантикой; различия в толковании одной и той же реалии обусловлены качеством полевых записей и квалификацией лексикографического описания, ср.: **но́дья** ‘охотничий костёр, устраиваемый на ночь, из двух бревен, уложенных друг на друга’ Пудож. [СРГК 4: 34]; ‘огонь, разводимый охотниками зимою в лесу на ночь’ Арх. (Опыт); ‘костер в лесу, устраиваемый лесниками зимою, для обогрева и приготовления пищи’ Мезен. Арх. [Подвысоцкий: 103]; ‘охотничий костер для ночевки в лесу зимой, раскладываемый из двух бревен так, что нижнее горит, а верхнее предохраняет огонь от осадков’ Соликам. Перм. [Беляева 1973: 368]; ‘костер, огонь в лесу’ Сольвыч. Волог. [Попов 1912]; **но́дья** ‘костер, огонь в лесу’ Каргоп. [Томилов 1927]; ‘большой костер, разводимый охотниками’ Новосиб. [СРГНО: 335]; **ну́дья** Кандалакш., Медвежьегор. (Тихвин Бор), Терск, Пудож., Кем. [СРГК 4: 52]; **нудья́** ‘долго горящий костер из нескольких чурбанов, положенных один на другой’ Кандалакш., Меркурьев. Повен. Олон., Куликовский. Отмечаются еще варианты: **ну́тья**, **но́тья**, **нодьё́**, **нотьё́**, **но́йка** (см. СРНГ). Следует отметить, что единица **ку́дья** ‘костер’, помещенная в СРГК [СРГК 3: 52], является неправильно прочитанной лексемой **нудья́**. Калима, имея в распоряжении большое число вариантов, предлагает карельско-вепсскую этимологию, ср. кар. *nuodivo*, вепс. *nod'g*, при фин. *nuotio* ‘костер на стоянке’ [Kalima 1915: 173]. См. также: [Погодин 1904: 45; Meckelein 1913: 53; Фасмер 3: 80; Аникин 2000: 409; Матвеев 1959: 16]. Ср. также: вепс. *nod'g*, *nodj* ‘но́дья (охотничий костер)’

[СВЯ: 362], кар. *nuotivo*, *nuodivo* ‘долго горящий костер из двух бревен’, люд. *nuodiu* ‘то же’. Данный материал не имеет широкого распространения на финно-угорской почве, ср.: мар. *nodna*, манс. *nutia* ‘костер’ [SKES: 402], коми *ноддя* ‘костер, рассчитанный на продолжительное горение’ [КЭСКЯ: 193], заимствованные из русского языка. Причем прибалтийско-финское гнездо также неисконно, авторы SKES предположительно возводят его к германским источникам, ср. др.-англосакс. *nod-fur*, нем. *Notfeuer*, дат. *nodild*, швед. *nodeld*, *neding*, норв. *naueld* [SKES: 402], хотя в SSAP происхождение прибалтийско-финского гнезда уже кажется неясным [SSAP 2: 241].

НОТА

Но́та ‘невод’ фиксируется в Лодейнопольском р-не (КСРГК), вариант **но́т** отмечается в Онежском, Кемском, Кольском уездах, он подробно описывается Подвысоцким: «Горизонтально располагаемая сеть для лова сельдей и сайды, сажень до 17 длиною, с большим посадом на окаймляющих ее подборах и с грузилами, — так, что образует собой мешок. Сеть эту дубят два или три раза в лето для того, чтобы по своему темному цвету была менее заметна в воде» [Подвысоцкий: 126]. См. также [СРНГ, Дуров 1929]. Подвысоцкий к слову **но́т** делает помету — норвежское [Подвысоцкий: 126], однако, не отрицая первичность скандинавского материала, следует иметь в виду, что в прибалтийско-финских языках это гнездо широкого распространения, ср.: фин. *nuotta*, ливв. *nuottu*, люд. *nuot*, *nuotta*, вепс. *not*, водск. *notta*, эст. *noot*, при саам. норв. *nuotte*, саам. инар. *nyetti*, кильд. *nuiht*, саам. терск. *nihte* ‘невод’ [SKES: 402]. Это гнездо также широко распространено на германской почве: норв. *not* ‘большая сеть, невод’, швед. *not*, др.-норв. *not* связа-

но с англ. *net*, голланд. *net*, швед. *nat*, норв. *net* 'сеть' [EONDS: 555, 549]. На наш взгляд, варианты **нот** и **нота** отмечаемые в разных регионах, следует разграничивать в этимологическом плане; первый, вероятно, восходит к скандинавскому влиянию, при возможном консервирующем воздействии прибалтийско-финских языков, второй по форме и ареалу (Лодейнопольский р-н) явно восходит к ливико-людиковским источникам, хотя нельзя исключить и того, что этот рыболовецкий термин может иметь иррадиацию неясной природы. Подтверждает географию слова **нот** композит **кильнот** 'небольшой ставной невод для лова семги у берега' Арх., 1909. Белое море [СРНГ 13: 210]. В СРГК для слова **кильнот** с тождественным с СРНГ (вероятно позаимствованным из СРНГ) толкованием дана неверная географическая помета — «Кондоп.» — Кондопожский район (прибрежный район северной части Онежского озера) — правильно «Кандалакш.» (Кандалакшский район на Побережье Белого моря), ср. иллюстрацию: — Завязка семужья — **кильнотами** что по-научному зовут [СРГК 2: 345]. Об этом говорит ряд обстоятельств: 1. Слово **завязка**, отмеченное в иллюстрации, с семантикой 'морская сеть четырехугольной формы для ловли семги' фиксируется в Кандалакшском и Терском районах [СРГК 2: 101]. 2. Наименование **сёмга** для рыбы семейства лососевых, в основном, фиксируется в Беломорье. 3. В Онежском озере лосось *Salmo salar L.*, ловится в то время, когда он идет на икрометание в реки, впадающие в озеро [Пушкарев 1902: 160].

ПІСТЕГА

Слово **пистега** «свисток из гусяного пера для приманки рябчиков» отмечается только в словаре Куликовского в Вытегорском, Лодейнопольском уездах. Калима возводит

к вепс. *pist'aine* 'свистулька', при кар. *piisku* 'свистулька для приманки рябчиков' [Kalima 1915: 186]. На вепсской почве фиксируются также *pist'kene*, *pismaine* 'свисток, манок на рябчика': — *Pismaižen tehtas mecoin suuaspäi* (Манок на рябчика делают из глухаринного пера); при мотивирующих глаголах: *pistta*, *pist't'a* 'свистеть' [СВЯ: 421]; ср. также: ливв. *piiskuta*, *piičkuo* 'свистеть в дудочку, приманивая ее звуками птиц или зверей', *piičku* 'манок, свисток для приманивания птиц и зверей', *piickutus* 'свист дудочки, манка' [СКЯМ: 266], кар. *piisku* 'манок на рябчика' [Ухта, KKS 4: 279], при водск. *piskua*, эст. диал. *piiskuda* 'визжать, пищать', саам. норв. *biš'kot* 'орать, говорить крикливым голосом', морд. эрз. *piška-doms*, мокш. *pejškedems* 'пронзительно вскрикнуть' [SKES: 553]. Трудно судить об исконности финно-угорского гнезда, авторы SSAP вслед за SKES, исходя из того, что в финно-угорских языках имеется глагольное гнездо со сходной формой и семантикой, ср. фин. *piiskua* 'свистеть' и приводимые выше данные саамского и мордовских языков. Однако, фиксируемая в охотничьей терминологии лексема **пищик** 'деревянный или пластмассовый имитатор голоса самки или самца охотничьих птиц или зверей, издавая который охотник подманивает дичь на выстрел' [Словарь охотника-природолюбца: 73], дает возможность предположить, что прибалтийско-финское гнездо русского происхождения. Мордовские данные, вероятно, восходят к балтийским источникам, ср. латыш. *pikstet* 'пищать', *pikste* 'плакса, нытик', литов. *pyskėti* 'щелкать — о плети; трещать — о льде', *pýskinti* 'трещать, грохотать', 'греметь, звенеть' [Fraenkel 1: 599; см. также Фасмер 3: 271]. На почве пермских языков, вероятно, сходные данные также неисконны, ср. коми *piskini* 'пищать' [SSAP 2: 359] скорее всего русского происхождения, ср. др.-русск.

пискати ‘играть на свирели дудке и т.п.’, ‘пищать, щебетать — о птицах’ [СлРЯ XI–XVII вв. 15: 54]. Таким образом, слово **пистега** представляет собой уже обратное заимствование из прибалтийско-финского континуума.

ЧОЛМА

Лексема **чолма** ‘мотня невода’, бытующая в Вашкинском р-не, на более широком ареале фиксируется в других значениях: ‘пролив’, ‘залив’, ‘верша’, ‘задняя суживающая часть мережи’ (Плесецкий, Каргопольский, Вашкинский р-ны). Впервые предположение о саамском источнике данного материала высказал Калима [Kalima 1912: 93], а Итконен уже приводит конкретный саамский материал, который можно рассматривать в качестве этимонов, ср. саам. патс. *tsoalme*, саам. кильд. *t’suelme* ‘пролив’ [Itkonen 1932: 60]. Фасмер подтверждает выводы Калимы и Итконена [Фасмер 4: 371]. Хотя саамские данные семантически расходятся с русскими диалектными, вполне можно допускать расхождения такого рода, поскольку речь идет о саамском субстрате белозерского типа. Данные прибалтийско-финских языков подтверждают фонетическую принадлежность русских диалектных данных к саамскому типу, ср. вепс. *saum*, *soum*, *sam*, ‘угол дома (внутренний и внешний)’ [СВЯ: 500], вепс. *soum’*, *sal’m* ‘пролив, мелководная часть между двумя мысами’ [СВЯ: 520]. Причем, вероятно, семантически ближе к русским диалектным данным вепс. *saum* ‘угол’, что при саамской передаче принимало бы форму **calma*, а затем уже на русской почве могло преобразовываться в лексему русск. **чолма**. Анализ места вепсских данных в прибалтийско-финском континууме разводит их по различным этимологическим гнездам (см. **салма**), вепс. *sal’m* ‘пролив’ сопоставляется с фин. *salmi*, ливв. *salmi*, люд. *sal’m*, *salmt*,

эст. *salm* ‘пролив’ [SKES: 956], при саам. *ǰoalbme* ‘пролив’ [KOLTKS: 671]; а вепс. *saum* ‘угол’ авторы SKES включают в гнездо фин. *salvain* ‘угол’, кар. *salmo*, кар. твер. *satalo* ‘внешний угол здания’, ‘угол’, ‘сруб’, люд. *salme*, *salato*, *salmag*, *saumago* ‘внешний угол строения’, эст. диал. *sal'm* ‘стойло для скота’ при саам. лул. *salvo* ‘дерево с двумя развилками’, саам. норв. *salvo* ‘зарубка в верхней части бревна’ [SKES: 958–959]. Как видно из приведенных данных, вепсские материалы представляют собой гетерогенные омонимы, но дифференцирующая их семантика позволяет развести и русские диалектные данные. Анализируемое значение ‘мотня невода’ и связанные с ним ‘залив’, ‘верша’, ‘задняя суживающая часть мережи’ сопоставляются с вепс. *saum* ‘угол’, но трактуются как результаты саамского субстратного влияния (исходя из типа консонантизма начальной согласной русского **чблма**); **чблма** ‘залив’ обстоятельно анализируется на топонимическом материале [см. Керт 1960: 91; Матвеев 1979: 8; Муллонен 1988: 80].

Вепс. *ǰoim* ‘верша’ предпочтительнее рассматривать как обратное русское заимствование [СВЯ: 63].

ЧУП, ЧУ́ППА, ЧУ́ПА

Лексемы **чуп**, **чу́па**, **чу́ппа** ‘мотня невода’, кроме Обонежья, отмечаются в Беломорье, Белозерье, Посвирье, Приладожье. Нередко для слова **чу́па** фиксируются и специализированные значения: ‘узкий конец мотни, кнеи невода’ (р. Онега, Заонеж., Пудож., Куликовский), ‘узкий конец мережи, куда идет рыба; конец рыболовной сети, завязанный веревкой’ [Беломор., Сало 1966: 267]; ‘узкий конец мотни невода и рыболовецких орудий типа мережи’ [Беломор., Воронова 1968: 117]. Вполне возможно, ранее для этого гнезда доминировала семантика, в основе которой

не было интегрированного обозначения рыбного мешка, мотни невода, а присутствовала номинация её узкой части.

Калима возводит эти данные к кар. *t'supp* 'угол', ливв. *t'supp* 'то же', люд. *tsupp* 'конец верши' [Kalima 1915: 242]. См. также: [Сало 1966: 268], [Воронова 1968: 117], [Фасмер 4: 384], [Мурзаев 1984: 621]. Более обширные русские диалектные данные, с их точной локализацией, позволяют теперь исходить не из обобщения языковых типов-источников, но и приводить для различных фонетико-морфологических вариантов дифференцирующие их этимоны. Так, например, для лексемы **чуп**, бытующей в Посвирье и Белозерье, более соответствует вепсский источник, ср. вепс. *šup* 'мотня, матица невода, бредня и т. п.' [СВЯ: 65]. Сюда же относится, вероятно, дериват **чүпник** с фиксацией в Волховском р-не.

Далее, исходя из фин. *suppi* 'задняя часть верши, вентеря', 'раструб мережи' [SKES: 1125] должна выстраиваться следующая фонетическая закономерность: фин. [s] — кар. [š] — вепс. [č], например, фин. *soma*, кар. *šoma*, вепс. *čoma* 'красивый, миловидный', причем в ливвиковском диалекте, где присутствует вепсский субстрат, отмечаются как [š], так и [č], ср. ливв. *samani*, *t'samani* [SKES: 1068] и только [č] в людиковском диалекте, где доминирует вепсская основа, ср. люд. *t'soma* 'красивый'. Таким образом, карельские источники, которые приводил Калима для гнезда **чүпа́**, не являются исконными на карельской почве [см. также Кеттунен 1960: 3–4], а чаще всего восходят к вепсскому субстрату (ливвики) либо суперстрату (людики), нельзя исключать, в ряде случаев, и саамское воздействие (северные карелы). А для лексем гнезда *suppa*, *suppi*, *soppi*, фин. диал. *soppi* 'угол у печки', 'угол между печкой и стеной, угол между печкой и дверью', 'внутренний угол', 'узкое окончание в мере-

же', эст. *sopp*, эст. диал. *sora* 'угол', *sopik* 'залив' [SKES: 1075], будет сопоставимым кар. *šoppi* 'угол за печкой в избе; женская половина в избе между передней стеной и печкой', 'угол' [SKES: 1075], кар. *šoppi*, *šuppi* 'угол за печкой' [KKS 5: 482], кар. твер. *šoppi* 'часть помещения в избе у печи' [СКЯП: 276]; а ливв. *šupri* 'угол — внешний и внутренний' [СКЯМ: 39] по типу консонантизма начальной согласной имеет вепскую основу. Кроме того, вепский начальный [š] довольно близок к саамским источникам, ср. саам. инар. *šupra*, саам. кольск. *tsuopp^A* 'конец мешка, мотня невода' [SKES: 1124], саам. *t'suoppd* 'внутренняя часть носа или кормы лодки', 'угол в избе', *t'suoppeod* 'конец залива' [KOLTKS 696, 692]. Авторы SKES, рассматривая фин. *supri* 'задняя часть верши, вентеря', ошибочно включают, как сопоставимый с ним, разнородный материал, ср. кар. *t'šubukka* 'мундштук курительной трубки, головка трубки' из русск. *чубук*, так же как и водск. *supukka* 'чубук трубки' [см. Фасмер 4: 376]; а ливв. *t'šupikki*, *t'šupoi* 'треугольный или круглый пирог, пирог из овсяной или ячневой муки' соотносится с вепс. *šipoita* 'щипать' [СВЯ: 59], восходящее к русск. *щипать*, *защипывать*.

Таким образом, лексема **чуппа** в русских говорах может трактоваться как единица, имеющая вепско-саамские соответствия и источники, а карельские данные, вероятно, имеют двойственную природу — для кар. *šupri* — кроме вепско-саамской основы не исключено и обратное русское воздействие.

Лексема **щупа**, отмеченная в Лодейнопольском р-не, вероятно, передает ливвиковский тип консонантизма: [š].

Наименования построек и их частей

Общие наименования жилых построек не проявляются в современной речи диалектоносителей, хотя фиксируются по лексикографическим источникам: **перть** ‘жилая изба у карел’ (Кем. Арх., Подвысоцкий), сопоставляемое с кар. *pirtti*, вепс. *pert’* ‘дом, изба’ [СВЯ: 409; KKS 4: 212–213]; **перт** ‘изба, дом’ [Ветл., Костром, Марков, СРНГ 26: 294], соотносимое с мар. *порт* ‘изба’. Финно-угорские данные также являются неисконными, представляя результат балтийского влияния, ср. фин. *pirtti* ‘небольшое строение, избушка, баня’, кар. сев. *pirtti*, ливв. *pertti* ‘дом, изба, баня в лесу’, люд. *pertti* ‘дом, изба’, эст. устар. *pirt*, саам. швед. *part*, *bart* ‘баня’, лул. *parihta* ‘дом, изба’, саам. норв. *barta* ‘финская изба, чаще дом священника’, при шведских данных, заимствованных из финского: среднешвед. *porthe* (1528 г.), *pyrthe* (1468 г.), швед. *porte* ‘финская курная изба’, ‘самая большая комната в доме’, ‘баня, топящая по-черному’, ‘лачуга’ [SKES: 576]; ср. также кар. твер., тихв. *perti*, кар. валд. *pertti* ‘изба’ [KKS 4: 212].

КАМАЙ

Слово **камай** фиксируется в значении ‘выступ над входной дверью’, с вариантом **комай** ‘деталь подоконника’ в Подпорожском р-не [СРГК 2: 321]. Данный материал восходит к ливвиковскому влиянию, ср. ливв. *katmai* ‘перемычка, притолока, верхний дверной или оконный косяк’ [СКЯМ: 122], при кар. твер. *kataja* ‘притолока’ [СКЯП: 86], кар. сев. *katoa*, люд. *kata*, *katmai* ‘дверной, оконный косяк’ [KKS 2: 43], при фин. *katana* ‘притолока’, саам. кольск. *katme* ‘то же’ [SKES: 153].

ЛІПА, ЛІПИНА

Обе лексемы фиксируются в значении ‘косяк окна, двери’. Наиболее обширный ареал представляет лексема **лй-па** с деривационными вариантами, с фиксациями в псковских, новгородских, волховских, обонежских, белозерских, заонежских говорах. Вероятно, ее следует трактовать как единицу исконного происхождения, несколько смущает ограниченность ареала северо-западной зоной. Очень далеки семантически балтийские данные, ср. литов. *lipine, lipene* ‘ступень лестницы’, *lieptas* ‘мостик, перекладина’ [Fraenkel: 376], ср. также норв. *rip* ‘крайняя доска лодки’, саам. норв. *ripa* ‘доска лодки, верхняя крайняя доска с внутренней стороны’, фин. *riippa* ‘верхняя часть борта лодки’ — германского происхождения [SKES: 787].

ПЁЛЬКА

Лексема **пелька** ‘косяк окна, двери’ отмечается в Медвежьегорском р-не, а на смежной территории — в Тихвинском. Она имеет соответствие в вепсском языке и карельских диалектах, ср. вепс. *pel* ‘притолока, косяк (дверной, оконный)’ [СВЯ: 407], кар. сев. *pieli* ‘оконный, дверной косяк, рама’ [KKS 4: 261], люд. *piel* ‘то же’, ливв. *pieliine* ‘косяк (дверной, оконный)’ [СКЯМ: 264], при фин. *pieli* ‘край, сторона, столб, косяк (дверей, окна, ворот), основной брус лестницы’, ‘кол стога’ [SKES: 537]. Следует отметить, что в прибалтийско-финских языках значение ‘подушка (для спанья)’ представлено данными, в основе которых лежит эта же корневая морфема; ср. кар. твер. *pieluš* ‘подушка’ [СКЯП: 206], ливв. *pieluš* ‘подушка’, ‘основание, опора, колодка’ [СКЯМ: 264], вепс. *röluž* ‘подушка’, ‘опора, подкладка’, ‘подоконник’ [СВЯ:

456], фин. *pielus* 'подушка' [ФРС: 459]. Однако, в данном случае, вряд ли следует предполагать семантическое взаимодействие, и русск. **подушка** и фин. *pielus* функционируют в рамках семантической доминанты этих единиц в своих языках.

Вероятно сюда же относится лексема **бэль**, в этом же значении, которая образует ареал на востоке региона, в говорах, непосредственно контактирующих с коми языком, к удорскому диалекту она и восходит, ср. коми удор. *бель* 'косяк' [ССКЗД: 173]. Причем в литературном коми языке функционирует в этом значении лексема русского происхождения, коми *куруч* 'косяк', *одзос курич* 'дверной косяк' [КРК: 318], ср. русск. **курчина** 'воронец' [КЭСКОЯ: 147]. Однако, и слово *бэль* в коми языке неисконно, а представляет собой древнее заимствование вепсского типа [КЭСКОЯ: 38].

Наименования средств передвижения по воде

Наиболее представительные в этой тематической группе наименования лодок-долбленок. Лодки, выдолбленные из дерева, а чаще всего из осины, характерны для всей Северной Европы, причем они встречаются в археологических раскопах, датированных 9 в. н. э. [Sirelius 1913].

Хотя это довольно примитивные плавательные средства, но как замечал Д. К. Зеленин, «Лодки — очень разнообразны, однако названия еще более разнообразнее их типов». На обследуемой территории лодки-долбленки встречаются двух типов: 1) лодка с бортовыми балансирами или балансиром; 2) лодка в виде двух скрепленных долбленных бревен; однако довольно часто они не различаются в названии и нередко было трудно классифицировать ту или иную лексему по ее принадлежности

к определенной реалии по данным лексикографических источников. В данной тематической группе преобладают исконные материалы: **оси́новка**, **дуб**, **дуби́ца**, **челн**, **ши́тик** и др., но имеется также значительное число слов, вошедшие в русские говоры из контактных с ними языковых континиумов. Поскольку Обонежье является зоной межэтнических и межъязыковых контактов русских диалектов с прибалтийско-финским окружением, основной пласт неисконных слов является итогом этого взаимодействия. Зафиксированная лексика имеет преимущественно четкие ареальные границы. Следует подчеркнуть, что рассмотренный тип средств передвижения по воде распространен, в основном, на малых реках и озерах; в населенных пунктах, расположенных вблизи крупных водоемов редко удавалось зафиксировать наименования лодок-долбленок.

КУЙТА

Куйта 'небольшая лодка, выдолбленная из одного дерева' (Олон.) фиксируется по данным Опыта, Куликовский добавляет значение 'большая лодка' (Повен.). Это слово можно включить в обонежско-новгородский ареал с различной территориальной дистрибуцией вариантов: **кути**, **кутька** 'долбленка из двух бревен' (Валдайский, Крестецкий, Демянский р-ны); Я. Калима к слову **куйта** предлагает карельскую этимологию: кар. *kuit't'i*, ливв. *kuitti* 'лодка', вариант **кутька** по-видимому, связан с языковым влиянием валдайских карел, ср. кар. твер. *kuwt't'i* 'долбленка, челн' [Kalima 1915: 136].

РЎГАЧА, РЎГАЧИ

Слово **рўгача, рўгачи** соотносится с двумя типами лодок-долбленок: лодка с балансирами, два скрепленных долбленных бревна. Эти лексемы образуют однородный ареал, включающий говоры Обонежья, среднего Посвирья, юга Ленинградской, севера Новгородской областей. Первая фиксация слова представлена в Опыте: **ругача** 'плот, составленный из двух выдолбленных бревен, для ловли мелкой рыбы на маленьких озерах' (Вытегор. Олон.). В словаре Куликовского описан уже другой тип долбленки **ругачи, ругача** 'большое, грубо сделанное из осинового бревна корыто, заменяющее на лесных озерах лодку, для того, чтобы оно было устойчивее на воде, с боков к нему приколачивают еще по одному бревну' (Пудож., Заонеж.). По заонежским данным Певина (КСРНГ) — **ругача** 'корыто, выдолбленное из осины — заменяет лодку в ламбах и небольших озерах' (Великая Губа, Толвуя). Здесь же, в Толвуйской волости, этнографические исследования отмечают, что **ругоча** представляет собой тип лодки-долбленки с двумя прибивными досками-балансирами по бокам [Логинов 1993]. По материалам ПЛГО представлено слово **ругача** 'долбленка из двух бревен' в Лодейнопольском р-не (Алеховщина, Тервеничи, Печеницы, Явшиницы, Вонозеро), в Подпорожском (Юксовичи), где также отмечается вариант **ругач** (Шеменичи). Кроме того, ранее лексема **ругачи** отмечалась в Белозерском уезде (Семеновская волость) (КСРНГ); **ругача** фиксирует А. С. Герд в Чудовском и Киришском р-нах [Герд 1975]. Я. Калима возводит анализируемое слово к вепс. *rūh*, мн. *ruhed*, ср. средневепс. *ruhats̄* 'старая лодка' [SKES: 888]. В настоящее время имеется тенденция к сужению ареала слов **ругача, ругачи**.

РОЙКИ

Это слово, на наш взгляд, до сих пор не имеет бесспорной этимологической трактовки. **Ройки, роёк** ‘лодка из двух скрепленных долбленых бревен’ по данным ПЛГО имеют обширный ареал распространения, они отмечаются в Любыт., Окул., Мошен., Бокситогор., Кириш., Тихвин. р-нах. Даль фиксирует в Тверской губ. **роек, ройки** в сходном значении. Я. Калима рассматривает данный материал в связи со словом **ругача** (см. выше), однако сомневается в его прибалтийско-финском происхождении. М. Фасмер, напротив сводит лексемы **ругача** и **роёк** к одному этимону — фин. *ruuhi* [Фасмер 3: 496]. SKES также не отвергает вероятность связи этих слов [SKES: 888]. Отчетливо очерченный ареал слова **роёк** — тихвинские и прилегающие к ним говоры Новгородской области и западные тверские говоры — является территорией, где имеется карельско-вепсское языковое влияние и позволяет интерпретировать лексему **роёк**, как вариант, восходящий к прибалтийско-финскому этимону. Однако, отмеченные в словаре Подвысоцкого **роёк, ройки** ‘продольное углубление внутри дерева, которое считается браком’, **ройка** ‘выемка, паз’ (Терский р-н, КСРГК), связаны, возможно, с глаголом **рыть** ‘долбить дерево’ (по КСРНГ); хотя и здесь вероятно иноязычное влияние, ср. ливв. *reikä, reigä* ‘ямка, углубление, дыра’. Присутствие в вепсском лексиконе слова *roikod* ‘две осиновые лодки в виде корыта, соединенные вместе’, ввиду узкого распространения не дает возможности определенно указать направление заимствования.

УШКО́ЙКА

Слово **ушкойка**, которое определяется как ‘долбленая из осины лодка-однодревка с двумя прибивными досками-балансирами по бокам; с наращением бортов дощатым набоем’, имеет множество вариантов и обозначает лодки различных типов. По Срезневскому отмечаются следующие данные: **ушкуи** — 1320 г., **ускуи** — 1418, **оскуи** — 1473, **скуи** — 1463, **ушкуль** — 1553. Кроме того фиксируются варианты: **ушкал**, **ушкол**. По КСРГК и КСРНГ для значения ‘челн, небольшая лодка’ представлены лексемы **ушкуйка** (Медвежьегор.), **ушкой** (Вытегор., Амосов), **ушкуй** (Вельский р-н). В словаре Куликовского со значением ‘маленький челн, душегубка, лодка’ даются слова ушкой (Вытегор., Повен., Заонеж.), **ушкай** (Заонеж.). Й. Миккола обосновывает древневепсское происхождение анализируемого слова. Зафиксированное в др.-шведской хронике под 1320–1321 гг. в рассказе о событиях на Ладожском озере слово *usko* вместе с его синонимом *hara*, ср. совр. фин. *haario* ‘челн из осины’, свидетельствует древность своего бытования в исследуемом регионе. Миккола полагает, что вепсская форма **uškoï* восходит к более древней **wiskoi*, поскольку в вепском языке после дифтонга с конечным [j], [s] переходит в [š] с утратой второго компонента дифтонга. Я. Калима в основном соглашается с этимологией Микколы [Mikkola 1913: 163–166].

Наименования болезней

Наименования болезней в Обонежье не дали при полевом обследовании значительного числа материалов.

ЧУСТЯ́К

По данным ПЛГО устойчиво фиксируется лексемы **тюс-тя́к**, **чустя́к** ‘прыщ, фурункул’ в Медвежьегорском, Вытегорском р-нах («болячка, прыщ на теле» у Куликовско-го), восходящие к вепс. *čust*, *čust’ak* ‘прыщ, нарыв’ [СВЯ: 66], при ливв. *čuwstakko* ‘прыщ, болячка’ [СКЯМ: 40], кар. твер. *čuwst’i* ‘болячка, прыщ на лице’ [СКЯП: 32].

Лексема **тютя́к** ‘чага’, отмечаемая в Вытегорском р-не (Андома), восходит также к вепс. *čustak* ‘нарыв, прыщ’.

РА́ВГА

В Заонежье по КСРГК фиксируется лексема **ра́вга** ‘нарыв, чирей, фурункул’ — в Медвежьегорском, Кондопожском р-нах, также в Плесецком р-не. По типу консонантизма она более соответствует вепским данным, ср. вепс. *raug*, *rouh* ‘распухшая железа’ [СВЯ: 481], при кар. твер. *rawha*, *rahna* ‘железа’ [СКЯП 231, 323], кар. *rauha* ‘железа’ [KKS 5: 40].

ПА́ЖЕГА

Слово **пажа** фиксируется в значении ‘гной, нагноение на глазах’ так же как и **пажега** ‘то же’ в Петрозаводском уезде [Куликовский, СРНГ 25: 140], восходя к вепс. *paža* ‘гной’ [СВЯ: 403], ливв. *raiže* ‘нарыв, чирей, фурункул’ [СКЯМ: 251].

ВЫВОДЫ

Антиномия субстрат-заимствование, на основе имеющегося в нашем распоряжении материала, привела к следующему решению проблемы. Слова прибалтийско-финского происхождения вошли в русскую диалектную речь в результате двух процессов: собственно заимствования (в отношении лексики первичного процесса) и массового перехода прибалтийско-финского населения на русскую речь. Предлагается следующая схема:

1. автохтонное население,
2. коллонизация,
3. билингвизм,
4. остаточные субстратные явления (в данном случае на лексическом уровне).

В Обонежье картина взаимоотношений прибалтийско-финских языков и русских говоров более сложна, чем просто отношение — субстрат-суперстрат, здесь также имеются и тесные адстратные связи и поэтому процессы их взаимодействия можно назвать субстратно-адстратными.

В результате анализа материала можно предположить, что субстратная лексика в русских говорах Обонежья представляет собой основной корпус слов прибалтийско-финского происхождения. Точное определение рассматриваемого материала как субстратного или как заимствованного вызывает затруднения, однако часть лексики можно с большой долей уверенности трактовать как субстратную. Это относится к ономотопозетическим глаголам (**шигандать**, **рячкать**, **юрахать** и т. п.) и к лексике

ландшафта, которая часто теряет апеллятивную функцию и связана с субстратными топонимами, в большинстве своем прибалтийско-финского происхождения. Произношение некоторых топонимов сохраняет некоторые характерные особенности языков-источников (см. раздел «Проблемы фонетической субституции»).

Присутствие в Обонежье и в прилегающих к нему р-нах живых прибалтийско-финских языков подразумевает их адстратное языковое влияние, в результате которого анализируемая лексика, адаптированная языковой системой говоров, более всего соответствует этимону по форме и семантике. В говорах, которые не подвергаются современному адстратному влиянию, наиболее часты колебания в форме семантики, значительно число дериватов. Несмотря на влияние живых прибалтийско-финских языков, новая лексика практически не проникает в русские говоры Обонежья. Классифицировать как недавние проникновения можно лишь несколько слов: **вейч** 'нож' (Вытегорский р-н); **мадой** 'змея' (Пудожский р-н); **лахна** 'лещ'; **хавги** 'щука'; **куха** 'судак' (Медвежьегорский р-н); названия рыб приводит Герд (1988). Для недавних проникновений отмечаются следующие особенности: 1) отсутствие более ранних фиксаций; 2) относительная лексическая избыточность (наличие русских синонимов, слово не относится к неизвестной ранее реалии); 3) единичность фиксаций.

Часть лексики либо впервые представлена как имеющая прибалтийско-финское происхождение, либо впервые проинтерпретирована как неисконная, это слова: **альяга** 'лужа', **букля** 'речной залив', **балахта** 'лягушка', **вендура** 'место на болоте', **вигала** 'осока', **Вилисиньга** 'название поля', **гумайдать** 'греметь — о громае', **жужга**, **жужка** 'мелкий битый лёд', **кагача**, **качага** 'сойка', **кальга**, **калья** 'возвышенность', 'канава, канал', **карья** 'выбо-

ина на дороге, ухаб', **кичуга** 'икра налима', **косяк** 'небольшая рыбка', **кукелек** 'бутон, нераспустившийся цветок', **кукли** 'незрелые ягоды морошки с плодоножкой', **кукоши** 'плоды шиповника', **курушка** 'еловая шишка', **кябега**, **кярбега** 'мох на деревьях', **ламка** 'низина в лесу', **лена** 'каменистая мель', **листега** 'тонкий лед при ледоставе', **лоттач** 'лягушка', **лубанда**, **лубега**, **лумба**, **лумбега** 'верхний непрочный лёд, замерзающий поверх основного', **матюк** 'рыба', **парик** 'небольшой лещ', **пингач** 'чибис', **пискачи** 'мальки', **пуганда** 'узкое место в реке', **путикашки**, **потикашки**, **путиканы** 'головастики', **райлок** 'впадина между возвышенностями', **репша** 'старая ворона', **рижи** 'вал из камней', **ронга** 'делянка в лесу', **ружега** 'изгородь', **румбега** 'иней над притолокой', **рямига** 'иней', **рямжак** 'место в лесу', **ряченга** 'сойка', **сигкилец**, **кильця** 'вид сига', **симайдать**, **симандать** 'моросить — о дожде', **сюрга** 'крутая гора', **сярга** 'плотва', **сярты** 'дождевые черви', **тухка** 'метель', **чупак** 'глубокое место в реке перед перекатом', **харек** 'ворона', **шакша** 'слякоть, грязь', **шагра** 'гребень у петуха', **шапрак** 'верхний плавник рыбы', **шольга**, **шольдига** 'водоросли', **юлейдать** 'греметь — о громае', **ярмега** 'иней'.

Динамика слов прибалтийско-финского происхождения в Обонежье

На исследуемом материале была зафиксирована следующая градация лексики:

1. Слова, характеризующиеся высокой частотностью и устойчивостью фиксаций, бытующие на значительной части региона или проявляющиеся в сфере действия того или иного субстратно-адстратного язы-

кового влияния — это лексика активного употребления.

2. Слова, с более узким ареалом, с нечастотными и спорадическими фиксациями, с ограниченным числом информантов, которым они известны — это лексика, выходящая из употребления.
3. Слова с единичными фиксациями, для которых характерны точечные ареалы, они известны редким информантам, их семантика носит диффузный характер — это лексика, вышедшая из активного употребления.

В группе «Названия растений и их частей» следующие слова и их варианты активного употребления: **бутки, путки, горма, канабра, канаберник, кара, кортеха, кортега, кукли, кукушкарандыш, кула, кулога, кулоха, кулача, лулаки, мянда, мяндовый, мяндач, охтега, паккуле, пинда, пихка, рохкали, рофкачи, сестреника, сестреница**. Меньше слов с редкими и единичными фиксациями: **вахка, вахта, гажла, курушка, ляйпина, лейпина, ромжа, урба, урбушка, вигала, капшуга, тугилажка, тура, турбега, шольга, шольдга, юрик**.

В группе «Названия птиц» активно употребляется следующая лексика: **витлюк, виклюк, коппала, паскарага, пингач, турайдать**; выходят из активного запаса следующие лексемы; **гунгач, кагача, качага, паскач, алейка, елёк, куга, кукша, курпун, нергач, репша, риченга, тикач, харек**.

В группе «Наименования животных, частей их тел, формы их жизнедеятельности» отмечено 8 слов и вариантов активного запаса: **корбица, корбина, кужма, лопарь, лох, майма, маймушка, максима, мугач, рупач, руйпега, пальга, палья, парик, сайда, салага, торпа,**

шаглы; ряд лексем уходит из употребления: **гайрус, ко-реха, нявга, парва, парба, ряпус, сень, сенье, агивин, галей, кавьяга, кичуга, кужар, кукша, матик**, вытесняется общенародными эквивалентами — *ряпушка, корюшка, хариус*.

В группе «Названия насекомых, земноводных, пресмыкающихся, червей» 12 слов и вариантов имеют устойчивую фиксацию, это: **кигачи, тигачи, чигала, курай-дать, курандать, парма, барма, пармак, шигайдать, шигандать, шижлик, жигалюха**; ряд слов выходит в пассивный запас, это: **путикашки, лотгач, мутикашки, хорь, чанжи, чунджа**.

В группе «Лексика ландшафта» следующие слова и варианты активно употребляются в говорах: **бонга, бужля, вара, варака, канава, кара, кенда, конда, корба, лайда, ламба, ламбушка, лахта, лахтовина, лухта, луда, мандера, мудега, орга, раека, раега, ровница, рядега, рятега, ряменщина, салма, соломя, сельга, сурга, тайбола, шайма, шалга, щельга**; остальная лексика имеет единичные фиксации и превращается в микротопонимы или выходит из употребления.

В группе «Метеорологическая лексика» большинство слов активного употребления: **галога, галага, жужка, кирза, колма, листога, лубанда, лубега, лумбега, майна, ровда, ропак, ропас, рянда, ряндега, рячкать, сибайдать, симандать, ситега, туха, тухка, ухка, ухта, чибандать, юрандать, юрахтать, ярмега, шуга**.

Слова активного употребления обычно имеют ядро ареала в Обонежье, а их устойчивость, по-видимому, связана с адстратным влиянием прибалтийско-финских языков. Выходящие из употребления слова обычно представляют маргинальные части ареала (ср. **кулига, уйга**), хотя в смежных говорах они могут быть частью лексики активного запаса; кроме того, подобные слова часто явля-

ются отражением докарельско-вепсского субстрата (например, саамского). Общие подсчеты показывают, что из примерно пятисот рассмотренных лексем только четверть устойчиво и регулярно воспроизводится в речи русских диалектоносителей в Обонежье. Значительное число слов находится на периферии языкового сознания и заменяется соответствующими русскими синонимами.

В работе проблемы семантики рассматриваются, в основном, в связи с соответствием значения слов в русских говорах и предполагаемых этимонов. Выявлена следующая тенденция — в ареалах, расположенных в непосредственной близости от прибалтийско-финского языкового континуума, семантика русского слова, имеющего соответствие в языках-источниках, тождественна или сходна. При удалении от ядра распространения слова семантика его приобретает диффузный характер. Анализируемую лексику в отношении семантического соответствия с ее этимонами можно разделить на четыре группы.

1. Слова, семантика, которых примерно соответствует семантике слов-этимонов — около 50%.
2. Слова с сужением семантики — 25%.
3. Слова с семантическим сдвигом ассоциативного типа — 20%.
4. Слова с расширением семантики — 5%.

Следует, однако, отметить, что в каждом отдельном микроговоре семантические соответствия варьируются. Полисемия в узких ареалах встречается редко, причем многозначные слова чаще фиксируются в зонах вибраций, переходных ареалах. Метафорические и метонимические переносы обычно бытуют в связи с первичным значением, образуя единый ареал.

Семантические ареалы удалось выявить в отношении немногих слов (см. **канабра**, **канабреник**, **салма**, **кедовина**, **кетовина**), обычно дифференциация семантики связана с различными языковыми влияниями, либо развитие семантики происходит на почве говора. Целенаправленное выявление семантики анализируемой лексики с тщательной ее проверкой показывает более менее однородные семантические типы в однородных лексических ареалах. Например, в одном из н. п. Медвежьегорского р-на при опросе информатора, им было заявлено, что **копала** имеет значение 'сова', однако, семь информаторов этого же н. п. подтвердили традиционную семантику — 'самка глухаря'. Такая нечеткость в представлении о значении слова у многих информаторов рассматривается нами как семантическая диффузия, и как ошибка в случае, приводимом выше. В экспрессивных ономапоэтических глаголах семантическая структура слова становится диффузной в силу преобладания экспрессивной окраски слова над его лексическим значением [на исконном материале такое же решение см. Оссовецкий 1982: 38]

Проблема фонетической субституции

При рассмотрении прибалтийско-финского лексического материала в русских говорах как заимствованного по происхождению, предлагаемые к анализу аспекты рассматривались прежде всего как фонетическое освоение, что предполагало в первую очередь субституцию, т. е. замещение звуков языка-источника наиболее близкими звуками заимствующего языка. Мы согласны с Л. П. Крысиным, который говорит, что следует «принципиально различать фонематическую субституцию (т. е. передачу ино-

язычного слова фонемными средствами заимствующего языка), которая неизбежна при лексическом заимствовании, и фонетическое освоение заимствованного слова, приспособление его к фонетической системе языка-заимствователя» [Крысин 1968: 37]. Я. Калима, традиционно рассматривая прибалтийско-финскую лексику в русских говорах как результат заимствования, проанализировал все возможные варианты субституции [Kalima 1915: 33–76]. А. К. Матвеев подходит аналогично к данной проблеме [Матвеев 1959], хотя в отношении топонимии говорит уже о фонетической адаптации [Матвеев 2001].

Однако выделение той или иной субституции на материале устных лексических диалектных проникновений часто затрудняется тем, что как в русских говорах, так и в прибалтийско-финских диалектах имеется значительное число вариантов, и иногда довольно затруднителен выбор этимона, на основании которого могла бы идти речь о соответствиях и замещении фонем одного языка фонемами другого.

Мы предлагаем говорить о субституции только при анализе ранних контактов и заимствований, когда прибалтийско-финская лексика входила в русский язык и осваивалась его носителями.

На втором этапе взаимодействия, когда носители прибалтийско-финских языков и диалектов массово переходили на русскую речь, вряд ли следует говорить о субституции как явлении, характерном для прибалтийско-финского по происхождению языкового материала в русской речи прибалтийских финнов. Здесь уместней говорить об адаптации исконной (прибалтийско-финской) фонетической системы к системе звуков заимствованного (русского) языка. Причем, следует отметить, что в ряде случаев такая адаптация не происходит полностью, это касается

топонимики. Нами зафиксировано произношение некоторых топонимов у тщательно проверенных русских информантов, фонетические особенности которого явно указывают на вепсский язык: **Хебой-губа** ([χʷ] — фрикативное звонкое мягкое).

Касаясь современного этапа русско-прибалтийско-финского языкового взаимодействия в сфере фонетики, следует отметить взаимопроницаемость фонетических систем (одни и те же процессы происходят в русских говорах и вепсских диалектах). [См. Суханова, Муллонен 1986: 38–45; Муллонен 1974.]

Лексические варианты

Следует подчеркнуть динамику фонетической формы анализируемого материала, где выделяются фонетические варианты на основе: а) изменения вокализма: **мяндовый / мендовый, кукушкарандыш / кукошкарандыш, ряпус / рипус**; б) утраты долготы консонантов: **коппала / копала, паккула / пакула**; в) палатализации консонантов: **гурба / тюрба / тюрба, кярза / кярзя**. Отмечаются фонематические варианты, в основе которых лежит: а) мена, выпадение или вставка сонорных: **лумбега / лубега, жижлик / жижник, пагна / пагма**; б) метатеза слогов: **кагача / качага**. Выделяются варианты, в основе которых лежат исторически длительные процессы изменения фонетической системы русского языка: а) полногласное изменение прибалтийско-финской корневой морфемы: **салма / соломя, кара / коровина, галья / голодья, сярга / сорога**; б) утрата цоканья: (**цигала / чигала**); в) переход непервоначального [j] в [г]: **палья / пальга**.

Акцентологические варианты не играют заметной ро-

ли в исследуемых говорах. В исследуемых словах ударение обычно сохраняется на первом слоге, как в языке-источнике. Реже встречается ударение на втором и третьем слоге. Примерное процентное соотношение акцента на первом, втором, третьем слогах составляет соответственно — 77%, 16%, 7%. Ударение на последнем (третьем) слоге часто отмечается во флексиях множественного числа, тогда как в единственном числе акцентным является первый слог: **ти́гач** / **тигачи́**, **па́рмак** / **пармаки́**.

В Заонежье (Медвежьегорский р-н) любое слово стремится к тому, чтобы иметь акцентным первый слог. В глаголах на *-айдать* подмечена следующая особенность — в инфинитиве ударение стоит на первом слоге, в личных формах ударение смещается на второй слог от начала слова: **ту́райдать** / **турайдае**.

В отношении ареального распределения фонетических вариантов, возникших в русских говорах, прослеживается следующая закономерность — чем ближе к ядру ареала слова, тем меньше его вариативность, в маргинальных зонах наблюдается большая вариативность, достигающая пика в смешанных переходных зонах.

Грамматические варианты типа **корба** / **корьб** вряд ли следует рассматривать в отрыве от прибалтийско-финских этимонов. Кроме фонетических вариантов, на основе анализируемого материала можно выделить еще три типа вариантов слов:

- а) вариативность, обусловленная разным происхождением (**чанжи**, **ляйпина** — северновепсский диалект; **путки** — карельское; **бутки** — людиковское);
- б) вариативность, вызванная процессами народной этимологии, происхождением мотивированной внутрен-

ней формы: **шижлик / жигалка; канабреник / канавленник; путикашки / бультикашки;**

- в) деривационная вариантность: **корба / корбица, кара / карага, ламба / ламбушка / ламбина** — в большинстве случаев без изменения значения.

Мы рассматриваем дериваты в этимологическом плане как словообразовательные варианты к лексике с корневой морфемой неисконного происхождения. В основном они не образуют отдельных ареалов, а распространены в тех же р-нах, что и соответствующие безаффиксальные лексемы или несколько изолированно на периферии основного ареала. Причем нами отмечена тенденция к большей словообразовательной активности при движении слова с запада на восток.

Наиболее широко представлено суффиксальное словообразование существительных. Среди заимствованной лексики выделяется группа слов, корневая морфема которых не встречается без суффикса, в других же случаях лексема подлежит членению на корень и суффикс.

Среди 28 лексем с исходом на *-ач*, собственно суффикс *-ач* выделяется в следующих словах: **мяндач, мендач, сумендач, пиндач, рупач, торпач** 'форель', **ровкач** 'незрелая ягода' (7 лексем); в остальных случаях: **пискач** 'малек', **лоттач** 'лягушка', **гунгач, юнгач** 'филин', **нергач** 'сойка', **тикач** 'дятел', **кехтач** 'окунь с икрой', **мугач** 'мелкий окунь', **паскачи, паскач** 'воробей', **пингач** 'чибис', **тигач, кигач** 'мошка' — слово делится на корень и суффикс только на уровне соответствующего прибалтийско-финского этимона, причем в словарных источниках этимоны представлены как безсуффиксальные образования, но в устной речи, например, вепсского населения подобная лексика употребляется с суффиксом *-ач*.

Наиболее многочисленны существительные на *-га-* — 72 слова. Причем в ряде случаев лексемы на *-га* могут выступать в качестве вариантов: **гормага / горма; кулога / кула; кябега, кярбега; турбега / тура; качага, ряченга, галого, жужга / жуга; карега** ‘волна’, **комга** ‘вода на поверхности льда’, **листега, лумбега, лубега, ряндега / рянда; ярмега** ‘иней’, **руйпега / рупа**; в остальных случаях результат сходства звуков слов-источников или влияние народной этимологии: **кортега, пальга, сайга, бонга, аляга, кальга, сельга, сюрга, янга, охтега, паскарага, салага**. Следует отметить, что число слов в обеих рубриках примерно одинаково.

Суффикс *-иц(а)* — 13 лексем, представлен в лексике, которая выступает как вариантная по отношению к безсуффиксальным словам: **лумбица / лумба, лоховица / лох, ряпица / ряпус, торпица / торпа, корбица / корба, лаhtiца / лахта, лемица / лема, радица / рада, ламбица / ламба, карица / кара**.

Слова на *-ак* — 13 лексем, могут быть результатом влияния слов-источников: **харака, ропак, рупак, рямжак, рянжак, елак**, а также словообразовательными вариантами: **мяндак, ромжак, кукшак, калтак, пармак**.

Существительные с суффиксом *-юшк(а)*, *-ушк(а)* чаще всего имеют ярко выраженную диминутивную окраску, за исключением слов, вошедших в литературный язык — **ряпушка, корюшка**, и слов, где они связаны с корневой морфемой — **курушка, алеюшка**. Диминутивы представлены 10-ю лексемами: **мяндушка, урбушка, жижелюшка, жигалюшка, маймушка, лудушка, корбушка** ‘рыба’, **корбушка** ‘темный лес’, **ламбушка, лахтушка**.

Если предыдущие суффиксы, за исключением последних, имели преимущественно деривационное значение, то суффикс *-ина* указывает на единичность слова и его некоторую размерность: **райдина** ‘ива’, **корбижина** ‘ры-

ба', **коробьяжина** 'рыба', **лоховина**, **рупина**, **торбина**, **торпина**, **буклина**, **коровина**, **каравина**, **ламбина**, **лахтина**, **пенусина**, **рижина**, **юрчина**, **вельжина**, **уйтина** (18 слов). Несколько слов без *-ина* не представлены — **кедовина**, **кетовина**, **лейпина**.

Слова на *-ник* могут иметь в своем составе суффикс *-ник* только с деривационным значением — **радник** / **рада** 'болото'. *-Ник* может быть связан с корневой морфемой, непосредственно присоединен к корню слова-источника — **шольник** 'водоросли', вепс. *šol'l'od* с тем же значением; или обусловлен утратой связи со словом-источником — **жизник** от **жизлик**; представлен *-ник* в словах как вторичный суффикс — **мендачник**, **пихтарник**, **колтужник**.

Следует отметить также нечастотные суффиксы: *-ыш* — **убрыш**, **вурбыш**, **ворабыш** / **урба**; **кукыш** / **кука**, **лудыш** / **луда**; *-ажк(а)* — **тугидажка**; *-ан* — **парман**, **путикан**; *-арь* — **пивкарь**, **кукшарь** 'птица'; *-овина* — **коровина**, **ламбовина**, **корбовина**; *-щина* — **ряминщина**, **алеховщина**.

Прилагательные и наречия в числе заимствований явление исключительное и поэтому вопрос об их деривационных инновациях не стоит.

Проблема ареальной дистрибуции тех или иных суффиксов или связанных словообразующих морфем на данном этапе исследования не может получить удовлетворительное разрешение. Однако в ряде случаев можно наблюдать следующие тенденции: несмотря на то, что суффиксальная лексика спорадически представлена по всему Обонежью, преобладание слов на *-ач*, *-га*, *-ица* замечено в Пудожском р-не — на *-ица* также в Вытегорском. Суффиксы *-ушк(а)*, *-юшк(а)* реже встречаются в южном Прионежье.

Кроме того, словообразовательные варианты имеют

более или менее очерченные ареалы. **Кула** 'прошлогодня нескошенная трава' бытует в Пудожском р-не, **кулога**, **кулага** — в Прионежском, **кулоха** — в Подпорожском, **кулача** — в Вытегорском и в южной части Пудожского р-на (см. соответствующее слово), **канабра** и **канабреник**; **сестреника** и **сестреница**; **рохкали** и **рохкачи**; **лумба** и **лумбега**.

Лексические ареалы

Выделение ареалов основано на противопоставленном употреблении / неупотреблении какого-либо ряда слов, что в свою очередь связано с а) наличием / отсутствием реалии; б) разными субстратными основами; в) различным адстратным влиянием; г) уходом лексики прибалтийско-финского происхождения в пассивный запас или ее заменой русскими синонимами; д) различиями на почве говоров. На территории Обонежья выделяются следующие ареалы.

1. Обонежье для ряда слов выступает как единый ареал (**витлик**, **гарьюс**, **горма**, **кирза**, **корба**, **кореха**, **луда**, **макса**, **палья**, **пинда**, **ряпус**, **рячкать**, **салага**, **сельга**, **торпа**, **шаглы**).
2. Ареал, охватывающий практически все Обонежье, исключая южное Прионежье, т. е. юго-западные части Вытегорского р-на и северо-восточные части Подпорожского р-на (**кара** 'насечки на дереве', **коп-пала**, **кортеха**, **ламба**, **лох**, **мандера**, **мугач**, **орга**, **паккула**, **паскач**, **пихта** 'частый ельник', **ропсак**, **салма**, **турба**, **чупа**, **щельга**, **ярмега**).
3. Заонежье и восточное Заонежье, т. е. Медвежьегорский р-н и примыкающая к нему часть Пудожского р-на (**варака**, **ворга**, **каля**, **кальга**, **кигачи**, **куга**, **кула**, **курушка**, **охтега**, **рохкали**, **сень**, **сенье**, **ситега**, **урба**).

4. Западное Заонежье и Прионежье, т.е. западная часть Медвежьегорского р-на и примыкающие к нему части Кондопожского и Прионежского р-нов (**агивин, бутки, галага, гажда, кедовина, кетовина, кумжа, лопарь, пармак, тайбола**).
5. Восточное Заонежье — южная часть Пудожского и примыкающая к нему часть Вытегорского р-на (**кагача, конда, кужар, кукша, лахта, нявга, ромжа, ропаса, сорога, тигачи, уйта**).
6. Юго-западное Прионежье — включая в себя Подпорожский, Прионежский, юго-западную часть Вытегорского р-на и юго-западную часть Кондопожского р-на (**бонга, кукышкарандыш, канава, кярза, лейпина, лижма, лулаки, маймуха, мудега, паскарага, пингач, путикашки, сестреника, сестреница, сибандать, симандать, тикач, ухка, шакша**),
7. Заонежье (Медвежьегорский р-н) (**агивин, барма, бармак, канабренник, кечкара, кичуга, кугровина: кукша, кяпечи, лена, райлок, рижи, рюрики, ряма**).
8. Ареал, ограниченный р. Пяльмой, Водлозером на севере, оз. Муромским на юге — в Пудожском р-не (**кошка, кябега, майма, парма 'овод', пенус, пуганда, репша, румбега, рупач, ряменщина, чигала, шайма, шольга, юга, янга**).
9. Среднее Посвирье — Подпорожский р-н (**гунгач, елёк, жужка, карья, койбы, конда, курпун, матюк, мутикашки, розмега, ряченга, тугилажка, юдега**).

10. Северное Заонежье — р-н оз. Выгозеро (**алейка, вигала, калтак, колма, корга, кукшак, лима, милас**).
11. Южное Прионежье — центральная часть Вытегорского р-на (**букля, кабы, копсельга, лайда, райда, раека, ронга, ряжик, чунжи, шогра**).
12. Северо-западное Прионежье — Кондопожский р-н (**аляга, галяя, галейка, нергач, падма**).
13. Западное Прионежье — Прионежский р-н (**кивьяга, кивра, лоттач, пагма, сярты, харак, чанжи**).
14. Все Обонежье, кроме Заонежья (**габук, кара, карега, лухта, кукли, рядега**).

Лексика Обонежья в микроструктуре русских говоров

Часть анализируемой лексики распространена только в Обонежье, отсутствует в других смежных говорах (**парма, путки, торпа**). Часть слов широко распространена в севернорусских говорах, вплоть до говоров Амура и Якутии (**копала, максима**). Часть лексики имеет ядерный ареал распространения в беломорских говорах, а Обонежье является периферийной, маргинальной его областью (**алейка, милас**). Часть слов, распространенных в восточном Заонежье (Пудожский р-н) имеет общий ареал с каргопольско-лачскими говорами и смежными с ними говорами запада Архангельской области (**лубега**). Отмечается общий ареал, связывающий лексику, бытующую в юго-западном Прионежье (часть Прионежского р-на, Подпорожский р-н, часть Вытегорского р-на) с лексикой сопредельных территорий — Лодейнопольский, Тихвинский

р-ны, что обусловлено общим субстратом, а также с западными вологодскими говорами (Белозерский, Череповецкий р-ны). Иногда этот ареал дополняется территорией новгородских говоров (Чудовский, Любытнинский, Демянский, Валдайский р-ны) и югом Ленинградской области (Киришский р-н). Статистические подсчеты показали следующее распределение слов по доминирующим языковым типам. Преимущественно вепсский языковой тип обнаруживают свыше 70 опорных этимона, в русских говорах это следующие слова — лексика ландшафта: **бонга, букля, веранда, канава, кара, карья, кенда, кугры, лайда, мудега, раека, розмега, ронга, рядега, сюрга, шайма**; названия рыб: **кильця, маймушки, пискачи, нявга, пальга, шаглы, шарпак, шагра**; названия растений: **вехк, горма, кара, кукли, кукушкарандыш, кукоши, кулаха, кулача, вябега, кярбега, лулаки, ляйпина** (северновепсский диалект), **лейпина** (средневепсский диалект), **пакла, пакля, пихка, райда, сестреника, сестреница, тугилажка, шольга, щольдига**; названия земноводных, пресмыкающихся, червей: **корандать, лотгач, путикашки, потикашки, чанжи** (северновепсский диалект), **чунжи** (средневепсский диалект), **шигандать, чигайдать, шиклик**; названия животных: **кярба, кярза, уландать**; названия птиц: **витлюк, гунгач, кагача, паскарага, паскач, панкращ, турайдать, харак**; метеорологическая лексика: **карега, ропак, рячкать, си-бандать, симандать, тухка, шакша, чибайдать, ухка, юдега, юрандатель**.

Карельский языковой тип имеют 35 этимонов:

собственно карельский тип — 18 этимонов, это слова — лексика ландшафта: **конда, корга, лима, ряма, сельга, сеньга, тайбола, чупа, щельга**; названия рыб: **кумжа, рупач, рупега**; тура ‘торф’; метеорологическая

лексика: **ропас, рупас, гудева; турба: тюрба** ‘морда животного’; **копала** ‘самка глухаря’;

ливвиковский — 8 этимонов, это слова — лексика ландшафта: **рижи, ровница, ружега**; названия рыб: **ряпус; вигала** ‘осока’; **румбега** ‘иней’; **кигачи** ‘мошкара’; **корайдать** ‘квакать’;

людиковский — 10 этимонов, это слова — **мандера** ‘материк’; названия растений: **курушка, охтега, пакула, охтега, пакула, турбега; ярмега** ‘иней’; **шигайдать** ‘шипеть’; **мутикашки** ‘головастики’; **бутки, гажла** ‘осока’.

Ижорский тип проявляет один этимон (**рятега**).

Вепско-людиковский тип — 5 этимонов (**кабьи** ‘нижние части ног животных’; **габук** ‘ястреб’; **салага** ‘рыба’; **кальга** ‘каменистая возвышенность’).

Вепско-людиковский тип — 6 этимонов (**лотгач** ‘лягушка’; **шижлик** ‘ящерица’; **канабра** ‘вереск’, **кортеха, кортега** ‘трава’; названия рыб: **кореха, сярга**).

Вепско-ливико-людиковский тип — 6 этимонов (**корба** ‘дремучий лес’, **лахта** ‘залив’; **тикач** ‘дятел’; **мянда** ‘сосна с некачественной древесиной’; **торпа** ‘форель’).

Вепско-карельско-людиковский тип — 2 этимона (**ряченга** ‘сойка’; **урба** ‘березовая почка’).

Вепско-карельский тип — 5 этимонов (метеорологическая лексика: **галога, ровда, ухта**; названия рыб: **кужар, майма**).

Вепско-карельско-ливвиковский тип — 2 этимона (**тикачи** ‘мошкара’; **кова** ‘тень’).

Ливико-людиковский тип — 10 этимонов (метеорологическая лексика: **кирза, рянда, ситега; кяпечи** ‘копыта лося и др. животных’; названия птиц: **виклик, куга**; названия растений: **пинда, рохкали, юрик; кетовина** ‘подсека’).

Карельско-ливвиковский тип — 6 этимонов (**улайдать**

‘выть’; названия птиц: **кукша, нергач; кула** ‘некошенная трава’; названия рыб: **парик, агивин**).

Карельско-людиковский тип — 3 этимона (**салма** ‘пролив’; **пагма** ‘медвежья берлога’; **парма** ‘овод’).

Карельско-финский тип — 4 этимона (**курайдать** ‘квакать’; **когва, когма, колма** ‘второй слой льда’).

Ливвико-финский тип — 2 этимона (**корба** ‘рыба’; **кугровина** ‘куча сучьев на подсеке’).

Саамский языковой тип — 8 этимонов (метеорологическая лексика: **лумба, лумбега, лубега, калтак, милас**; лексика ландшафта: **лижма, шалга, пудас, чолма, юга**).

Саамско-общекарельский тип — 4 этимона (**алейка** ‘утка’; **кошка** ‘мель’; **ламба** ‘озеро’; **сайда** ‘треска’).

Саамско-вепсский тип — 1 этимон (**лухта** ‘залив озера’).

В ряде случаев определенно отнести то или иное слово к какому-либо языку или диалекту невозможно, тогда в работе выделяется лексика, восходящая к общему прибалтийско-финскому типу — это 16 этимонов (лексика ландшафта: **вара, варака, варака, кулига**, лужа, **орга** ‘дремучий лес’, **павна** ‘болотистое место’, **рянжик** ‘место в лесу’, **аляга** ‘лужа’; **хорь** ‘моль’, **алек** ‘птица’; **вахка** ‘растение’; названия рыб: **гарьюс, лох, макс, кивьяга**).

Зафиксированы слова, сложные для этимологического анализа: **капшуга, ромка, пенус, рада**.

Из 216 рассмотренных опорных этимонов слова чисто вепсского происхождения вместе с людиковскими и ливвиковскими диалектами составляют 99 слов или 50,7%.

Слова общекарельского происхождения, исключая общие с вепсским и финским языком, составляют 16 слов или 7,4%.

Слова общеприбалтийско-финского происхождения составляют 20 слов или 9,2%.

Таким образом из всего корпуса рассмотренной лексики слова вепско-общекарельского происхождения насчитывают 155 лексем или 71,7%.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексическая система русских говоров Обонежья формировалась в течение длительного периода, севернорусская в своей основе, она испытала сильное влияние прибалтийско-финских языков. Несмотря на установленное преобладание карельско-вепского языкового влияния, можно констатировать, что довольно часто влияние в области лексики носит смешанный характер. Мы только предположительно выделяем тот или иной языковой тип этимона, который в ряде случаев обусловлен живым адстратным влиянием какого-либо прибалтийско-финского языка или диалекта.

В некоторых случаях удалось разграничить особенности воздействия таких относительно схожих диалектов, как вепские. Нередко сведение к определенному языковому типу бывает затруднено сходной формой и семантикой слов-источников прибалтийско-финских языков. В довольно дробном характере лексических ареалов преимущественно вепский тип проявляют ареалы 6, 9, 11, 13. Слова, распространенные по всему Обонежью также проявляют вепский языковой тип (ареал 1). Кроме того, в прибрежных н.п. Заонежья спорадически отмечается вепский языковой субстрат; анализ топонимов, проведенный Н. Н. Мамонтовой, позволил ей также сделать вывод о вепском происхождении некоторых из них [Мамонтова 1977].

Вепско-карельский тип проявляет ареал 5.

Ареал 6 характеризуется смешанным вепсско-карельско-саамским языковым субстратом.

Ареал 10 проявляет карельско-саамский языковой тип.

Ареал 7 — людиковско-ливвиковский тип.

Ареал 4 — смешанный людиковско-карельский тип.

Ареал 11 — характеризуется относительной противопоставленностью ареалу 7, ареал 11 — характеризуется средневепсским языковым влиянием.

Лексика, известная во всем Обонежье (ареал 14), но незафиксированная в Заонежье — вепсского происхождения.

В отношении территориально-административного деления различные типы лексического субстрата распределяются следующим образом:

1. Вепсский — преобладает в южной части Пудожского района, в Вытегорском, Подпорожском, южной части Прионежского района.
2. Смешанный карельско-вепсский (чаще людиковско-вепсский) субстрат охватывает Кондопожский район, северную часть Прионежского, а также населенные пункты, примыкающие непосредственно к г. Пудож.
3. Ливвико-людиковский субстрат доминирует в Медвежьегорском и северной части Пудожского р-на.
4. Саамский субстрат отмечается в Пудожском и Сегежском р-нах.

МАТЕРИАЛЫ И ИСТОЧНИКИ

Авдеева К. А. Записки и замечания о Сибири. М., 1837.

Александров А. Особенности поморского говора Кемского уезда Архангельской губернии (с. Нюхча). Словарь местных слов. 1910. 35 л. Рукопись рукописного отдела Библиотеки РАН.

Амосов П. Словарь Вытегорского народного наречия Вологодской области. [Без года]. Рукопись СРНГ.

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., Новосибирск, 2000. 768 с.

Анненков П. Ботанический словарь. СПб., 1878. Чч. 1–2.

Анучин В. И. Материалы к областному словарю сибирского наречия. Красноярский уезд Енисейской губернии // Изв. Красноярского подотд. Вост.-Сиб. отд. РГО. 1904. Т. I, вып. 6. С. 34–71.

Арканов. Ишимский словарик. [Без года]. На карточках, КСРНГ.

Архангельский А. Ф. Терминология или собрание и разъяснение слов и некоторых наречий, весьма часто употребляемых в разговорах простого народа — жителей Пошехонского и Мологского уездов, а также окрестностей смежных с ними Череповецкого и Вологодского уездов. [Без места], 1894. 16 л. Рукопись КСРНГ.

Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Герцовой. М., 1980–2001. Вып. 1–11.

- Бадигин К. С.* По студеным морям. М., 1956. / Прил.: Краткий толковый словарь по русскому мореплаванню на Севере. С. 318–414.
- Баженов П. А.* Сборник областных слов Вологодской губернии с приложением особенностей народного говора. [Без года]. 273 с. Рукопись КСРНГ.
- Барсов Е. В.* Причитания Северного края. М., 1872–1882. Чч. I–II. Севернорусский словарь. С. 315–335. Ч. 2.
- Беляева О. П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973. 706 с.
- Березин И. Н.* Замечания о восточных словах в областном великорусском языке // *Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики.* СПб., 1854. Т. 1, стлб. 186–192, 393–339.
- Бирюков В. Г.* Уральский словарь. 1934. Рукопись КСРНГ.
- Богораз В. Г.* Областной словарь Колымского наречия // *Сб. ОРЯС.* 1901. Т. 668, № 4. С. 19–163. (Словарь.)
- Боричевский И.* Обзорение губернских ведомостей с 1848 по 1850 год // *ЖМНП.* 1854. Ч. 83, отд. IV. С. 133–164. (Списки местных слов.)
- Бурнашев В.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. СПб., 1843–1844. Тт. I–II.
- Васнецов Н. М.* Материалы для объяснительного Областного словаря вятского говора. Вятка, 1907. 357 с.
- Вепско-русский словарь / *Хямяляйнен М. М., Андреев Ф. А.* М., Л., 1936. 75 с.

- Воронова Л. А.* Русская промысловая лексика моряков Беломорья. Диссертация на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Петрозаводск, 1968. На карточках, КСРНГ.
- Герасимов М. К.* Материалы лексикографические по Новгородским говорам. Слова Череповецкие // Живая старина. 1898. Вып. III–IV, отд. 2. С. 383–399.
- Герасимов М. К.* Словарь уездного череповецкого говора // Сб. ОРЯС. 1910. Т. 87, № 3. С. I–III.
- Георгиевский А.* Говор с Муромля Петрозаводского уезда, 1896. Приложение. Рукопись СРНГ.
- Герд А. С.* Народные названия рыб // Русская речь. 1970. № 5. С. 114–115.
- Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М., Л., 1949–1951. Тт. 1–3. [1-е изд.: СПб., 1873.]
- Грандильевский А.* Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор // Сб. ОРЯС. 1907. Т. 93, № 5. С. 87–304. (Словарь.)
- Грот Я. К.* Слова областного словаря, сходные с финскими // Я. Грот. Филологические разыскания. СПб., 1876. С. 470–474.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб. М., 1880–1882. Тт. I–IV.
- Данилевский Н. Я.* Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря» // Сб. ОРЯС. 1869. Т. 7, № 3. С. 1–17.

- Дестунис Г.* Областные слова Тихвинского уезда, не вошедшие в первое издание областного словаря. 1854. Рук. Архива АН СССР.
- Дилакторский П. А.* Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902. 342 л. Рукопись КСРНГ.
- Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914. 1022 с.
- Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858. 328 с.
- Дуров И. М.* Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Соловки, 1929. 180 с.
- Дьякова В. И.* Географическая терминология Воронежской области. Диссертация на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Воронеж, 1973. На карточках, КСРНГ.
- Ефименко П. С.* Заволочская чужь. Архангельск, 1861.
- Ефименко П. С.* Словарь местных наречий // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1878. Т. XXX, вып. 2. С. 254–276.
- Женатов П. Д.* Слова Вологодского диалекта из Вожегодского района. 1972. Рукопись КСРНГ.
- Жилинский А. А.* Промысловый словарь рыбаков и зверобоев Белого моря. Петрозаводск, 1957. 60 с.
- Житников Д. Ф.* Древнерусские элементы в лексике севернорусских говоров. Диссертация на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Свердловск, 1983. На карточках, КСРНГ.

Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. 746 с.

Иваницкий Н. А. Материалы для словаря Вологодского народного говора. (1883–1889). 480 с. Рукопись КСРНГ.

Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969. 598 с.

Ивашко Л. А. Лексика печорских говоров. Диссертация на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1955. На карточках, КСРНГ.

Иркутский областной словарь / Ред. Н. А. Бобряков. Иркутск, 1973–1979.

Кагорина О. П. Исследования говора юго-западной части Чусовского р-на Молотовской области. Диссертация на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1953. На карточках, КСРНГ.

Калинин И. М. Материалы для словаря онежского говора. 1933. Рукопись КСРНГ.

Карпов И. И. Краткий очерк простонародных слов, преимущественно Новоржевского, Опочецкого, Островского, Порховского и Псковского уездов Псковской губернии и Осташковского Тверской. 1855. Рукопись КСРНГ.

Кириллова Т. В., Бондарчук Н. С., Куликова В. П., Белова А. А. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972. 312 с.

Клыков А. А. Краткий словарь рыбацких промысловых слов. М., 1968. 120 с.

- Коми-рöч кывчукор / *Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И.* Сыктывкар, 2000. 814 с.
- Коми-русский словарь / Отв. ред. А. И. Подорова. Сыктывкар, 1948. 296 с.
- Кораблев С. П.* Этнографический и географический очерк г. Каргополя Олонецкой губернии с словарем особенностей тамошнего наречия. М., 1851. 79 с.
- Кузмищев П. Ф.* Собрание особых поморских и речных слов, употребляемых на Восточном Океане и в Восточной Сибири // Зап. гидрогр. деп. Морск. мин. СПб., 1846. Т. IV. С. 320–330.
- Кузнецов И. Д.* Рыбпромышленный словарь Псковского водоема. По материалам, собранным участниками Псковской промыслово-научной экспедиции 1912–1913 гг. Пг., 1915. 159 с.
- Куликовский Г. И.* Олонецкие провинциализмы // Олонецк. губ. вед. 1887. № 81. С. 725–726; № 82. С. 734–736.
- Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Куликовский Г. И.* Несколько слов к «Словарю областного Олонецкого наречия» // Этнографическое обозрение. 1899. № 1–2. С. 346–351.
- Линдберг Г. У., Герд А. С.* Словарь названий пресноводных рыб СССР. Л., 1972. 367 с.
- Луканин А.* Сборник простонародных слов, употребляемых в Пермском, Кунгурском, Осинском, Оханском,

Соликамском и Чердынском уездах Пермской губернии. 1856. Рукопись КСРНГ.

Лыткин В. И., Гуляев В. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. 386 с.

Лыткин В. И., Гуляев В. С. Дополнение к краткому этимологическому словарю коми языка // Тр. Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. 1976. № 18. С. 3–45.

Майнов В. Н. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1874. С. 89–90. (Местные слова.)

Маляревский Г. Я. Особенности говора крестьян-старожилы Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губ. музея. 1917. Вып. XXVIII, отд. 2. С. 1–34.

Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. 158 с.

Мансийско-русский словарь с лексическими параллелями из южномансийского (кондинского) диалекта / Сост. А. Р. Баландин, М. П. Бахрушева. Л., 1958, 226 с.

Маштаков П. Л. Материалы для областного водного словаря. Л., 1931. 117 с.

Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961. 223 с.

Мензбир М. А. Птицы России. М., 1893–1895. Тт. 1–2.

Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. 184 с.

- Миртов А. В.* Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929. 415 с.
- Мокшанско-русский словарь / Сост. С. Г. Потапкин, А. Н. Имяреков М., 1949. 359 с.
- Муллов П.* Областные слова (дополнение к «Опыту областного великорусского словаря»). 1863. 64 с. Рукопись КСРНГ.
- Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1959. 320 с.
- Наумов И. Ф.* Дополнения и заметки к «Толковому словарю Даля» // Сб. ОРЯС. 1874. Т. II, № 6. С. 1–46.
- Неуструев С. П.* Словарь волжских судовых терминов. Нижний Новгород, 1914. 320 с.
- Никонов В.* Словарь местных слов Архангельской и Олонецкой губерний. 1823. Рукопись СРНГ.
- Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. 1992–1995. Вып. 1–12.
- Обнорский П. А.* Словарь народных слов и выражений, собранных в Вологодском и Грязовецком уездах. [Без года]. 251 л. Рукопись КСРНГ.
- Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии / Ред. В. Г. Орлова. М., 1970.
- Общеславянский лингвистический атлас. М., 1988. Вып. 1: Животный мир. 188 с.

- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 22-е изд. М., 1990. 922 с.
- Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. Ю. М. Соколова; подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. М., 1948.
- Опыт областного великорусского словаря, изданный вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. 275 с.
- Пашковский А. М.* Заметки о лексике русских говоров Свердловской области // Уч. зап. Уральск. ун-та. 1960. Вып. 36. С. 163–168.
- Певин П.* Словарик Заонежья, Слова из народной речи (Кондопожская, Великогубская, Толвуйская волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии). Петрозаводск, 1896. 32 с.
- Пирогова Л. И.* Описание говора шести пунктов Холмогорского района Архангельской области (По материалам экспедиций 1952 и 1956 годов) // Матер. к исследованиям по русской диалектологии. М., 1959. С. 179–226.
- Покровский Ф. И., Яценко Е. Н.* Второе дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». 1905–1921. Рукопись КСРНГ.
- Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Поляков И. С.* Список названий трав, употребляемых в Вытегорском и Пудожском уезде // Зап. РГО по Отд. этнограф. 1873. Т. III. С. 508–511.

- Пономарев А.* Кижское наречие Великогубской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1898. 55 с. (Перепечатано из Олонецк. губ. вед. 1898. № 54.)
- Потанин Г. Н.* Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этногр. сб. РГО. 1864. Вып. VI. С. 1–154.
- Потахина К. Д.* Список старинных слов, записанных в Пудожском р-не Карельской АССР. Рукопись КСРНГ.
- Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914.
- Пушкарев Н. Н.* Рыболовство на Онежском озере. СПб., 1900.
- Пушкарев Н. Н.* Физико-географические данные об Онежском озере, сведения об его ихтиофауне и ее происхождении // Олонецкий сборник. 1902. С. 131–177.
- Романов М.* Словарь своеобразных слов в народном говоре Устьянско-Дмитриевской волости Северо-Двинской губернии. 1928. 306 с. Рукопись СРНГ.
- Рейнеке М. Ф.* Объяснение некоторых слов, употребляемых морскими промышленниками Архангельской губернии // Зап. Гидрогр. деп. Морск. мин. 1844. Ч. II. С. 115–129.
- Русско-карельский словарь / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1975. 160 с.
- Русско-финский словарь / Сост. И. В. Сало. Петрозаводск, 1992. 344 с.

- Русско-ненецкий словарь / Сост. А. П. Пырерка, Н. М. Терещенко. М., 1948. 405 с.
- Сабанеев Л. П.* Рыбы России. М., 1911.
- Сало И. В.* Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии. Диссертация на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1966. На карточках, КСРНГ.
- Светлов Я. О.* говоре жителей Каргопольского края (Олонецкой губернии) // Живая старина. 1892. Вып. 3. С. 156–164.
- Селивский Н. В.* Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего доньше не было всем известно. СПб., 1817.
- Словарь вепского языка / Сост. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Л., 1972. 745 с.
- Словарь вологодских говоров / Ред. Т. Г. Паникаровская. 1983–1999. Вып. 1–8.
- Словарь водского языка / Ред. Э. Адлер, М. Леппик. Таллин, 1990. 360 с.
- Словарь гидронимов юго-восточного Приладожья (бассейн реки Свирь) / И. И. Муллонен, И. В. Азарова, А. С. Герд. Под ред. А. А. Герда. СПб., 1997.
- Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–2002. Тт. 1–2.
- Словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 1990–1998. Тт. 1–4.

- Словарь охотника-природолюбца. Термины, идиомы, фразеологические обороты / Сост. И. Касаткин. М., 1995.
- Словарь русских говоров Новосибирской области / Под ред. А. М. Федорова. Новосибирск, 1979. 605 с.
- Словарь русских говоров Приамурья / Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1983. 342 с.
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2002. Тт. 1–5.
- Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964–1988. Тт. 1–7.
- Словарь русских говоров южных районов Красноярского края / Отв. ред. В. Н. Рогова. Красноярск, 1968. 231 с.
- Словарь русских народных говоров. Л., М., СПб. 1965–2003. Тт. 1–37.
- Словарь русских донских говоров. Ростов-на-Дону, 1975–1976. Тт. 1–3.
- Словарь русских старожильческих говоров средней части р. Оби / Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1964. Тт. 1–3.
- Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: Дополнение / Под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной. Томск, 1975. Ч. 1–2.
- Словарь русского камчатского наречия / Сост. К. М. Бра-
славец, Л. В. Шатунова. Хабаровск, 1977. 194 с.

- Словарь русского языка Грота Я. К., Шахматова А. А. СПб., 1885–1930.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2002. Тт. 1–26.
- Словарь русской народно-диалектной речи Сибири XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991. 181 с.
- Словарь современного русского литературного языка. М., Л., 1948–1965. Т. 1–17.
- Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением АН. СПб., 1847. Тт. 1–4.
- Соколов П. Г.* Отчет о диалектологической экспедиции в Среднее Приангарье (1959 год) // Тр. кафедр. рус. яз. вузов Восточной Сибири и Дальнего востока. II. Иркутск, 1962. С. 289–303.
- Среднеобский словарь: (Дополнение) / Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1983. 180 с.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912. Тт. 1–3 и Доп.
- Томилов С. Н.* Словарь слов местного говора Каргопольского района Архангельского округа Северо-Восточного края. 1928. Рукопись КСРНГ.
- Труды Комиссии по диалектологии русского языка (б. МДК). 1908–1931. Вып. 1–12.
- Федоров А. И.* Материалы по лексике архангельских говоров. 1948–1950. На карточках, КСРНГ.

- Филимонов К. Ф.* Коштугское наречие // Олонецк. губ. вед. 1896. Приложение к № 57.
- Филимонов К. Ф.* Слова и выражения, употребляемые жителями Коштугской волости в разговорной речи // Олонецк. губ. вед. 1891. № 61. С. 617–618; № 62. С. 629–630; № 63. С. 641; № 64. С. 653–654; № 65. С. 663–664; № 66. С. 674; № 67. С. 687.
- Финско-русский словарь / Сост. И. Вахрос, А. Щербаков. М., 1975. 315 с.
- Черкасов А. А.* Записки охотника Восточной Сибири. СПб., 1884.
- Чикачев А. Г.* Русские на Индигирке. Новосибирск, 1990. С. 141–166. (Словарь.)
- Шейн П. В.* Дополнения и заметки к «Толковому словарю Даля». 1873 // Сб. ОРЯС. 1873. Т. X, № 8. С. 1–52.
- Шешенин А. К.* Приложение к историческо-этнографическим очеркам Сумского посада в Кемском уезде Архангельской губернии // Тр. Архангельского статистического комитета за 1865 г. 1866. С. 50–59.
- Шренк Л. И.* Областные выражения русского языка в Архангельской губернии // Зап. РГО. 1850. Кн. IV. С. 121–167.
- Шульц А. Я.* Техническое описание рыбных и звериных промыслов на Белом и Ледовитом морях. СПб., 1863. С. 84–108. (Алфавитный указатель).
- Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья / Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1980. 472 с.

- Эстонско-русский словарь / И.Тамм. Таллинн, 1981. 757 с.
- Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991. Тт. 1–10.
- Inkeröismurteiden sanakirja / Toim. Nirvi R. E // LSFu 18. Helsinki, 1958.
- Karjalan kielen sanakirja / Toim. Virtaranta P. // LSFu. 1968. 1 о.; 1974. 2 о.; 1983. 3 о.; 1993. 4 о.; 1997. 5 о.
- Lyydilaismurteiden sanakirja / Ker. Donner K., Kalima J., Kettunen L., Kujola J., Ojansuu H., Pakarinen E. / Toim. Kujola J // LSFu. Helsinki, 1944.
- Nykysuomen sanakirja // SKS. 1–6 о. Porvoo–Helsinki, 1951–1961.
- Suomen kielen etymologinen sanakirja / Toim. Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A., Peltola R. Helsinki, 1955–1981. 1–7 osa.
- Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Helsinki, 1992–2000. 1–3 osa.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ^(*)

* Сокращения названий районов (уездов) и областей (губерний) соответствуют сокращениям, принятым в Словаре русских народных говоров.

АОС — Архангельский областной словарь

ВЯ — Вопросы языкознания

Второе Доп. — Второе дополнение к «Опыту областного великорусского словаря»

Вепско-русский словарь

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка

ДКЭСЛЯ — Дополнение к Краткому этимологическому словарю коми языка

Доп. Опыт — Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря»

ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения

Изв. ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук

ИРЯЗ — Институт русского языка

КРОЧК — Коми-роч кывчукор

КРС — Коми-русский словарь

КЭСРЯ — Краткий этимологический словарь русского языка

ЛААО — Лексический атлас Архангельской области

ЛК ТЭ — Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского государственного университета

НОС — Новгородский областной словарь

МДК — Московская диалектологическая комиссия

- МРС — Мокшанско-русский словарь
- ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря
- ОСВРН — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров
- ОСГКО — Опыт словаря говоров Калининской области
- ПЛГО — Полевое лингвогеографическое исследование (материалы полевых экспедиций автора)
- ПФГЛК — Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии
- РКС — Русско-карельский словарь
- РНС — Русско-ненецкий словарь
- РФС — Русско-финский словарь
- СВГ — Словарь вологодских говоров
- СВЯ — Словарь вепсского языка
- СВОДЯ — Словарь водского языка
- СГБРС — Словарь гидронимов юго-восточного Приладожья (бассейн реки Свирь)
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера
- СГТЯЛ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика

СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)

СКЯП — Словарь карельского языка (тверские говоры)

Слов. Акад. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук

Словарь Грота–Шахматова — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук, изд. 1891–1920

СМЯ — Словарь марийского языка

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей

СРГКК — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края

СРНГ — Словарь русских народных говоров

СФУ — Советское финно-угроведение

ФРС — Финско-русский словарь

ЭРС — Эстонско-русский словарь

ЯОС — Ярославский областной словарь

AASF — *Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Series. B.*

IMS — *Inkeröismurteiden sanakirja*

KKS — *Karjalan kielen sanakirja*

- KOLTKS — Koltan ja kuolalapin sanakirja
KV — Kalevaseuran vuosikirja
LSFu — Lexica Societatis Fenno-ugricae
MASFOu — Mémoires de la Société finno-ougrienes
RSI — Recznik Slawistyczny
SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja
SKS — Suomalaisen Kirjallisuuden seura
SKST — Suomen kielen seuran toimituksia
SSAP — Suomen sanojen alkuperä
STAT — Suomen Tiedeakademian toimituksia
SUST — Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia
VKMS — Vatjan kielen Joenperan sanasto
ZSLPh — Zeitschrift für slavische Philologie

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ:

англ. — английский

англосакс. — англосаксонский

белорусск. — белорусский

болг. — болгарский

венг. — венгерский

вепс. — вепсский

водск. — водский

гальск. — гальский

герм. — германские языки

дат. — датский

диал. — диалектное

др. — древне-

ижор. — ижорский

исп. — испанский

итал. — итальянский

кар. — карельский

кар. валд. — валдайский диалект карельского языка

кар. сев. — севернокарельский

кар. твер. — тверской диалект карельского языка

- кар. тихв.** — тихвинский диалект карельского языка
- коми-зырян.** — коми-зырянский
- коми-перм.** — коми-пермяцкий
- коми удор.** — удорский диалект языка коми
- латин.** — латинский
- латыш.** — латышский
- ливв.** — ливвиковский диалект карельского языка
- ливск.** — ливский
- литов.** — литовский
- люд.** — людиковский диалект карельского языка
- манс.** — мансийский
- мар.** — марийский
- мар. малмыж.** — малмыжский диалект марийского языка
- мерян.** — мерянский
- мокш.** — мокшанский
- морд.** — мордовский
- нем.** — немецкий
- норв.** — норвежский
- польск.** — польский
- праслав.** — праславянский

-
- прафин.** — прафинский
- прус.** — прусский
- русск.** — русский
- саам.** — саамский
- саам. йокан.** — йоканьгский диалект саамского языка
- саам. кильд.** — кильдинский диалект саамского языка
- саам. кольск.** — кольский диалект саамского языка
- саам. лул.** — лульский диалект саамского языка
- саам. норв.** — саамский язык в Норвегии
- саам. патс.** — диалект Патсамско саамского языка
- саам. швед.** — саамский язык в Швеции
- саам. фин.** — саамский язык в Финляндии
- санскр.** — санскрит
- сербохорв.** — сербохорватский
- словац.** — словацкий
- татар.** — татарский
- тувин.** — тувинский
- тур.** — турецкий
- тюрк.** — тюркские языки
- удм.** — удмуртский

укр. — украинский

фин. — финский

франц. — французский

хант. — хантыйский

чеш. — чешский

чуваш. — чувашский

швед. — шведский

эрз. — эрзянский

эст. — эстонский

юкаг. — юкагирский

якут. — якутский

ПЕРЕЧЕНЬ РАЙОНОВ, ПРИВОДИМЫХ В РАБОТЕ**Архангельская область**

Районы

1. Вельский
2. Верхнетоемский
3. Вилегодский
4. Виноградовский
5. Каргопольский
6. Коношский
7. Котласский
8. Красноборский
9. Ленский
10. Лешуконский
11. Мезенский
12. Няндомский
13. Онежский
14. Пинежский
15. Плесецкий
16. Приморский

17. Устьянский

18. Холмогорский

19. Шенкурский

Вологодская область

Районы

1. Бабаевский
2. Бабушкинский
3. Белозерский
4. Вашкинский
5. Великоустюгский
6. Верховажский
7. Вожегодский
8. Вологодский
9. Грязовецкий
10. Кадуйский
11. Кирилловский
12. Кичменско-Городецкий

-
13. Междуреченский	6. Лоухский
14. Никольский	7. Медвежьегорский
15. Нюксенский	8. Муезерский
16. Сокольский	9. Олонецкий
17. Сямженский	10. Питкярянтский
18. Тарногский	11. Прионежский
19. Тотемский	12. Пряжинский
20. Усть-Кубенский	13. Пудожский
21. Устюжский	14. Сегежский
22. Харовский	15. Суоярвский
23. Чагодощенский	
24. Череповецкий	
25. Шекснинский	

Карелия

Районы

1. Беломорский
2. Калевальский
3. Кемский
4. Кондопожский
5. Лахденпохский

Ленинградская область

Районы

1. Бокситогорский
2. Волосовский
3. Волховский
4. Всеволожский
5. Гатчинский
6. Кингисепский
7. Киришский
8. Кировский

9. Лодейнопольский
10. Лужский
11. Подпорожский
12. Сланцевский
13. Тихвинский
14. Тосненский

Мурманская область

Районы

1. Ковдорский
2. Кольский
3. Ловозерский
4. Печенгский
5. Терский

Города областного подчинения

1. Кандалакша
2. Североморск

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев 1956** *Абаев В. И.* О языковом субстрате // Доклады и сообщения Института языкознания. М., 1956. № 9. С. 57–69.
- Азарх 1973** *Азарх Ю. С.* О глаголах типа *улайдать* — *уландать* в севернорусских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 203–209.
- Аванесов 1949** *Аванесов Р. И.* Заметки о говоре с. Семеновского на р. Водле // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., Л., 1949. Т. 2. С. 242–260.
- Агеева 1989** *Агеева Р. А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989. 253 с.
- Алатырев 1948** *Алатырев В. И.* Словник-вопросник по изучению заимствованных карельских, вепских, финских и областных слов в русских говорах КФССР. Петрозаводск, 1948. 130 с.
- Алекина 1972** *Алекина Л. Н.* Лингвогеографическое членение Карелии (названия лодок и их частей) // Матер. XXVII науч. студенческой конференции. Литературоведение и лингвистика. Тарту, 1972. С. 172–174.
- Алекина 1975** *Алекина Л. Н.* Из материалов для регионального атласа русских говоров Карелии // Севернорусские говоры. Л., 1975. Вып. 2. С. 59–65.

- Андреев 1946** Русско-марийский словарь / *Андреев И. Ф., Иванов Д. И., Смирнов И. Ф.* Йошкар-Ола, 1946. 308 с.
- Андреева 1984** *Андреева Е. П.* Взаимодействие славянской и финно-угорской лексики в системе рыболовецкой терминологии Белозерья (На материале местных письменных памятников XVI–XVII вв. и современных говоров) // Эволюция лексических системы севернорусских говоров. Вологда, 1984. С. 84–94.
- Андреева 1991** *Андреева Е. П.* Из истории названий рыболовецких орудий (на материале белозерских говоров) // История русского слова: проблемы номинации и семантики. Вологда, 1991. С. 112–119.
- Апресян 1969** *Апресян Ю. Д.* Синонимия и синонимы // ВЯ. 1969. № 4. С. 75–91.
- Ардентов 1955** *Ардентов Б. П.* К изучению заонежского диалекта // Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та. 1955. Т. 15. С. 73–90.
- Арзуманова 1975** *Арзуманова Н. Г.* К вопросу об усвоении финно-угорских глагольных заимствований в севернорусских говорах // Севернорусские говоры. Л., 1975. Вып. 2. С. 84–90.
- Аристе 1953** *Аристе П. А.* Предисловие // Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. М., 1953. Ч. 1. С. 3–7.
- Аристе 1954** *Аристе П.* К вопросу о развитии ливского языка // Тр. Института языкознания АН СССР. 1954. 4. С. 224–307.

- Аристе 1955** *Аристе П. А.* Примечания // Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. М., 1955. Ч. 2. С. 277–288.
- Аристе 1956** *Аристе П. А.* Формирование прибалтийско-финских языков в древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн, 1956. С. 5–27.
- Ахманова 1956** *Ахманова О. С.* О фонетических и морфологических вариантах слова // Академику В. В. Виноградову. Сб. статей. М., 1956. С. 42–59.
- Барсов 1872** *Барсов Е. В.* Севернорусский словарь с общими замечаниями о языке Причитаний // Причитания северного края. М., 1872. Ч. 1. С. I–XXXIII.
- Блинова 1966** *Блинова О. И.* Лексико-фонетическое варьирование слова в диалектах // Уч. зап. Томского гос. ун-та. 1966. Вып. 1, № 57. С. 17–33.
- Блинова 1968** *Блинова О. И.* О тождестве слова в диалектном языке // Вопросы русского языка и говоров. Томск, 1968. С. 117–126.
- Блинова 1975** *Блинова О. И.* Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1975. 257 с.
- Блинова 1984** *Блинова О. И.* Русская диалектология. Лексика. Томск, 1984. 133 с.
- Богданов 1951** *Богданов Н. И.* К истории вепсов // Изв. Карело-финского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1951. № 2. С. 24–31.
- Богданов 1952** *Богданов Н. И.* История развития лексики вепского языка. АКД. Л., 1952. 22 с.

- Богданов 1958** *Богданов Н. И.* Народность вепсы и их язык // Тр. Карельского филиала АН СССР. Вып. 22. Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1958. С. 63–75.
- Богданов 1960** *Богданов Н. И.* О некоторых особенностях восточновепских говоров — куйского и пондальского (материалы) // Тр. Карельского филиала АН СССР. Вып. 23. Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1960. С. 33–41.
- Бромлей, Булатова 1972** *Бромлей С. В., Булатова Л. Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972. 448 с.
- Бубрих 1928** *Бубрих Д. В.* Финно-угорское языкознание в СССР // Финно-угорский сборник. Л., 1928. С. 77–134.
- Бубрих 1931** *Бубрих Д. В.* О взаимоотношениях русского и финского языков. Прага, 1931. Отд. отт. 4 с.
- Бубрих 1937** *Бубрих Д. В.* Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). Петрозаводск, 1937. 79 с.
- Бубрих 1947** *Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. 51 с.
- Бубрих 1948** *Бубрих Д. В.* Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск, 1948. 232 с.
- Бубрих 1955** *Бубрих Д. В.* Историческая морфология финского языка. М., Л., 1955. 187 с.
- Бубрих 1971** *Бубрих Д. В.* Русское государство и формирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1971. Вып. 5. С. 3–22.

- Булатова 1975** *Булатова Л. Н.* Перфектные формы в одном русском говоре Карельской АССР (к вопросу о грамматических значениях причастий в функции сказуемого в русских говорах) // Русские говоры. М., 1975. С. 189–201.
- Булич 1886** *Булич С. К.* Заимствованные слова и их значение для развития языка // Рус. Филол. вестник. 1886. Т. XV. С. 344–362.
- Бутков 1842** *Бутков П.* О финских словах в русском языке и о словах русских и финских, имеющих одинаковое знаменование // Тр. Рос. Акад. 1842. Ч. V. С. 115–177.
- Васильев 2001** *Васильев В. Л.* Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки). Великий Новгород, 2001. 255 с.
- Вахрос 1959** *Вахрос И. С.* Наименование обуви в русском языке // Ежегодник по изучению СССР в Финляндии. Хельсинки, 1959. Приложение к № № 6–10. 271 с.
- Веске 1890** *Веске М.* Славяно-финские культурные отношения по данным языкам // Изв. общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1890. Т. VIII, вып. I. С. 1–103.
- Виноградов 1944** *Виноградов В. В.* О формах слова // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1944. Т. 3, вып. I. С. 31–46.
- Волков 1893** *Волков В. П.* Особенности языка Олонских былин // Живая старина. 1893. I. С. 129–133.

- Воронова 1967** *Воронова Л. А.* Из наблюдений над диалектными названиями рыб в говорах Беломорского района КАССР // Уч. зап. Карельского пед. ин-та. Т. XVIII. Вопросы языкознания. Петрозаводск, 1967. С. 43–48.
- Воронова 1968** *Воронова Л. А.* О прибалтийско-финских заимствованиях в промысловой лексике поморских рыбаков // Уч. зап. Карельского пед. ин-та. Петрозаводск, 1968. Т. 22. С. 142–156.
- Воронова 1968а** *Воронова Л. А.* Русская промысловая лексика рыбаков Беломорья // АКД. Петрозаводск, 1968. 17 с.
- Воронова, Шапиро 1979** *Воронова Л. А., Шапиро Ф. С.* О функционировании общенародных слов в русских говорах Карелии // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 141–147.
- Востриков 1981** *Востриков О. В.* Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 2–45.
- Востриков 1990** *Востриков О. В.* Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990. 96 с.
- Галуза 1982** *Галуза О. В.* Лексико-морфологическое варьирование имен существительных в амурском говоре (к проблеме тождества слова). АКД. Томск, 1982. 17 с.
- Герасимов 1893** *Герасимов М. К.* О говоре крестьян южной части Череповецкого уезда Новгородской губернии // Живая старина. 1893. Вып. 3, отд. 2. С. 374–388.

- Герасимов 1920** *Герасимов М. К.* Словарь уездного череповецкого говора // Сб. ОРЯС. 1920. Т. 87, № 3. С. I–III.
- Герберштейн 1968** *Герберштейн С.* Записки о московских делах // Россия глазами иностранцев. Л., 1968. С. 31–150.
- Герд 1969а** *Герд А. С.* К истории диалектных границ на севере и северо-западе Европейской части СССР // Юбилейная научно-методическая конференция северо-западного объединения кафедр русского языка. Программа и краткое содержание докладов. Л., 1969. С. 225–228.
- Герд 1969б** *Герд А. С.* Из истории некоторых прибалтийско-финских заимствований в современной русской ихтиологической терминологии (рипус, ряпушка, лудога) // Вопросы теории и истории языка. Л., 1969. С. 164–170.
- Герд 1970а** *Герд А. С.* Из истории печорских названий рыб // Севернорусские говоры. Л., 1970. Вып. I. С. 108–117.
- Герд 1970б** *Герд А. С.* Севернорусские названия рыб и некоторые вопросы этнической истории русского Севера и Северо-Запада // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970. С. 132–135.
- Герд 1975** *Герд А. С.* По некоторым вопросам славянской и исторической диалектологии // Севернорусские говоры. Л., 1975. Вып. 2. С. 187–192.

- Герд 1975а** *Герд А. С.* Русские говоры в бассейне реки Оять // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 188–194.
- Герд 1979** *Герд А. С.* К истории образования говоров Заонежья // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 206–213.
- Герд 1981** *Герд А. С.* Из истории прибалтийско-финских названий рыб (siika, siiga, muhju) // Прибалтийско-финское языкознание (вопросы лексикологии и лексикографии). Л., 1981. С. 50–54.
- Герд 1984** *Герд А. С.* К истории образования говоров Поневья // Севернорусские говоры. Л., 1984. Вып. 4. С. 174–180.
- Герд 1987** *Герд А. С.* К истории образования говоров Беломорья // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии. Вологда, 1987. С. 94–103.
- Герд 1988** *Герд А. С.* Прибалтийско-финские названия рыб в свете вопросов этнолингвистики // Прибалтийско-финское языкознание Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск, 1988. С. 4–22.
- Герд 1991** *Герд А. С.* К истории диалектных границ вокруг Онежского озера // История русского слова: проблемы номинации и семантики. Вологда, 1991. С. 54–61.
- Герд 2001** *Герд А. С.* Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 409–416.

- Герд и др. 1987** *Герд А. С., Лутовинова И. С., Михайлова Л. П., Рождественская Т. В.* Этническая история Русского Севера в трудах языковедов и некоторые вопросы теории этногенеза // СЭ. 1987. № 6. С. 28–37.
- Гильфердинг 1949** *Гильфердинг А. Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины. Л., 1949. С. 29–84.
- Головина 1984** *Головина В. Д.* Внутрисловная вариантность в севернорусской географической терминологии (на материале говоров Кировской области) // Севернорусские говоры. Л., 1984. Вып. 4. С. 113–120.
- Горбачевич 1978** *Горбачевич К. С.* Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978. 238 с.
- Гринкова 1947** *Гринкова Н. П.* Изучение олонекких диалектов // Сб. А. А. Шахматов. М., Л., 1947. С. 365–390.
- Грот 1854** *Грот Я. К.* Областные великорусские слова финского происхождения // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. СПб., 1854. С. 65–68.
- Грот 1876** *Грот Я. К.* Слова Областного словаря, сходные с финскими // Филологические разыскания. СПб., 1876. Тт. 1–2. С. 470–474.
- Грузов 1969** *Грузов Л. П.* Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969. 211 с.
- Голубева 1973** *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере, X–XIII вв. М., 1973, 212 с.

- Горяев 1896** *Горяев Н. В.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.
- Гусева 1971** *Гусева Л. Г.* Заимствованные слова в географической терминологии Каргопольского края // Вопросы топониматики. 1971. № 5. С. 86–98.
- Гусева 1972** *Гусева Л. Г.* Географические термины, обозначающие болото и его части, в апеллятивной лексике и топонимике Каргопольского края // Вопросы топониматики. 1972. № 6. С. 122–127.
- Гусева 1983** *Гусева Л. Г.* Географическая терминология Белозерья и ее отражение в топонимии // Методы топонимических исследований. Свердловск, 1983. С. 81–89.
- Даль 1852** *Даль В. И.* О наречиях русского языка. По поводу «Опыта областного великорусского словаря», изданного вторым отделением Имп. Академии наук // Вестник Имп. Русского географического общества. 1852. Ч. VI, кн. 1, отд. IV.
- Доля 1958** *Доля Т. Г.* О некоторых особенностях беспредложного и предложного управления в говорах Заонежского района Карельской АССР // Уч. зап. Петрозав. гос. ун-та. 1958. Т. VII, вып. 1. С. 247–260.
- Доля 1962а** *Доля Т. Г.* О некоторых синтаксических особенностях в заонежском говоре // Лингвистический сб. Петрозав. ун-та. 1962. Вып. 1. С. 54–65.
- Доля 1962б** *Доля Т. Г.* Употребление сочинительных союзов в заонежском говоре // Уч. зап. Карельского пед. ин-та. 1962. Т. XII. С. 130–142.

- Доля 1963** Доля Т. Г. Употребление частиц в говорах Заонежья // Уч. зап. Петрозав. ун-та. 1963. Т. X, вып. 3. С. 111–122 (в).
- Доля 1964** Доля Т. Г. Безличные предложения в говорах Заонежья Карельской АССР // Уч. зап. Петрозав. ун-та. 1964. Т. XI, вып. 7. С. 45–55.
- Доля 1965** Доля Т. Г., Суханова В. С. Прибалтийско-финские заимствования в русских народных говорах Карелии // Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1965. Вып. 3. С. 194–201.
- Доля, Суханова 1967** Доля Т. Г., Суханова В. С. Об усвоении прибалтийско-финских заимствований в русских народных говорах Карелии // Лингвистический сборник. Петрозаводск, 1967. Вып. IV. С. 85–93.
- Доля, Суханова 1971** Доля Т. Г., Суханова В. С. Структура прибалтийско-финских заимствованных слов в русских диалектах Карелии (имена существительные) // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1971. С. 52–56.
- Доля, Суханова 1975** Доля Т. Г., Суханова В. С. Существительные на -га в русских говорах Карельской АССР // Севернорусские говоры. Л., 1975. Вып. 2. С. 35–40.
- Доля, Суханова 1979** Доля Т. Г., Суханова В. С. К вопросу о глагольной синонимике в русских народных говорах Карелии // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3.

- Дерягин, Комягина 1973** *Дерягин В. Я., Комягина Л. Н.* Из истории и географии финно-угорских заимствований в севернорусских говорах // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1973. С. 32–49.
- Дубровина 1969** *Дубровина З. М.* Прибалтийско-финские элементы в топонимике Ленинградской области // Уч. зап. ЛГУ, № 335. Сер. филол. наук. Вып. 71. Л., 1969. С. 85–86.
- Дубровина, Герд 1974** *Дубровина З. М., Герд А. С.* Об одном типе глаголов, заимствованных из вепсского и карельского языков в русские говоры Карелии // Вопросы советского языкознания. Тезисы докладов и сообщений на XV конференции по финно-угроведению, посвященной 159-летию Академии наук СССР. Петрозаводск, 1974. С. 75–78.
- Дубровина, Герд 1979** *Дубровина З. М., Герд А. С.* Изобразительные и звукоподражательные глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии // ФФУ. 1979. № 4. С. 243–247.
- Дульзен 1959** *Дульзен К. Н.* Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения // ВЯ. 1959. № 4. С. 35–48.
- Елабугина 1974** *Елабугина А. В., Иванова Т. А. и др.* Заимствованные апеллятивы в русских говорах Виноградовского района Архангельской области и их отражение в топонимике // Вопросы ономастики. 1974. №№ 8, 9. С. 113–128.
- Ермолин 1970** *Ермолин Б. В., Михайлова Л. П.* Природа Прионежья в народной терминологии // Тезисы

ХII научно-методической конференции сев.-зап. зонального объединения кафедр русского языка. Л., 1970. С. 246–248.

Ефремов 1959 *Ефремов Л. П.* Сущность лексического заимствования и основные признаки заимствованных слов // АКД. Алма-Ата, 1959.

Жуковская 1961 *Жуковская З. В.* О типах говоров южного Приладожья и Прионежья // Уч. зап. Псковского пед. ин-та им. С. М. Кирова. 1961. Вып. 7. С. 55–67.

Жученко 1987 *Жученко Н. М.* Варианты в диалектной речи // Формирование и развитие говоров позднего заселения. Саратов, 1987. С. 63–70.

Зайцева 1981 *Зайцева М. И.* Грамматика вепсского языка. М., 1981. 360 с.

Зайцева, Муллонен 1969 *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Образцы вепсской речи. Л., 1969. 746 с.

Зайцева 1969 *Зайцева Н. Г.* К вопросу о двуязычии (о некоторых особенностях смешанного вепско-русского народного говора деревни Марково Бабаевского района Вологодской области) // Уч. зап. РГПИ им. Герцена. Вологда, 1969. Т. 368. С. 122–126.

Захарова, Орлова 1970 *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970. 166 с.

Зеленин 1954 *Зеленин Д. К.* О происхождении северноруссов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания Ан СССР. 1954. № 6. С. 49–85.

- Зеленин 1991** *Зеленин Д. К.* Восточно-славянская этнография. М., 1991. 507 с.
- Известия Имп. Географ. об-ва 1871** Известия Имп. Географического общества за 1871 г.
- Ивашко 1958** *Ивашко Л. А.* Заимствованные слова в печорских говорах // Уч. зап. Лен. гос. ун-та. 1958. № 243. Сер. филол. наук. Вып. 42. С. 84–103.
- Ивић 1960** *Ивић П.* Основни аспекти структуре дијалекатске диференцијације // Македонски јазик. Скопје, 1960–1961. Год XI–XII, кн. 1–2.
- Ильина 1971** *Ильина М. А.* Лексические формы слова и методы их изучения. М., 1971. 63 с.
- Ильинский 1989** *Ильинский Г. А.* К вопросу о финских словах в русском языке // Изв. археологии, истории и этнографии при Казан. гос. ун-те. Казань, 1928. 34, 1, 3. С. 69–78.
- Калима б/г** *Калима Я.* Непервоначальное «г» в некоторых севернорусских диалектах. Отд. отт. [без года]. 8 с.
- Карамышева 1989** *Карамышева Л. М.* Рыболовецкая лексика онежских говоров // Севернорусские говоры. Л., 1989. Вып. 5. С. 69–78.
- Каринский 1983** *Каринский Н. М.* О некоторых говорах по течению рек Луги и Ордежа. Варшава, 1983.
- Карский 1928** *Карский Е. Ф.* Русская диалектология. М., Л., 1928. 195 с.

- Керт 1971** *Керт Г. М.* Саамский язык (Кильдинский диалект). Фонетика. Морфология. Синтаксис. Л., 1971. 355 с.
- Кипарский 1958** *Кипарский В.* О хронологии славяно-финских лексических отношений // Scando-slavica 4. 1958. С. 127–136.
- Колесов 1975** *Колесов В. В.* Фонетические условия заонежского «яканья» // Русские говоры. М., 1975. С. 53–58.
- Колосов 1874** *Колосов М. А.* Материал для характеристики севернорусского наречия // Варшавские университетские известия. 1874. №№ 2, 3.
- Колосов 1877** *Колосов М. А.* Заметки о языке и народной поэзии в области севернорусского наречия // Сб. ОРЯС. СПб., 1877. Т. 17, № 3. С. 1–343.
- Колосов 1878** *Колосов М. А.* Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878. 260 с.
- Комягина 1982** *Комягина Л. П.* Об основных границах архангельских диалектов // Системные отношения в лексике русских говоров. Вологда, 1982. С. 8–21.
- Комягина 1984** *Комягина Л. П.* Соотношение лингвистических и этнографических ареалов на территории Архангельской области // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984. С. 8–19.
- Комягина 1994** *Комягина Л. П.* Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994. 235 с.

- Кочкурина 1986** *Кочкурина С.И.* Корела и Русь. Л., 1986. 143 с.
- Крейн 1963** *Крейн И.М.* Французские заимствования XIX в. в английском литературном языке. АКД. М., 1963.
- Крысин 1968** *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968. 207 с.
- Кузнецов 1949** *Кузнецов П.С.* Очерк морфологической системы пильмасозерского говора // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., Л., 1949. Т. 2. С. 72–127.
- Кузнецова 1985** *Кузнецова О.Д.* Актуальные процессы в говорах русского языка. Л., 1985. 181 с.
- Кузнецова 1989** *Кузнецова О.Д., Сорокалетов Ф.П.* Принципы разработки вариантов слова в Словаре русских народных говоров (СРНГ) // СРНГ. Л., 1989. Вып. 22. С. 4–8.
- Кукконен 1970** *Кукконен А.И.* О финно-русских языковых взаимоотношениях на территории Ленинградской области // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970. С. 135–137.
- Кукконен 1982** *Кукконен А.И.* О русско-финских языковых контактах. Л., 1982. 127 с.
- Лааннест 1966** *Лааннест А.* Ижорские диалекты. Таллинн, 1966. 182 с.

- Ленсуу 1930** *Ленсуу Н. Я.* Материалы по говорам во-
ди // Западнофинский сборник. 1930. № 16. С. 201–
305.
- Лесков 1892** *Лесков Н. Ф.* О влиянии карельского язы-
ка на русский в пределах Олонецкой губернии // *Живая старина*. 1892. № 4. С. 97–103.
- Лесков 1894** *Лесков Н. Ф.* Отчет о поездке к олонецким
карелам летом 1893 г. СПб., 1894.
- Лизанец 1975а** *Лизанец П. Н.* Лингвогеографический ас-
пект в исследованиях лексических заимствований в
украинских говорах Карпатского ареала // *Труды*
по финно-угроведению. Тарту, 1975. С. 177–186.
- Лизанец 1975б** *Лизанец Н. П.* О лексических заимство-
ваниях и их типах // *Annales Universitatis Scientia-
rum Budapestensis*. Budapest, 1975. Т. 6. С. 141–147.
- Лыткин 1956** *Лыткин В. И.* Вепско-карельские заим-
ствования в коми-зырянских диалектах // *Сб. ака-
демику В. В. Виноградову*. М., 1956. С. 179–189.
- Майков 1885** *Майков Л. Н.* Еще былины и песни из За-
онежья // *Русский филологический вестник*. Вар-
шава, 1885. Т. XIII. С. 44–60.
- Майнов 1877** *Майнов А. П.* Приоятская Чудь // *Древняя*
и новая Россия. 1877. № 5.
- Майоров 1967** *Майоров А. П.* К вопросу о сущности лек-
сического заимствования // *Уч. зап. 1-го Москов-
ского гос. пед. ин-та иностранных языков им. М. То-
реза*. М., 1967. Т. 37. С. 202–213.

- Макаров 1966** Макаров Г. Н. Карельский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. 3. С. 61–80.
- Макаров 1967** Макаров Г. Н. К вопросу о прибалтийско-финских и коми-зырянских языковых контактах // СФУ. 3. 1967. № 2. С. 85–89.
- Макаров 1975** Макаров Г. Н. Русско-карельский словарь. Петрозаводск, 1975. 160 с.
- Мамонтова 1977** Мамонтова Н. Н. О вепском субстрате в топонимии Заонежья // Проблемы изучения музыкального фольклора русских и финно-угорских народов Карелии и земель Северо-Запада. Тезисы докладов конференции. Петрозаводск, 10–13 апреля. М., 1977. С. 37.
- Мамонтова 1982** Мамонтова Н. Н. Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР. (Олонецкий район). Петрозаводск, 1982. 213 с.
- Мансикка 1915** Мансикка В. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда // Изв. ОРЯС. 1915. Т. 19, кн. 4. С. 143–173.
- Маркова 1985** Маркова Н. В. Именительный падеж прямого объекта в онежских говорах // История русского языка: Лексика. Яз. худож. лит. М., 1985. С. 74–87.
- Маркова 1987** Маркова Н. В. К вопросу о конструкциях с причастными формами, образованными от переходных глаголов в помощь суффиксов *-н-*, *-т-* в онежских говорах // Русские диалекты. М., 1987. С. 167–173.

- Маркова 1991** *Маркова Н. В.* Родительный падеж субъекта а онежских говорах // Современные русские говоры. М., 1991. С. 134–140.
- Мартынюк 1992** *Мартынюк С. А.* Лексико-морфологическое варьирование слова на материале говора Прилузья (Республика Коми) // Вестник С-Пб. ун-та. 1992. Сер. 2, вып. 4. С. 34–39.
- Марузо 1960** *Марузо М.* Словарь лингвистических терминов / Пер. с французского Н. Д. Андреева. М., 1960. 436 с.
- Матвеев 1959** *Матвеев А. К.* Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала // Уч. зап. Урал. гос. ун-та. Языкознание. Свердловск, 1959. Вып. 32. 123 с.
- Матвеев 1962** *Матвеев А. К.* Новые данные о финно-угорских заимствованиях в русских говорах Урала и Западной Сибири // Вопросы финно-угорского языкознания. М., Л., 1962. С. 127–142.
- Матвеев 1964** *Матвеев А. К.* Субстратная топонимика Русского Севера // ВЯ. 1964. № 2. С. 64–83.
- Матвеев 1966** *Матвеев А. К.* Ареалы некоторых субстратных основ в севернорусской топонимике // Изучение географических названий. Вопросы географии 70. М., 1966. С. 56.
- Матвеев 1971** *Матвеев А. К.* Из истории изучения субстратной топонимике русского Севера // Вопросы топониматики. 1971. № 5. С. 7–34.

- Матвеев 1973** *Матвеев А. К.* Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивных названий // Этимология 1971. М., 1973. С. 58–73.
- Матвеев 1976** *Матвеев А. К.* Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // ВЯ. 1976. № 3. С. 58–73.
- Матвеев 1978** *Матвеев А. К.* Русск. диал. чильма // Этимология русских диалектных слов. Этимологические исследования. Свердловск, 1978. Вып. 1. С. 54–61.
- Матвеев 1979** *Матвеев А. К.* Древнее саамское население на территории севера Восточно-Европейской равнины // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979. С. 5–14.
- Матвеев 1995** *Матвеев А. К.* Апеллятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // ВЯ. 1995. № 2. С. 29–42.
- Матвеев 2001** *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург, 2001. 345 с.
- Матвеева 1984** *Матвеева К. Н.* Адаптация заимствования из бурятского языка в русских говорах западного Забайкалья // Исследование лексики и фразеологии говоров Сибири. Красноярск, 1984.
- МДК 1915** Опыт Диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии // Труды МДК. М., 1915. Вып. 5. 132 с.
- Медведев 1984** *Медведев М. С.* [Личное сообщение Э. М. Мурзаеву] // Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 311.

- Мельницкий 1893** *Мельницкий А.* Говор жителей северо-восточной части Вытегорского уезда Олонецкой губернии // Живая старина. 1893. Вып. 3. С. 388–392.
- Меркулова 1967** *Меркулова В. А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967. 259 с.
- Меркулова 1960** *Меркулова В. А.* У этимологии слова пихта // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1960. Вып. 1. С. 46–51.
- Мещерский 1963** *Мещерский Н. А.* К изучению русских народных говоров на территории Карельской АССР // Уч. зап. Карельского пед. ин-та. Петрозаводск. 1963. Т. 13. С. 113–126.
- Минорский 1891** М[инорский] П. «Коштугское наречие» (Влияние карельского языка на русский) // Олон. губ. вед. 1891. № 97. С. 989–990; № 98. С. 101–102.
- Михайлова 1986** *Михайлова Л. П.* Географическая лексика в русских говорах Карелии (названия болот) // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар, 1986. С. 76–88.
- Муллонен 1988** *Муллонен И. И.* Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988. 162 с.
- Муллонен 1994** *Муллонен И. И.* Очерки вепсской топонимики. СПб., 1994. 154 с.
- Муллонен 2002** *Муллонен И. И.* Топонимия Посвирья. Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. 353 с.

- Муллонен 1974** *Муллонен М. И.* Развитие фонетической системы русского языка в условиях вепсского окружения // Вопросы советского финно-угроведения. 1. Языкознание (Тезисы докладов и сообщений на XV конференции по финно-угроведению, посвященной 250-летию АН СССР). Петрозаводск, 1974. С. 78–90.
- Мызников 1995** *Мызников С. А.* Ареальная дистрибуция лексики сенокосения в русских народных говорах Обонежья и Приладожья // Псковские говоры и их носители (лингвогеографический аспект). Псков, 1995. С. 22–28.
- Мызников 1999** *Мызников С. А.* Лексика прибалтийско-финского происхождения в Обонежье и новгородских говорах // Севернорусские говоры. СПб., 1999. Вып. 7. С. 30–40.
- Нефедов 1939** *Нефедов Г. Ф.* Севернорусские говоры как материал для истории // Уч. зап. Ленингр. ун-та, 1939. № 33. Сер. филолог. наук, вып. 2. С. 250–259.
- Ниеминен 1957** *Ниеминен Е.* К вопросу о влиянии праславянского языка на прибалтийско-финские языки // Beogradski međunarodni slavisticki sastanak (15–21. IX. 1955). Beograd, 1957. С. 497–502.
- Новикова 1979** *Новикова Е. И.* Словообразование имен прилагательных с суффиксом *-еват-* в русских говорах Карелии и сопредельных областей // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 148–154.
- Новикова 1984** *Новикова Е. И.* Безаффиксное словообразование имен прилагательных в русских говорах

Карелии и сопредельных областей // Севернорусские говоры. Л., 1984. Вып. 4. С. 58–63.

Новикова 1989 *Новикова Е. И.* Словообразовательный тип имен прилагательных с суффиксом -л в современных русских говорах Карелии // Севернорусские говоры. Л., 1989. Вып. 5. С. 57–63.

Озерецковский 1989 *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989. (1-е изд.: 1792 г.) 207 с.

Ольгович 1962 *Ольгович С. И.* Из наблюдений над фонетическими изменениями при заимствовании иноязычных слов в акающих говорах Сибири // Уч. зап. Томского пед. ин-та. 1962. Т. XX, вып. 2. С. 49–61.

Основы 1975 Основы финно-угорского языкознания (Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1975, 347 с.

Оссовецкий 1982 *Оссовецкий И. А.* Лексика современных русских народных говоров. М., 1982. 196 с.

Паникаровская 1972 *Паникаровская Т. Г.* Диалектные глаголы речи аркать, арандаты, боронить в севернорусских говорах // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1972. С. 40–49.

Пименов 1965 Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М., Л., 1965. 263 с.

Пиотровский 1963 Пиотровский Р. Г. Структурные модели территориальных и жанровых разновидностей языка // Вопросы романского языкознания. Кишинёв, 1963.

- Погодин 1904** *Погодин А. Л.* Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 1904. 4. С. 1–72.
- Погодин 1907** *Погодин А. Л.* К вопросу о русских словарных заимствованиях их финского языка // Изв. ОРЯС. 12. 1907. С. 334–340.
- Погодин 1911** *Погодин А. Л.* Отчет о сочинении Яло Каллима «Die ostseefinnischen Lehnw. im Rus.», составленный проф. А. Л. Погодиным // Сборник отчетов о премиях и наградах за 1909 г. СПб., 1911. С. 449–468.
- Поляков 1991** *Поляков И. С.* Письма в Русское Географическое общество // Три путешествия по Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991. С. 47–86.
- Полякова 1972** *Полякова Е. Н., Новикова В. Ф.* Диалектная лексика в чердынских и соликамских памятниках XVII века // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1972. Вып. 3. С. 155–168.
- Попов 1948** *Попов А. И.* Топонимика Белозерского края // Уч. зап. ЛГУ. Сер. востоковед. наук. 1948. № 2. С. 164–174.
- Попов 1949** *Попов А. И.* Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1949. Т. 5. С. 46–66.
- Попов 1955** *Попов А. И.* Из истории славяно-финноугорских лексических отношений // Acta linguistica, Budapest, 1955. T. 5, f. 1, 2. С. 1–19.
- Попов 1957** *Попов А. И.* Из истории лексики народов Восточной Европы. Л., 1957. 134 с.

- Попов 1958** *Попов А. И.* Финно-угорские языки и лексика русских говоров // Soome-ugri keelte dialektoloogia alane hõupidamine [23–27. 6. 1958]. Ettekannete teesid. Tartu, 1958.
- Попов 1964** *Попов А. И.* Финно-угорские языки и лексика русских говоров // Miscellanea. Будапешт, 1964. Т. X, 3–4. С. 446–461.
- Попов 1965а** *Попов А. И.* Финно-угорские языки и лексика русских говоров // Studia slavica Akademiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1965. Т. 10, f. 3–4. С. 445–449.
- Попов 1965б** *Попов А. И.* Географические названия (Введение в топонимику). М., Л., 1965. 181 с.
- Попов 1966а** *Попов А. И.* Некоторые вопросы и задачи исследования лексики русских народных говоров // Лексика русских народных говоров. М., Л., 1966. С. 5–18.
- Попов 1966б** *Попов А. И.* О возможности совершенствования приемов этимологического анализа // Проблемы славянских исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии. Тезисы докладов. М., 1966. С. 17–18.
- Попов 1972а** *Попов А. И.* К вопросу о древнейших лексических связях между прибалтийскими финнами и славянами // Советское финно-угроведение. 1972. С. 85–90.
- Попов 1972б** *Попов А. И.* Русские говоры и влияние иноязычных соседей // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972. С. 5–13.

- Попов** *Попов А. И.* Заметки на полях SKES (неопубликованные заметки на полях SKES из архива А. И. Попова).
- Попов 1973** *Попов И. А.* Диалектологическая экспедиция на п-ов Заонежье // Диалектная лексика 1973. Л., 1974. С. 185–192.
- Попов 1974** *Попов И. А.* Лексический атлас русских народных говоров (Прспект). Л., 1974. 45 с.
- Попов 1987** *Попов И. А.* Программа собирания сведений для региональных словарей и атласов. М., 1987. Чч. 1–2.
- Попова 1968** *Попова Н. В.* Об отражении и следствиях двуязычия в печорских говорах // Псковские говоры II. Псков, 1968. С. 44–52.
- Пшеничнова 1977** *Пшеничнова Н. Н.* Применение таксономического анализа классификации говоров // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.
- Пшеничнова 1979** *Пшеничнова Н. Н.* Мера специфичности и некоторые вопросы классификации частных диалектных систем // ОЛА. Материалы и исследования. 1977. М., 1979.
- Пшеничнова 1983** *Пшеничнова Н. Н.* О значении статистических приемов в диалектологических исследованиях // Проблемы изучения говоров вторичного образования. Кемерово, 1983ю
- Пшеничнова 1996** *Пшеничнова Н. Н.* Типология русских говоров. М., 1996. 208 с.

- Райст 1966** *Райст Э. А.* Зависимость формы иностранных слов от языка источника и языков посредников в современном эстонском литературном языке. АКД. Таллинн, 1966.
- Рихтер 1968: 177** *Рихтер Е. В.* Заметки о терминах сельскохозяйственных орудий и жилища у русских западного Причудья // Труды Прибалтийской диалектологической конференции. Тарту, 1968. Тарту, 1970. С. 172–180.
- Рогожникова 1966** *Рогожникова Р. П.* Варианты слов в русском языке. М., 1966. 160 с.
- Русская диалектология 1964** Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М., 1964.
- Рут 1981** *Рут М. Э.* К этимологии севернорусских **тярега, кярега, нидега, инега, корега** // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 66–68.
- Рут 1982** *Рут М. Э.* Вепские географические термины в русской апеллятивной лексике и топонимике Вытегорского р-на Вологодской области // Ономастика Европейского Севера СССР. Мурманск, 1982. С. 21–23.
- Рут 1984** *Рут М. Э.* К проблеме разграничения субстратной и заимствованной лексики финно-угорского происхождения на территории русского Севера // Этимологические исследования. Свердловск, 1984. С. 31–41.
- Рыбников 1864** *Рыбников Н. Н.* Сборник слов, употребляемых в Олонецкой губернии // Этнографический сборник. СПб., 1864. Вып. 6. С. 1–24.

- Рябинин 1997** *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997. 259 с.
- Рягоев 1977** *Рягоев В. Д.* Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977. 287 с.
- Сало 1965** *Сало И. В.* О некоторых прибалтийско-финских заимствованиях в русских говорах Карельского Беломорья // Тезисы докладов на Всесоюзной конференции по финно-угроведению. Сыктывкар, 1965. С. 96–99.
- Сало АКД** *Сало И. В.* Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии. АКД. М., 1966. 20 с.
- Сало 1966а** *Сало И. В.* О некоторых прибалтийско-финских и саамских заимствованиях в русских говорах поморов Карелии // Советское финно-угроведение, 1966. С. 13–18.
- Сало 1966б** *Сало И. В.* Некоторые выводы о прибалтийско-финских и саамских заимствованиях и их освоении в севернорусских говорах карельского Беломорья // Советское финно-угроведение. 1966. № 2. С. 91–98.
- Сало 1966в** *Сало И. В.* Некоторые выводы по изучению заимствованной лексики беломорских говоров // Научная конференция по итогам работ за 1965 год (Петрозаводский институт языка, литературы и истории). Тезисы. Петрозаводск, 1966. С. 51–58.
- Сало 1971** *Сало И. В.* Из истории взаимоотношений вепсов, карел и русских карельского Беломорья // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1971. С. 57–62.

- Сало 1977** Сало И. В., Суханова В. С. О некоторых языковых параллелях в карельских и вепсских диалектах и русских народных говорах Карелии // Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимодействиях. Тезисы. Ужгород, 1977. С. 62–63.
- Светлов 1892** Светлов Я. О. О говоре жителей Каргопольского края (Олонецкой губернии) // Живая старина. 1892. Вып. 3. С. 156–164.
- Седов 1979** Седов В. В. Этнический состав населения Новгородской земли // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 74–80.
- Седов 1988** Седов В. В. Проблема происхождения и начальной истории славян // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. Славянорусские древности. Л., 1988. Вып. 1, № 1. С. 7–217.
- Сенкевич-Гудкова 1965** Сенкевич-Гудкова В. В. Прибалтийско-финские заимствования в русских говорах Карелии (на материале говоров Заонежья и Пудожья) // Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1965. Т. 257. С. 153–161.
- Сенкевич-Гудкова 1970** Сенкевич-Гудкова В. В. Семантическая структура переносных значений в русских говорах Карелии // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970. С. 137–140.
- Серебрянников 1956** Серебрянников Б. А. Проблема субстрата // Доклады и сообщения Института языкознания. М., 1956. № 9. С. 33–56.

- Серебренников 1959** *Серебренников Б. А.* О методах изучения топонимических названий // ВЯ. 1959. № 6. С. 33–56.
- Серебренников 1962** *Серебренников Б. А.* О финно-угорских этимологиях в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера // Лексикологический сборник. М., 1962. Вып. 5. С. 30–35.
- Серебренников 1966** *Серебренников Б. А.* О гидронимических формантах *-ньга, -юга, -уга, -юг* // Советское финно-угроведение. 1966. Т. II, № 1. С. 59–66.
- Скуратова 1962** *Скуратова Н. И.* Местоимения в говорах Заонежья // Лингвистический сборник Петрозав. ун-та. 1962. Вып. 2. С. 46–53 (б).
- Скуратова 1965** *Скуратова Н. И.* Некоторые особенности глагольной системы говоров Заонежья Карельской АССР // Уч. зап. Петрозав. ун-та. 1965. Т. X, вып. 3. С. 66–74.
- Скуратова 1979** *Скуратова Н. И.* Склонение имен прилагательных в говорах Заонежья Карельской АССР // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 16–20.
- Смирницкий 1954** *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове (проблема «тождества») // Тр. Института языкознания АН СССР. 1954. Т. IV. С. 3–49.
- Смирницкий 1956** *Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М., 1956. 260 с.
- Смулаковская 1979** *Смулаковская Р. Л.* Слово «луда» в современных русских говорах Карелии и сопредель-

ных областей // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 112–118.

Соболевский 1893 *Соболевский А. И.* К вопросу о финском влиянии на великорусское племя // Живая старина. 1893. Вып. I.

Соболевский 1903 *Соболевский А. И.* Разбор Словаря Олонецкого наречия Г. Куликовского. СПб., 1903. Отд. отт.: Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1901 г. 9 с.

Соболевский 1904 *Соболевский А. И.* Название озера Селигера в связи с вопросом о праславянской родине // Из трудов Тверского областного археологического съезда. Тверь, 1904. Отд. отт. 6 с.

Сороколетов, Кузнецова 1987 *Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д.* Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987. 231 с.

Соколова 1969а *Соколова О. И.* Инфинитив в Пудожских говорах Карелии // Исследование по русскому и славянскому языкознанию. Самарканд, 1969. Вып. 2. С. 256–260 (а).

Соколова 1969б *Соколова О. И.* Возвратные формы глагола в Пудожских говорах Карелии // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Самарканд, 1969. Вып. 2. С. 291–298.

Соколова 1969в *Соколова О. И.* К изучению русских говоров Карельской АССР // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Самарканд, 1969. Вып. 2. С. 215–232.

- Сорокин 1965** *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-е — 90-е годы XIX века. М., Л., 1965. 565 с.
- Грамматика 1997** Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1997. 799 с.
- Строгова 1975** *Строгова В. П.* Об особенностях некоторых древних заимствований в новгородских говорах // Очерки по лексикологии севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 195–199.
- Субботина 1978** *Субботина Л. А.* Заимствованная лексика в русских говорах Прикемья // Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978. С. 66–78.
- Суханова 1986** *Суханова В. С., Муллонен М. И.* О «г» протетическом в русских говорах Карелии // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Пермский ун-т. Сыктывкар, 1986. С. 38–45.
- Тароева 2965** *Тароева Р. Ф.* Материальная культура карел. Этнографический очерк. М., Л., 1965. 223 с.
- Тер-Аванесова 1991** *Тер-Аванесова А. В.* Ударение тематических глаголов с корнями, оканчивающимися на нешумные в говорах Заонежья // Современные русские говоры. М., 1991. С. 67–83.
- Теуш 2003** *Теуш О. А.* Этимологизация финно-угорских заимствований в русском языке и семантический анализ // ВЯ. 2003. № 1. С. 99–108.
- Третьяков 1953** *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1953. 312 с.

- Третьяков 1966** *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М., Л., 1966.
- Трубинский 1969** *Трубинский В. И.* Об особенностях системы глагольных времен в русских говорах Карелии // Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена. Т. 336. Гуманитарные науки. 1969. С. 118–132.
- Успенский 1913** *Успенский Н.* Русско-чудский словарь с некоторыми грамматическими указаниями. СПб., 1913. 32 с.
- Устюженский летописный свод 1950** Устюженский летописный свод. Архангелогородский летописец. Список XVII в. М., Л., 1950. 128 с.
- Фадеев 1979** *Фадеев Г. А.* О структурно-семантической интерпретации синонимии (на материале глагольной лексики Заонежья) // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 41–51.
- Фасмер 1907** *Фасмер М.* Финские заимствования в русском языке. По поводу статьи А. Л. Погодина (1904) // Живая старина. 1907. Т. 16, вып. 2. С. 77–85.
- Фасмер 1–4** *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967–1974. Тт. 1–4.
- Федоров 1957** *Федоров А. И.* О происхождении словарного состава беломорских говоров. АКД. Л., 1957. 20 с.
- Федоров 1960** *Федоров А. И.* О происхождении словарного состава беломорских говоров // Уч. зап. ЛГУ. 1960. Вып. 40. С. 185–212.

- Федоров 1965** *Федоров А. И.* О словах финно-угорского происхождения в составе лексики сибирских говоров по среднему течению Оби // Известия сибирского отделения АН СССР. Сер. общественных наук. Новосибирск, 1965. Вып. 1, № 1. С. 93–96.
- Федоров 1971** *Федоров А. И.* Освоение заимствованных слов в севернорусских говорах // Диалектная лексика 1969. Л., 1971. С. 219–226.
- Филин 1954** *Филин Ф. П.* Происхождение и развитие русского языка. Л. 1954. 48 с.
- Филин 1961** *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М., Л., 1961. 294 с.
- Филин 1963** *Филин Ф. П.* О слове и вариантах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М., Л., 1963. С. 128–133.
- Филин 1966** *Филин Ф. П.* О лексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах // Лексика русских народных говоров. М., Л., 1966. С. 27–34.
- Филин 1982** *Филин Ф. П.* Очерки по теории языкознания. М., 1982. 336 с.
- Хакулинен 1955** *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. М., 1953. Т. 1. 312 с.; М., 1955. Т. 2. 292 с.
- Хямяляйнен 1966** *Хямяляйнен Л.* Вепсский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. 3. С. 81–101.
- Цыганенко 1970** *Цыганенко Г. П.* Этимологический словарь русского языка. Киев, 1970.

- Чайкина 1970** *Чайкина Ю. И.* Еще раз о слове кулига // Этимология 1968. М., 1970. С. 176–185.
- Чайкина 1975** *Чайкина Ю. И.* Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 3–187.
- Чайкина 1993** *Чайкина Ю. И.* Семантическая деривация и причина архаизации и выпадения прямого значения слова (на материале диалектных экспрессивов // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. С. 186–192.
- Черепанова 1972** *Черепанова О. А.* Иноязычные элементы в мифологической лексике русского Севера // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1972. С. 33–40.
- Черепанова 1983** *Черепанова О. А.* Роль этнографических данных в ареально-генетическом исследовании диалектной лексики // Лингвогеография. Л., 1983. С. 95–103.
- Шайжин 1903а** *Шайжин Н.* Зависимость областного олонецкого наречия от наречий и говоров прибалтийских, прикамских и приволжских финнов в лексическом отношении. Петрозаводск, 1903.
- Шайжин 1903б** *Шайжин Н.* Особенности Пудожского говора // Олон. губ. вед. 1903. №№ 126–128, 130–136.
- Шайжин 1907** *Шайжин Н.* Олонецкое областное наречие и древнерусский язык в лексическом отношении. Петрозаводск, 1907.

- Шайжин 1922** *Шайжин Н.* Говоры Прионежья // Северный край. Вологда, 1922. Кн. 2.
- Шанский 1959** *Шанский Н. М.* Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959. 246 с.
- Шанский 1964** *Шанский Н. М.* Лексикология современного русского языка. М., 1964. 316 с.
- Шанский 1971** Краткий этимологический словарь русского языка / *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* М., 1971. 542 с.
- Шахматов 1911** *Шахматов А. А.* К вопросу о финно-кельтских и финно-славянских языковых отношениях // Изв. АН. СПб., 1911. № 9. С. 707–724; № 10. С. 791–812.
- Шегрен 1854** *Шегрен А. М.* Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. СПб., 1854. С. 145–165.
- Шилов 1997** *Шилов А. Л.* Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология заволочской чуди // ВЯ. 1997. № 6. С. 3–21.
- Шилов 1999** *Шилов А. Л.* Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999. 100 с.
- Шмелев 1961** *Шмелев Д. Н.* Заимствования из прибалтийско-финских языков в старорусских памятниках письменности // Вопросы славянского языкознания. 1961. № 5. С. 191–199.

- Шренк 1850** *Шренк А.* Областные выражения русского языка в Архангельской губернии // Зап. Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1850. С. 121–167.
- Якубинский 1986** *Якубинский Л. П.* Несколько замечаний о словарном заимствовании // Избранные работы: язык и его функционирование. М., 1986. С. 59–71.
- Ariste 1969** *Ariste P.* Slaavilaste ja läänemerelaste vanimist keelist kekkupuuteist // *Looming*. 19, 6. S. 699–700.
- Barczy 1958** *Barczy G.* A magyar szókincs eredete. Budapest, 1958.
- Berneker 1924** *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1924.
- Dauzat 1922** *Dauzat A.* La géographie linguistique. Paris, 1922.
- Dauzat 1938** *Dauzat A.* Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1938.
- Fraehkel 1–2** *Fraehkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1962–1965. T. 1–2.
- Hakulinen 1979** *Hakulinen D.* Suomen kielen rakenne ja kehitys. Neljäs, korjattu ja lisätty painos. Helsinki, 1979.
- Itkonen 1932** *Itkonen T. I.* Lappische Lehnwörter im Russischen // *AASF* 27. Helsinki, 1932. S. 47–65.

- Itkonen 1958** *Itkonen T. I.* Koltan ja kuolalapin sanakirja, 1–2 // LSFu 15. Helsinki, 1958.
- Kalima 1910a** *Kalima J.* Alt Berührungen zwischen den finnisch-ugrischen und slavischen Sprachen // Wörter und Sachen, 2. Heidelberg, 1910. S. 182–186.
- Kalima 1910b** *Kalima J.* Russischen Lehnwörter im Syrjanischen // SUST 29. Helsingfors, 1910.
- Kalima 1912** *Kalima J.* Kritisches zur Frage über die finnisch-ugrischen Elemente im Russischen // RSI, 5, 1912. S. 79–95; 8, 1913. S. 74–94.
- Kalima 1915** *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
- Kalima 1919** *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu, XLIV. Helsinki, 1919.
- Kalima 1927** *Kalima J.* Syrjanisches Lehngut im Russischen // FUF, XVIII. Helsinki, 1927. S. 1–56.
- Kalima 1932** *Kalima J.* Suomalaisista, karjalaisista ja väpsäläisistä lainoista venäjän kielessä // Karjalan kirja. Porvoo, 1932. S. 358–364.
- Kalima 1933** *Kalima J.* Über die Bedeutung der finnisch-ugrischen Sprachforschung für die russische Dialektologie // MSFOu, 67. 1933. S. 148–158.
- Kalima 1935** *Kalima J.* Neuere Forschungen über baltisch-finnische und finnisch-slavisvhe Beziehungen // ZSlPh, 12. 1935. S. 121–141.

- Kalima 1952** *Kalima J.* Slaavilaisperäinen sanastomme. Helsinki, 1952.
- Kálmán 1959** Kálmán B. Unkarin murreatlas // SKST, 263. 1959. S. 68–76.
- Kálmán 1978** Kálmán B. The world of names. A study in Hungarian Onomatology. Budapest, 1978. 199 p.
- Kettunen 1922a** *Kettunen L.* Lõunvepsa häälik-ajalugu 1. Konsonandid // Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis. II. 2. Tartu, 1922.
- Kettunen 1922b** *Kettunen L.* Lõunvepsa häälik-ajalugu 2. Vokaalid // Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis. III. 4. Tartu, 1922.
- Kettunen 1938** *Kettunen L.* Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung // LSFu 5. Helsinki, 1938.
- Kettunen 1957** *Kettunen L.* Isuri keel // Virittäjä. 1957. S. 121–131.
- Kettunen 1960** *Kettunen L.* Suomen lähisikukielten luonteenomaiset piirteet. Helsinki, 1960.
- Kiparsky 1948** *Kiparsky V.* Chronologie des relations slavobaltique et slavofinnoises // Revue des études Slaves, 24. 1948. P. 29–47.
- Kiparsky 1952** *Kiparsky V.* The earliest contacts of the Russians with the Finns and Balts // Oxfird slavonic paper 3. 1952. P. 67–79.
- Kiparsky 1956** *Kiparsky V.* Suomalais-slaavilaisten kosketuksien ajoituksessa // Virittäjä. 1956. S. 71–82.

- Kiparsky 1958** *Kiparsky V.* Ims. hääntaan vastineet venäjässä // *Virittäjä*. 1958. S. 165–174.
- Kiparsky 1962** *Kiparsky V.* Wie haben die Ostseefinnen die slaven kennengelern? // *MSFOu*, 125. 1962. S. 223–230.
- Kiparsky 1969** *Kiparsky V.* Gibt es ein finno-ugrischen substrat im slavischen // *STAT*, ser. B, t. 153. 4. Helsinki, 1969.
- Korhonen 1981** *Korhonen A.* Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981. SKS.
- Kurath 1939** *Kurath H.* Handbook of linguistik geography of New England. Brown University, 1939.
- Künnap 1998** *Künnap A.* Breakthrough in present-day uraistics. Tartu, 1998. 122 p.
- Machek 1934** *Machek V.* Čecka a slovensks jmena rostlin. Praha, 1934.
- Meckelein 1913** *Meckelein R.* Die finnisch-ugrischen, turko-tatarischen und mongolischen Elemente im Russischen. 1. Die finnisch-ugrischen Elemente im Russischen. Berlin, 1913.
- Mikkola 1894** *Mikkola J.J.* Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. 1. Slavische Lehnwörter in den westfinnischen Sprachen // *MSFOu*, 8, 1894.
- Mikkola 1913** *Mikkola J.* Altii. wiskoi 'fahrboot' // *Finisch-ugrische Forschungen*. 1913. B. XIII, h. 1, 2. S. 163–166.

- Mikkola 1938** *Mikkola J. J.* Die alteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch // MSFOu, 1938.
- Mullonen 1992** *Mullonen I.* Zur Rekonstruktion der Wep-sischen Lexik nach Toponymischen Belegen // Linguistica Uralica. 1992. XXVIII, 1. S. 1–12.
- Nieminen 1945** *Nieminen E.* Orsi, aarto ja hirsi // Virittäjä. 1945. S. 524–533.
- Nieminen 1951** *Nieminen E.* Indoeuropäische und ostseefinnische Ausdrücke für Hummel // Lingua Posnaniensis. Revue de filologie comparée et de linguistique general. Poznań, 1951. 3. S. 187–204.
- Nieminen 1956** *Nieminen E.* Kimalainen // Virittäjä. 1956. S. 387–391.
- Nieminen 1958** *Nieminen E.* Über ein vermeintliches Lehnwort im Ostseefinnischen // Die Welt der Slaven. 1958. 3, 2. S. 101–123.
- Ojansuu 1911** *Ojansuu H.* Beiträge zur Konsonantenlehre der finnischen Sprache // Finnisch-ungarische Forschungen. 1911. Bd. 11, Hft. 1–2. S. 141–157.
- Ojansuu 1916** *Ojansuu H.* Suomea kielen tutkimuksen työmaalta. Sarja esitelmia. 1. Jyväskylä. 1916.
- Palmeos 1962** *Palmeos P.* Karjala Valdai murrak // Eesti NSV Teaduste Akademia Emakeele Seltsi. Toimetised, 5. Tallinn, 1962.
- Pohjanvalo 1950** *Pohjanvalo P.* Salmminmurteiden sanakirja. Helsinki, 1950.

- Polák 1964** *Polák V.* Les éléments finno-ougriennes en slave // *Orbis*. 1964. 13. P. 568–588.
- Posti 1951** *Posti L.* Suomen murteiden äännehistorian kysymäksiä // *Virittäjä*. 1951. S. 407–416.
- Posti 1975** *Posti L.* Venäläis-suomalaiset kosketukset ja niiden tutkimuksen merkitys // *Castrenianumin toimitteita*. 1975. 13. S. 167–191.
- Rainio 1989** *Rainio J.* Vepsäranta // *Punalippu*. 1989. 2. S. 145–152.
- Setälä 1932** *Setälä E.* Les contacts de langues finno-baltique avec la Société finno-ougrienne. 43. Helsinki, 1932. P. 35–45.
- Sirelius 1913** *Sirelius U.* Primitive konstruktionsteile an prahistorischen schiffen // *Finnisch-ugrische Forschungen*. 1913. B. XIII, h. 1, 2. S. 1–6.
- Sulan 1963** *Sulan B.* Zur einigen fragen des bilinguismus // *Slavika*. Debrezen, 1963. 3. S. 10–19.
- Thomsen 1890** *Thomsen V.* Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog. Kobenhavn, 1890.
- Tsvetkov 1995** *Tsvetkov D.* Vatjan kielen Joenperan sanasto. Helsinki, 1995.
- Tunkelo 1946** *Tunkelo A.* Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946. SKS.
- Turunen 1946** *Turunen A.* Lyydiläismurteiden äännehistoria. 1 SUST, 8. Helsinki, 1946.

- Turunen 1950** *Turunen A.* Lyydiläismurteiden äännehistoria. 2 SUST, 99. Helsinki, 1950.
- Turunen 1983** *Turunen A.* Vepsän äännehistorian pääkondat. Helsinki, 1983.
- Veenker 1967** *Veenker W.* Die Frage des finnougri-schen Substrat in der russischen Sprache // Indiana un-ty publication. Uralik and Altaic series. V. 82, 1967.
- Vilkuna 1947–48** *Vilkuna K.* Vanhimmat suomalais-slaavilaiset kosketukset ja suomalaisten esihistoriaa Itämeren partailla. 1947, 1948. KV. S. 244–290.
- Virtanta 1965** *Virtanta P.* Das karelische Wörterbuch // Castrenianum–Forschungszentrum für Fennistic und Finnougristik. Helsinki, 1965. S. 37–44.
- Virtanta 1972** *Virtanta P.* Die dialekte des Karelischen // СФУ. 1972. S. 7–27.
- Weinreich 1953** *Weinreich U.* Languages in Contacts // Findings and Problems. New York, 1953.

Алфавитный индекс материалов

- Абаканда, 230, 231
áгивин, 152
агíвин, 152
агивин, 152, 417, 427, 431
агивина, 152
áлеек, 125
алéйка, 125
алейка, 416, 428, 431
алеховщина, 425
алéюшка, 125
алеюшка, 424
áллей, 125
аллéйка, 125
аллейка, 126
áляга, 216
аляга, 217, 414, 424, 428,
431
áрба, 387
арбуй, 54
áхвен, 152
áшвин, 152
ашвином, 152
багно́, 268
балахта, 206, 414
балумба, 324
барм, 207
ба́рма, 207, 208
барма, 208, 417, 427
ба́рмак, 207
бармак, 207
барма́к, 208
бармак, 208, 427
ба́рмы, 207
белокорая палья, 182
бе́ль, 406
бескозо́ба, 185
Богомольные Щельги, 308
бодка, 69
Большая Пудас, 274
Большая Пудость, 274
Большая сельга, 292
Большой Волостной Пе-
нус, 271
бонга, 217, 218, 417, 424,
427, 429
борáнда, 356
бо́рма, 75

- ботать, 29
Бродская Лахта, 251
букле, 219
буклина, 219
буклина, 425
буклови́на, 219
букля́, 218, 219
бу́кля, 219
букля, 219, 414, 417, 428,
429
бультика́шка, 209
бультикашки, 423
бу́тка, 68
бу́тки, 68
бутки, 68–70, 416, 422, 427,
430
бу́тья, 70
бу́хта, 345

Вайнасельга, 292
ва́кха, 70
вальчак, 166
вальчуг, 166
ва́ра, 220
вара, 220, 417, 431
ва́рага, 221
ва́рак, 221
ва́рака, 220
ва́рака, 220
варака, 55, 220, 222, 417,
426
ва́ракка, 221
ва́ракуша, 221
ва́раха, 220
вараха, 220
ва́рега, 221
варе́я, 221
ва́рик, 221
ва́рок, 220
ва́рока, 220
варока, 220
варочка, 221
Вартосельга, 293
ва́руй, 221
варь, 221
ва́рья, 221
васи́ль, 153
ва́фка, 71
вахка, 70, 72, 73, 416, 431
ва́хка, 71
вахко́вник, 71
ва́хта, 70
вахта, 70–72, 416
вахта́, 71
вахта речная, 71
ва́хтенник, 71
вахто́вник, 71, 72
вашка, 153
вашкал, 153
вашкалок, 153
вейга, 294, 383
ве́йга, 383
вейгам, 383
вейч, 60, 414
Великая Щельга, 308
ве́льга, 294
вельга, 294

- вельги, 294
вельжина, 294
вельжина, 425
вендара, 222
Вендозеро, 223
вендура, 222, 414
вендуры, 222
вендурье, 222
веньгать, 44
верáнда, 355, 357, 365
Веранда, 357
веранда, 429
Верандозеро, 357
верга, 44
Веронда, 357
вётлик, 127
ветлик, 127
вётлюк, 127
ветлю́к, 127
ветошь, 369, 370
вехк, 71, 73, 429
вётошь, 369
вигала, 414, 416, 428, 430
вiгала, 73
виклик, 430
виклю-виклю, 127
виклю́к, 127
виклюк, 127, 128, 416
вiли, 294
Вилисиньга, 294, 414
вiлюк, 126
вирáха, 357
вирáнда, 355, 357, 356
виранда, 356
Вирандозеро, 357
вирáш, 356
витлик, 426
витлю́г, 127
вiтлюк, 126
витлю́к, 126, 127
витлюк, 126–128, 416, 429
Войлохта, 263
вора, 221
ворáбыш, 123
ворабыш, 425
ворáнда, 356
ворга, 44, 223, 224, 266,
267, 426
вóргая, 224
вору, 221
вурба, 123
вурбыш, 122
вурбыш, 425
вырáнда, 356
вырында, 356
вытлю́к, 127
выхтóвник, 72
вябега, 429
Вяндручей, 223
вях, 71, 73
гáгачи, 359
гагачи, 359
гáбла, 129
гáболо, 129
гáболь, 129
Габсельга, 292

- га́бук, 128
габу́к, 128
габу́к, 129
габук, 47, 61, 128, 129, 428, 430
габучи́на, 128
гажда, 427
гажла, 416, 430
га́жла, 73, 74
га́жлы, 73
га́жля, 73
га́йрус, 154, 155
гайрус, 154, 417
га́лага, 312
галага, 59, 311, 312, 417, 427
галадья́, 153
галадья, 154
галдья́, 153
га́лей, 153
галейка, 153
галейка, 428
гале́я, 153
галея, 417, 428
га́лий, 153
галий, 153
галле́я, 154
га́ллий, 153
га́лога, 312
гало́га, 312
галога, 312, 417, 424, 430
галуба́ть, 44
гальдья́, 153
га́льюс, 155
га́лья, 154
галья, 421
Гамасельга, 292
га́нгас, 383
га́рба, 384, 386, 387
га́рва, 384–387
гарва, 54, 385
гарвами, 385
гарвах, 385
га́рвиз, 155
гарвиз, 156
гарвы, 385
га́риус, 154, 155
гариус, 156
гаровная, 385
гаровные, 385
гаровъ, 385, 386
гаръва, 385, 386
га́рьгус, 155
га́рьгюс, 155
га́рьюга, 155
гарьюга, 44
га́рьюз, 155
гарьюз, 156
га́рьюс, 154, 155
гарьюс, 155, 426, 431
га́рьюсо́к, 155
гарюста́, 155
ге́рпы, 358
гигна, 44
гирвас, 44
Годосельга, 292

- Голая Щельга, 308
голован, 165
головастики, 209
голодь, 153
голодь, 154, 421
горма́, 74
горма, 74–76, 416, 424, 426, 429
гормага, 424
го́рмага, 74
гудева́, 351
гудева, 429
гу́дега, 351
гу́майдать, 353
гумайдать, 414
гу́межи, 357
гунгать, 130
гу́нгач, 129
гунга́ч, 129, 130
гунгач, 416, 423, 427, 429
гурандать, 353
гу́рать, 353
густега, 351
- дубица, 407
Дивьи луды, 257
Донская Кара, 228
дуб, 407
- Ежесельга, 289
елак, 424
е́лек, 130
елек, 131
е́лек, 130, 416, 427
- Ереконда, 230
Еремина Сельга, 289
Ернин Пудас, 274
Ерошкина Сельга, 292
е́рпа, 357
ерпяк, 357
ерши, 358
- ёлак, 130, 131
е́лдыга, 169
е́рпа, 357
е́рча, 358
е́рши, 358
- жа́гла, 74
жаглу́ха, 214
жега́льница, 214
жежелю́ха, 214
жига-, 215
жи́галица, 214
жигáлка, 214
жигалка, 214, 423
жигалуха, 61
жи́гальница, 214
жигалю́ха, 213–215
жигалюха, 215, 417
жигалю́шка, 214
жигалюшка, 424
жиглу́ха, 214, 215
жиглуха, 44
жижалю́ха, 213
жижалю́шка, 213
жи́желик, 213, 214
жижелик, 215

- жи́желка, 213
жижелю́ха, 213, 214
жижелюха, 214, 215
жижелю́шка, 215
жижелюшка, 424
жигилю́ха, 213
жигля́к, 213
жигле́ц, 214
жи́жлик, 213, 214
жижлик, 215, 216, 421, 425
жижлика, 215
жигли́н, 213
жигличо́к, 213
жиглу́ха, 214, 215
жигля́к, 213
жи́жник, 213, 214
жижник, 213, 421, 425
жигу́лица, 213
жуга́, 313
жуга, 424
жужга, 313, 414, 424
жужка, 313, 414, 417, 427
- загоска, 29
закоша́чье, 237
закошечье, 237
зако́шечье, 237
закули́га, 238
закулига, 238, 239
закулижина, 239
закулижка, 239
Залахтовская, 251
Залахтовье, 251
залистежило, 322
- залудье, 256
заряндить, 338
затайбола, 298
затурило, 120
зату́рить, 120
заю́дило, 350
заю́дить, 350
заю́рить, 353
- Имолойда, 244
и́нега, 372
ир, 280
- йир, 280
- кагачи, 358
кагачи́, 359
катач, 361
ко́гочи, 359
корбас, 363
корва, 363
ко́ргача, 362
куйта, 408
кабе́йки, 144
кабейки, 144
ка́бьи, 144
кабьи, 144, 145, 428, 430
-кава, 173
кава, 54
кавьяга, 417
кагача, 125, 131, 414, 416,
421, 427, 429
Кагачин, 132
кагачи́на, 359
ка́диска, 387

- Кажев, 138
Казачья Сельга, 292
калужье, 360
калаг, 54
калайдать, 44
Калакунда, 231
Каласельга, 293
калгами, 55
калги, 54
калега, 225
калега, 54
калежка, 315
калма, 320
калтак, 314
калуга, 359, 360
калужа, 360
калужина, 360
каля́, 226
кальга, 225
кальга́, 225
кальга, 414, 424, 426, 430
кальги, 225
кальи, 225
каля, 225, 226
каля, 225, 228, 414
калю́н, 225
каля, 225, 426
камáбра, 77
камай, 405
камбала, 54
Каменная луда, 257
канаберник, 416
канабра, 44, 76–78, 80, 416,
419, 426, 430
канáбра, 76, 77, 79
канабра́, 77
канáбранник, 79
канабренник, 77–80, 419,
423, 426, 427
канáбренник, 78
канабрешник, 79
канáбрики, 79
канáбринки, 79
канабры, 77
канабря́, 77
ка́нава, 226
канáва, 226
канава, 79, 226, 417, 427,
429
канавленник, 423
канáвленник, 79
канáвра, 77
канавра, 77
канáвреник, 79
канáврик, 77, 79
канáвриха, 79
канáрва, 79
канáрвеник, 79
канáрвленник, 79
канáрик, 77
канáрник, 79
канги, 55
Канда, 230
канда, 230
каньги, 55

- кап, 104
капалуха, 133
капачи, 144
капечи, 144
капечи, 145
капичи, 144
капки, 145
капулина, 104
капшуга, 416, 431
капшуга, 90
кара, 81, 82, 227, 228, 416,
417, 421, 423, 424,
426, 428, 429
карабьяга, 160
каравина, 228
каравина, 425
карага, 423
карандатель, 205
карандатель, 205
карандыш, 88
карбасина, 363
карбас, 54
карга, 235
карега, 314, 424, 428, 429
карега, 315
карежить, 315
каренга, 62
карежить, 315
каржла, 73
карица, 424
карп, 159
Карпогоры, 222
Карска луда, 257
кару, 81
карьи, 228
карья, 228
карья, 228, 414, 427, 429
катач, 361
катиска, 387
катышка, 387
качага, 125, 131, 414, 416,
421, 424
кедовина, 361
кедовина, 361, 362, 419,
425, 427
кедовина, 362
кедовинье, 361
кедовинья, 361
Кековская кулига, 240
Келлюгоры, 222
кенда, 44, 229, 417, 429
кент, 229
кента, 229
кентище, 229
кэрба, 146
керба, 146
кердега, 54
керевод, 54
Кереламба, 248
керж, 315
кэрза, 316
кетовина, 361
кетовина, 419, 425, 427,
430
кехтать, 44
кэхтач, 157

- кехтач, 423
кечкара, 427
кíвелик, 157
кивелик, 157
кíверучи, 157
киверучи, 157
Кивесельга, 292
кíвра, 156
кивра, 157, 428
кивуручи, 157
кивья́га, 156
кивьяга, 428
кивя́га, 156
кига́ч, 203
кигач, 423
кíгача, 203
кíгачи, 203
кигачí, 203
кигачи, 204, 417, 426, 430
кильнот, 399
кильнóт, 399
кильнотами, 399
кильця, 170, 415, 429
кинжа, 55
кintiще, 229
кипалúха, 133, 134
кíрадать, 205
кíрза, 315–317
кирза́, 316
кирза, 45, 316–318, 417,
426, 430
кирзу, 317
кíрыш, 315
- Кискилахта, 250
китовíна, 361, 362
китовина, 361, 362
китовине, 362
китовиньях, 362
кíчка, 388
кичúга, 157
кичуга, 415, 417, 427
Кленсельга, 289
Кленсеньга, 289
коáва, 318
коаву, 318
кóбра, 388
кобра, 45
кóва, 318
кова, 318, 319, 430
кóва, 319
кóгачí, 359
когва, 320, 431
кóглина, 85
когма, 320, 431
когме, 320
кóдань, 383
койб, 55
койба, 145
койбеницы, 145
койбенки, 145
койбенцы, 145
койбинцы, 146
кóйбы, 145
кокач, 59
кокушка, 389
кóлма, 319

- колма, 319, 320, 417, 428, 431
Коловая лахта, 250
коломище, 54
колта́к, 314
колтак, 314
колта́н, 314
колтан, 314
колтаном, 314
колту́жник, 314
колтужник, 425
колючник, 89
кома́й, 405
комга, 320, 424
кона́борник, 79
кона́вреник, 79
конга, 45
Конда, 230
конда, 230, 417, 427, 429
ко́пал, 133
копала, 132, 133, 421
ко́пала, 133, 134
копаленок, 135
копале́нок, 133–135
копале́нха, 134
ко́палка, 134
ко́палка, 134
копало, 133
копалу́ха, 133, 134
копалу́ха, 134
копале́нха, 134
копале́нха, 134
копель, 133
- ко́пки, 145
ко́пол, 134
ко́пола, 133
кополу́ха, 134
кополье́, 134
копала, 125, 132, 133, 416, 419, 421, 426, 428, 430
ко́ппала, 132
копалу́ха, 134
Копсельга, 292
копсельга, 428
копылу́ха, 135
ко́райдать, 205
корайда́ть, 430
ко́ранда́ть, 205
коранда́ть, 205, 429
ко́рбач, 363
ко́рба, 157, 158, 232, 233
Корба, 233
корба, 54, 157, 158, 231–233, 265, 267, 417, 422–424, 426, 430, 431
корбасы, 237
корбенная, 234
ко́рбени́й, 234
корбига, 158
корбижина, 158, 424
корбина, 416
Корбинская лайда, 243
Корбинское, 233
ко́рбица, 157, 158

- корбица, 157, 158, 233, 234,
416, 423, 424
корбовая, 234
корбовина, 234
корбовина, 425
корбовинья, 234
Корбозеро, 233
кóрботь, 234
корбу, 233
корбук, 158
корбука, 158
корбукс, 54, 158
кóрбукса, 158
корбукса, 158
корбус, 158
кóрбус, 158, 159
корбусик, 158
корбусина, 158
корбусок, 158
корбушка, 158, 424
корбушка, 159
корбушки, 234
корбы, 232
корбяная, 234
кóрбяной, 234
кóрбяный, 234
корбяный, 234
кóрвач, 363
корва, 363
корга, 235
корга, 54, 234, 235, 428,
429
коргах, 235
коргача, 362
коргушка, 236
кóрех, 160, 161
корех, 54, 160–162
кореха, 160–162, 417, 426,
430
кóреха, 83, 160
кóрешек, 161
кóреший, 161
корешина, 161
кóрешка, 160
корешка, 160
кóрешник, 161
кóрешница, 161
кóрешный, 161
кóрешок, 160
корешок, 161
кóрэжить, 315
короб, 159
коробьяга, 160
коробьяга, 160
коробьяжина, 160, 425
кóрвина, 228
коровина, 421, 425
корожный, 236
Корпярви, 233
кóртег, 83
кортега, 82, 83, 416, 424,
430
кóртега, 83
кортежка, 82
кортека, 82

- кортеха, 82, 83, 416, 426, 430
кóртеха, 83
кортичка, 83
кортняг, 83
кóртюх, 83
кортяха, 83
кору́лька, 81
корь, 209, 210
корьб, 233, 422
кóрюх, 161
кóрюха, 160, 161
корюха, 162
кóрюховый, 161
корюшка, 160, 161, 424
кóрюшник, 161
корюшница, 161
кóрюшный, 161
корю́шный, 161
кóрюшок, 161
коряга, 315
кóряха, 161
Косельга, 292
косяк, 162
косяк, 162, 415
котéц, 387
кóуд, 319
коуд, 319
кошечка, 237
кошка, 236–238, 427, 431
кóшки, 236
кошька, 236
красная палия, 182
Красная Сельга, 292
Красная Щельга, 308
Крестовая салма, 286
Кривое соломя, 287
кряжевая палия, 182
кряжовая палья, 182
кряжóвка, 182
ксенёк, 197
ксень, 197
ксенье, 196
ксенья, 196
кубак, 365
кубач, 363–365
кубá, 318
кúба, 318, 319
куба, 319
кубас, 54
кубача, 55, 364
кубачь, 364
кубоче, 364
кубы, 319
кувá, 318, 319
кува, 319
кувáка, 318
кúгá, 135
куга, 253, 416, 426, 430
куга лесовая, 135
Кугина Кара, 136
кúглина, 85
куглинá, 85
кугор, 365
кúгра, 366
кугра, 366

- кугровина, 365
кугровина, 365
кугровина, 365, 366, 427,
431
кугры, 365, 366, 429
кудья, 397
ку́жа, 389, 390
кужа, 390
кужа́р, 162
кужар, 417, 427, 430
кужа́рик, 162
кужары, 162
кужма, 416
Кузяконда, 230
куйпога, 45
кука, 88, 425
ку́ка-бака, 88
ку́какара́ндыш, 88
кукара́ндыш, 86, 88
ку́карандыш, 87
кукарандыш, 89
кукелек, 415
кукелёк, 84, 85
кукелёчек, 84
кукелёчки, 84
ку́кели, 84, 86
ку́кель, 84
кукель, 84
кукельки, 84
кукеля́, 84
ку́келях, 84
кукиш, 87
ку́киш-карандыш, 87
ку́ккыш-карангыш, 87
ку́кли, 84
кукли, 86, 415, 416, 428,
429
ку́клина, 85
куклях, 84
куковки, 86
куколёк, 84, 85
ку́колка, 85
ку́коль, 84, 85
ку́колька, 85
ку́кольки́, 84
ку́кольки, 85
кукольки́, 85
ку́кольник, 85
кукорандаш, 87
кукоши, 415, 429
ку́коши, 88
кукошкарандыш, 421
ку́кошкара́ндыш, 88
Куксельга, 292
кукулёк, 84
ку́куль, 84
кукульки́, 84
ку́куш-кара́нды, 87
ку́кушкарандыш, 87
кукушки, 86
кукша, 136, 137, 163, 416,
417, 427, 430
ку́кша, 136, 163
кукша-икроед, 136
кукшак, 125, 137, 424, 428
кукша́к, 136

- кукшарь, 136, 425
кúкшеньга, 136
кукшу, 163
кукыш, 425
кукыши, 86
кúкышкарандыш, 86
кукышкарандыш, 89, 416,
421, 427, 429
кула́, 367
кула, 367, 369, 416, 424,
426, 430
кулага, 239, 367, 369, 426
кúлага, 367
кулатка, 370
кулаха, 367, 369, 429
кúлача, 367–369
кулача́, 368
кулача, 416, 426, 429
кулиг, 241
Кули́га, 238
Кулига, 238
кулига́, 289
кулига, 44, 239–243, 417,
431
Кулиги, 240
кулиги, 241, 242
кулигой, 239, 242
кулижка, 239
кулижкой, 241
Кулички, 240
Кулишки, 240
кулога, 367, 369, 416, 424,
426
кулогой, 367
кулоха, 367, 369, 416, 426
кулоча, 368
кúлочь, 370
кульма́, 393
кúля, 370
кúмжа, 164
кумжа, 54, 164, 427, 429
кунджа, 164
кúнжа, 164
кунжа, 164
кúрайдать, 204
курайдать, 205, 417, 431
кúрандать, 205
курандать, 205, 417
кúри́к, 390
кури́к, 391
курик, 391
кúрлика, 391
кúрма, 391–393
кúрмыш, 392
кúрна, 393
курпа, 138
Курпаков, 138
курпист, 137, 138
Курпово, 138
курпúн, 137
курпун, 416, 427
Курсельга, 289, 292
кúрушка, 89
курушка, 89, 415, 416, 424,
426, 430
курчина, 407

- кúша, 389
кýвандать, 205
Кызголойда, 244
кыпалúха, 133
кырандатель, 205
кýбега, 90
кябега, 90, 415, 424, 427
кядовýна, 361
кядовина, 362
кяпечи, 144
кяпечи, 145, 427, 430
кяпичи, 145
кяпочи, 144
Кяпсельга, 289
кяпячи, 144
кярба, 146, 370
кярба, 146, 429
кярбега, 90
кярбега, 90, 415, 424, 429
кярбуз, 363
кярбус, 370
кярбус, 370
кярега, 371
кярега, 371
кярза, 147, 421, 427, 429
кярзя, 147, 421
кярьба, 146
Кяснасельга, 293
- лудега, 371
лайбина, 44
лайда, 243–245, 417, 428,
429
лайдах, 243
- лалаки, 47
лáмба, 247
ламба, 54, 245–248, 417,
423, 424, 426, 431
лáмбина, 246
ламбина, 246–248, 423, 425
ламбинка, 246
ламбины, 247
ламбица, 424
ламовина, 246, 425
ламбушка, 246, 417, 423,
424
лáмка, 247
ламка, 415
ластовка, 250
лахна, 414
Лахта, 250, 251
лахта, 62, 245, 248, 249,
417, 424, 427, 430
лáхтвина, 250
лáхтина, 250
лахтýна, 250
лахтина, 425
лáхтица, 250
Лахтица, 251
лахтица, 424
лáхтовина, 250
лахтовýна, 250
лахтовина, 417
лахтúшечка, 250
лáхтушка, 249
лахтúшка, 250
лахтушка, 424

- лахуйна, 250
лейпина, 91, 92, 416, 425,
427, 429
лелек, 131
лэма, 251
лема, 424
лэмица, 251
лемица, 424
лэмиця, 251
лэна, 252
лена, 415, 427
Летнее соломя, 287
лэх, 167
Лижма, 252, 253
лижма, 252, 253, 427, 431
Лижмозеро, 253
Лижмручей, 253
лижмы, 253
Лижняки, 252
лίζма, 252
Лизмозеро, 253
лизьма, 252
лйма, 251
лима, 428, 429
лймака, 251
Линдейламба, 248
лйпа, 405
липáч, 393
лйпка, 393
лйстега, 321
листега, 321, 322, 415, 424
лйстеж, 322
лйстежить, 322
лйстежка, 321
листога, 417
Лисья корба, 232
Лисья Сельга, 292
личма, 253
лобáнда, 323
лода, 257
лóдог, 168
лодожина, 168
лодуга, 168
ложки, 209
лойва, 54
лойда, 244
лонскáя трава, 368
лóпар, 165
лóпарь, 165
лопáрь, 165
лопарь, 165, 416, 427
лóпырь, 165
лосось-палия, 182
лóттач, 206
лоттач, 415, 417, 423, 428–
430
лох, 54, 166, 167, 416, 424,
426, 431
лохáк, 167
лохáн, 167
лоховая семга, 167
лохóвина, 167
лоховйна, 167
лоховина, 425
лоховица, 167, 424
лоховой, 167

- ло́хта, 248
лохта́, 248
Лохта, 259
Лохтомское, 259
лошала́я рыба, 167
лоша́лый, 167
лоша́нье, 167
лоша́ть, 167
лоше́нье, 167
лошок, 167
луба́нда, 322
лубанда, 323, 415, 417
лубега, 415, 417, 421, 424,
428, 431
Лубосельга, 292
лу́гач, 169
лу́да, 255
луда́, 255
луда́, 255
луда, 54, 62, 169, 254–257,
417, 425, 426
луде, 256
лу́дега, 168, 182
луденной, 256
лу́дера, 168, 182
лудка, 255
лудками, 256
лудко, 256
лудная, 168
лудная па́лия, 182
лу́дога, 168
лудога, 54, 169, 170
лудогою, 169
лудожии, 256
лудожная па́лия, 182
лудожная па́лья, 170
лудожский сиг, 168, 170
лудой, 256
лудошкой, 169
лу́душка, 255
лудушка, 424
лудыга, 168
лудыш, 256, 425
лудышка, 255
лудь, 255
лу́дые, 255
лудье́, 255
лудья, 256
лузик, 45
лу́лаки, 90
лулаки, 90, 91, 416, 427,
429
лу́мба, 323
лумба, 323, 324, 415, 424,
426, 431
лу́мбега, 323
лумбега, 323, 415, 417, 421,
424, 426
лу́мбежка, 323
лу́мбица, 323
лумбица, 424
лу́па, 73
лухт, 258
Лухта, 257–259
лухта, 257–259, 288, 417,
428, 431

- Лухтозеро, 259
лывина, 54
лыко, 253
лычма, 253
ляга, 217
ляйпина, 91
ляйпина, 91, 92, 416, 422,
429
ляпáк, 92
- мадой, 414
майда, 326
ма́йка, 176
майка, 33, 176
ма́йма, 170
майма, 173, 416, 427, 430
ма́ймакава, 173
маймакала, 173
ма́ймакала, 173, 174
ма́ймух, 170
ма́ймуха, 170
маймуха, 170, 171, 173, 427
ма́ймушка, 170
маймушка, 170, 416, 424
маймушки, 429
ма́йна, 324, 325
майна, 55, 324–326, 417
мако́ска, 175
макоска, 175
макс, 177
макса, 12, 54, 61, 174, 176–
178, 416, 426, 428,
431
ма́кса, 174–177
- макса́, 175–177
Макса, 177
макса́на, 178
макса́нник, 178
максе, 177
ма́ксеной, 178
ма́ксенье, 178
макса́стый, 178
макссовая, 178
ма́ксы, 175
максы, 175, 196
Малая Пудость, 274
Малая сельга, 293
Малая Янга, 310
Маленькая Сележка, 292
ма́ндара, 260
ма́ндера, 259
ма́ндера́, 260
Мандера, 260, 261
ма́ндера, 55, 259, 260, 417,
426, 430
ма́ндера́, 260
ма́ндовый, 99
ма́ндра́, 260
ма́рда, 396
масельга, 55
матик, 417
Матюк, 178
матюк, 415, 427
ме́ва, 172
ме́вка, 172
меев, 172
ме́ева́, 171

- меева, 171
меева́, 171
меева, 172
меевка, 172
меево, 171, 172
меево, 172, 270
меевы, 172
меженный сиг, 170
мэйва, 172
мейву, 172
мёлза, 180
менга́ч, 99
менда́, 97
мэнда, 97, 396
менда, 98
менда́ж, 98
менда́жник, 97
менда́к, 99
мендач, 423
менда́ч, 97, 98
мендачи́на, 98
менда́чная, 97
мендачник, 425
менда́чный, 98
менда́ш, 98
менда́шник, 99
мендечи́на, 98
мендовый, 421
мендо́вый, 97, 98
мэндовый, 98
мэндры, 100, 396
менду́ха, 99
мендя́жный, 99
мендя́шечка, 96
ме́рда, 393, 394
мерда, 44, 54, 394
мердь, 394
мерды, 393, 396
мердяно́й, 396
мережа, 394
местная па́лия, 182
ме́ява, 172
ме́ндрушки, 100
ме́рда, 395
ми́дега, 372
мие́вки, 172
ми́лас, 326
милас, 428, 431
минда, 99
Михневая Сельга, 292
могачи, 180
мо́йва, 170
мойва, 54, 170, 171
мо́йвенный, 171
мойвина, 171
мо́йна, 326
Мокрушина Кара, 228
мокса, 177
мондера, 260
морда, 394, 395
мо́рда, 395
морж, 54
мугач, 169, 179, 180, 416,
423, 426
му́гач, 178
мугаче́нки, 179

- мугаченки, 179
мугачи́, 178
мугачи, 180
мугачки, 179
мугачки́, 179
мугачки, 179
мугачо́к, 179
мугачок, 180
мугачонок, 180
мугдега, 180
мудега, 261, 262, 417, 427,
429
мудига, 261
мукать, 29
Муксалма, 286
му́лья, 180
мурда́, 395
мурындать, 29
мутикашки, 206, 417, 427,
430
мухкачки, 180
мухкачо́к, 180
мухкачок, 180
мыза, 55
мягкая паляя, 182
мянда, 45, 58, 61, 92–94,
99, 106, 416, 430
мя́нда, 61, 92, 93, 99, 107,
396
мянда́, 61, 93, 96
мянда́к, 92, 94
мяндак, 94, 424
мяндач, 416, 423
мянда́ч, 92, 95
мяндач, 94
мянда́ч, 94–96
мянда́чина, 95
мянда́чник, 96
мяндачный, 96
мянда́ш, 98
мяндечи́на, 96
мяндина́, 95
мяндина́, 95, 98
мяндова́тое, 96
мяндова́тый, 96
мяндовая, 96
мяндовище, 96
мяндóвник, 96
мяндóвое, 92
мяндовое, 96
мяндовый, 96
мяндовый, 96, 106, 416,
421
мяндóвый, 96, 98
мяндочи́на, 95
мяндочина, 96
мя́ндра, 100
Мяндусельга, 289
мяндúшечка, 96
мяндушка, 424
мяндúшка, 96
мянды, 95
навéтошь, 369
настоящая паляя, 182
нергач, 125, 416, 423, 428,
430

- нёргач, 138
нергáч, 138
нерестная паляя, 182
нерпа, 54
нерпица, 54
нетина, 47
нидега, 372
Нижняя Сельга, 292
нилас, 326
ни́лас, 327
ни́ласы, 327
Нимсельга, 292
Нисогоры, 222
нодьё, 397
но́дья, 383, 396, 397
нодья́, 397
но́йка, 397
нот, 398, 399
но́та, 398
нота, 398
нотьё, 397
но́тья, 397
нудья, 256, 373, 397
ну́дья́, 397
нудья́, 397
Нутрянсельга, 292
нутья, 372, 373
ну́тья, 397
ни́лас, 327
ню́тяги, 372
нявга, 180
нявга, 180, 417, 427, 429
нявь, 180
нявьи, 180
нярега, 373
обужить, 344
обилие, 294
объярмовáть, 354
огудевела, 351
огудеветь, 351
оле́йка, 125
о́льга, 262
ольга́, 262
Ольга, 264
ольги, 262
омеши, 29
Орашсалма, 286
орга, 224, 264–267, 417,
426, 431
Орга, 264
о́рга, 265
Орга ручей, 266
орги, 265
орговина, 266
Оргое ручей, 266
Оргозеро, 266
орда, 266
ориолка, 278
орожное, 266
Орсельга, 292
орьга, 266
оси́новка, 407
оскуи, 410
осоро́га, 195
о́хтага, 100
охтега, 416, 424, 426, 430

- пажа, 412
пажега, 412
пáйка, 373
пава, 268
пáвна, 267
павна, 267, 268, 431
Павна, 268
Павнозеро, 268
пагма, 148, 268, 421, 428, 431
пагна, 148, 268, 421
Пагна, 268
Пагнозеро, 268
падма, 148, 428
пáкколка, 102
пáккула, 101
паккула, 101–104, 421, 426
паккúла, 102
паккуле, 416
паккулина, 102
пáккулка, 102
пáккульный, 102
пáкла, 101
пакла, 102–104, 429
пáклина, 102
пáкля, 101
пакля, 101, 103, 104, 429
пáколка, 102
пáкула, 101, 102
пакула, 62, 101, 103, 104, 421, 430
пакули́на, 102
пакуль, 105
паку́ль, 86
пакулька, 102
пакульный, 104
пакульными, 105
пакуля, 105
Паласельга, 292
палица, 29
палия, 182
палия-гонец, 182
паллея, 182
пáлтега, 374
палтос, 54
палтус, 54
пáльга, 181, 182
пальга, 181–183, 226, 416, 421, 424, 429
пальи, 198
палью, 198
пáлья, 181, 182
палья, 182
палья, 54, 168, 182, 226, 416, 421, 426
палья лудожная, 168
пан, 166
панкράч, 140
панкряч, 429
пáрба, 183
парба, 183, 417
парбой, 183
пáрва, 183
парва, 183, 417
парвой, 183
пáрвочка, 183

- парвочкой, 183
па́рик, 184
парик, 184, 415, 416, 431
па́рма, 206
парма, 208, 417, 427, 428, 431
парма́к, 206–208
па́рмак, 207, 208, 422
пармак, 417, 424, 427
пармаки́, 422
па́рман, 207
парма́н, 207
парман, 208, 425
парма́чное, 207
па́рмы, 207
Парсельга, 292
па́рсельга, 374
па́рсканье, 374
Пасельга, 292
паскарага, 125, 139, 416, 424, 427, 429
паскара́га, 139
паскач, 125, 140, 416, 423, 426, 429
паска́ч, 140
паскачи, 423
паскра́ч, 140
па́ткула, 102
пахкула, 102
пахта, 55
Педасельга, 289
пелька, 406
Пендукса, 271
пендус, 269–272
пендуса, 271
пендуси́на, 269
пентус, 269, 271
пентуси́на, 269
пе́нус, 269, 270
пенус, 269–272, 427, 431
Пенус, 271
пенуса, 270
пенуси́на, 269
пенусина, 425
пену́сь, 269
перт, 405
перть, 404
пе́руксы, 186
Перхлойда, 244
перье́, 186
пескозо́б, 185
петунье дерево, 88
петушки, 88
пехолка, 54
пе́ндус, 272
пе́нтус, 269
пе́нтус, 272
пе́ха, 109
пи́вка, 109
пивка́, 109
пивка, 109, 111
пи́вкарь, 109
пивкарь, 425
пи́нгач, 140
пингач, 142, 415, 416, 423, 427

- пінда, 105, 107
пинда, 35, 61, 105, 106,
416, 426, 430
пинда́ч, 106
пиндач, 423
піндистая, 106
піндистое, 106
пиндова́тая, 106
пиндова́тое, 106
піндоватой, 106
пиндо́вый, 106
пиндовый, 106
пискарога, 139
пискач, 423
пискачи́, 185
пискачи, 185, 415, 429
пискозоб́ы, 185
пистега, 383, 399
пистега, 400
пифка, 111
пифтовник, 291
пиха, 109, 111
пихка, 327
пíхка, 108
пихка́, 108
пихка, 108–111, 416, 429
пихканой, 108
пíхкача, 108
пихкóй, 108
пихня́к, 110
пíхта, 108, 109, 327
пихта, 108–111, 426
пихта́рник, 110
пихтарник, 425
пищик, 400
Поганая ламбина, 248
подас, 273
подрадье, 276
Подъянга, 310
Полгина ламбина, 248
порато, 29
потика́шка, 208
потикашки, 415, 429
приуз, 74
простая палия, 182
Пу́ганда, 272
пу́ганда, 273
пуганда, 415, 427
пугонда, 272
пуда, 274
пу́дас, 273
пудас, 273
Пу́дас, 274
пудас, 55, 273, 431
Пудога, 274
Пудож, 274
Пудос, 273, 274
пудос, 274
Пудость, 274
пукша, 137
пукшиньга, 137
пул, 54
Пурасельга, 292
Пустая Янга, 310
путика́н, 209
путикан, 425

- путиканы, 415
путикашки, 208, 209, 415,
417, 423, 427, 429
путка, 163, 164
пу́тка, 68, 163
путкі, 68
пу́тки, 68, 163
путки, 68–70, 163, 164, 416,
422, 428
путóк, 68
пу́чка, 69
пучка, 69
пу́чки, 69
пучкі, 69
пучки, 69, 70
Пядесельга, 292
Пяжева сельга, 292
- ра́вга, 412
роўда, 330
ровга, 330
ровда, 330
роек, 409
Ройки, 409
ру́гача, 408
ругача, 408, 409
ру́гачи, 408
ругачи, 409
рада, 274, 275, 424, 425,
431
радица, 276, 424
радка, 276
радник, 276, 425
радный, 276
- радовый, 276
радою, 275
раега, 276, 417
ра́ега, 277
раек, 276, 277
раека, 276, 277, 417, 428,
429
раечка, 277
ра́йгина, 111
ра́йда, 111, 112
райда, 112, 428, 429
ра́йдина, 111
райді́на, 112
райдина, 424
райдóвник, 112
райдóвый, 112
райка, 276
ра́йлок, 278
райлок, 415, 427
Ранзема, 284
ранцер, 284
раяка, 276
Ревсельга, 289, 292
регеля, 375
редель, 375
ределя, 375
рейма, 282
реймочка, 282
релка, 278
рель, 278
рема, 283
ремник, 283
ремя, 283

- рендá, 337
рендíть, 338
рénжить, 338
рénьго, 337
реньго, 337
рénько, 337
ренько, 337
рéпша, 141
репша, 415, 416, 427
речкануть, 340
рёлка, 278
рём, 283
рёхкач, 375
рёчкать, 340
ригач, 54
ригеля, 375
риделя, 375
рíжи, 375
рижи, 415, 427, 430
рижина, 425
ринда, 54
риолка, 278
рíпукса, 187
рíпус, 187
рипус, 421
рипусовая, 187
рипусовый, 187
риченга, 416
роўга, 330
роўгач, 116
ровга, 329, 330
рóвгонье, 331
ровда, 318, 328–331, 417, 430
рóвда, 329, 331
ровин(а), 366
рóвка, 332
рóвкач, 116, 332
ровкач, 423
ровкачй, 117
рóвница, 376
ровница, 376, 377, 417, 430
ровницы, 376
рóвница, 376
рогачй, 116
рогда, 331
рогоза, 377
рогóзка, 377
рогóзы, 377
роёк, 409, 410
роза, 89
Рóзмега, 278
рóзмега, 278
розмега, 427, 429
рóзмеги, 278
ройка, 410
ройки, 409, 410
рóкколь, 116
рокша, 347
ролхякй, 116
рómжа, 113
ромжá, 113
ромжа, 113, 416, 427
ромжáк, 113
ромжак, 424

- роможняк, 113
рónга, 279
ронга, 415, 428, 429
ронда, 331
рónдина, 112
ропáк, 332
ропак, 332–334
ропак, 332–335, 417, 424,
429
ропакá, 332
ропака, 332–334
ропака, 332–334
ропаками, 332
ропакí, 332
ропаков, 335
ропаковитый, 335
ропас, 333, 334
ропас, 333–335, 417, 429
ропасá, 333
ропаса, 427
ропасы, 333
ропасьё, 333
ропах, 335
ропока, 332
ропоки, 332
ропочаг, 54
ропсак, 426
Ропская ламбина, 248
рофкалí, 114, 115
рофкали, 115
рофкач, 114
рофкач, 114
рофкачí, 114
рофкачи, 117, 416
ро́хвачки, 115
рохкалѣчки, 114
рохкали, 114, 115, 416, 426,
430
рохкалí, 114–116
ро́хкали, 114, 116
ро́хкалí, 117
рохкалькí, 114
рохка́ч, 115, 116
рохкач, 116
ро́хкачí, 114
рохкачí, 115, 116
рохкачи, 115, 117, 426
ро́хкачки, 115
рохкачки, 115
рохкашí, 116
рохкотеет, 116
рохкотéть, 116
ро́хлач, 118
рохлая ягода, 116
ро́хлеть, 118
рохлэц, 116
ро́хлица, 118
ро́хлые, 115
рохлые ягоды, 115
рохлый, 117, 118
ро́хлять, 118
рохлашí, 118
рошкачí, 116
ро́яка, 277
рубуша, 55
ругач, 409

- ругача, 409, 410
ругачи, 409
ругоча, 409
ру́дас, 333
рудовое, 92
ружега, 415, 430
ру́жина, 279
ружѣна, 279
руйпега, 416, 424
ру́мбега, 335
румбега, 415, 427, 430
ру́па, 186
рупа, 424
ру́пак, 333
рупак, 424
ру́пака, 334
рупака, 334
рупас, 333–335, 429
ру́пас, 334
рупаса́, 333
рупаса, 333
ру́па́ч, 186
рупач, 59, 416, 423, 427,
429
рупачи, 185, 186
ру́пега, 185
рупегга, 429
ру́пейга, 185
рупенье, 185
ру́пенья, 185
ру́пец, 186
ру́пина, 186
рупина, 425
рупинье, 185
руппень, 185
ры́ндать, 338
ры́ндяга, 338
рыть, 410
рюрики, 279, 427
рюриков, 279
рядега, 281, 282, 417, 428,
429
Рядега, 282
рядежный, 281
рядель, 281
рядога, 281
Рядь-Корба, 282
рям, 282, 283
ряма, 282, 427, 429
Рямега, 283
Рямега-болото, 283
Ряменский Мох, 283
ряменщина, 282, 417, 427
Рямжак, 284
рямжак, 415, 424
рямига, 415
ряминщина, 282, 425
ря́мода, 283
рямода, 283
ряна, 284
ря́нда, 336–338
рянда, 336–339, 417, 424,
430
ря́ндега, 336
ряндега, 417, 424
ря́ндистая, 338

- ряндить, 338
рянды, 336
рянды, 336
рянжа, 338
рянжа, 338, 339
рянжак, 284, 424
рянжик, 284, 428, 431
ряночка, 284
ряньга, 337, 339
ряньга, 337, 339
ряньги, 337
ряньги, 337
ряньдега, 336
ряньдега, 339
ряпесница, 187
ряпица, 187, 424
ряпуга, 54, 188
ряпукса, 187
ряпукса, 54, 187, 188
ряпус, 187
ряпус, 54, 187, 188, 417,
421, 424, 426, 430
ряпуса, 187
ряпуса, 187
ряпусина, 187
ряпуский, 187
ряпусница, 187
ряпусы, 187
ряпуха, 187
ряпу́ха, 187
ряпуха, 54, 188, 198
ряпуш, 188
ряпуш, 188
ряпуша, 188
ряпушина, 188
ряпушка, 54, 179, 188, 424
рятега, 281, 282, 417, 430
ряченга, 125, 415, 424, 427,
430
ряченга, 141
рячкать, 339, 340, 352, 413,
417, 426, 429
рячконул, 340
рячконуть, 340
сарга, 378
са́глы, 202
са́йга, 190
сайга́, 190
сайга, 190, 424
сайда́, 189, 190
сайда, 189, 190, 416, 431
сайда-игрун, 189
сайди́ка, 190
са́йдина, 190
са́йдок, 190
сайду, 189
сайка, 54
саковик, 180
салага, 191, 416, 424, 426,
430
салагушка, 192
сала́женка, 192
сала́жка, 192
сала́ка, 191
салака, 192
сала́куша, 192

- сала́кушка, 192
салакушка, 192
саламка, 285
сала́чина, 192
салм, 288
Салма, 286, 288
салма, 55, 195, 285–288,
401, 417, 419, 421,
426, 431
Салмакса, 288
Салми, 286
салмит, 288
салмочка, 285
салмочный, 288
сало, 288
сальма, 286
Сальмозеро, 288
сарга, 183, 195, 378
са́рга, 192
сарга́, 378
саро́га, 194
Северное соломя, 287
сегозерская черноротная па-
лия, 182
селга, 44
селгу, 290
сэ́льга, 289
сельга́, 289
Сельга, 291, 292
-сельга, 292
сельга, 54, 289–291, 293,
417, 424, 426, 429
сельгам, 287
сельгами, 293
сельгах, 289
сэ́льги, 291
Сельги, 293
сэ́льго, 291
сельго, 291
Сельгозеро, 292
сельгой, 289
сельгу, 291
семинская палия, 182
сенёк, 196, 197
сенёк, 197
сень, 196, 197, 417, 426
сэ́ньга, 293
сеньга, 293, 429
сеньги, 293
сенье, 196, 417, 426
сеньками, 197
сеньки, 196
сеньки́, 197
серая палья, 182
сестреника, 118, 416, 426,
427, 429
сестре́ника, 119
сестре́ница, 118, 119
сестреница, 118, 416, 426,
427, 429
се́стрэ́ница, 119
сестре́ница, 119
се́стрэ́ницы, 119
се́стренница, 119
се́стрэ́нь, 119
сестре́нка, 119

- сестри́ница, 119
сестри́нцы, 119
сестря́ника, 118
сестря́ница, 118
сестря́нка, 118, 119
сестря́нка, 119
сестря́нки, 119
сетуха, 342
се́лга, 289
се́льга, 289
Се́льга, 291
сибайда́ет, 341
сибайда́ть, 341, 417
сибанда́ет, 341
сибанда́ть, 341, 427, 429
сиг, 54
сиг верхо́свирка, 170
сиг зоба́тый, 170
сиг-киле́ц, 170, 415
сиг-лудо́га, 170
сиг меже́нный, 170
сиг низо́вой, 170
сигови́на, 54
сиг паро́вой, 170
сиг песочный, 170
сиг песча́ный, 170
сиг прохо́дной, 170
сиг свирский, 170
сиг сига́ловый, 170
сиг челму́жский, 170
сиг шальский, 170
сиг я́мный, 170
силги, 290
си́майдать, 341
сима́йдать, 341, 415
си́манда́ть, 341, 346
симанда́ть, 341, 415, 417,
427, 429
си́ньга, 294
синя́нки, 180
сите́га, 342, 417, 426, 430
си́тежить, 342
сите́жить, 342
ситё́га, 342
ситиве́нь, 342
си́тить, 343
ситник, 342
ситовник, 342
си́тоха, 342
сито́ша, 343
си́туха, 342
ситу́ха, 342
ситя́га, 342
скуи, 410
снеток, 54
со́гра, 304–307
согра́, 305
со́бра, 305–307
согрётное, 306
согро́вина, 307
согры, 306
со́дера, 306
сойда, 190
сойма, 54
Соломенное, 286
солочко, 286

- солóмя, 286
соломя, 54, 55, 195, 286–
288, 417, 421
сопец, 54
сóрга, 192
сорóга, 193
сóрога, 194
сорога, 54, 193–196, 421,
427
сорóжка, 195
сорожка, 195
сорожняк, 195
сохи, 381
сохра, 306
сóхры, 318
сúгра, 307
сугряк, 307
сузем, 55
сумендач, 423
сúмендач, 99
сурадок, 276
сурадьный, 276
суруга, 193
сырок, 196
Сюрга, 294, 295
сюрга, 415, 417, 424, 429
Сюргозеро, 295
сярга, 192
сярга, 193, 415, 421, 430
Сяргозеро, 193
сярты, 210
сярты, 415, 428
тука́ч, 378
тайбало, 295
тайбалом, 295
Тайбила, 298
та́йбола, 295
Тайбола, 297, 298
тайбола, 58, 295–298, 417,
427, 429
тайболе, 297
тайболой, 297
тайболу, 296
Тайболы, 297
таймень, 54
Тайпола, 297
тарпинка, 198
телгас, 183
терпяк, 358
тигацй, 204
тига́ч, 204
тйгач, 422
тигач, 423
тигачй, 203, 204, 422
тигачи, 204, 417, 427
Тикач, 142
тика́ч, 142
тикач, 59, 142, 416, 423,
427, 430
тикачи, 430
тйрза, 318
толстоголовик, 209
то́рба, 150
торба, 150
то́рбалка, 150
то́рбало, 150

- то́рбина, 198
торбина, 425
торп, 198, 199
то́рпа, 198
торпа, 54, 198, 416, 424,
426, 428, 430
Торпа-ручей, 199
торпач, 198, 423
торпачей, 198
то́рпина, 198
торпина, 198, 425
то́рпица, 198
торпица, 424
то́рпичка, 198
торпов, 198
торпочка, 198
торпою, 164
торпы, 198
торта, 199
треста, 74
тугидажка, 425
тугила́жка, 120
тугилажка, 416, 427, 429
тукач, 55
тундра, 55
ту́ра, 120, 121
тура́, 121
тура, 121, 122, 416, 424,
429
тура́йдае, 422
турайдает, 142
турайдать, 125, 416, 429
тура́йдать, 142
ту́райдать, 422
ту́рба, 149
турба, 150, 421, 426, 429
ту́рбега, 121
турбега, 122, 416, 424, 430
туха, 343, 417
тухка, 343, 415, 417, 429
ту́ша, 343
туша, 343
тю́дега, 380
тюк, 379
тюкачок, 379
ту́рба, 149
тюрба, 149, 150, 421, 429
ту́рбочка, 149
тюрьба, 149, 150, 421
тюстя́к, 411
Тютесельга, 292
тютя́к, 411
тючок, 379
тючитка, 379
тючи́ща, 379
тя́рега, 371
тярега, 371
у́жбега, 344
убрыш, 425
Ужесельга, 289, 292
уйта, 298, 299, 417, 427
уйтина, 299, 425
у́лайдать, 150
улайдать, 150, 151, 430
улайду́н, 151
у́ланданье, 151

- у́ландать, 150
уландать, 150, 151, 429
улеги, 55
уледи, 55
у́рба, 122, 123
урба́, 123
урба, 416, 425, 426, 430
у́рбочка, 122
урбухи, 122
урбуш, 122
у́рбушка, 122, 123
урбушка, 122, 416, 424
урбушки, 122
урбы, 123
у́рбыш, 122, 123
урбыш, 123
урбышек, 122
у́рва, 123
ускуи, 410
ути, 300
ухка, 344, 345, 417, 427,
429
ухта, 344, 417, 430
ушкai, 411
ушкал, 410
ушкой, 410
ушкойка, 410
ушкол, 410
ушкуи, 410
ушкуй, 410
ушкуйка, 410
ушкуль, 410
форма́, 75
хавги, 414
Хаврогоры, 222
ха́йрус, 155
ха́рак, 143
харак, 428, 429
харака, 424
ха́рва, 386, 387
хардюс, 155
харек, 415, 416
хариус, 154, 155
ха́риус, 155
харовъ, 386
харузы́, 155
хару́зье, 155
ха́рус, 155
харъ, 386
ха́рьяза, 155
ха́рьяс, 155
харьяс, 54
Хебойгуба, 40
Хебой-губа, 421
Хельги, 292
хирзы́, 317
ходовая палия, 182
Холмогоры, 222
хорёк, 209
хорзы́, 317
хоръ, 209, 417, 431
ху́дега, 351
хуркун, 137, 138
хурпун, 137, 138
ху́хли, 85
ху́хлях, 85

- хырзы́, 317, 318
- Церковная лахта, 250
- цигала́, 203
- цигала, 421
- цига́ч, 204
- цигач, 204
- цигачи́, 203
- цыбандать, 346
- цы́гала, 203
- цыгала́, 203
- цюнжи, 210
- ця́па, 157
- чу́ньга, 380
- чага, 104
- чагро́вник, 307
- Чанжа, 210
- чанжи, 210, 417, 422, 428, 429
- чанши, 210
- Челма, 287
- челма, 287
- Челмужи, 287, 288
- челн, 407
- Черная корба, 232
- чи́бадать, 346
- чибайдать, 345, 346, 429
- чи́бандать, 345
- чибандать, 346, 417
- чи́барить, 346
- чи́бондатель, 346
- чига́йдать, 212, 429
- чи́гала, 203
- чигала́, 203
- чигала, 204, 417, 421, 427
- чига́ч, 203
- чигачи́, 204
- чигачи, 204
- чигола́, 203
- чилега, 342
- чи́лики, 380
- чипарига, 89
- чипарыжка, 89
- чит, 342
- чо́йма, 288
- чолма, 287, 288, 431
- чо́лма, 401, 402
- Чолмацкое озеро, 287
- чолмуши, 287
- чунджа, 210, 417
- чу́нжи, 210
- чунжи, 428, 429
- чуп, 402, 403
- чупа, 300, 301, 426, 429
- чу́па, 402, 403
- чупак, 300, 301, 415
- чупка, 300
- чу́пник, 403
- чу́ппа, 402, 404
- чустя́к, 411
- шахи, 381
- шо́рпы, 382
- ша́брать, 201
- ша́бры, 201
- Шаганска луда, 257
- шагла, 200, 201

- ша́гла, 200–202, 303
шаглами, 200
ша́гли, 200
ша́гло, 201
шаглы́, 200
ша́глы, 200, 202
шаглы, 58, 200, 201, 417,
426, 429
ша́гра, 201
шагра, 201, 415, 429
ша́гры, 201
шагры, 201
шайма, 301, 302, 417, 427,
429
шаймовина, 302
Шаймозеро, 302
шакша, 346, 347, 415, 427,
429
ша́лака, 192
ша́лгá, 303
ша́лга, 303
шалга, 55, 201, 289, 302–
304, 417, 431
шалгач, 55
ша́лги, 201
шалгой, 302
шалога, 303
шальги, 201
ша́пня, 319
шарага, 381
шара́га, 380
Шаровары, 222
шарпак, 200, 202, 429
шаря́к, 380, 381
шахи, 381
ше́гла, 202
шелгун, 44
шелéга, 308
ше́льга, 124
шельга, 308
шигайдать, 210, 212, 417,
430
ши́гайдать, 211
шига́йдать, 211
шигайдун, 211
ши́гандать, 211
шигандать, 212, 413, 417,
429
шигандаться, 211
шиганду́н, 211
шигандун, 211
шигондéса, 211
шижлик, 138, 212, 215, 216,
417, 423, 430
ши́жлик, 212, 214
Шижликов, 138
шижля́к, 213
шижлячо́к, 213
шижник, 213
ши́злик, 212
шиклик, 429
шипильняк, 89
шипíца, 89
шипичник, 89
шипешник, 89
ши́тик, 407

- шлякоть, 336
Шоговара, 222
Шогогора, 222
шóгра, 304, 305
шогра, 304, 305, 307, 428
шóгра, 307
Шокша, 347
шóльга, 123, 124
шольга, 124, 415, 416, 427, 429
шольдга, 416
шóльдига, 124
шольдига, 415
шóльник, 124
шольник, 425
шóрпа, 381
шорпáк, 381
шорпак, 382
шорпакí, 382
шорпаки, 382
шохра, 304, 307
шохра, 305
шóхра, 307
шрянда, 337
шуг, 348, 349
шуга, 313, 350, 417
шúга, 347–349
шугá, 348–350
шúгá, 349
шугóй, 348
шуй, 348
шуйгá, 348
шук, 348
шуком, 348
шультá, 124
шуня, 47
шурпакí, 382
шурпачí, 382
шух, 348, 349
шúшка, 313
шúя, 349
щéльга, 308
щельга, 417, 426, 429
щельгах, 308
щельгу, 308
щипíчник, 89
щипичник, 89
щольдига, 429
щупа, 301
щúпа, 404
щупы, 301
Щучья лахта, 250
Юг, 309
юг-, 309
юг, 309
Юга, 309
юга, 351
юга, 51, 309, 427, 431
Юги, 309
юдать, 351
юдать, 351
юдега, 350
юдега, 351, 354, 427, 429
Юкова, 309
Юкса, 309

- юлейдать, 353
юлейдать, 415
юнгáч, 130
юнгач, 423
юнда, 54
юра, 279, 280
юрá, 353
юрайдать, 352
юрандaть, 352
юрандaть, 352, 417, 429
юрахтaть, 352
юрахтaть, 413, 417
юрíк, 124
юрíк, 125, 280, 416, 430
юрíка, 280
юрíки, 124
юрíки, 124, 280
юрíть, 353
юрíчина, 280, 425
юрíчины, 280
юркaть, 353
юрнуть, 353
юрондaть, 353
юта, 300
- ямная пaлья, 182
ямный сíг, 170
Ямсельга, 292
Янг-, 311
янга, 309–311, 424, 427
Янга, 310
Янгáлово, 310
Янгболото, 311
Янгимское болото, 311
- Янгозеро, 310
Янгосорка, 310
Янгосорь, 310
Янгосорье, 310
Янгосорье, 310
янгочка, 310
Ярглойда, 244
ярмега, 354
ярмега, 354, 355, 415, 417,
424, 426, 430
ярпьяк, 357
Яугансельга, 292